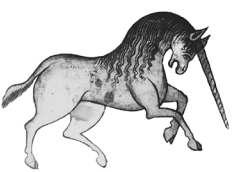
Институт славяноведения РАН



Институт славяноведения РАН

Б. Н. Флоря

РОССИЯ
И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Москва «ИНДРИК» 2019

УДК 94(47)
Ф 73

Издание выполнено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 19-19-00030д, не подлежит продаже)

Исследование осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
и Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 16-01-50070)

Флоря Б.Н.
Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. —
М.: Индрик, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-91674-545-0

Монография представляет собой итог всестороннего исследования политических и культурных контактов между Россией и восточнославянскими землями Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII в., выполненного на материале различных источников. Исследование доказывает неправильность односторонних и идеализирующих представлений о характере таких контактов и демонстрирует, какое значение имели эти контакты для обеих сторон, какие факторы содействовали, а какие препятствовали их развитию. Книга также дает ответ на вопрос, почему перелом в развитии этих контактов, приведший к воссоединению Украины с Россией, пришелся на конец 40-х гг. XVII в. В монографии показана специфика контактов между родственными и культурноблизкими общностями, долго существовавшими в разных исторических условиях.

© Текст, Флоря Б.Н., 2019
© Оформление,
Издательство «Индрик», 2019

ISBN 978-5-91674-545-0

Оглавление

Введение 7

Глава 1 Восточнославянские земли Великого княжества Литовского и Польского королевства и Россия во второй половине XV — XVI в. 13

Глава 2 Россия и «русские» земли Речи Посполитой в последней трети XVI — начале XVII в. 31

Глава 3 Восточнославянские земли Польско-Литовского государства и Россия в годы Смутного времени 65

Глава 4 Первые контакты восточнославянских земель Речи Посполитой с Россией по окончании Смутного времени 93

Глава 5 Россия и духовенство Киевской митрополии в первой половине 20-х годов XVII в. 99

Глава 6 Россия, Киевская митрополия и казачество во время восстания 1625 г. 131

Глава 7 Духовенство Киевской митрополии и Россия во второй половине 20-х годов XVII в. 155

Глава 8 О запрете «литовских книг» 181

Глава 9 Россия и запорожское казачество во второй половине 20-х годов XVII в. 211

Глава 10 Россия и шляхта Речи Посполитой на русской службе (10-е — 20-е годы XVII в.) 221

Глава 11 Россия, Киевская митрополия и запорожское казачество накануне Смоленской войны 245

Глава 12 Смоленская война 269

Глава 13 Православное духовенство Киевской митрополии и Россия (середина 30-х — 40-е годы XVII в.) 289

Глава 14 Россия и запорожское казачество в 30-х — 40-х годах XVII в. 327

Глава 15 Шляхта Речи Посполитой на русской службе (30-е — 40-е годы XVII в.) 349

Глава 16 «Служилые черкасы» в России первой–второй четверти XVII в. 359

Глава 17 Исторический поворот: Богдан Хмельницкий и Россия в 1648–1649 гг. 429

Глава 18 Россия и духовенство Киевской митрополии в первые годы восстания Хмельницкого 455

Заключение 462

Указатель имен 467

Введение

В истории Восточной Европы XVII в. очень важным и крупным событием, повлиявшим на исторические судьбы всего региона, стало воссоединение Украины с Россией в 1654 г. Ученых, занимавшихся историей региона, уже в XIX в. серьезно интересовал вопрос, подготовили ли, если — да, то в какой степени, это событие контакты культурные и политические восточнославянских земель Польско-Литовского государства с Россией в конце XVI — первой половине XVII в.

Исследователи XIX — начала XX в. уделили немало сил изучению сведений о таких контактах, но их внимание привлекали прежде всего контакты между Россией и православным духовенством Киевской митрополии. В научный оборот был введен обширный материал о многочисленных посольствах, направлявшихся в Москву с просьбами о помощи и поддержке в противостоянии враждебной политике властей Речи Посполитой. Были собраны и сведения о массовой эмиграции в Россию духовных лиц из Киевской митрополии, начат сбор сведений о распространении в России изданий православных типографий на «русских» землях Речи Посполитой. В свете всех этих материалов и наблюдений православное духовенство Киевской митрополии выступало как главная сила, которая своими действиями подготовила решения Переяславской рады. Но здесь возникали требовавшие решения вопросы. Дело не только в том, что в годы, непосредственно предшествовавшие воссоединению, источники показали определенное ослабление межцерковных связей. Церковь сама не обладала силами, которые

могли бы добиться и принятия, и осуществления ответственных военно-политических решений, сделавших возможным воссоединение. Такой силой, как известно, было казачество, создавшее в середине XVII в. особое военно-политическое объединение — гетманство, принявшее соответствующие решения в Переяславе. Между тем отношения между казачеством и Русским государством в то время по существу не были исследованы. Ряд введенных в оборот свидетельств, относящихся к разным хронологическим моментам, не давали связной картины, и к тому же отсутствовал их специальный анализ.

В советской историографии сложилось иное положение. После Второй мировой войны были предприняты важные усилия как для розыска источников, так и для расширения проблематики. При этом изучение межцерковных контактов было прервано, хотя возможности для изучения этого аспекта проблематики были далеко не исчерпаны. Продолжался только сбор и анализ сведений о распространении в России западнорусских печатных изданий. Главное внимание было обращено на контакты казачества с Русским государством. Исследователи выявили в архиве русского военного ведомства — Разрядного приказа — много свидетельств, проливающих свет на эту сторону дела. Был введен в оборот обширный документальный материал о переселении на русскую территорию участников казацкого восстания 1637–1638 гг. и их устройстве на новом месте. При изучении документов 20-х — 40-х гг. XVII в. был выявлен целый ряд свидетельств о возникавших в казацкой среде в условиях острых конфликтов с органами власти Польско-Литовского государства планах «отъехать» от Речи Посполитой к Русскому государству вместе с «городами». Эти свидетельства убедительно показывали, что решения, принятые в Переяславе, не были результатом случайного стечения обстоятельств. Вместе с тем при изучении этих обстоятельств закономерно возникал вопрос, почему, если такие планы в казацкой среде постоянно возникали и обсуждались, ни разу не было предпринято серьезной попытки их осуществить. Ответа на такой вопрос

советская историография не давала, что, по крайней мере отчасти, было связано с воздействием цензуры.

Важным недостатком советской историографии темы было представление отношений двух обществ — восточных славян Речи Посполитой и жителей и власти России — как постоянного и гармоничного сближения. Между тем взаимодействие двух обществ, обладавших сознанием этнического родства и культурной близости, но сформировавшихся и длительное время функционировавших в разных исторических условиях, не могло осуществляться без сложностей, а в определенный момент без возникновения конфликтных ситуаций. Между тем эти сложности в советской историографии обходились молчанием. Приводился материал об усилиях, затраченных на устройство жизни казаков-переселенцев на новом месте, но ничего не говорилось о конфликтах переселенцев с представителями русской власти на местах, хотя некоторые сведения о таких конфликтах присутствовали в дореволюционной литературе.

В современной украинской и польской историографии именно на такие сложности и конфликтные ситуации и обращается в первую очередь внимание. Формулируются положения, что в представлениях казаков об окружающем мире, их «стратегии» Россия не занимала никакого важного места. Предлагается также не придавать значения стремлениям православных духовных лиц поддерживать контакты с Россией. Они, якобы, были заинтересованы только в получении материальной поддержки, и других мотивов у них не было.

Такая историографическая ситуация позволяет наметить задачи исследования темы.

Во-первых, следует продолжить исследование межцерковных связей. Здесь исследования есть смысл вести по двум направлениям. Во-первых, следует подвергнуть анализу тексты обращений духовных лиц из Киевской митрополии в Москву. Их анализ позволит выяснить, каково было место России в их представлениях об окружающем мире и чего они ожидали от Москвы в разные периоды отношений с русской церковной и светской властью.

Во-вторых, следует рассмотреть к настоящему времени достаточно обширный материал о распространении в русском обществе и западнорусских печатных изданий, и рукописных текстов и реакции на них представителей разных кругов русского общества.

Для изучения этого аспекта проблематики много было сделано уже в советское время, а в последние десятилетия много нового внесли исследования Т.А. Опариной, А.А. Булычева, М.А. Корзо, Н.В. Савельевой. Это дает возможность выяснить в полной мере, как складывались и развивались отношения между православным духовенством Киевской митрополии и русской властью и русским обществом.

Что касается взаимоотношений русской власти и казачества, то, помимо поиска новых свидетельств об их контактах, необходимо рассмотреть эти свидетельства в сопоставлении с анализом сохранившихся свидетельств о представлениях казаков о их месте в окружающем мире и о тех целях, которых они хотели бы достигнуть. Богатый материал «расспросных речей» людей, принадлежавших к этой среде, сохранился в разных коллекциях Российского государственного архива древних актов и дает возможность выяснить эту сторону дела. Такое исследование и даст возможность ответить на вопрос, каково было место России в представлениях и планах казачества 20-х — 40-х гг. XVII в. и почему в конце 40-х гг. XVII в. Россия в этих представлениях выдвинулась на первый план. При всестороннем рассмотрении взаимоотношений России и запорожского казачества важным представляется и анализ данных о положении казаков-переселенцев на территории России, особенно в то время (с конца 30-х гг. XVII в.), когда такой выезд на русскую территорию стал массовым. При этом следует в равной степени рассматривать и проявления сотрудничества, и конфликтные ситуации, по каким причинам они возникали и как они преодолевались в разных местах. Переселенцы поддерживали контакты со своими земляками в Польско-Литовском государстве, и сведения о их жизни на новом месте влияли на отношения запорожских казаков к России.

Однако не только казаки переселялись в Россию. Свидетельства источников показывают, что уже во второй половине XVII в. началась, а затем продолжалась миграция шляхты в Россию на царскую службу. Этому явлению сравнительно недавно стали уделять внимание. Между тем без учета этого фактора история контактов двух обществ в конце XVI — первой половине XVII в. не может быть полностью показана. В общении и с казаками, и со шляхтой, пришедшими в Россию, и русская власть и русское общество должны были накопить определенный опыт, который в дальнейшем мог быть использован при контактах с разными группами населения на будущих украинских и белорусских землях.

Обширный документальный материал, отложившийся в архивах русских государственных учреждений XVII в. (в его состав входят и упомянутые выше «расспросные речи»), печатные и рукописные тексты, описи книжных собраний XVII в., владельческие записи на книгах содержат достаточно данных для поисков ответа на поднятые при изучении темы вопросы.

ГЛАВА 1

Восточнославянские земли Великого княжества Литовского и Польского королевства и Россия во второй половине XV — XVI в.

Характер контактов между разными частями восточных славян, разделенными теперь политическими границами, зависел от воздействия разных факторов, влиявших на их развитие в разных направлениях.

Ряд важных факторов содействовал сохранению и развитию контактов. Так, сохранялось представление, что «русские» по обе стороны границы, отделявшей Русское государство от держав Ягеллонов, принадлежат к одному народу. Это представление нашло ясное выражение даже в высказываниях польских хронистов XVI в.[1] Было налицо и представление о том, что все «русские» говорят на одном языке. Хотя реально уже во второй половине XVI в. стали очевидны достаточно заметные языковые отличия, они не воспринимались как свидетельство существования разных языков. Представление о том, что все восточные славяне говорят на одном языке, сохранялось в XVII в. В 20-х гг. XVII в. униатский митрополит Иосиф Рутский писал, что у жителей «Московии» и «русских» в Речи Посполитой один литературный язык, а разговорный отличается, как язык жителей Рима от языка жителей Бергамо[2]. Существовавшие языковые различия, впрочем,

---

1 См. об этом: *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья и раннего Нового времени // Россия — Украина: История взаимоотношений. М., 1997. С. 13–14.

2 Epistolae Josephi Velamin Rutskyj metropolitae kioviensis catholici (1613–1637). Romae, 1956. N 58. S. 112.

не были столь значительными, чтобы серьезно мешать общению «русских» по обе стороны границы.

Сохранялась и память об общем существовании в рамках Древнерусского государства. Память эта поддерживалась не только благодаря чтению летописей, но и благодаря влиянию героического эпоса о Владимире киевском и его богатырях, среди которых видное место занимал Александр (Алеша) Попович из Ростова и Илья Муромец. В конце XVI в. в Киеве была окружена почитанием гробница Ильи Муромца в Киево-Печерском монастыре[3].

Для общения между отдельными частями восточных славян имело значение, что все они были православными, сохраняли духовную связь с традициями восточнохристианского культурного круга.

Вместе с тем с середины XV в. прослеживается действие факторов, которые вели к ограничению и осложнению связей между двумя ветвями восточных славян.

Первым событием, оказавшим негативное влияние на развитие контактов, стало отделение церковных учреждений на восточнославянских землях Великого княжества Литовского и Польского королевства от общерусской митрополии с центром в Москве и образование новой Киевской митрополии. Это событие привело к разрыву официальных и ослаблению других межцерковных связей. От конца XV — XVI в. не сохранилось никаких свидетельств о контактах между иерархами обеих митрополий и очень мало свидетельств о поездках делегаций духовенства из одной митрополии в другую. Имевшие место в XVI в. поездки монахов некоторых киевских монастырей (например, Киево-Печерского) в Москву были связаны с желанием получить доходы от имений, оказавшихся на территории Русского государства, или какую-либо компенсацию за них[4].

---

[3] *Астахова А.М.* Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец / Подг. текстов, статьи и комментарии А.М. Астаховой. М.; Л., 1958. С. 407–408.

[4] *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 11–12.

В истории отношений между будущей Великороссией и «русскими» землями в составе Великого княжества Литовского гранью стали последние десятилетия XV в., когда образовалось единое Русское государство и его правители выступили с притязаниями на то, чтобы все «русские» земли на территории Восточной Европы вошли в состав этого государства. О том, как конкретно складывалась такая программа, речь пойдет ниже. Здесь хотелось бы отметить наличие важных предпосылок для ее выдвижения в сознании формирующегося великорусского общества. Речь при этом должна идти не только о традиции летописных сводов, создававшихся в XV в. на территории Северо-Восточной Руси, начинавшихся с подробного повествования об историческом единстве восточных славян в рамках государства Владимира и Ярослава Мудрого, содержавших указания на родственную связь с Ярославом правителей Владимиро-Суздальской земли — предков московских государей и сведения о выдающейся роли этих правителей в общерусских делах вплоть до татаро-монгольского нашествия. Не менее (а может, более) важное значение имеют наблюдения над развитием русского героического эпоса в XV — начале XVI в. Исследование известий о таком герое русского эпоса, как Александр (Алеша Попович)[5], показало важные изменения характера этой традиции на протяжении рассматриваемого периода: происходит объединение героев и сюжетов, первоначально связанных с разными землями и разными историческими моментами, вокруг одного центра и одной эпохи — времени правления в Киеве Владимира «Красное Солнышко». Значение этих наблюдений не ограничивается тем, что они показывают, как процесс объединения русских земель вокруг одного политического центра — Москвы — отразился на эволюции эпической традиции. То важное обстоятельство, что объединение эпических сюжетов произошло вокруг Киева эпохи Владимира Святославича, показывает, что не только для образованных читателей древнерусских летописей, но и для гораздо более широких

---

5 *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7.

общественных кругов образование Русского государства означало восстановление и продолжение Древнерусского государства. При таком восприятии действительности не только перед властью, но и перед всем обществом закономерно возникал вопрос о присоединении к России тех земель, которые некогда входили в состав Древнерусского государства. Материал посольских книг позволяет четко выделить и этапы формирования русской внешнеполитической программы, и ее обоснование. Первым симптомом перемен стало принятие Иваном III титула «всея Руси» в грамотах, выходивших из великокняжеской канцелярии (вероятно, сразу после присоединения Новгорода)[6]. В 1490 г. в текст австро-русского договора было внесено обязательство помогать Ивану III, когда он начнет борьбу за возвращение Киева и других «нашего государства русских земель»[7]. В 1493 г. титул «всея Руси» был включен в грамоты, направлявшиеся в Великое княжество Литовское[8].

Смысл этого шага был раскрыт во время русско-литовских переговоров 1503–1505 гг., когда было заявлено о праве Ивана III на все «русские земли»[9]. Западные границы этих притязаний были окончательно конкретизированы во время переговоров 1563–1564 гг., когда было сказано о правах Ивана IV на «русские» города, входящие в состав не только Великого княжества Литовского, но и Польши, включая наиболее западный из них — Перемышль[10].

Краткое, но очень ясное обоснование этих требований было дано на переговорах 1503–1504 гг., когда русские представители заявили, что не могут заключить с Великим княжеством Литовским «вечного мира», так как великий князь

---

6 *Кучкин В.А.* О времени написания Буслаевской псалтыри // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 223–224.

7 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I. Стб. 37.

8 *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 305, 317.

9 Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 460.

10 Там же. СПб., 1899. Т. 71. С. 260.

литовский «держит» за собой «отчину» Ивана III. «Вся Русская земля, — заявляли эти представители от имени Ивана III, — Киев и Смоленеск и иные городы, ... из старины от наших прародителей наша отчина»[11]. Ивану III, таким образом, по праву должны принадлежать земли, которыми законно владели его предки. Он имел на них право, являясь, в отличие от литовских князей, прямым потомком Владимира и Ярослава. В такой точке зрения нашло отражение характерное для средневековой идеологии воззрение, отождествлявшее ту или иную страну с собственностью правящей в ней династии.

Вместе с тем сделанное заявление нельзя ограничивать только провозглашением исключительных прав правящей династии. Помещенное в одном ряду с заявлениями о том, что литовские князья должны править в Литве, а польские короли — в Польше, оно означало также, что «русский народ» подобно литовцам и полякам должен иметь «свое» государство во главе со «своей» династией — потомками его традиционных государей[12].

На эту внешнеполитическую программу уже во время ее формирования стали накладываться представления о особой роли Русского государства как единственной самостоятельной православной державы в судьбах православного мира, об ее обязанности освободить православных, находящихся под властью иноверных правителей. Наиболее близкими такого рода православными были православные «русские» жители Великого княжества Литовского и Польши, подчиненные власти католических правителей. Показательно в этой связи описание присоединения Смоленска в официальном московском летописании. «Весь народ града Смоленска, малые и велици» вышли навстречу Василию III, «благодарственныа испущающе гласы, избавльшеся злыа латинскиа прелести и насилия ... возрадовашася своему истинному пастырю»[13]. Здесь в неразрывной связи выступает возвращение под власть «истинного» государя и избавление от латинской «прелести».

---

11 Сб. РИО. Т. 35. С. 460.

12 См. подробнее: *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 540–541.

13 Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 163.

Обоснованию политики «собирания» русских земель вокруг Москвы служило определенное изображение исторического прошлого, излагавшееся и в декларациях политиков, и в сочинениях на исторические темы. И в тех, и в других подчеркивалось историческое единство древнерусских земель не только под властью Владимира и Ярослава, но и под властью их законных преемников — владимирских правителей и прямых предков великих князей московских. Наиболее тщательно такое положение обосновывалось в главном историческом труде эпохи Ивана IV — «Степенной книге». В Киеве правил Юрий Долгорукий, «раздая грады» в управление членам княжеского рода[14]. Правил всеми русскими землями и его сын Всеволод, державший, по утверждению «Степенной книги», на столе в Киеве своего сына Святослава[15]. После нашествия Батыя русскими землями стал править Ярослав Всеволодович, и к нему «в Суждальскую землю» приходили «галичане волыньстии, кияне, чрьниговци» и жители других земель[16]. В таком памятнике, как созданное в Москве «родословие литовских князей», утверждалось, что и правнук Ярослава Всеволодовича, сидевший в Москве великий князь Юрий Данилович, продолжал осуществлять верховную власть над русскими землями, посылая собирать дани на землю Киевскую «и обь сю страну Меньска»[17]. Законным, наследственным государям русских земель противопоставлялись литовские правители — князь Гедимин и его потомки. В «Сказании о князьях владимирских» Гедимин изображался как лицо низкого происхождения, которое захватило власть, пользуясь «руськых князей несъгласием и междуусобными браньми», присвоив средства, которые он должен был собрать для великого князя[18].

---

14 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. I. М., 2007. С. 416.

15 Степенная книга... Т. I. С. 453–454.

16 Там же. С. 486.

17 *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 179.

18 Там же. С. 179–180.

Тем самым власть Гедимина оказывалась вдвойне незаконной: потому что он не имел права на власть, и потому, что он захватил ее с помощью незаконных средств.

Незаконными были и действия преемников Гедимина, которые заняли «русские земли» «неправдами» и «израдою»[19]. Понятие «израда» далее раскрывается. В Москве признавали, что при великом князе литовском Витовте «приступиша к нему всеи князи пограничные с вотчинами»[20]. Но такой поступок был «израдой» — изменой по отношению к верховому сюзерену — великому князю московскому, который и наделил их этими землями и без согласия которого они не могли этими землями распоряжаться: «Предки государей наших которых слуг своих жаловали городы, и они въ их государьские невзгоды изменным обычаем отъезжали»[21].

Этот текст отражает ту важную особенность представлений о прошлом, когда полноправным собственником считался лишь великий князь — глава княжеского рода, а остальные могли быть лишь «слугами», державшими от него земли.

Такие представления о характере отношений между монархом и его подданными были тесно связаны с отразившимся в «Степенной книге» и обосновываемым в ней представлением, что только неограниченная власть монарха («самодержавство») может быть гарантией благополучия и процветания Руси. Ее ослабление вело к смутам и упадку.

Киев был историческим центром Руси, его столицей, но когда его жители, «самовластием шатахуся», стали призывать и низлагать князей и здесь установилось «нестройно и мятежно и строптивно державство», то Киев пришел в упадок и центром Руси стал Владимир на Клязьме, а затем — Москва[22]. Ивану III составители «Степенной книги» ставили в заслугу, что он подчинил новгородцев «и самовольство их упразднил» «и учини их послушны и благопокорны»[23].

---

19 Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 579; СПб., 1899. Т. 71. С. 240.
20 *Дмитриева Р.П.* Сказание... С. 181.
21 Сб. РИО. Т. 71. С. 108.
22 Степенная книга... Т. I. С. 413, 415–416.
23 Там же. С. 470.

Могла ли и в какой мере система взглядов, обосновывавшая политику московских правителей, воздействовать на общество «русских» земель, входивших в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства?

Следует иметь в виду, что изображение прошлого, которое давала официальная историография Великого княжества Литовского, мало могло удовлетворить социальные верхи «русских» земель этого государства. Созданная в первых десятилетиях XVI в. «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского» описывает отношения Литвы и «русских земель» как историю их завоевания литовскими князьями.

Первый шаг сделал князь Монтивил, который послал войско в земли современной западной Белоруссии, опустошенные Батыем, поставил там города и стал там княжить. В этом рассказе, правда, не говорится ничего о поведении местного населения, брошенного бежавшими от татар князьями[24]. В последующем тексте уже определенно говорится о том, как князь Мингайло, разгромив полоцкое войско, подчинил себе Полоцк, а новое поражение привело к установлению литовской власти в Пинске и Турове[25]. В повествованиях о правлении Гедимина также говорилось, что бояре сначала Волыни, а затем — Киевской земли подчинились этому князю, когда их войско было разбито, а их правители бежали[26]. Такое изображение прошлого соответствовало интересам литовской знати, отстаивавшей свое исключительное право занимать высокие административные посты в Великом княжестве Литовском.

Однако следует иметь ввиду, что возникавшее при этом идейное противоречие смягчалось политической практикой. В первых десятилетиях XVI в. представители «русской» знати Великого княжества Литовского уже заняли если не выдающееся, то всё же заметное место в составе формирующейся общегосударственной элиты. С конца XV в. начал действовать

---

[24] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 35. М., 1980. С. 129.

[25] Там же. С. 130.

[26] ПСРЛ. Т. 35. С. 95–96.

общегосударственный парламент — сейм, в котором стали участвовать в решении важных вопросов дворянские послы из разных областей государства, в том числе и из «русских» земель. Сохранившиеся в большом количестве «петиции», подававшиеся участниками сеймов монарху и отражавшие стремление всего дворянского сословия государства (независимо от этнической принадлежности), свидетельствовали о стремлении дворянства к расширению своих прав и привилегий за счет компетенции государственной власти, в частности благодаря переходу ряда функций государственного аппарата в руки выборных органов дворянского самоуправления. Для так настроенного дворянства московские порядки с их достаточно жестким подчинением сословий власти монарха не могли быть привлекательными. К этому следует добавить, что таким интересам дворянства больше отвечало существование в государстве выборной монархии. От монарха, нуждавшегося в избрании, можно было добиваться всё новых прав и свобод. Такая цель была достигнута, когда последний представитель династии Ягеллонов Сигизмунд II Август отказался от своих наследственных прав на литовский трон. В этих условиях манифестация наследственного права московского монарха на обладание «русскими» землями не могла вызвать у дворянства этих земель положительного отклика.

На дворянство «русских» земель Великого княжества Литовского гораздо большее впечатление должны были производить утверждения польских хронистов, что дворянство присоединявшихся к Польше земель приобретало широкие права и привилегии, принадлежавшие польской шляхте. Особенно значимым в этом плане был пример дворянства Галицкой земли, уравненной в правах с польской шляхтой уже в XV веке. Неудивительно, что в середине XVI в. дворянство Великого княжества Литовского поддержало планы объединения Великого княжества Литовского и Польского королевства в единое государство — Речь Посполитую, которые осуществились при заключении Люблинской унии 1569 г.

В процессе подготовки и осуществления унии произошло уравнение в правах всех слоев дворянства независимо от этнической и религиозной принадлежности. К этому

следует добавить, что в XVI в. на территории и Великого княжества Литовского, и Польши постепенно утвердился режим довольно широкой веротерпимости, распространявшийся не только на православных, но и на сторонников разных течений Реформации. Православные в эти годы не имели оснований жаловаться на насилия со стороны «латинян». Таким образом, у дворянства «русских» земель Речи Посполитой не было каких-либо значимых стимулов для позитивной реакции на внешнеполитическую программу Москвы.

Положение другой важной части общества — городского населения, мещанства — было иным, чем положение дворянства. Оно не имело своих представителей ни в органах власти, ни в сейме, не являясь частью «политического народа». Однако уже к концу XV в. города Великого княжества стали получать самоуправление, основанное на нормах магдебургского права. Таким самоуправлением города на территории Русского государства не обладали. У мещан были основания опасаться за судьбу своих новых прав в случае присоединения к России.

Неудивительно, что во время русско-литовских войн времени Василия III, как показал в своем исследовании М.М. Кром[27], и дворянство, и городское население Великого княжества Литовского были лояльными по отношению к «своему» государству. Смоленск, жители которого, по утверждению официального летописца, радовались, вернувшись под власть «истинного пастыря», Василию III удалось присоединить лишь после трех военных походов с напряжением всех сил, а значительная часть жителей города после присоединения была переселена в Москву, как и многие смоленские бояре[28].

Отголоском этих событий стала похвала князю Константину Острожскому[29], православному «русскому» магна-

---

27 *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. Ч. 1. Гл. 4; Ч. 2. Гл. 1–3.

28 *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой... С. 255–256.

29 ПСРЛ. Т. 35. С. 125–127.

ту, командовавшему армией Великого княжества в битве под Оршей в 1514 г., когда он разбил армию Василия III. Автор похвалы обличал московского великого князя за «ненасытную утробу лихоимства», побуждавшую его посягать на чужую «отчину и дедину», и прославлял подвиги «русских» и литовских воинов, разгромивших московскую армию, подвиги которых он уподоблял подвигам соратников Александра Македонского. Для конфессиональных отношений, складывавшихся в Великом княжестве Литовском, характерно, что православный автор «Похвалы», неоднократно подкреплявший свои суждения цитатами из восточных отцов, нашел нужным сравнить подвиги воинов Константина Острожского с подвигами рыцарей ордена иоаннитов на Родосе. Сама победа над русским войском представлялась автору «Похвалы» столь богоугодным делом, что, обращаясь к своему герою, он восклицал — «самого божьяго града Иерусалима достоин еси владети».

Текст «Похвалы» представляет интерес и как свидетельство лояльности по отношению к «своему» государю со стороны православного духовного лица — представителя той части «русского» общества, которая как будто по определению должна была выиграть с переходом под власть московского государя. Между тем это свидетельство не единично. Показательно в этом плане поведение смоленских епископов в период борьбы за Смоленск. Так, епископ Иосиф Солтан (впоследствии киевский митрополит) получил пожалование от великого князя литовского за активное участие в обороне Смоленска от русских войск в 1502 г., а один из его преемников, Варсонофий, в 1514 г. стал организатором заговора, целью которого было возвращение Смоленска под власть великого князя литовского[30].

Положение никак не изменилось к лучшему в правление Ивана IV. Развитию контактов никак не способствовала многолетняя Ливонская война, а в восточнославянском обществе

---

[30] *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. IV. Ч. 1. С. 86; Кн. V. М., 1996. С. 99; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой... С. 220, 237–238.

Речи Посполитой формировался негативный образ России под воздействием рассказов об опричных репрессиях, которые приносили люди, искавшие спасения в соседней стране. Самым известным из них был кн. А.М. Курбский. Такие рассказы находили затем свое место на страницах публицистических сочинений и исторических трудов, которые становились во 2-й половине XVI в. распространенным чтением общественных верхов. Примером может служить изданное в 1578 г. в Кракове «Sarmatiae Europae descriptio» А. Гваньини, в котором целый раздел «Описание Московии» занял рассказ о тирании Ивана IV[31]. В 1611 г. это сочинение было переведено на польский язык и стало доступным самому широкому кругу читателей.

Все это влияло отрицательным образом и на характер отношения восточнославянского общества Речи Посполитой к России, и на развитие связей между «русскими» по обе стороны границы.

Определенное значение имело также то обстоятельство, что Люблинская уния привела в конце XVI в. к определенному улучшению положения «русского народа» на землях Киевской земли, Брацлавщины и Волыни, вошедших по акту унии в состав Польского Королевства. Добиваясь такого решения, правящие круги Польши рассчитывали сделать эти земли предметом феодальной колонизации польской знати, что со временем и произошло. Однако произошло это далеко не сразу. Когда связи с центрами власти в Великом княжестве Литовском оказались разорваны, главной силой в регионе в первые десятилетия после Люблинской унии стала местная «русская знать». Своеобразной главой «русского народа» на этих землях стал православный магнат, кн. Константин Острожский, которого генеалогическая легенда представляла потомком галицко-волынских князей. Создавались благоприятные условия для крупных культурных инициатив в интересах «русского народа» в Речи Посполитой, о которых пойдет речь в следующем разделе работы.

---

31 *Александр Гваньини*. Описание Московии / Перевод с латинского, вводная статья и комментарий Г.Г. Козловой. М., 1997. С. 90–157.

Вместе с тем следует отметить, что и в конце XV — XVI в., когда условия для взаимодействия двух обществ были мало благоприятными, определенные связи между ними продолжали сохраняться, прежде всего в среде православного духовенства, несмотря на отсутствие официальных контактов между митрополиями.

Уже митрополит Макарий (Булгаков) обратил внимание на рукопись, хранившуюся в его время в библиотеке Литовской духовной семинарии. Это был сборник житий и служб, включавший в себя целый ряд сочинений такого работавшего в середине — второй половине XV в. в Северо-Восточной Руси книжника, как Пахомий Логофет (жития Кирилла Белозерского и митрополита Алексея, похвальное слово Варлааму Хутынскому), а также «Митрополита Феодосия сказание о чюдеси», произошедшем у гроба митрополита Алексея[32]. По бумажным знакам рукопись датируется 80–90-ми гг. XV в. Тот же исследователь отметил упоминание жития Сергия Радонежского в описи библиотеки Супрасльского монастыря 1-й половины XVI в.[33]

Уже в наше время на присутствие житий русских святых в рукописях из библиотеки Супрасльского монастыря — наиболее крупного книжного собрания Западной Руси XVI в. — обратил внимание А.И. Рогов[34]. Действительно, из библиотеки Супрасльского монастыря происходит написанный на рубеже XV–XVI вв. сборник житий, близкий по составу к рукописи, на которую обратил внимание Макарий[35]. Другой переписанный в то же время сборник включал в себя текст жития Сергия Радонежского, написанного Пахомием[36].

---

32 *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. V. М., 1996. С. 91, 387–388; *Добрянский Ф.Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки славянских и русских. Вильна, 1882. № 102. На рукописи имеется владельческая запись Жировицкого монастыря.

33 *Макарий (Булгаков)*. История... Кн. V. С. 175.

34 *Рогов А.И.* Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 327–328.

35 *Добрянский Ф.Н.* Описание... № 76.

36 Там же. № 75.

В прологе начале XVI в. из того же монастыря читалась статья о перенесении мощей митрополита Алексея «архиепископа русийского чюдотворца новаго»[37]. Можно отметить также сборник житий, написанный во второй трети XVI в., содержавший житие Дмитрия Прилуцкого, написанное игуменом Макарием в 70-е гг. XV в.[38] Речь идет о памятниках, создававшихся в Северо-Восточной Руси после разделения единой Киевской митрополии, но, несмотря на это, они получили определенное распространение в Западной Руси.

В 1569 г. в городе Корце «повелением и накладом» кн. Богуша Корецкого был переписан сборник, в который вошло житие кн. Федора Ярославского вместе со статьей о «Проявлении мощей» Федора и его сыновей Давида и Константина[39]. Очевидно, что речь идет о тексте, написанном после открытия мощей святых в 60-е гг. XV в. В том же сборнике читался текст «преставления Авраамия ростовского» — памятник, вряд ли созданный ранее второй половины XV в.

Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие в рукописях Супрасльского монастыря памятников русской агиографии XVI столетия.

Есть некоторые основания полагать, что речь должна идти скорее об особенностях формирования данного книжного собрания, а не о прекращении интереса к духовной литературе, создававшейся в Северо-Восточной Руси.

Так, обращает на себя внимание помещение в «Уставе церковном» 60-х годов XVI в. памятей двух юродивых — Максима Московского и Исидора Ростовского[40], святых, культ которых получил официальное признание в Московской митрополии в середине XVI в.

Гонения времени Ивана IV имели не только те негативные последствия, о которых говорилось выше. В это время видное место в общественной жизни Западной Руси заняли

---

37 Там же. № 98.
38 Там же. № 104.
39 Там же. № 153.
40 *Добрянский Ф.Н.* Описание... № 204.

такие выдающиеся представители великорусского общества, как кн. АМ. Курбский и глава нестяжателей старец Артемий. Тогда же началась деятельность в этом регионе первопечатника Ивана Федорова.

К этому времени относится ряд свидетельств о распространении в Западной Руси переводов сочинений Максима Грека и его круга, вероятно, благодаря деятельности его русских последователей, Артемия и Курбского. Переводы житий Симеона Метафраста, выполненные Максимом Греком, вошли в состав собрания житий, подготовленного в резиденции Курбского в Милановичах[41]. Стали известны выполненные Максимом Греком и старцем Силуаном переводы «Бесед на Евангелие от Матфея» и «Бесед на Евангелие от Иоанна» Иоанна Златоуста[42]. Попали в Западную Русь рукописи посланий Максима Грека Ф.И. Карпову, направленные против взглядов латинян, которые позднее, в 1620 г., были напечатаны в Киеве[43].

Для рассматриваемой темы важное значение имеют сведения о русских святых в «Палинодии» Захарии Копыстенского[44]. Здесь перечисляется целый ряд святых, канонизированных уже после разделения митрополии. Здесь и знаменитые деятели русской церкви второй половины XV в. (Пафнутий Боровский, Иосиф Волоцкий, Зосима и Савватий Соловецкие), но и люди, жившие уже в XVI столетии, — Гурий и Варсонофий казанские, Василий Блаженный и даже причисленный к лику святых в 1606 г. царевич Дмитрий. Очевидно, Киево-Печерский монастырь, с которым Захарий Копыстенский был связан, в отличие от Супрасльской обители проявлял интерес и к памятникам русской агиографии XVI в.

---

41 *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 48–49–53.

42 Там же. С. 257–258; *Мицько І.З.* Острозька слов'яно-греколатинська академія. Київ, 1990. С. 127–128.

43 *Запаско Я., Ісаевич Я.* Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1 (1574–1700). № 132. С. 41.

44 Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1878. Т. IV. Стб. 849–855.

Можно привести ряд свидетельств того, что имя великорусского святого не было для западнорусского читателя просто номером в каком-то перечне. Ссылки на житие Сергия в разных местах «Палинодии»[45] говорят о том, что Копыстенскому этот текст был хорошо знаком. Известно и свидетельство Курбского о почитании Дмитрия Прилуцкого в семье кн. Константина Острожского[46]. В Галицкой земле в 20-е гг. XVII в. существовал монастырь Зосимы и Савватия Соловецких, и его посланец хотел получить в Москве иконы с изображениями этих святых[47].

Не следует переоценивать ни масштаб распространения памятников великорусской агиографии, ни силу их воздействия на читателя. Но всё же очевидно, что знакомство с такого рода памятниками сформировало в сознании читателя иной, не негативный образ Руси, особенно если учесть, что в Западной Руси середины — второй половины XVI в. наблюдается упадок монастырской жизни, не было ни святых подвижников, как в России, ни посвященных им житий.

Второе важное явление в истории общения двух обществ — это распространение на землях Западной Руси памятников великорусского летописания XV–XVI вв., фиксировавших историческую память об общем прошлом восточных славян.

Здесь прежде всего следует отметить новгородский летописный свод, составленный в годы правления архиепископа Ионы, вошедший в состав сборника, составленного в Смоленске в 1495 г.[48] В Западной Руси еще и в XVII в. находился Фроловский список Новгородской IV летописи[49].

В XVI в. в Западной Руси стал известен созданный в начале столетия в Иосифо-Волоколамском монастыре «Русский хронограф» — памятник, который соединил

---

45 РИБ. Стб. 949, 1027. Т. IV.

46 Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1981. С. 388.

47 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 52 (Сношения России с Грецией), 1626 г. № 4.

48 ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.

49 ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. III–IV.

повествования о всемирной и древнерусской истории. Как писал О.В. Творогов, в основе западнорусского хронографа лежит текст, близкий к более позднему, вторичному Погодинскому виду «Русского хронографа»[50]. В XVI же веке стал известен текст «Тверского сборника» — летописной компиляции, составленной в 30-х гг. XVI в. в Ростове с использованием ряда летописей, главным образом тверских. Текст памятника и дошел до нашего времени в западнорусских списках XVII в., но появился он в Западной Руси в значительно более раннее время, так как следы его использования обнаруживаются в хронике Стрыйковского[51].

В XVII в. видный деятель униатской церкви Лев Кревза, описывая в своем сочинении «Оборона унии» исторические судьбы Киевской митрополии, вынужден был черпать свои исторические сведения из «Московской хроники» при описании событий не только XI или XIII, но и XIV–XV столетий. Поскольку в этой «Хронике» читался рассказ об аресте митрополита Исидора и его заключении в Чудовом монастыре[52], очевидно, что Кревза использовал памятник великорусского летописания, составленный после раздела митрополии.

Как видим, определенные культурные контакты, хотя достаточно ограниченные и по объему и по тематике даже и в этот неблагоприятный для контактов период, между двумя обществами бесспорно имели место, содействуя сохранению и общих традиций восточнохристианского культурного круга, и общей исторической памяти. В этот период основные влияния, как видно из приведенных фактов, шли с территории Великороссии, хотя уже в XVI в. в России получили распространение переводы Библейских книг Франциска Скорины[53].

---

50 *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 194 и сл.

51 *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 112–113. О списках памятника см.: ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. С. VII–VIII.

52 РИБ. Т. IV. Стб. 227, 230, 233.

53 Эти виленские печатные издания упоминаются в описании имущества русских монастырей.

В последние десятилетия XVI в. в отношениях двух обществ произошли важные изменения. Культурные контакты заметно расширились, и их характер существенно изменился. Возникли определенные контакты русской власти с отдельными слоями западнорусского общества (шляхтой, казачеством). Наконец, в отношении православного восточнославянского населения Речи Посполитой к России появляются новые черты, связанные с переменами в отношениях этого населения с государственной властью Речи Посполитой.

ГЛАВА 2

Россия и «русские» земли Речи Посполитой в последней трети XVI — начале XVII в.

Последняя треть XVI в. ознаменована в жизни западнорусского православного общества целым рядом крупных культурных инициатив, приведших к важным переменам в его духовной жизни и оказавших, как увидим далее, определенное воздействие и на великорусское общество.

Эти инициативы были предприняты в условиях, когда традиционное единство духовной жизни на восточнославянских землях Речи Посполитой оказалось в значительной мере нарушено с переходом части дворянства, городского населения и духовных лиц в католицизм или протестантизм различных толков. Приверженцы соответствующих учений активно пропагандировали свои взгляды. Особенно активным становилось во второй половине XVI в. воздействие приверженцев католической контрреформации.

Всё это вызвало закономерную реакцию образованных представителей православной знати, образованных духовных лиц, городских братств — объединений православных «русских» торговцев и ремесленников в крупных городах, объединивших силы для решения ряда важных задач. Речь шла о повышении образовательного уровня и духовенства, и самого восточнославянского общества, о предоставлении этому обществу славянского текста Священного Писания, об укреплении его духовной связи с традициями восточнохристианского культурного круга, о вооружении этого общества такими знаниями, которые дали бы ему возможность противостоять в полемике представителям других христианских конфессий.

Первое направление нашло свое выражение в подготовке и издании в разных центрах букварей и грамматик,

в организации новых учебных заведений, таких как школы львовского и виленского братств и «академия», организованная в 1576–1577 гг. в Остроге под патронатом кн. К.К. Острожского.

Вторая задача было успешно решена благодаря совместным усилиям книжников, собравшихся в Остроге, и первопечатника Ивана Федорова при поддержке кн. К.К. Острожского. В 1580 г. в Остроге было выпущено издание славянского текста Нового Завета, а в 1581 г. здесь же вышло полное издание славянской Библии.

Попытки укрепления связей с традициями восточной церкви находили свое выражение и в переводах неизвестных древнерусской письменности сочинений отцов церкви, и в подготовке (с обращением к греческим оригиналам) печатных изданий авторитетных, широко известных памятников. Примером первого может служить подготовка группой книжников, объединившихся вокруг А.М. Курбского, так называемого «Нового Маргарита» — собрания сочинений Иоанна Златоуста, неизвестных ранее в древнерусской письменности. Примером второго могут служить выпущенные в Остроге издания «Книги о постничестве» Василия Великого (1594) и «Маргарита» Иоанна Златоуста (1595).

Наконец, уже в 80-е гг. XVI в. появился целый ряд памятников полемической литературы. Так, около 1581 г. в Супрасльском монастыре был создан полемический ответ на сочинение иезуита Петра Скарги «Послание до латын от их же книг», в котором утверждения иезуита опровергались ссылками на свидетельства латинских отцов церкви и латинских церковных историков. В 1587 г. были написаны сочинения одного из членов Острожского кружка Г.Д. Смотрицкого «Ключ царства небесного» и «Календарь римский новый». Во втором из этих текстов доказывалось право православных русинов не подчинять свой распорядок жизни установленному папой новому календарю. Более фундаментальный характер имело первое из этих сочинений. В нем опровергалось положение, что папа является единственной главой церкви, и доказывалась несостоятельность утверждения католиков, что тяжелое положение православной церкви под властью

османов говорит о ложности православного вероучения. В следующем, 1588 г. другой острожский книжник, Василий Андреевич Малюшицкий, завершил работу над «Книжицей о единой истинной православной вере», в которой была сделана попытка охарактеризовать читателю главные отличия православия от католицизма и протестантских учений. Новый всплеск полемической литературы наступил в конце 90-х гг. XVI в., когда была заключена Брестская уния и началась борьба с ее сторонниками.

Инициативы по обновлению духовной жизни западнорусского общества предпринимались одновременно в ряде центров, однако наиболее успешно их удалось осуществить в Остроге, благодаря постоянному покровительству и материальной поддержке кн. Константина Острожского.

Одним из важных результатов предпринятых в Западной Руси культурных инициатив стало проникновение «литовских» печатных книг на русские земли.

Исследователями давно отмечено, что эти издания стали приходить в Россию очень скоро после издания[1]. Ярким примером может служить Евангелие, изданное Петром Мстиславцем в Вильно в 1575 г. Уже в 1575/1576 гг. экземпляр издания был дан вкладом в один из храмов г. Ярославля, на других экземплярах сохранились записи о вкладах 1577 и 1578 гг.[2] В 1578 г. сын боярский вологодского архиепископа дал это Евангелие вкладом в церковь Введения в Пустозере на Печоре[3].

К концу XVI в. книги «литовской» печати появились и в такой далекой северной обители, как Соловецкий монастырь. Судя по описи монастырского архива 1597 г., в монастыре находилось 9 книг «литовской» печати — это были вклады различных духовных лиц 80-х — 90-х гг. XVI в.[4] По определению ис-

---

1 *Исаевич Я.Д.* Преемники первопечатника. М., 1981. С. 143–144.

2 *Голенченко Г.Я.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. Минск, 1989. С. 263–264.

3 Издания кириллической печати в XV–XVI вв. (1491–1600 гг.). Каталог книг из собрания ГПБ / Сост. В.И. Лукьяненко. СПб., 1993. С. 150.

4 *Кукушкина М.В.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 355.

следовательницы истории библиотеки М.В. Кукушкиной, кроме двух книг Библии Скорины, это были богослужебные книги, напечатанные в типографии Мамоничей[5].

Важная особенность западнорусского кириллического книгопечатания, отличавшая его от современного московского, состояла в том, что наряду с богослужебными с самого начала стали печатать и «четьи» книги. Таково было уже напечатанное Иваном Федоровым в Заблудове «Евангелие учительное» — сборник проповедей и поучений святых отцов на все воскресные и праздничные дни, книга, предназначавшаяся как указано в самой книге, «к научению людем христианским закону нашего греческого». Просвещению паствы должны были служить и предпринятые в Остроге издания сочинений отцов церкви — Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Важно, что и эти «четьи» книги нашли своего русского читателя. Об этом говорит ряд вкладных записей 80-х гг. XVI в. на экземплярах «Евангелия учительного», напечатанного в Заблудове. К 1580 г. книга достигла восточных границ тогдашней России, когда Строгановы дали ее вкладом в церковь Троицы на р. Сылве[6].

Нашло своего читателя и «Евангелие учительное», напечатанное в Вильно В.М. Гарабурдой ок. 1580 г. Известны вклады этой книги в целый ряд обителей на Северо-Западе России. Так, можно отметить вклад этой книги в 1597/8 г. в Александров Свирский монастырь от его бывшего игумена Дионисия, в 1595 г. монастырь на Ладожском озере получил ее от своего игумена Афанасия, постриженика Валаамского монастыря. 8 января 1589 г. «Евангелие толковое» продал в Кенский монастырь под Каргополем его игумен Дионисий. В 1591 г. книгу дали вкладом к Воскресению Христову на Нижней Подоге в Верховажской волости — в приходской храм или небольшой местный монастырь[7].

Важно отметить, что на некоторых экземплярах сохранились записи владельцев — светских лиц. Так, уже

---

5 Там же.

6 *Голенченко Г.Я.* Идейные и культурные связи... С. 261–262.

7 Там же. С. 266.

1587/8 г. датирована сохранившаяся частично вкладная запись Ивана Дмитриева Бохтина[8]. В 1586/7 г. дьяк Иван Филипп. Стрешнев дал книгу вкладом в Троицкий монастырь в Свияжске[9]. Известен и экземпляр издания с владельческой надписью кн. Владимира Ив. Бахтеярова-Ростовского (так как в записи он не назван боярином, запись, видимо, была сделана до 1608 г.)[10].

Таким образом, на этом примере особенно ясно видно, что «четья» книга «литовской» печати нашла широкий и разнообразный круг читателей в разных землях Русского государства.

Меньше сохранилось вкладных записей на «Евангелии учительном», изданном в Вильно Мамоничами в 1595 г., но и они говорят о достаточно широком распространении этой «четьей» книги. Уже в 1595/6 г. книга была дана вкладом в Преображенский монастырь в Вязьме[11]. В 1597 г. прихожане дали ее вкладом в храм Иоанна Предтечи в Ярославле[12]. В 1599 г. книга была дана вкладом в Покровский монастырь на Емце[13]. И у этой книги нашлись читатели среди простых людей. В феврале 1600 г. игумен Варсонофий «променил» эту книгу «овощнаго ряду Федору Харитонову»[14].

Учительные Евангелия «литовской» печати упоминаются и в описаниях монастырских собраний. Так, в конце XVI в. «Евангелие в десть толковое печатное» имелось

---

8 *Поздеева И.В., Ерофеева В.Н., Шитова Г.М.* Кириллические издания XVI в. — 1641 г. НБ МГУ (Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в НБ МГУ). М., 2001. С. 32.

9 *Голенченко Г.Я.* Идейные и культурные связи... С. 266.

10 Кириллические издания Ростово-Ярославской земли 1493–1652 гг. / Каталог под ред. д.и.н. И.В. Поздеевой. Ярославль; Ростов, 2004. С. 42.

11 Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей лаборатории археографических исследований. Свердловск, 1990. С. 45.

12 *Голенченко Г.Я.* Идейные и культурные связи... С. 272.

13 Кириллические издания отдела редкой книги БАН. 1493–1600. Каталог. СПб., 2010. С. 114–115.

14 *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати. 1551–1600. М., 2009. С. 202.

в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря[15]. В описи имущества Соловецкого монастыря 1597 г. также отмечено «Евангелие толковое воскресное печатное» — вклад смолянина Ив. Болтаева[16]. В 1604 г. в Соловецком монастыре было уже 4 таких книги[17]. В Кирилло-Белозерском монастыре в 1601 г. имелось «9 Евангельев толковых воскресных в десть печатных»[18]. Большие обители явно нуждались в книгах такого рода. Эти печатные издания мало отличались от учительных Евангелий, известных в русской рукописной традиции[19], и это содействовало их распространению, но благодаря книгопечатанию, как представляется, должен был заметно расшириться круг читателей этих книг.

Острожские издания отцов церкви также нашли своих читателей в среде русского монашества. «Книгу о постничестве» Василия Великого (издание 1594 г.) дал в 1600 г. вкладом в Чудов монастырь его постриженик Пафнутий, архимандрит Павлова Обнорского монастыря[20]. «Книга Василеи Великии печатная в десть» отмечена в описи имущества Соловецкого монастыря 1604 г.[21] Экземпляр этого издания принадлежал и скончавшемуся в октябре 1606 г. старцу

---

15 *Дмитриева Р.П.* Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 78.

16 *Кукушкина М.В.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. Ч. 2. С. 355.

17 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 2. № 128. Л. 101.

18 Опись имущества и строений Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 123.

19 *Маслов С.И.* Кирилл Транквилион и его литературная деятельность. Опыт историко-литературной монографии. Киев, 1984. С. 82 и сл.

20 *Асафов К.М., Протасьева Т.Н., Тихомиров М.Н.* Записи на книгах старой печати XVI–XVII веков // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 279.

21 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 2. № 128. Л. 106.

Успенского Старицкого монастыря Афанасию[22]. «Маргарит» Иоанна Златоуста принадлежал архимандриту Хутынского монастыря Киприану[23] (впоследствии архиепископу тобольскому и новгородскому митрополиту). Любопытно, что даже такие «ученые» книги могли привлекать внимание простых людей. На одном из экземпляров книги Василия Великого имеется владельческая запись посадского человека из Калуги 1593 г.[24]

Большим событием в духовной жизни восточных славян стало острожское издание полного текста славянской Библии (1581). Хотя, как известно, в основу издания была положена русская рукопись — полученная от Ивана IV копия Геннадиевской библии конца XV в., но в самом Русском государстве XVI в. такие рукописи были большой редкостью, оставаясь достоянием крайне узкого круга лиц. Неудивительно, что острожское издание сразу привлекло к себе большое внимание. Уже в сентябре 1582 г. крутицкий епископ Симеон дал экземпляр издания вкладом в Иосифо-Волоколамский монастырь[25]. В начале 80-х гг. игумен Псково-Печерского монастыря Трифон купил эту книгу в Москве у «архангельского попа» Анцифора[26]. В 1590/1 г. экземпляр печатной Библии был дан вкладом в Ферапонтов монастырь[27]. В 1593 г. «Библия печатная в десть» отмечена в описании имущества Спасо-Прилуцкого монастыря[28]. Отмечен экземпляр Острожской

---

22 Описные книги Успенского Старицкого монастыря 7115–1607 г. Старица, 1911. С. 35.

23 Издания кириллической печати в XV–XVI вв. Каталог книг из собрания ГПБ... С. 237.

24 *Немировский Е.Л.* Книги... С. 194.

25 *Дмитриева Р.П.* Описи... С. 97.

26 Каталог книг кирилловской печати XVI–XVIII веков собрания библиотеки Тартуского университета и Псково-Печерского монастыря / Сост. Т.К. Шаховская. Тарту, 1991. С. 20–21. (Трифон был игуменом монастыря в 1581–1583 гг.)

27 *Поздеева И.В.* Коллекция старопечатных книг XVI–XVIII вв. из собрания М.И. Чуванова. М., 1981. С. 38.

28 Переписные книги вологодских монастырей. Исследование и тексты / Изд. подг. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова. Вологда, 2011. С. 97.

библии и в описании имущества Антониева-Сийского монастыря 1597 г.[29] Два экземпляра Библии отмечены и в описании имущества Соловецкого монастыря 1604 г. [30] А в Кирилло-Белозерском монастыре в 1601 г. было «шесть книг Библей печатных в десть»[31]. Всё это были известные обители с большими книжными собраниями, но в 1597 г. Острожская библия была дана вкладом в Сретенскую Савватиеву пустынь — небольшую обитель в Тверском крае[32]. Появилась возможность владеть такой книгой и у светских лиц. Так, 20 января 1591 г. была сделана запись о продаже книги «усолскому Камские соли кожевнику»[33]. На другой сохранилась владельческая запись «Гостиной сотни торгового человека Дружины Артемьева Переяславца»[34].

Все эти факты позволяют говорить о серьезном изменении культурных контактов между двумя обществами. Если ранее «московское» влияло на «литовское» благодаря распространению и памятников великорусского летописания, и великорусской агиографии, то к концу XVI в. есть основания говорить о начале культурного влияния западнорусского общества на великорусское.

Особое место занимает здесь вопрос о влиянии на сознание русского общества созданных в Западной Руси полемических памятников. Вопрос этот будет рассмотрен в следующей главе.

Ряд записей позволяют судить об отношении русских церковных иерархов к западнорусской книжности. Так, в 1598/9 г. дал вкладом в Чудов монастырь Служебник, изданный

---

29 *Кукушкина М.В.* Описи книг XVI–XVII вв. библиотеки Антониева-Сийского монастыря // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги БАН. М.; Л., 1966. С. 129.

30 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Колл. 2. № 128. Л. 105.

31 Опись имущества и строений... С. 129.

32 Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей лаборатории археографических исследований... С. 43.

33 *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати... С. 152.

34 *Поздеева И.В., Ерофеева В.Н., Шитова Г.М.* Кириллические издания XVI в. — 1641 г. НБ МГУ. С. 34.

в Вильно в 1583 г., Арсений Элласонский[35], ученый грек, архиепископ при Архангельском соборе Московского Кремля. Ученый грек до выезда в Россию был несколько лет учителем в школе Львовского братства, и такой его поступок не может вызвать удивления. Сохранились, однако, и свидетельства о вкладе книг «литовской печати» русскими иерархами. Выше уже упоминалась запись в описи библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря о вкладе Острожской библии епископом Симеоном Крутицким. На Евангелии Мамоничей, напечатанном в Вильно в 1575 г., из собрания Соловецкого монастыря имеется запись «владыки Филофея рязанского дачи»[36]. В начале XVII в. астраханский архиепископ Феодосий дал вкладом в некую церковь Вознесения «Книгу о постничестве» Василия Великого, изданную в Остроге в 1594 г.[37] Сам глава русской церкви патриарх Иов в 1603 г. дал вкладом в Новгородский Вяжицкий монастырь Евангелие, напечатанное Мамоничами в Вильно в 1600 г.[38]

В 1606 г., уходя на покой, патриарх Иов пожертвовал свою библиотеку родной обители — Старицкому Успенскому монастырю. В собрании был целый ряд книг «литовской печати» — не только «Евангелие тетр в десть» и Псалтырь, но и книги для чтения — «Евангелие толковое в десть», «Книга Библия в десть», «Книга Шестоднев в десть»[39].

Таким образом, культурные инициативы, предпринятые в Западной Руси, встретили живой отклик в разных слоях русского общества — от высокопоставленных членов церковной иерархии до простых посадских людей. У них, как представляется, должен был появиться (или усилиться) интерес к тому обществу, где подготавливались и выпускались в свет такие издания. Хотя мы и не располагаем прямыми

---

35 *Асафов К.М., Протасьева Т.Н., Тихомиров М.Н.* Записи на книгах старой печати... С. 279.

36 Издания кириллической печати в XV–XVI вв. (1491–1600 гг.). Каталог книг из собрания ГПБ... С. 151.

37 Кириллические издания отдела редкой книги БАН... С. 106–107.

38 Там же. С. 132.

39 Описные книги Успенского Старицкого монастыря... С. 33–34.

свидетельствами, эти издания должны были привлечь внимание и московских правящих кругов.

Эти инициативы должны были привлечь внимание к фигуре одного из главных организаторов, кн. Константина Острожского. К сожалению, в документах 80-х — 90-х гг. сохранились лишь слабые следы контактов между Острожским и Москвой, однако мы располагаем важным свидетельством о том, какое представление о роли К. Острожского в жизни Речи Посполитой существовало в Москве к концу 80-х гг. XVI в. Когда после смерти Стефана Батория в 1587 г. в Москве решили выдвинуть кандидатуру царя Федора на опустевший трон, целому ряду литовских и польских магнатов были посланы грамоты с просьбой содействовать его избранию. Грамоты составлялись по одному шаблону, от которого заметно отличается грамота, отправленная князю фактическим правителем государства Борисом Годуновым. В ней указывалось, что Острожский должен «паче и мимо всех» содействовать избранию царя, так как «ты — пан крестьянский, истинные веры крестьянские, с нами крестьяны одное веры да ещо еси непоколебим в вере крестьянской»[40].

Приобретенный Константином Острожским авторитет переносился и на изданные в Остроге книги. Как показала Т.А. Опарина, при работе группы книжников Троице-Сергиева монастыря над правкой текстов богослужебных книг в 1616–1619 гг. к ряду таких изданий обращались как к авторитетным. Авторитетным считался в этом кругу и такой антилатинский полемический памятник, как «Книжица в шести разделах» (Острог, 1598 г.), авторство которой приписывали в Москве князю Константину[41].

Оживление идейной жизни восточнославянского населения Речи Посполитой сопровождалось размышлениями о своем «русском» народе и его положении в Польско-Литовском государстве. Это было особенно актуально там, где

---

[40] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79 (сношения России с Польшей). Кн. 17. Л. 88.

[41] *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 38, 44.

восточнославянское «русское» население находилось в подчиненном неравноправном положении. «Русская» городская община Львова, объединившаяся вокруг Львовского братства, подвергалась притеснениям со стороны патрициата Львова, отказывавшего членам общины в признании за ними полноты гражданских прав. «Русские» мещане Львова остро воспринимали ситуацию, когда они подвергались угнетению «на прирожоной земли своей руською ... в томто руськом Львові»[42]. Этот конфликт уже в 90-х гг. XVI в. воспринимался в этой среде как конфликт между «русским» народом и народом «польским», который, обладая властью, подавляет и угнетает «русский» народ. В этих условиях стало складываться представление о Речи Посполитой как о государстве, в котором власть находится в руках «ляхов», использующих ее для угнетения «русских» людей, представление, которое нашло свои четкие формы в таком памятнике, возникшем в 1605–1606 гг. в среде, связанной с Львовским братством, как «Пересторога».

Именно в этих условиях Львовское братство предприняло попытку вступить в контакты с русской властью в Москве. Начало 90-х гг. XVI в. было временем тяжелых бедствий для братства. Во время пожара сгорела и разрушилась братская Успенская церковь, сгорела больница и другие постройки[43]. Братство везде искало помощи. По-видимому, возвращавшийся из Москвы тырновский митрополит Дионисий Ралли посоветовал обратиться за помощью в русскую столицу. Поездка послов братства в Москву готовилась серьезно. Послы братства везли с собой рекомендательные грамоты митрополита Дионисия, адресованные царю Федору, царице Ирине и Борису Годунову[44]. Само братство подготовило грамоты царю и главе Посольского приказа («логофету») думному дьяку Андрею Щелкалову[45].

---

[42] Цит. по: *Ісаевич Я.Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII ст. Київ, 1966. С. 102.

[43] См. Юбилейный альбом в память 300-летия основания Львовского ставропигийского братства. Львов, 1886. Т. I. № XC.

[44] Юбилейный альбом... Т. I. №№ XCI–XCIII.

[45] Там же, №№ XCI–XCIII.

Это была, конечно, не первая поездка жителей Речи Посполитой в Москву, но она существенно отличалась от предшествующих. Если ранее монахи Киево-Печерского или Николо-Пустынского монастыря приезжали хлопотать о возмещении за доходы от утраченных имений, то теперь в грамотах митрополита Дионисия и братства содержалась просьба о помощи, отправленная «русскими» жителями Речи Посполитой в Москву, за которой со временем последовали многие другие.

Сама просьба о помощи в грамоте братства, обращенной к царю, связывалась не со стихийными бедствиями, от которых пострадали храм и постройки, а с тем, что члены братства «в Польской стране» обретаются «в великих печалех», а помочь им некому, так как «вси славнии и благороднейшии и могутством силнии во иновериа различна ... падошася». В грамоте, адресованной А. Щелкалову, раскрывается, с чем были связаны упоминавшиеся в грамоте царю «печали». В ней прямо упоминались «тяжка бремена, их же тръпими суть от иноверных еретических нападений»[46]. Обращает на себя внимание наименование земли, где живут братчики, «Польской», то есть страной, где власть находится в руках поляков, и косвенное, но определенное осуждение существующих в этой стране порядков, когда православные члены братства подвергаются гонениям. Неслучайным было и указание в грамоте на отсутствие у братства патронов с переходом всех знатных людей в иные веры. Тема утраты «русским» народом в Речи Посполитой своей элиты с переходом князей и панов в другую веру — одна из главных тем братской публицистики начала XVII в.. развернуто обсуждавшаяся, в частности, в «Пересторогe». Таким образом, речь шла о помощи жертвам гонений на православных, которые не могут получить помощи в собственной стране. Представляется важным выяснить, чем братчики аргументировали свое обращение в Москву к царю Федору.

---

[46] В грамоте митрополита Дионисия также говорилось о гонениях на братчиков «благочестия ради и истины и православия» (Юбилейный альбом... Т. I. № XCI).

Начальная часть адресованной ему грамоты братства содержит развернутую характеристику царя как опоры и защитника веры. Царь выступает как «блюститель» «апостольским и отеческим преданиям православныя веры», «церкви похвала и удобрение, стена и прибежище христианом». Обширная характеристика роли и деятельности царя основана на текстах византийских писателей о роли и значении императорской власти (включая, например, известные высказывания Агапита). Возможно, эта часть грамоты основана на консультациях с Дионисием Ралли. Эта подробная характеристика закономерно заканчивалась утверждением, что такой правитель приносит «оутешение и окормление всем православным».

На этом, однако, рассуждение не заканчивается. Оказывается, что с братчиками у царя существует более тесная связь, чем с другими православными. Связано это с тем, что Федора Ивановича Бог «во многороднем племени Российском царя неподвижна от прародителей постави». Поэтому он должен прежде всего обратиться с помощью к «везде обретающимся от многоплеменитаго рода Российского, от них же и мы обретаямии во граде Лвове». Из последующего текста выясняется, кто является «прародителем», от которого Федор Иванович унаследовал свою царскую власть. Оказывая помощь братству, царь уподобится «честнаго ти царства прародителю, великому Владимиру», который крестил «весь род Российский». К высказываниям, затрагивающим эту тему, следует присоединить и читающиеся в грамоте, адресованной А. Щелкалову, слова, что братство отправляет послов «ко царю светилу росийскому».

Очевидно, что в грамоте Россия как место правления праведного и благочестивого царя Федора противопоставляется «Польской» стране, где православные жители «российского рода» подвергаются гонениям. «Род российский», который крестил Владимир, сложен по составу («многоплеменитый»), но он явно охватывает всю совокупность восточных славян, живущих и в России, и в Речи Посполитой, и во главе его Бог поставил «прародителей» Федора Ивановича, от которых тот унаследовал царскую власть. Тем самым именно

царь Федор оказывался законным главой всех восточных славян, в том числе и тех, которые живут в Речи Посполитой.

Ничего подобного в более ранних источниках, создававшихся на «русских землях» Речи Посполитой, найти нельзя. Появление такого представления в послании Львовского братства царю отчасти, вероятно, следует связывать с контактами братчиков с греческими делегациями, останавливавшимися во Львове на пути в Россию в 80-х — начале 90-х гг. Однако имели свое значение и размышления над историческим прошлым и настоящим «русского народа» в Речи Посполитой (о последнем братчики судили по собственному опыту). Конфликт, воспринимавшийся как конфликт двух народов, конфликт, в котором «русским» жителям Львова отказывали в полноте гражданских прав, ссылаясь на их православное вероисповедание, рано или поздно должен был привлечь внимание братчиков к соседней «русской» и православной державе. Такая ситуация имела свои исторические последствия, если учесть, сколь значительную роль играли позднее в отношениях между Россией и «русскими» землями Речи Посполитой деятели, связанные на рубеже XVI–XVII вв. с Львовским братством.

Стоит отметить, что если киево-печерские монахи хлопотали о разрешении на поездку у короля, то братчики обратились за проезжей грамотой к Константину Острожскому, посетив его в июле 1592 г. в Дубне[47]. Врученные послам записи содержали длинный перечень просьб[48]. Братство просило позолоченные царские врата, завесы, архиерейские одеяния, «наместные» иконы Христа, Богоматери и Успения. Братчики также просили для «прогнания еретических учений» прислать «Псалтырь великого толкования» и Беседы Иоанна Златоуста на послания апостола Павла. Здесь отразилось

---

47 Юбилейный альбом... Т. I. № CII. Хотя в издании грамота датирована 1593 г., сами издатели отметили, что в документе идет речь о посольстве 1592 г., когда в поездку отправился священник с тремя братьями, а в 1593 г. за сбором милостыни со священником отправилось четверо братьев (Там же. № CI).

48 Юбилейный альбом... Т. I. № XCVI.

представление, зафиксированное и в других свидетельствах второй половины XVI в., о существовании в России богатых рукописных собраний, где можно было бы найти тексты, отсутствующие на родине.

Послы покинули Москву в конце сентября 1592 г. Очевидно, что их здесь долго не задерживали. Не все просьбы львовян были удовлетворены, но судя по грамоте царя Федора Львовскому братству, они повезли с собой пять сороков соболей, пять сороков куниц, 50 золотых угорских «на царские двери и на крест на позолоту»[49]. Вернувшись во Львов, братчики продали соболя за 550 зол.[50] Сохранилась и грамота царя Федора воеводам Чернигова, в которой содержалось разрешение послам братства приехать в Москву «в прийдущее лето»[51].

Как правильно отметил Я.Д. Исаевич[52], в Москве не поняли, что такое братство, и восприняли послов как делегацию от православного духовенства Львова. Однако и быстрый приезд в Москву, и довольно значительные милостыни, и разрешение приехать на следующий год говорят о явной заинтересованности в Москве в установлении и сохранении наметившихся связей. Новой поездки братчиков в Москву, однако, не последовало. Известия начала XVII в., о которых речь пойдет в следующем разделе, позволяют предполагать, что таким поездкам воспрепятствовали власти Речи Посполитой. Память о установленной связи во Львове, однако, сохранялась, и братчики, как увидим, снова предприняли поездку в Москву, когда обстоятельства, по их мнению, сложились для этого благоприятно.

На землях восточной части Украины и Белоруссии положение православных не было в начале 90-х гг. XVI в. таким неблагоприятным, как во Львове, но с заключением Брестской унии 1596 г. обозначились неблагоприятные перемены. Внутренние конфликты в западнорусском обществе

---

49 Там же. № XCIV.
50 *Ісаевич Я.Д.* Братства... С. 119.
51 Юбилейный альбом... Т. I. № С.
52 *Ісаевич Я.Д.* Братства... С. 118–119.

государственные власти Речи Посполитой сумели использовать, убедив бóльшую часть епископов Киевской митрополии согласиться на «унию» с католической церковью, заверяя, что с помощью власти в этом случае они сохранят свой привилегированный статус. Решение, принятое епископами на соборе в Бресте в 1596 г., без консультации с паствой привело к конфликту, когда значительная часть паствы отказалась признать это решение и подчиняться власти епископов. В этом конфликте государственная власть встала на сторону епископов, последовательно представляя их как единственных законных представителей «греческой церкви восточного закона» в Речи Посполитой. Православные, продолжавшие держаться своей традиционной веры, оказывались в положении приверженцев некоего непризнанного вероисповедания, по отношению к которым власть всё чаще стала практиковать меры административного воздействия, чтобы заставить непокорную паству подчиниться власти принявших унию епископов.

В сложившейся ситуации православные в Речи Посполитой стали нуждаться во внешней поддержке. Такую поддержку оказывали восточные патриархи, прежде всего александрийский патриарх Мелетий Пигас, но для борьбы с возникшими трудностями этой поддержки было недостаточно. В первые годы после заключения унии православные магнаты и шляхта рассчитывали добиться уступок со стороны власти, выступая на сейме в сотрудничестве с протестантами, но эти надежды не оправдались. Актуальным становился вопрос о поисках помощи в соседней православной и «русской» державе. На такую возможность, вероятно, указывали и греческие иерархи, постоянно ездившие через «русские» земли Речи Посполитой за помощью в Москву.

Сохранилось важное свидетельство начала XVII в., что в православных кругах Речи Посполитой на высоком уровне не только обсуждался этот вопрос, но и были предприняты определенные шаги для получения помощи. Это свидетельство — послание князя Константина Острожского патриарху Иову, сохранившееся в копии второй половины

XVII в. Памятник был издан и исследован А.А. Туриловым[53]. Как показал исследователь, грамота была доставлена в Москву в конце весны — летом 1604 г.[54]

Послание Константина Острожского 1604 г. есть смысл сопоставить с посланием Львовского братства царю Федору 1592 г. Еще более прямо и определенно, чем в грамоте братства, в послании Острожского была высказана мысль, что Московское царство является историческим преемником Византийской империи. Если «преж сего» в Константинополе находился «престол цесарей християнских церкви восточныя», то теперь, после того как «за согрешения ... Господь Бог казнь послал», он же «на востоке и полунощи позволил великому и славному царству быти». В настоящее время во главе этого царства стоит Борис Годунов, благодаря милосердию Бога «и с молением всего христианства святые восточные церкви». Поэтому можно ожидать, что такой монарх «учнет промышляти всем своим милосердием ко всему миру православных христиан»[55]. Таким образом, не только членам Львовского братства, но и Константину Острожскому были хорошо известны сложившиеся в Москве в XVI в. представления об особой исторической роли России в христианском мире после падения Византии.

Вместе с тем в послании Острожского в отличие от грамоты Львовского братства ничего не говорилось об особой связи такого монарха с «русским народом». Лишь в обращении князя к Иову тот был назван церковным главой «всего православного народа Русскаго». Чего же хотел Острожский от патриарха? Просьб таких было две. Первая состояла в том, чтобы из Москвы прислали «людей своих духовных, мудрых и учительных ... которым можно говорити встречно против тех, которые хулят православную истинную веру

---

[53] *Турилов А.А.* Из истории проектов ликвидации Брестской унии. (Неизвестное послание князя Константина Острожского патриарху Иову) // Славяне и их соседи. Вып. 3. Католицизм и православие в Средние века. М., 1991.

[54] Там же. С. 130–131.

[55] *Турилов А.А.* Указ. соч. С. 139.

Христову»[56]. Просьба эта в тех условиях, которые сложились в Речи Посполитой после заключения Брестской унии, вполне понятна и показывает, что Константин Острожский не смотрел на Россию как на «темную» и «варварскую» страну, от которой можно ожидать только материальной пользы. Вместе с тем очевидно, что речь шла о сотрудничестве против властей Речи Посполитой, хотя на этом этапе идейном.

Сложнее дело обстоит с другой просьбой. Уже в начале послания князь Константин сообщал в Москву, что митрополит и епископы, отступившие от православия, теперь «хотят обратитися и пути собе ищут, как бы опять приступити к православной вере христианской», и в связи с этим предлагал патриарху «к ним писати и их напоминати, чтоб они обратились в истинную православную веру Христову»[57].

Эта просьба вызывает ряд вопросов. На чем основывалось его сообщение, что митрополит и епископы хотят отказаться от унии. Всё, что известно о действиях митрополита Ипатия Потия в 1603–1604 гг., никак не подтверждает этого сообщения. Возможно, таким сообщением князь хотел побудить патриарха обратиться к униатским иерархам. Но какой смысл могло иметь такое обращение? Возможно, какие-то новые находки помогут пролить свет на эту сторону дела.

А.А. Турилов полагал, что другим адресатом послания, помимо патриарха, был сам царь Борис Годунов, панегирик достоинствам которого читается в послании[58]. Возможно, однако, дело обстояло несколько иначе. В описи архива Посольского приказа 1614 г. отмечена «грамота к царю Борису князя Василья Острожского лета по-литовски писана от рождества Христова 1603 году.»[59] Правда, послание к патриарху

---

56 *Турилов А.А.* Указ. соч. С. 140.

57 Там же. С. 139–140.

58 Там же. С. 132.

59 Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 62.

бесспорно было отправлено в Москву в 1604 г.[60], но следует учитывать, что неточности при датировке документов в описях Посольского приказа встречаются неоднократно (в качестве примера можно указать решения земского собора 1646 г., датированные в описи 1673 г. 1648-м годом). Поэтому весьма вероятно, что князь Константин Острожский обращался со своими планами не только к патриарху, но и к самому главе Русского государства.

А.А. Турилов правильно отметил, что обнаруженное им послание помогает объяснить, почему, когда стало известно о появлении в Речи Посполитой Лжедмитрия, патриарх отправил к Константину Острожскому гонца Афанасия Пальчикова, предлагая воспрепятствовать походу самозванца и доставить его в Москву[61]. К этому следует добавить, что после смерти Лжедмитрия I уже собор епископов отправил грамоту к Константину Острожскому с подробным сообщением о злодейских планах Самозванца «всех лучших людей ... Российского царствия побить» и утвердить в стране католическую веру»[62]. Оба обращения оказались безрезультатными, но само их появление говорит о том, что в Москве зародилось представление, что в Речи Посполитой есть силы, на поддержку которых можно было бы рассчитывать в борьбе с враждебными выступлениями со стороны этого государства. Для конца XVI — начала XVII в. такие обращения, хотя и исходившие от таких значительных участников общественно-политической жизни, как Львовское братство или князь Константин Острожский, были, конечно, не правилом, а исключением. Однако принципиально важно зарождение в разных кругах православного населения «русских» земель Речи Посполитой представления, что в борьбе с возникшими трудностями можно найти помощь и поддержку в Москве. Важно также и то, что в обоих обращениях выражалась солидарность с выработанными в Москве представлениями об особой роли России в исторических судьбах православного

---

60 *Турилов А.А.* Указ. соч. С. 130.

61 Там же. С. 134.

62 Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. I. № 151.

мира. В послании Львовского братства, кроме того, была выражена мысль, что именно находящийся в Москве царь является законным главой всего «российского» народа и именно поэтому должен оказывать поддержку братчикам.

На рубеже XVI–XVII вв. в некоторых сочинениях против унии уже присутствовал положительный образ России. Появление России в этих сочинениях было связано с необходимостью опровергать утверждения католических полемистов, что за церковный раскол Бог покарал православных утратой государственности и упадком веры. Автор сочинения «Вопросы и ответы православного с папежником» (1603) указывал на Россию как сильное православное царство, покорившее «скитийские орды» и обратившее в христианство их население[63]. Получалось, что Россия успешно осуществляет миссию, важную для судеб всего христианского мира. Католику Петру Скарге, говорившему об упадке православных, Иван Вишенский советовал отправиться в «Великую Россию», чтобы прочесть «истории житий ... святых мужей, чюдотворцов великих», которые исцеляли больных и изгоняли бесов[64]. Это свидетельство ясно говорит о знакомстве западнорусских книжников с богатым наследием русской агиографии XV–XVI вв. и о воздействии этого наследия на выдающегося представителя западнорусской общественно-религиозной мысли.

Новым явлением в истории отношений России и «русского» населения Речи Посполитой стало появление у южных границ Русского государства такой активной и беспокойной военной силы, как казачество. Сложное положение на южной части границ России и Речи Посполитой во второй половине XVI в. получило недавно развернутую характеристику в работе исследователя из Белгорода А.И. Папкова[65]. Ряд проблем создавала сама обстановка колонизации неосвоенных

---

63 РИБ. Т. VII. Стб. 9–10.

64 Иван Вишенский. Сочинения... М. Л., 1955. С. 192.

65 *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004.

пространств Дикого поля, идущей одновременно с обеих сторон на землях, где давно отсутствовали какие-либо определенные границы. Одним из последствий становилось появление на землях, контролировавшихся русской властью, крестьян — переселенцев с территории другого государства, которые отказывались при этом приносить присягу царю[66]. Такая же ситуация порождала многочисленные пограничные конфликты из-за обладания спорными территориями, когда совершали нападения на находившихся на них станичников и бортников, ловили там рыбу и ставили станы[67]. В этих столкновениях активно участвовали казаки — «черкасы». В ряде случаев за такими конфликтами стояли в Речи Посполитой крупные землевладельцы, являвшиеся одновременно и представителями власти на пограничных землях. Примером может служить подробно охарактеризованный в книге А.А. Папкова конфликт с князьями Вишневецкими из-за Прилуцкого городища[68], способствовавший тому, что князь Адам Вишневецкий так активно поддержал Лжедмитрия I.

Положение в регионе осложняло и присутствие здесь больших казачьих отрядов, для которых главным источником существования была военная добыча. В поисках добычи такие отряды совершали нападения не только на владения Османской империи, но и на русские земли. Примером может служить нападение «черкас» из Канева, Черкасс и Переяслава в 1590 г. на Воронеж, когда «черкасы» захватили находившуюся там казну, перебили людей, а город сожгли[69]. Пограничные конфликты и нападения казацких отрядов в 80-х — 90-х гг. XVI в. приобрели такой размах, что стали предметом переговоров между двумя государствами[70]. Русские власти были вынуждены посылать на Дикое поле военные отряды для действий против «воровских черкас»[71].

---

66 Указ. соч. С. 108–109.
67 Там же. С. 89–90.
68 Там же. С. 95–96, 105–106.
69 Там же. С. 94–95.
70 Указ. соч. С. 101 и сл.
71 Там же. С. 96.

Серьезная опасность с их стороны сохранялась и на рубеже XVI–XVII вв. Об этом говорит текст наказа воеводам Б.Я. Бельскому и С. Алферову, посланным строить крепость на Северском Донце, от 5 июня 1600 г.[72] Воеводам следовало предпринимать меры, «чтоб на них на походе и на стану татаровя и черкасы безвестно не пришли»[73]. Предполагалась и возможность того, что казаки «не похотят дать города ставить»[74].

Воеводам предписывалось после того, как они поставят крепость, наладить отношения с казаками, живущими на Донце и Осколе, и добиваться, чтобы, когда на этих реках появятся «черкасы», они бы, «збираясь, на черкас ходили и над черкасы над воры промышляли». И сами воеводы должны были посылать против них войска, «чтоб черкас с Донца и Оскола со всех речек згонить»[75].

Судя по формулировкам этого документа, речь шла не только о борьбе с разбойными нападениями, но и о том, чтобы не допустить постоянного присутствия «черкас» на этих землях, что в дальнейшем могло бы привести к вхождению этих территорий в состав Речи Посполитой.

Вместе с тем в отношениях между русскими властями и казаками — жителями Речи Посполитой была и другая сторона. В последних десятилетиях XVI в. русские власти начинают привлекать «черкас» на свою службу для освоения «Дикого поля» и организации обороны страны от набегов татар и «воровских черкас». В царском наказе воеводе Афанасию Фед. Зиновьеву от 23 мая 1589 г. упоминалось о присутствии в его войске 45 «черкас» из Путивля. Наказ содержал и распоряжение о выплате придач (очевидно, за службу) к их обычному жалованью. Предписывалось,

---

72 Документ опубликован в издании: Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVII столетиях, собр. Д.И. Багалеем. Харьков, 1886.

73 Там же. С. 5.

74 Там же. С. 11.

75 Там же. С. 10–11.

чтобы те, у кого нет лошадей, ими обзавелись[76]. Очевидно, что эти «черкасы» составляли особую группу среди проживавших на юге России многочисленных «служилых людей по прибору». В отписках путивльских воевод того же 1589 г. упоминаются «нововыезжие» и «новоприборные» «черкасы» во главе с атаманами Агеем Мартыновым и Якушем Лысым[77]. Такие служилые «черкасы» были не только в Путивле. Так, в наказе А.Ф. Зиновьеву от 25 июня 1589 г. говорилось о посылке к нему из Ливен «в прибавку ... казаков и черкас двесте человек»[78]. В XVII в. в Путивле вспоминали о переселении «черкас» из Путивля в город Дедилов еще Иваном IV[79].

Такие служилые «черкасы» несли службу в целом ряде городов юга России[80]. Важно отметить, что «черкасы» несли службу не только в городах на границе с Речью Посполитой. Так, в грамоте 1593 г. упоминается челобитная рязанских «черкас» во главе с двумя атаманами с просьбой «для иноземства» освободить их от работ по строительству крепости. Просьба была удовлетворена[81]. В грамоте 1609 г. упоминается атаман тульских «черкас»[82]. Сохранились свидетельства об участии отрядов «черкас» и в крупных военных кампаниях русской армии. Так, в 1590 г. «черкасы» участвовали в штурме Ивангорода во время русско-шведской войны[83]. Участвовали «черкасы» и в сражениях с войсками хана Казы-Гирея под Москвой в 1591 г. «Черкасы» со своим головой Т.В. Грязным преследовали отступающих татар, разбили один из их отрядов в Тульском уезде и освободили полон[84].

---

76 Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 2008. Т. IV. № 145. С. 109.
77 Акты исторические. СПб., 1841. Т. I. № 228. С. 433–434.
78 Акты служилых землевладельцев.... Т. IV, № 147. С. 113.
79 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Севский стол. Стб. 112, л. 189.
80 *Папков А.И.* Порубежье... С. 92–94.
81 Акты служилых землевладельцев... Т. IV. № 381. С. 283.
82 Там же. Т. III. М., 2002, № 386.
83 Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. III. Ч. II. С. 159.
84 Там же. С. 218, 222.

Имеются свидетельства о служилых «черкасах», относящиеся и к более позднему времени. Так, в походе Б.Я. Бельского для основания Царева Борисова участвовало 100 «черкас»[85]. «Лутчие черкасы» участвовали и в походе, предпринятом в 1599 г. для строительства крепости в Валуйке[86].

Постоянные упоминания в источниках «черкас» вместе с их атаманами говорят о том, что под русской властью казаки в какой-то мере сохраняли свою особую организацию.

По свидетельству французского офицера Жака Маржерета, служившего Борису Годунову и Лжедмитрию, в составе русской армии к началу XVI в. насчитывалось от 3 до 4 тысяч «черкас» (cherkassi)[87].

Как справедливо отметил Д.И. Багалей, служилые «черкасы» активно действовали против отрядов «воровских» «черкас». Так, судя по отпискам путивльских воевод, «путивльские черкасы» весной — летом 1589 г. разбили целый ряд таких отрядов, вернув путивльским севрюкам отобранное у них имущество[88].

Очевидно, отношения со служилыми «черкасами» у русской власти были достаточно прочными.

Иной характер носили отношения с поселявшимися на пограничных территориях отрядами казаков, которые выражали желание сотрудничать с русской властью. Таков был крупный (в несколько сотен человек) отряд во главе с атаманом Матвеем Федоровым, который весной 1589 г. пришел с Днепра на Северский Донец, откуда казаки направили в Москву посланцев, обещая защищать русские земли от татар и воровских

---

85 *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 49.

86 Материалы для истории колонизации... собр. Д.И. Багалеем. Харьков, 1890. Т. 2. № 1. С. 1.

87 *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи / Под ред. А. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 77. Важно, что «черкесов» Маржерет называет «Petigorsqui cherkassi», которые живут у Терека (Там же. С. 81).

88 Акты исторические. Т. I. № 228. С. 433–434.

«черкас»[89]. Предложения были приняты, но оказывать поддержку отряду в Москве не торопились. Здесь не были уверены в искренности этих заявлений. Положение изменилось, когда казацкие посланцы привезли в Москву сначала пленного ногайца из «Казыева улуса», а затем пленных «воровских черкас»[90]. После этого была удовлетворена их просьба о присылке запасов. Из Ливен на Донец отправили сто четвертей ржаной муки и двадцать пять четвертей толокна. Главе отряда — атаману были оказаны знаки внимания — ему были посланы панцирь (как Ермаку), шлем, «портище» дорогого сукна — «лундыша». Это показывает заинтересованность в сохранении и продолжении установившихся связей. Всему войску — 620 чел. — было отправлено на «роздел» 100 руб.[91] Если учесть, что рядовые «служилые черкасы» получали по 2–3 руб., не считая возможных «придач», то ясно, что 100 руб. представляли собой не обычное «жалованье», а лишь вознаграждение за выполненную службу.

Как складывались далее отношения с подобным отрядом, мы не знаем. Есть основания полагать, что спустя некоторое время он вернулся в Речь Посполитую. Но, по-видимому, благодаря Матвею Федорову было положено начало установлению связей между русскими властями и объединением казаков — жителей Речи Посполитой — Войском Запорожским.

Помимо описанных выше форм связей, по крайней мере с середины XVI в. существовали определенные связи и с отрядами казаков, находившимися на территории Речи Посполитой. Обе стороны объединяла общая заинтересованность в борьбе с крымскими татарами.

Так, уже в 1556 г. вместе с войском русского воеводы Д. Ржевского сражались против татар на Днепре «литовские люди, атаманы черкасские» из Канева[92]. Характерной

---

[89] См. об этом в наказе Афан. Фед. Зиновьеву от 26 апреля 1589 г. — Акты служилых землевладельцев... Т. IV. № 143. С. 105.

[90] См. наказ Афан. Фед. Зиновьеву от 12 июня 1589 г. — Акты служилых землевладельцев... Т. IV. № 146. С. 110–111.

[91] Там же.

[92] ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 270–271.

особенностью отношений казачества и русской власти во второй половине XVI в. было то, что в качестве предводителей казачества выступали от его имени выходцы из среды местной православной знати. Таким был в конце 50-х гг. кн. Дмитрий Вишневецкий, который поставил город на Хортице, куда ему из Москвы посылали жалованье[93].

В 70-х гг. XVI в. в качестве посредника между казаками и Иваном IV выступал другой украинский магнат, кн. Богдан Ружинский. Действовавшим против татар казакам посылали запасы и деньги[94]. В августе 1576 г. русские воеводы Андрей Веревкин и Яков Прончищев «да Федор Шах со всеми атаманы и со всеми черкасы» известили Ивана IV о взятии крепости Ислам Кирмень[95]. Позднее отряды «черкас» участвовали в сражении с войсками хана Казы-Гирея под Москвой в 1591 г.[96]

В начале 90-х гг. XVI в. в отношениях между русской властью и казачеством произошли заметные перемены. Сложившееся особое объединение казаков — Запорожское Войско — стало само искать контактов с Москвой. Первые сведения на этот счет содержатся в донесении оршанского старосты А. Сапеги лета 1591 г.[97] Побывавший в России во второй половине июня этого года купец из Могилева Семен Лашкович, возвращаясь из Москвы, встретился около Вязьмы с возвращавшимися из Москвы казацкими послами. Послы сообщали, что привезли царю 6 пленных татар. Такой «подарок» говорит о том, что, очевидно, казаки предлагали защищать от татар южные границы России, рассчитывая получать за это жалованье. Расчеты эти, по-видимому,

---

93 Там же. С. 275.

94 *Флоря Б.Н.* Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в. // Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

95 Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 414.

96 Там же. М., 1987. Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 218.

97 Публ. документа см.: *Эскин Ю.М., Граля И.* Новины Московские. Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // Florilegium. К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000. С. 465–467. Издатели определили авторство и время написания документа. — Там же. С. 461–462.

оказались ненапрасными. Казаки говорили, что царь им «wielkie pożałowanie dał»[98]. В условиях, когда в Москве ждали нападения войск хана Казы-Гирея, такое обращение казаков здесь могли только приветствовать. Казаки упоминали, что они возвращаются к гетману, но имя его не названо.

О последующих контактах говорит относящаяся к 1592 г. грамота Бориса Годунова, явившаяся ответом на обращение казаков[99]. В соответствии с принятой в России практикой во вступительной части грамоты излагалось это обращение. Гетман К. Косинский сообщал царю, что собравшееся в Киеве 3-тысячное войско предлагает ему помощь против «неприятелей». С обращением К. Косинского в Москву приехало казацкое посольство, в состав которого входили известные атаманы Сашко Федорович и Яков Оссовский, а также упоминавшийся уже выше М. Федоров, вернувшийся к тому времени в Речь Посполитую[100]. Предложение было принято, и за «службу» казакам было обещано «денежное и хлебное жалованье». Как писал в следующем году враг Косинского Александр Вишневецкий, казакам были посланы сукна и деньги[101].

В следующем, 1593 г. в царской грамоте на Дон донцам предписывалось действовать на Северском Донце совместно с запорожскими казаками, так как из Москвы «велено черкасом запорожским гетману Криштопу Косицкому и всем атаманом и казаком быть на Донце на шляхех и за царем (крымским ханом. — *Б.Ф.*) итти»[102]. Александр Вишневецкий утверждал, что К. Косинский с войском не только принес присягу царю, но и отдал под его власть «пограничье, больше чем на 100 миль». Всё это было враждебным тенденциозным преувеличением. Для казацкого войска, лишь небольшая часть которого получала от властей Речи Посполитой регулярное

---

98 Там же. С. 467.

99 *Флоря Б.Н.* З історії взаимовідносин українського козацтва і російського уряду (80-і — 90-і роки XVI ст.) // Український історичний журнал. 1978. № 8. С. 126–127.

100 О членах посольства см.: *Леп'явко С.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернігів, 1996. С. 62–63.

101 Listy Stanisława Żołkiewskiego. 1584–1620. Kraków, 1868. S. 27.

102 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 2. С. 261.

жалованье, получение из Москвы средств за свою службу против татар было прежде всего хорошей материальной поддержкой, и никакие враждебные Польско-Литовскому государству политические планы за этой акцией не стояли.

Для понимания характера сложившихся отношений важно свидетельство уже упоминавшегося Жака Маржерета. В его описании России содержится характеристика отношений русского правительства с казаками, живущими на Волге, на Донце и на Днепре[103]. Его высказывания, что казаки с Днепра часто находятся в Подолии, показывают, что казаки с Днепра, о которых говорит французский офицер, — это жители Речи Посполитой. По его словам, постоянного содержания из Москвы они не получают, но когда в них появляется нужда, царь посылает им порох, свинец, 7–10 тыс. руб. В случае необходимости 8–10 тыс. казаков могут присоединиться к русской армии. Для русской власти, по его словам, важно, что казаки приводят пленных, у которых можно узнать о намерениях татар.

Связи, таким образом, не были постоянными, а возобновлялись от случая к случаю. Всё же связям с Москвой придавали особое значение. Когда в 1594 г. Габсбурги предложили казакам принять участие на службе императора в войне с османами, запорожское войско уведомило об этих предложениях Москву и спрашивало, как следует отнестись к таким предложениям. Это обращение запорожские посланцы объясняли тем, что они «здавна есть слуги его царского величества и без ведома его царской милости не хотят итти» на службу к Габсбургам[104].

В июне 1594 г. австрийский дипломат Эрих Лясота, направлявшийся в Запорожскую Сечь, встретился в дороге с ехавшим туда же русским посланником Василием Никифоровым,

---

[103] *Маржерет Ж.* Состояние... С. 79.

[104] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 22. См. запись в описи архива Посольского приказа 1673 г. — «Лист Руделфа цесаря, писал запорожским казакам, привез есаул Тимофей Маслово во 102 году». — Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1 / Подг. к печати В.И. Гальцов. М., 1990. С. 113.

который вез на Сечь «жалованье». Он сообщил Лясоте, что царь советует казакам, которые ему «служат», оказать помощь императору, а им будет выплачиваться такое же жалованье, как и ранее[105]. Как отметил в своем дневнике Э. Лясота, прежде чем вступить с ним в переговоры, запорожцы заслушали русского посланника[106]. Когда казаки излагали условия, на которых они готовы были пойти на австрийскую службу, среди этих условий отмечалось, что следует обратиться к царю, чтобы он соединил свои войска с выступающими против османов запорожцами[107].

Завязавшиеся в первой половине 90-х гг. XVI в. связи сохранялись и позднее. В 1641 г. путивльский служилый казак Григорий Конашов, перечисляя в челобитной царю свои прежние службы, сообщал, что при царе Федоре он ездил «в Запороги» с денежным жалованьем вместе с Юрием Беззубцевым (позднее одним из руководителей восстания Болотникова), а при царе Борисе отвез туда денежное жалованье и сукна вместе с Иваном Оладьиным[108]. Сообщения челобитной о русско-запорожских контактах находят подтверждение в свидетельствах других источников. В 1598 г. гетман реестровых казаков Т. Байбуза жаловался С. Жолкевскому, что запорожцы захватили «казну нашу, от князя великого нам данную»[109]. В 1604 г. Борис Годунов писал в Вену, что запорожцы во главе с Семеном Скалозубом по просьбе русского правительства ходили в морской поход в Турцию, чтобы помочь императору[110]. Еще в 1607–1608 гг. правительство Шуйского посылало жалованье на Запорожье[111]. Значение

---

105 Erica Lassoty i Wilhelma Beauplana opisy Ukrainy / Przekł. Zofii Staszewskiej pod red. Z. Wójcika. Warszawa, 1972. S. 65.

106 Ibid. S. 68.

107 Ibid. S. 74.

108 Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. Т. I. № 192. С. 317.

109 Listy Stanisława Żołkiewskiego... S. 88.

110 Старина и новизна. М., 1911. Кн. 14. С. 291–292.

111 См. в Описи архива Посольского приказа 1614 г. — «Столп 116 –году, отпуск з государевым жалованьем к запорожским черкасом атамана Богдана Мстиславца» (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 127).

Запорожской Сечи в глазах русских политиков постепенно росло. Если в 1592 г. на обращение гетмана Косинского отвечал конюший боярин Борис Годунов, то в 1600 г. он принимал запорожских послов как царь[112]. 90-е гг. XVI в. были также временем первых серьезных конфликтов между властями Речи Посполитой и казачеством. Возникали острые напряженные ситуации, из которых искали выхода. В этой связи следует отметить, что, судя по ответу Бориса Годунова, в обращении К. Косинского затрагивался вопрос о том, чтобы казакам идти «к государю нашему ... и быти у государя нашего»[113]. В 1596 г. во время восстания Северина Наливайко обсуждался вопрос об уходе на русскую территорию[114]. Отступление казацкого войска из Переяслава в район Лубен[115] говорит, по-видимому, о том, что казаки пытались осуществить такие намерения. Таким образом, уже в 90-е гг. XVI в. в сознании казачества возникло представление, что в критической ситуации казацкое войско сможет найти убежище в России. К 1605 г. можно говорить о достаточно долгой традиции «службы» Запорожского войска, заключавшейся в защите южных границ Русского государства от набегов крымских татар.

Характеризуя отношение населения Речи Посполитой к России, следует отметить еще одно явление, четко обозначившееся в последней трети XVI в., — приток шляхты из Речи Посполитой на русскую службу. На первый взгляд такое явление должно вызвать недоумение: зачем шляхтичу отправляться в Россию, где он не мог бы пользоваться теми правами и привилегиями, которыми он обладал в Речи Посполитой? Однако следует учитывать, что в Речи Посполитой при свободном обращении земельной собственности, которое государственная власть не регулировала, в восточных областях этого государства во второй половине XVI в. четко обозначился процесс формирования магнатских латифундий в значительной мере

---

112 Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Т. IV. Ч. 1. С. 98.
113 *Флоря Б.Н.* З історії взаимовідносин... С. 127.
114 *Леп'явко С.* Козацькі війни... С. 206.
115 Там же. С. 208.

за счет скупки земель у местной шляхты[116]. Результатом стало увеличение в массе земельных собственников удельного веса мелкой шляхты[117], сталкивавшейся с проблемой, как при недостатке средств поддерживать свой привилегированный социальный статус. Одним из возможных путей становилась военная служба [118]. Поскольку небольшая постоянная армия Речи Посполитой могла включать лишь небольшую часть этой массы, шляхта начинала искать военной службы в других странах, в том числе в такой соседней стране, как Россия.

Судя по сведениям источников, собранным О.В. Скобелкиным, уже в 20-е гг. XVI в. в русской армии были отряды «литовцев». Это были отряды пехотинцев, но к 90-м гг. XVI в. относится ряд свидетельств о появлении здесь и конных отрядов[119]. Так, во время сражения под Москвой с войсками хана Казы-Гирея летом 1591 г. воеводы выслали против татарского войска «голов и ротмистров с литовскими и немецкими людьми, а велели им с крымскими людьми травитись»[120]. Это свидетельство показывает существование в составе русской армии конных отрядов «литовских людей», то есть выходцев из Речи Посполитой, во главе со своими начальниками-ротмистрами, которых авторы записи отличают от «голов» — поставленных командовать этими отрядами русских детей боярских. В перечне награжденных за участие в войне фигурируют эти «головы у литовских людей» — Г.Г. Сулемша-Пушкин (после его ранения — И.М. Чепчугов) и И.В. Измайлов[121]. Посылка к «литовским

---

116 *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь и Центральна Україна). Київ, 1993. С. 115–118.

117 Там же. С. 228.

118 Там же. С. 234 и сл.

119 *Скобелкин О.В.* Участие иностранцев в составе русского войска в войнах XVI — начала XVII в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.И. Филюшкин. СПб., 2010.

120 Разрядная книга 1475–1605. М., 1987. Т. III. Ч. II. С. 216.

121 Там же. С. 230.

людям» двух «голов» говорит о значительных размерах их отряда. «Литва» и «немцы» как особая часть русской армии упоминаются и в других известиях разрядных книг 90-х гг. XVI в.[122] О положении этой группы людей важные сведения сохранились в описании России Жака Маржерета. Описывая состав русской армии, он отметил, что в ней имеются отряды «иностранцев» — «немцев», поляков и греков, насчитывающие около 2,500 чел. По его сведениям (а он сам служил в одном из этих отрядов), люди, служившие в них, получали от 12 до 60 руб. жалованья[123]. Сопоставляя размеры этого жалованья «служилым» «черкасам», можно сделать вывод, что «литовские» люди в русской армии находились на гораздо более высокой ступени социальной лестницы. По свидетельству Маржерета, помимо жалованья люди, служившие в этих отрядах, получали за службу поместья.

Это свидетельство можно подкрепить рядом конкретных данных. Такие данные содержатся, в частности, в недавно опубликованном комплексе документов Нижегородской приказной избы конца XVI в. В составе этого комплекта сохранился ряд выписей из нижегородских писцовых книг 1571/2 гг., в которых неоднократно упоминаются поместья людей, названных в писцовом описании «панами»[124]. Сама многочисленность упоминаний говорит о достаточно широком распространении такой практики. Характерно, что ряд таких «панов» назван в выписях «нововыезжими»[125]. Остальные, очевидно, выехали в Россию на службу ранее. Выезды, по-видимому, начались сразу после того, как Ливонская война была прервана перемирием 1570 г.

---

122 Разрядная книга 1475–1605. М., 1989. Т. III. Ч. III. С. 36; М., 1994. Т. IV. Ч. I. С. 47.

123 *Маржерет Ж.* Состояние... С. 77.

124 Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII в. М., 2015. Ч. 1. Нижегородские поместные акты 1591–1610 годов. № 80[а], 87[а], 91[а], 94[а], 130[а], 131[а], 141[а], 148[а], 176[а], 182[а].

125 Там же. №№ 90[а], 100[а], 171[а], 176[а]. См. также грамоту от марта 1571 г. о выделении поместья «нововыезжему пану Андрею Демидову» — Акты служилых землевладельцев... М., 1997. Т. I. № 132.

После окончания Ливонской войны приток шляхты на службу в Россию возобновился и принял массовый характер. Летом 1582 г. выдавали корм «выезжим литовским людям» — двум ротам во главе с ротмистром Тимофеем Севрютцким (91 чел.) и Матьяшем Мизиным (79 чел.). Их сопровождала большая группа «служебников»[126]. Таким образом, выезд на русскую службу происходил целыми отрядами. В декабре 1583 г. упоминается «служилая литва» в Казани[127]. Свидетельство о присутствии в Москве такой шляхты содержит дневник «великого» посольства Речи Посполитой, посетившего Москву в 1600–1601 гг., составленный членом посольства писарем Великого княжества Литовского Е. Пельгжимовским. Описывая войско, заполнившее Кремль во время приема послов, писарь отметил, что видел в его составе «polskiej szlachty, litewskiej, ktorzy za Stefana na służbę udali do kniazia Iwana»[128]. Среди этих людей было «zbiegów także niemało, ktorycheśmy znali»[129] — людей, бежавших в Россию, чтобы избежать наказания за проступки. В дневнике отмечено, что в декабре 1600 г. перешел на русскую службу один из членов посольской свиты — Кохановский[130].

Обращение к нижегородским документам конца XVI — начала XVII в. показывает, что в них содержатся сведения о поместьях 23 землевладельцев — «служилых литвинов» на территории Нижегородского уезда[131]. Для одного уезда такую цифру можно считать достаточно значительной. К этому следует добавить, что Нижегородский уезд вовсе не был единственной территорией, где помещались «литвины». Сохранились отдельные распоряжения, касающиеся

---

126 Акты служилых землевладельцев... Т. I. № 98.

127 Акты служилых землевладельцев... Т. IV. № 107.

128 *Pielgrzymowski E.* Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą, Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / Wyd. i opr. R. Krzywy. Warszawa, 2010. S. 54.

129 Ibidem.

130 Ibid. S. 122.

131 Нижегородские поместные акты 1591–1610 годов. № 9, 13, 21, 22, 30, 53, 58, 62[а], 74, 83, 86, 92[а], 112[а], 113[а], 121, 127, 128, 130, 140.

таких поместий в Вологодском, Суздальском, Углицком уездах и в Мещере[132].

Все рассмотренные в данном разделе факты позволяют говорить о серьезных переменах в характере отношений двух обществ — великорусского и восточных славян в Речи Посполитой. С развитием книгопечатания в Речи Посполитой произошло серьезное расширение культурных контактов. Предпринятые в Речи Посполитой культурные инициативы встречают живой, благоприятный отклик в русском обществе.

Россия становится страной, с которой представители разных слоев западнорусского общества начинают связывать свои надежды и ожидания. Одни рассчитывают найти в этой стране возможности для успешной службы, другие рассчитывают на денежное и хлебное жалованье. Наконец, появляются люди, занимающие в западнорусском обществе отнюдь не последнее место, которые начинают искать помощи и поддержки России для борьбы с теми трудностями, с которыми они сталкиваются в собственной стране.

На дальнейшую эволюцию так устанавливающихся связей наложили сильный отпечаток события «Смутного времени».

---

[132] Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 1998. Т. II. № 72, 213, 484; М., 2002. Т. III. № 224.

ГЛАВА 3

Восточнославянские земли Польско-Литовского государства и Россия в годы Смутного времени

Начиная с 1604 г. на территорию России постоянно приходили большие отряды вооруженных людей с территории Речи Посполитой. Их пребывание на русских землях сопровождалось поборами, грабежами, попытками подчинить русское общество иноземной власти. В итоге в русском общественном сознании стал складываться крайне отрицательный образ пришельцев.

В среде пришельцев современники достаточно определенно выделяли две части. Две такие части можно выделить уже в войске, сопровождавшем Лжедмитрия. Одну часть составляли паны и ротмистры, объединявшиеся вокруг его будущего тестя сандомирского воеводы Ю. Мнишека, с набранными ими отрядами солдат, другую — присоединившиеся к войску отряды запорожских казаков[1]. Разумеется, многие начальники отрядов — гетманы и ротмистры — были поляками и католиками, но были среди них также православные «русские» люди. Примером такого православного пана может служить кн. Адам Вишневецкий, покровитель Лжедмитрия I, сыгравший заметную роль и в выдвижении Лжедмитрия II. В разгар Смуты, в 1609 г., он основал в своем имении Брагине православный Спасский монастырь[2], позднее, как увидим, поддерживавший контакты с Москвой. Были такие люди и среди рядовых офицеров и солдат. Так, известно относящееся к началу

---

1 О приходе запорожских казаков в войско Лжедмитрия I см.: *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Київ; Львів, 1909. Т. VII. С. 322–323.

2 *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 224.

1611 г. заявление тушинского гетмана Яна Петра Сапеги: «У нас в рыцарстве бóльшая половина русских людей»[3]. Однако в свидетельствах современников «Смуты» они постоянно фигурируют как «литовские люди» без каких-либо замечаний о различиях в их среде. Очевидно, эти различия не находили какого-либо выражения в поведении предводителей и участников этих отрядов.

От «литовских людей» определенно отличали запорожских казаков — «черкас». На страницах главного русского труда о «Смуте» — «Нового летописца» — постоянно встречаются упоминания о враждебных действиях тех и других. Из свидетельств источника нельзя заключить, в чем заключалось с точки зрения создателей этого труда различие между ними. Интересные свидетельства в этом плане содержит рассказ об осаде Троице-Сергиева монастыря в «Сказании» Авраамия Палицына. У него читается, что для осады Троицы отправились гетман Лжедмитрия II Ян Петр Сапега со своим войском и «Александр Лисовский с воры русскими»[4]. А далее говорится о приходе к монастырю «польских и литовских людей и русских изменников»[5]. Войско Яна Петра Сапеги, очевидно, образовывали «польские и литовские люди», а «русские изменники» — войско Лисовского. Далее в «Сказании» помещена более подробная характеристика этих двух войск, составленная на основании показаний «языков». Под командованием Сапеги находились знатные паны (кн. Константин Вишневецкий, Тышкевичи и др.) и 30 ротмистров, под командованием которых находились «польские и литовские люди, желныри подольские, гусаре руские, прузкие, жемоцкие, мазовецкие». В войско же Лисовского входили дворяне и дети боярские — сторонники Лжедмитрия II, «татарове многие, и черкасы запорозские, и казаки донские, волские, северские, астроханские»[6].

---

[3] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 2. № 237. С. 508.

[4] «Сказание» Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 131.

[5] Там же. С. 132.

[6] Там же. С. 145. См. и заголовок раздела — «О числе воинства литовского и изменничья» (Там же. С. 145). См. также и запись

Таким образом, войско Сапеги, в котором были «гусары русские» — конница, набранная на территории Русского воеводства — совр. Западной Украины, — это «польские и литовские люди», а «запорожские черкасы» — это «русские воры», как донские или волжские казаки.

Если Авраамий Палицын считал «черкасов» «русскими» людьми, то это не значит, что его отношение к ним было более позитивным, чем его отношение к «польским» и «литовским» людям. Ряд его высказываний не оставляет сомнения, что «русские изменники» (к которым он причислял и «черкас») вызывали у него еще более отрицательные эмоции, чем «поляки» и «литва». В «Сказании» он писал, что сами поляки поражались, видя «пытки и злое мучительство от своих своим и единоверным»[7].

Действия «польских» и «литовских» людей в России к настоящему времени хорошо исследованы — и их деятельность в тушинском лагере Лжедмитрия II[8], и их деятельность в рядах королевской армии под Смоленском, под Москвой и в Москве[9].

Менее известна роль, которую сыграли в событиях Смуты «черкасы» — запорожские казаки. Как уже отмечалось, большое казацкое войско приняло участие в походе Лжедмитрия I, и бóльшая его часть погибла в битве при Добрыничах[10]. В начале 1607 г. отряды запорожских казаков присоединились

о войске Лисовского в Псковской 3-й летописи — под 1610 г. — «Пришол Олисовской пан с литовскими людьми и с черкасы» (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 275).

7 Там же. С. 117.

8 Богатый материал, освещающий разные стороны этой деятельности, собран и проанализирован в книге: *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008.

9 См. об этом в кн.: *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

10 Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2000. Т. 14. С. 62.

к войску «царевича Петра»[11]. В 1608–1609 гг. большое количество казацких отрядов пришло с территории Речи Посполитой сначала в войско Лжедмитрия II в Северской земле, а затем в его лагерь в Тушине. По оценке М.С. Грушевского, все эти отряды «зробіли своїм ремеслом пустошенне и войованне Московщини»[12]. В тушинском лагере существовал особый Казачий приказ, во главе которого стоял И.М. Заруцкий. Ему подчинялись запорожские, донские и другие казаки[13]. Особенность положения в тушинском лагере состояла в том, что здесь отсутствовало большое самостоятельное казацкое войско, а отряды казаков входили в полки, которыми командовали гетманы, полковники или ротмистры из числа польских приверженцев Лжедмитрия II. Поэтому эти казаки попадали в поле зрения, лишь когда они заметно отклонялись от принятых в тушинском лагере норм поведения. Так, в ряде документов сохранились сведения о действиях отряда запорожцев во главе с атаманом Наливайко, по своей инициативе грабившим население Владимирского уезда: «многих людей побил, дворян и детей боярских до смерти, а жон и детей позорили и в полон имали». Отряд был разгромлен совместными силами русских и польских сторонников Лжедмитрия II, а Наливайко повешен[14].

С началом войны между Россией и Речью Посполитой в источниках появляются достаточно многочисленные свидетельства о запорожских казаках и их действиях. Как известно, с осени 1609 г. военные действия сосредоточились вокруг осажденного королевской армией Смоленска. Уже вскоре после начала осады в сентябре 1609 г. под Смоленск прибыли значительные отряды запорожцев (несколько тысяч человек)[15]. 10 ноября эти казаки участвовали в штурме

---

11 Там же. С. 74.

12 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 322–323.

13 *Тюменцев И.О.* Смутное время в России... С. 368.

14 *Тюменцев И.О.* Смутное время в России... С. 414–415.

15 Dyaryusz drogi króla JMci Zygmunta III od szęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta i fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611 / Opr. J. Byliński. Wrocław, 1999. S. 79, 81.

смоленской крепости[16]. 5 июня 1610 г. в лагерь снова пришел 2-тысячный отряд запорожцев, участвовавший затем в штурмах смоленской крепости 29 июля и 4 августа[17]. Участвовало Запорожское войско во главе с гетманом Калеником и в штурме Смоленска 24 августа, когда погибло 300 казаков[18].

Но участие запорожцев в военных действиях не ограничивалось смоленским лагерем. Так, в феврале пришедшие к Смоленску 2000 казаков были отправлены осаждать крепость Белую[19]. Позднее пришедшее на королевскую службу 7-тысячное войско вело весной 1610 г. военные действия в Северской земле против сторонников Лжедмитрия II[20]. Военные действия здесь продолжались и позднее. 26 сентября запорожцы вернулись в лагерь под Смоленском с добычей, взятой при захвате Козельска и Мещовска[21].

К этому следует добавить перемены в поведении запорожских отрядов, находившихся в тушинском лагере, когда королевская армия пришла к Смоленску. Так, когда в октябре 1609 г. гетман Лжедмитрия II Р. Ружинский послал отряд запорожцев осаждать Белую, запорожцы эти 26 октября прислали послов в смоленский лагерь, заявляя о своем желании перейти на королевскую службу. 11 декабря эти казаки участвовали в штурме Белой вместе с войском А. Госевского[22]. В дневнике похода отмечено, что сторонники Лжедмитрия II уговаривали их вернуться, но получили ответ, что они «против короля, господина своего, служить не будут»[23]. 7 ноября заявил о своем желании перейти на королевскую службу 3-тысячный отряд запорожцев, стоявший под Вязьмой, и 29 декабря им была послана королевская хоругвь. Они также не реагировали

---

16 Dyaryusz... S. 92.
17 Ibid. S. 157, 167, 170.
18 Ibid. S. 174–180.
19 Ibid. S. 122.
20 Ibid. S. 123, 128–136. См. также: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция... С. 141–142.
21 Dyaryusz... S. 186.
22 Ibid. S. 86–87, 100–101.
23 Ibid. S. 91.

на обращения Р. Ружинского[24]. В этих свидетельствах ясно проявилось, что действовавшие на территории России запорожцы осознавали свою связь с Речью Посполитой, считали себя людьми, которые должны служить королю — главе этого государства.

Позднее «черкасы» по приказу польских властей в Москве ходили походом к Пронску против Прокопия Ляпунова[25]. Возможно, привлечение других источников позволило бы нарисовать более богатую картину, но и приведенных данных вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что в 1609–1610 гг. запорожское казачество оказало существенную поддержку действиям власти Речи Посполитой на русской территории. Можно указать лишь одно свидетельство, противоречащее этой картине: в «Сказании» Авраамия Палицына приводится перечень отрядов, двинувшихся к Москве в начале весны 1611 г., и среди прочего отмечено, что из Владимира пришел «Иван Просовецкий з дворяны и з детми боярскими, и с черкасы и с казаки»[26]. Вероятно, один из отрядов «черкас» разорвал свои связи с Речью Посполитой, присоединившись к Первому ополчению. Но это было явно исключение из правила.

В 1611–1613 гг. походы запорожцев на русские земли продолжались, то как самостоятельные выступления казацких отрядов, то в составе войска А. Лисовского. Но в эти годы связь между действиями запорожцев и королевской армии уже не прослеживается так, как в 1609–1610 гг., и эти походы представляли собой, по оценке М.С. Грушевского, «самостійні грабівничі екскурсії»[27]. К этому времени относятся свидетельства, которые позволяют судить о самостоятельных действиях казацких отрядов, получивших в устах русских современников весьма резкие оценки.

Так, составитель «Бельской летописи», возникшей в среде покинувших свои земли на Смоленщине русских дворян,

---

24 Ibid. S. 91, 103.
25 ПСРЛ. Т. 14. С. 107.
26 «Сказание» Авраамия Палицына... С. 216.
27 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 335.

записал о казаках, входивших в войско Александра Лисовского, что они «воровали и кровь християнскую лили заодно с литовскими людьми, забыв Бога и веру християнскую»[28].

В феврале 1612 г. нападению казацких отрядов подверглась Старая Русса. Как сообщали в Новгород воеводы, нападавшие не только убивали жителей, грабили их имущество и сжигали их дворы, но также «святые церкви осквернили ... и иконы перекололи, и сосуды и еванилья поимали, и книги изодрали, и колокола и свечи пограбили»[29]. Речь здесь идет о свидетельстве современного событиям документа, в котором четко фиксируется отношение казаков к православным храмам и находящимся в них церковным ценностям.

В августе 1612 г. запорожцы участвовали в походе гетмана Я.К. Ходкевича на выручку польско-литовскому гарнизону в Москве. Когда поход закончился неудачей и войско вернулось в Речь Посполитую, «черкасы» «от гетмана отворотиша» и направились на север[30]. С этого времени источники позволяют следить за самостоятельными действиями казаков — выходцев из Речи Посполитой. К этому отряду присоединился другой отряд «черкас» во главе с полковниками Сидором и Барышпольцем. Нанявшись на шведскую службу, они летом 1613 г. осаждали Тихвин, но, не получая жалованья, оставили шведскую службу и направились на Север[31].

И.Н. Ардашев еще в конце XIX в., используя переписку московских властей с органами власти в различных городах русского Севера, смог дать содержательную характеристику действий «черкас» в этом регионе. Их действия охватили весьма обширную территорию. Их отряды подступали к Холмогорам и Архангельску, рассчитывая захватить там имущество иностранных купцов[32]. Во время похода

---

28 ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 263.

29 *Рабинович Я.Н.* Старая Русса в 1609–1612 гг. // Новгородский исторический сборник. М.; СПб., 2011. Т. 12 (22). С. 199.

30 ПСРЛ. Т. 14. С. 126.

31 *Ардашев И.Н.* Из истории XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898, июнь. С. 242–243.

32 Акты Московского государства (далее — АМГ). М., 1890. Т. I. № 46–47, 56; *Ардашев И.Н.* Из истории... С. 248–255.

«черкасы» убивали крестьян и посадских людей, захватывали их имущество, сжигали деревни, посады и города, в их числе такие крупные, как Вологда и Белоозеро[33]. В этом плане действия их мало чем отличались от действий русских казаков, действовавших в том же регионе. Имелось, однако, различие. Русские казаки, неоднократно грабя церковных крестьян, не посягали на церковные ценности. Когда в русском казацком войске появились планы нападения на Кирилло-Белозерский монастырь, то целый ряд атаманов выступил против этого. Некоторые из них позднее даже дали вклады в монастырь[34]. Для «черкас», по-видимому, таких препятствий не было. Когда в сентябре 1612 г. «черкасы» захватили Вологду, они разорили Спасо-Прилуцкий монастырь, убили многих монахов и слуг, разграбили монастырское имущество, содрав даже оклады с икон. От их побоев умер отшельник Галактион, которого «мечами секли» и ударили бревном по голове[35]. Такому же разграблению подвергся Важеский Богословский монастырь[36]. В ночь с 10 на 11 декабря 1612 г. казаки пытались взять штурмом Кириллов[37]. Отряд Сидорка и Барышпольца разорил Никольский Корельский монастырь[38], и казаки пытались напасть на обитель Александра Свирского[39].

В русских правящих кругах постепенно складывалось представление о «черкасах» не только как о грабителях и разбойниках, но и как о врагах веры, враждебной силе. Уже в сообщении о взятии Вологды они фигурировали как «разорители православной веры и креста Христова ругатели»[40]. В 1613 г. освященный собор призывал донских казаков, чтобы они шли к Путивлю «над полскими и литовскими

---

33 Там же. С. 229–232, 234 и др.

34 *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России в XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 128–129.

35 *Ардашев И.Н.* Из истории... С. 230.

36 Там же. С. 231.

37 Там же. С. 237.

38 Там же. С. 255.

39 АМГ. Т. I. № 53 (январь–февраль 1614 г.).

40 *Ардашев И.Н.* Из истории... С. 229.

и над черкасы промышляли ... и Северскую землю от них, злодеев, очищали»[41].

Сложившиеся в эти годы негативные представления о «черкасах» и в русских правящих кругах, и в обществе не могли не наложить отпечатка на русско-казацкие контакты в годы, последовавшие за окончанием Смуты. Вместе с тем важно отметить, что при всем негативном отношении к запорожскому казачеству «черкас» последовательно отделяли от «литовских людей», ставя в один ряд с «русскими ворами», — свидетельство сохранившегося в великорусском обществе сознания этнического родства с восточными славянами — жителями Речи Посполитой.

Вместе с тем годы Смуты стали важной гранью в истории отношений к России тех слоев восточнославянского общества, которые на рубеже XVI–XVII вв. выступили против Брестской унии. В источниках почти не сохранилось следов о каких-либо контактах между Россией и «русскими землями» Речи Посполитой после заключения Брестской унии. Это, как представляется, связано с тем, что соответствующие материалы были вывезены в Речь Посполитую после размещения польского гарнизона в Москве и в отличие от ряда других не были возвращены после заключения Поляновского мира. Некоторые следы таких контактов всё же могут быть обнаружены. В описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается грамота перемышльского епископа Михаила Копыстенского 1603 г. с рекомендациями для некого «семиградского архимандрита»[42].

Эти контакты были, по-видимому, использованы, когда с воцарением в Москве Лжедмитрия I у епископов — противников Брестской унии появились новые сильные опасения за судьбу их исповедания. В записках Станислава Немоевского, одного из польских дворян, приехавших

---

41 Документи російських архівів з історії України. Т. 1. Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 рр. Тексти документів підготували Б. Флоря, Л. Заборовський, А. Турилов. Львів, 1998. С. 62.

42 Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. к печати В.И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1. С. 77.

в Москву вместе с Мариной Мнишек, имеется важное сообщение, что падению Лжедмитрия способствовало обращение к патриарху упоминавшегося выше Михаила Копыстенского и львовского епископа Гедеона Балабана с разоблачением связанных с Самозванцем планов обращения населения России в католическую веру[43]. Это сообщение представляет несомненный интерес для цели данного исследования. Впервые в истории контактов России с «русскими» землями Речи Посполитой видные представители православного духовенства Киевской митрополии выступили в поддержку русских людей против политики собственного правительства, направленной на распространение католической религии. Чего-то подобного, очевидно, опасался Сигизмунд III, когда узнал о приезде в Москву послов Львовского братства. Весной 1606 г., направляя своих послов в Москву, он предписал им требовать выдачу этих людей, отправившихся в Россию «без воли» короля и Речи Посполитой. Их следовало в оковах доставить в Варшаву[44].

Факт этот не остался единичным. События 1609–1610 гг., когда правительство Сигизмунда III предприняло прямые попытки подчинить Россию своей власти и влиянию, принесли новые свидетельства попыток православных жителей Речи Посполитой препятствовать осуществлению планов своего короля. Так, папский нунций в Варшаве сообщал в Ватикан 14 декабря 1609 г., что православные мещане Вильно послали своего человека в Смоленск, чтобы рассказать о преследованиях, которым они подвергаются, и побудить смольнян не сдавать город королю[45]. В следующем, 1610 г. офицер королевской армии, посылавший лазутчиков в Москву агитировать за выбор королевича, сообщал, что «купцы наши, Русь злодейская, дали знать миру (городской общине. — *Б.Ф.*)

---

[43] *Niemojewski S.* Diariusz drogi spisanej i rożnych przypadków pocieszngch i żałosnych, prowadząc córke Jerzego Mniszka Marynę, Dymitrowi Iwanowiczowi w roku 1606. Warszawa, 2006. S. 99, 127.

[44] Muzeum Narodowe w Krakowie. Dział: zbiory Czartoryjskich. Rkp. 2101. S. 38.

[45] Biblioteka Polskiej *Akademii* Nauk w Krakowie. Rkp. 8395. S. 161.

и духовенству, что король, его милость, хочет наступить на их веру и церковь и чтобы не склонялись к королю»[46]. Вероятно, это были те же виленские мещане. 19 января 1611 г. литовский канцлер Лев Сапега в письмах, адресованных «мещаном виленским религии русской», объяснял причину их ареста тем, что мещане тайно посылали «до Смоленска и до столичного города Москвы и до иных городов московских», жалуясь на притеснения властей Речи Посполитой, «за тиранов московских попы ваши Бога просили», а теперь «вы Москву, чтобы королю, его милости, не подчинялась, бунтуете»[47].

В атмосферу размышлений по поводу событий Смуты вводят записи православного жителя Речи Посполитой, связанного, по-видимому, с Львовским братством, сохранившиеся на полях экземпляра Острожской библии[48]. Записи интересны тем, что передают настроения иной группы православного «русского» населения Речи Посполитой, чем мещане Вильно. При оценке высказываний автора следует иметь в виду, что, считая себя православным, он одновременно порицал некоторые характерные для этого исповедания традиции, как почитание икон, изготовление изображений святых. Россия, по его мнению, была особенно привержена такому «балвохвальству», за что ее и покарал Бог[49].

Первоначально он, подобно львовским братчикам, поверил в «чудесное спасение» царевича и одобрял его вступление на трон[50], но отношение его изменилось, когда в русские дела открыто вмешался Сигизмунд III. Позиция эта определялась его представлениями о положении «русского народа»

---

46 Diariusz... S. 109.

47 Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Rkp. 354. S. 70.

48 О личности автора см.: *Флоря Б.Н.* Записи православного жителя Речи Посполитой о событиях Смуты в Русском государстве // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 282–283. Публикацию заметок см.: *Фотинский О.А.* Волынский религиозный вольнодумец XVII в. // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1905. Кн. 18. Вып. 3–4.

49 *Фотинский О.А.* Указ. соч. С. 84–85.

50 Там же. С. 99.

в Речи Посполитой и политике короля. Положение «русского народа» в Речи Посполитой автор заметок оценивал как крайне тяжелое — за прегрешение «русинов» Бог «выдал их тым же ляхом в неволю, що и земли их посели и их за невольники мают»[51]. Король же нарушил присягу, по которой обязался «Руси ... веру им вцале заховати», и принуждает православных к перемене веры под воздействием своих советников — иезуитов, которые из католиков «над всех горшие»[52]. Соглашение, договоренность с таким королем казались автору заметок все менее вероятными. В одной из записей он выражал надежду на появление в Речи Посполитой такого правителя, который бы «выгладил потомство Жикгмонтово все, который веру кгвалтит, также и вызуитов, порадников его на тое злое»[53]. Здесь, как увидим, уже в самом общем виде присутствует идея переворота в Польско-Литовском государстве, переворота, который оградил бы православных «русских» жителей этой страны от притеснений их веры.

Текст заметок ясно показывает, что по убеждению их автора Сигизмунд III вмешался в русские дела, чтобы заставить жителей России принять католическую веру — ему «вызуиты ... на Москву ити казали»[54]. Он выражал глубокую печаль в связи с тем, что Бог за прегрешения отдал во власть «еретиком и папежником» «вже остатнюю Русь Великую Москву»[55]. Но автор заметок надеялся, что искреннее покаяние жителей России отвратит от них Божий гнев. «Уповай Богу, — писал он, — милая Москва! И за то Бог твой отвратит гнев свой от тебе и обратит его на короля полского и на землю его, як тогда на Вавилон»[56]. Автор этого текста был явно вместе с «милой Москвой» и против собственного государства, которое он сравнивал с «Вавилоном» — символом нечестивого царства, разорившего Иерусалим.

---

51 Там же. С. 78.
52 Там же. С. 77, 98.
53 Там же. С. 98–99.
54 Там же. С. 78.
55 Там же. С. 87.
56 Там же. С. 95.

Разумеется, нельзя преувеличивать значение этих фактов. Подобные настроения были достоянием ограниченного круга людей, не обладавших возможностями серьезного влияния на ход событий. Однако принципиально важным является само появление таких людей, переставших отождествлять себя с Польско-Литовским государством, убеждения которых нашли выражение не только в высказываниях, но и в поступках. Поступки эти становились известными русским людям, и у них стало создаваться впечатление, что в Речи Посполитой у них могут найтись союзники в борьбе с захватчиками. Этому, как представляется, способствовало обращение в годы Смуты к пришедшим из Речи Посполитой памятникам полемической литературы. В условиях страшных бедствий, вызывавших у русских людей мысли о близком конце света, когда внешняя опасность воспринималась как угроза не только для государственной самостоятельности, но и для веры, внимание русских людей должны были привлечь такие произведения, как «Казанье Кирилла Иерусалимского об Антихристе» Стефана Зизания. Памятник этот стал известен в России еще до событий Смуты, он упоминается в описи царской библиотеки конца XVI — начала XVII в.[57] Рассказ полемиста о скором конце мира, который приближает своими действиями «антихрист» — римский папа, именно в годы Смуты, как увидим далее, привлек к себе внимание.

Выяснение того, как и где в России в годы Смуты могли распространяться полемические памятники, сталкивается с определенными трудностями. Их издания являются редкостью в древнерусских книжных собраниях, на немногих сохранившихся экземплярах отсутствуют вкладные или владельческие русские записи этого времени. В описях собраний русских монастырей этого и более позднего времени такие издания (в отличие, например, от Острожской Библии) не отмечены.

Все же некоторые центры, где такие памятники имелись и использовались, могут быть установлены благодаря изысканиям Т.А. Опариной. Так, сохранилась рукопись 10-х гг. XVII в.

---

[57] *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI в. М., 1899. С. 322.

с переложением текста таких напечатанных в Остроге изданий, как «Книжица в 6 разделах» (1588) и «Книжица в 10 разделах» (1598), на русский извод церковнославянского языка с владельческой записью «книга игумена Ивана новгородца»[58]. Второй из этих памятников включал в себя наряду со свидетельствами святых отцов послания александрийского патриарха Мелетия Пигаса, Константина Острожского и Ивана Вишенского, порицавшие сторонников унии и призывавшие хранить верность православию. Конволют этих острожских изданий принадлежал архимандриту Хутынского монастыря Киприану (позднее архиепископу тобольскому и новгородскому митрополиту). Книга находится в настоящее время в библиотеке Томского университета[59]. Возможно, отмеченное выше переложение появилось благодаря его инициативе.

Другим центром, где можно отметить присутствие западнорусских полемических памятников, является Троице-Сергиев монастырь. Во время известных прений 1616–1619 гг. их участник, сподвижник архимандрита Дионисия Иван Наседка ссылался на книжицу в 6 разделах, приписывая ее авторство кн. К.К. Острожскому[60]. На экземплярах таких памятников западнорусской полемической литературы, как «Книга о образех» (Вильно, 1596 г.) и «Книжица в десяти разделах» (Острог, 1598 г.), имеются вкладные записи одного из членов кружка архимандрита Дионисия, старца Симона Азарьина, в Троице-Сергиев монастырь[61]. Неслучайно в «Сказании» троицкого келаря Авраамия Палицына папа выступает как «змий пагубный, возгнездившийся в костеле италийском»[62]. В монастыре делались и рукописные копии острожских изданий[63].

---

58 *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 331–332.

59 Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 248.

60 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 44.

61 *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати 1551–1600 гг. М., 2009. С. 221, 229.

62 Сказание Авраамия Палицына... С. 205.

63 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 45.

Таким образом, годы Смуты стали временем первого серьезного контакта русских книжников с западнорусскими полемическими памятниками. Памятники эти определенно закрепляли формировавшееся в эти годы в сознании древнерусского общества отрицательное отношение к католическому западному миру.

Вместе с тем знакомство с этими памятниками показывало, что в Речи Посполитой есть силы, выступающие против экспансии католицизма на восточнославянские земли. Появились надежды на возможность сотрудничества с такими силами в борьбе против этой экспансии, угрожавшей и восточным славянам в Речи Посполитой, и России. Эти надежды получили отражение в посланиях собора русского духовенства 1616 г., адресованных «отлучившимся благословения православным христианом, работающим в королевстве Польского государства»[64]. В этих посланиях к «русским людям» — жителям Речи Посполитой был обращен призыв порвать и с унией, и с польско-литовской властью, а царь Михаил Федорович «яко всеми благими земли отдарует вас и яко сыны и братию приимет». Предлагая порвать с унией иерархи предлагали прочитать «чюднаго Кирилла Иерусалимского ... Мелетия Мудрого от Антиохия и списанейцо Стефана Зизания». Имелось в виду явно «Казанье» Стефана Зизания и послания александрийского патриарха Милетия Пигаса, помещенные в «книжице в десяти отделах»[65], — еще одно свидетельство внимания к этим произведениям в годы Смуты.

Следует отметить, что контакты с православным мещанством Речи Посполитой и созданными в этом государстве памятниками полемической литературы были, вероятно, не единственной причиной появления этого обращения.

---

64 Публ. посланий см.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 3. № 327–328. О датировке посланий см.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 99.

65 Ср.: *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 35.

В 1615–1616 гг. в Москву стали приходить важные сообщения о настроениях в среде запорожского казачества. Такие сообщения приходили прежде всего с Дона. Донское казачество признало своим законным правителем Михаила Федоровича, но одновременно жило в мире с Запорожьем и поддерживало с ним постоянные контакты. Именно с Дона в ноябре 1615 г. пришло известие, что «черкасы», посоветовавшись с донцами, «хотят писать литовскому королю», чтобы он заключил мир с Россией и оставил Смоленск, а если король этого не сделает, то они «станут всеми людми запорожскими черкасы в том приходити на короля»[66]. В мае 1616 г. оттуда же пришло известие, что на предложение короля принять участие в войне с Россией казаки ответили, что они «Московского государства воевать не хотят»[67].

Эти сообщения, представлявшие очевидный интерес для русских правящих кругов, приходили в Москву вместе с другими, говорившими об обострении отношений между казачеством и властями Речи Посполитой в связи с гонениями на православных. Так, в самом конце 1615 г. «выезжей черкашенин Лаврушь» сообщил, что казаки отказались присоединиться к стоявшему у молдавской границы войску С. Жолкевского, так как их «хотят ляхи в свою ляцкую веру привести»[68]. В мае 1616 г. торговые люди, приехавшие «из Запорог на Дон», рассказывали, «что в Полше у крестиян с ляхи великая вражда», так как одни церкви «запечатаны», а другие превращены в костелы. Подвергающиеся гонениям православные просят помощи у «черкас»[69]. Другие сообщения, приходившие тогда же из разных источников, рисовали ситуацию как еще более острую и напряженную. В Запорожье стало известно, что «король с поляки в Вильне церкви крестьянские розорил и веру ломал». Поэтому казаки «хотят с поляки битца» и призвали всех, «чтоб збирались на Днепр в Запороги», а также обратились за помощью на Дон[70].

---

66 Документи... № 28. С. 88–89.
67 Там же. № 35. С. 93–94.
68 Там же. № 29. С. 89–90.
69 Там же. № 33. С. 92.
70 Там же. № 38–39. С. 100–101.

В таких условиях отправленное из Москвы послание могло бы способствовать тому, чтобы запорожцы приступили к осуществлению своих намерений. Сообщения о таких планах и намерениях запорожцев приходили в Москву и позднее. Приехавшие сюда в конце августа 1617 г. послы Войска Донского сообщали, что в Среднем Поднепровье собралось 12-тысячное казацкое войско, «а в Запорогах, де, остались лише у них кошевые робята». Эти казаки стоят «в Киеве и в ыных городех, а бьютца с поляки за веру». С Россией казаки воевать не будут. Донские послы сообщили, что на Дон «атаманы запорожские писали, будет воры от них черкасы пойдут на государевы украины, и они их бы имали и сажали в воду»[71]. В Москве происходил явный поворот в отношении к Запорожскому Войску. В том же августе 1617 г. донские послы докладывали, что на Запорожье были отправлены присланные из Москвы царские грамоты, в которых запорожцам предлагалось принять участие вместе с донцами в походе на Большую Ногайскую орду. В ответ на это обращение на Дон пришел 2-тысячный отряд во главе с атаманом Сидором Ермаковым[72].

Нет оснований считать приходившие в Москву сообщения продуктом чьих-то вымыслов, тем более что некоторые из них находят подтверждение в иных источниках. Так, известно, что уже с 1610 г. казацкое войско взяло под свою защиту православное духовенство в Киеве перед попытками представителей униатского митрополита подчинить их своей власти, и конфликт завершился в 1618 г. убийством митрополичьего наместника в Киеве[73]. Сообщения о том, что казаки отказались присоединиться к войску С. Жолкевского, содержатся в письмах самого гетмана[74].

Все же, как хорошо известно, в последующие годы дело не дошло до открытого столкновения казачества с властями Речи Посполитой, а, напротив, имел место поход казацкого

---

71 Документи... Т. I. № 51. С. 116.
72 Там же. № 50. С. 114–115; № 51. С. 115.
73 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 393–399.
74 Там же. С. 358.

войска во главе с гетманом Петром Сагайдачным на Россию. Предыстории и истории похода посвящена недавно опубликованная монография украинского исследователя П.М. Саса[75].

Положение в Среднем Поднепровье во втором десятилетии XVII в. было сложным. В условиях войны в России, когда все новые атаманы получали королевские грамоты на набор военных отрядов, размеры казацкого войска здесь быстро росли. Не обладая какими-либо официально признанными правами, войско, в состав которого вошли «показачившиеся» представители разных групп населения, фактически пользовалось широкой автономией, не подчиняясь юрисдикции местных органов власти. Все это вызывало раздражение и недовольство властей. Уже в 1614 г. комиссия, состоявшая из крупных украинских землевладельцев, приняла утвержденные затем сеймом решения, что казаки должны принять «старшего», которого даст им гетман коронный, не выходить из Запорожья «на волость», казаки, поселившиеся на земле каких-либо имений, должны подчиняться власти их господ, но эти решения не выполнялись[76].

Эти противоречия, как показал П.М. Сас, наложили свой отпечаток на ход переговоров об участии казаков в походе на Россию. Хотя сейм 1616 г. принял решение о походе королевича Владислава в Россию для возвращения ему «московской короны», сейм выделил очень ограниченные средства на ведение войны. Отсюда заинтересованность привлечь к участию в войне многочисленного казацкого войска, на содержание которого не нужно было выделять больших средств.

Уже вскоре после выступления Владислава в поход летом 1617 г. начались переговоры об участии казацкого войска в возобновившейся войне с Россией[77]. Однако на переговорах возникли трудности, связанные с политикой Сигизмунда III. Еще в начале 1617 г. король обратился к казакам с требованием, чтобы они прекратили набеги на земли Османской империи.

---

[75] *Сас П.М.* Запорожці у польско-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. Біла Церква, 2010.

[76] *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 350–352.

[77] *Сас П.М.* Запорожці... С. 272–273.

В случае неповиновения он угрожал карательным походом своего сына Владислава и его войска, когда будут наказаны не только непокорные запорожцы, но и их жены и дети[78].

Когда в августе 1617 г. собралась казацкая рада в Черкассах, то, по сведениям, которые дошли в Москву, ее участники не взяли у послов королевича сукна и деньги как жалованье за участие в войне[79]. Как писал С. Жолкевский Владиславу, казаки думают, что Владислав в действительности собирал войско для похода на Украину[80].

Когда в конце сентября 1617 г. был заключен польско-турецкий мирный договор, по которому польско-литовская сторона обязалась препятствовать походам казаков на земли Османской империи и карать их за это»[81], это, судя по доходившим до Москвы сообщениям, вызвало резкую реакцию казаков. Так, до русских посланников в Крыму дошли слухи, что С. Жолкевский договорился с командующим османской армии Искандер-пашой «черкас побить ... сопча с оби стороны». Поэтому казаки думают о том, чтобы «отложитца» к царю или хану[82]. Выходец из Речи Посполитой П. Иванов, рассказывавший о казацкой раде в Черкассах, также сообщал, что по договору С. Жолкевский обязался «вывести ... из Запорог черкас». После этого казаки созвали круг и хотели просить царя, «чтоб им государь велел быти под его государскою державою, где государь им ни велит быть»[83]. Таким образом, в ситуации, которая воспринималась как критическая, появилась мысль об отъезде Войска Запорожского на русскую территорию.

В октябре 1617 г. на р. Роси начались переговоры комиссаров Речи Посполитой во главе с С. Жолкевским с предводителями казаков в условиях, когда друг другу противостояли

---

78 Там же. С. 281–282.

79 Документи... Т. I. № 68. С. 123.

80 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 358.

81 О заключении договора и его условиях см.: *Сас П.М.* Запорожці... С. 289–291.

82 Документи... Т. I. № 49. С. 112–114.

83 Там же. № 68. С. 123.

два вооруженных войска[84]. Рассмотрение содержания соглашения, заключенного при активном участии главы войска Запорожского гетмана Петра Сагайдачного, не входит в тему данного исследования. Следует лишь отметить, что в условиях острой заинтересованности властей Речи Посполитой в участии казачества в войне с Россией соглашение оставило открытыми многие спорные вопросы в отношениях между Речью Посполитой и властью. Так, казаки обязывались удалить из войска показачившихся мещан и лиц, ставших казаками в последние два года, но совсем не устанавливался срок, к которому это должно было быть сделано. Устанавливался размер жалованья, которое будет выплачиваться за службу, но сам размер казацкого войска при этом никак не определялся.

Соглашение открывало дорогу для участия Войска Запорожского в войне с Россией. Понятно, что война привлекала казаков возможностью захвата добычи и пленных, которых они часто делали своими слугами («джурами»), однако следует поставить вопрос, не связывало ли казачество свое участие в войне с какими-то благоприятными для него переменами в Речи Посполитой. Так, в казацкой версии соглашения от 31 октября 1617 г. отмечалось право казаков обратиться к королю и сейму с просьбой о подтверждении в полном объеме казацких вольностей[85]. На казацкой раде, собранной на р. Роси в июне 1618 г. перед выступлением казацкого войска в поход, ее участники просили гарантировать им право свободно исповедовать свою веру и чтобы в Киеве униаты не заставляли православных священников переходить в унию[86]. Это сообщение позволяет предполагать, что военная служба в России должна была принести казачеству

---

[84] О переговорах и их результатах см.: *Сас П.М.* Запорожці... С. 296 и сл.

[85] Pisma Stanisława Żółkiewskiego / Wyd. A. Bielowski. Lwów, 1861. S. 322.

[86] *Сас П.М.* Запорожці... С. 316. Это свидетельство подтверждает достоверность свидетельств русских источников о том, что казаки были обеспокоены положением православных в Речи Посполитой.

не только добычу и пленных, но и подтверждение «вольностей» и возвращение православию того положения, в котором оно находилось до Брестской унии.

Свидетельства более поздних источников, о которых еще пойдет речь в этом исследовании, показывают, что в первой половине XVII в. резко отрицательное отношение казаков к тем представителям и органам власти, с которыми они сталкивались, еще не распространялось на всё Польско-Литовское государство. В казацкой среде существовало представление, что в политической элите Речи Посполитой есть влиятельные силы, которые могут помочь казачеству добиться признания права на особый привилегированный статус. Имевшие место в 90-х гг. XVI в. серьезные конфликты не привели к исчезновению таких представлений. Поэтому не может вызвать удивления решение казацкого войска благодаря военной службе в России добиться утверждения сеймом своих «вольностей».

Гетман П. Сагайдачный собрал для участия в походе большое войско. В одном гетманском полку, собиравшемся в Киеве, насчитывалось 5 тыс. казаков[87]. В уже упоминавшейся книге П.М. Саса была осуществлена подробная реконструкция событий, основанная на источниках из польских, украинских и русских архивов. В рамках данного исследования имеет смысл акцентировать внимание на главных моментах этого похода.

Хотя по плану военных действий войско Сагайдачного должно было идти к Вязьме на соединение с армией королевича, гетман избрал другое направление похода — по Муравскому шляху в юго-западные уезды Русского государства. Как представляется, гетман исходил из того, что на смоленском направлении против армии Владислава будут сосредоточены главные русские силы, что, соответственно, ослабит их на других направлениях. Кроме того, свой самостоятельный маршрут обеспечивал свободу действий, при которой вся добыча и пленные оставались бы в руках казацкого войска. Дополнительные обстоятельства способствовали

---

87 *Сас П.М.* Запорожці... С. 314.

успеху похода — большие отряды казаков, находившиеся в юго-западных уездах Русского государства, в 1617–1618 гг., недовольные условиями службы, требуя увеличения жалованья, оставили службу, и воеводы оказались перед лицом противника без соответствующих военных сил[88].

Двигаясь с юга по Муравскому шляху, казацкое войско взяло штурмом Ливны, затем, не выдержав осады, сдался Елец, где в руки казаков попали поминки, отправленные из Москвы в Крым[89]. Через Тульский край П. Сагайдачный двинулся в Рязанскую землю. Войсками полковника Михаила Дорошенко были захвачены Лебедянь, Скопин, Данков, Романово городище[90]. На территории Рязанской земли военные действия развернулись с большим размахом. Казацкие войска осаждали главные центры края — Переяславль-Рязанский и Пронск, а также Зарайск. Две недели продолжалась осада Михайлова, который казакам взять не удалось. Однако ряд более мелких городов был захвачен казаками — Ряжск, Песочня, Сапожок, а на прилегающих землях — Шацк и Касимов[91]. П. Сагайдачный писал королевичу, что казаки «rozgramialy ... prawie wszystkie ich sieły Rzezanskie, których się wielki lidzby stąd do stolice spodziewali»[92]. Очевидно, речь шла о том, что разоренные казаками рязанские села не смогут доставить в Москву продовольствие, в котором нуждалась блокированная армией Владислава русская столица. Помимо добычи казаки взяли много пленных. Только в Ельце и Елецком уезде было захвачено около тысячи подростков и юношей, которые стали слугами участников похода[93]. Полевых сражений не было. Очевидно, правительство в Москве не было в состоянии направить против казаков крупные военные силы.

---

88 *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России в XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 179–184.

89 *Сас П.М.* Запорожці... С. 331–335.

90 Там же. С. 336–339. «Боярский город Романов», взятый казаками, это не город Романов на Волге (Там же. С. 344), а владения Романовых в Лебедянском уезде.

91 *Сас П.М.* Запорожці... С. 339–347.

92 Цит. по: *Сас П.М.* Запорожці... С. 467.

93 *Станиславский А.Л.* Гражданская война... С. 179.

В середине сентября 1618 г. войско Сагайдачного перешло Оку около Коломны и двинулось к Москве на соединение с армией Владислава. Известить королевича о походе были направлены полковники М. Дорошенко и Б. Конша[94]. В районе Донского монастыря русские войска попытались остановить казацкие войска, но попытка закончилась неудачей и силы противников соединились в районе Тушина[95]. Запорожцы приняли затем участие в неудачном штурме Москвы[96]. Когда осада Москвы прекратилась, а войско Владислава отошло к Троице-Сергиеву монастырю, начались походы запорожских отрядов на разные русские территории. Так, отряд полковника Баришпольца разорил окрестности Дмитрова[97]. Большие отряды запорожцев вместе с перешедшими к Владиславу русскими казаками направились на север, осаждали Углич, Тотьму, Вологду. Особенно сильному разорению подверглись Каргопольский, Вологодский, Белозерский уезды. Несмотря на заключение Деулинского перемирия, отряды «черкас» продолжали разорять северные земли. В одном Каргопольском уезде в начале 1619 г. было убито 776 крестьян. Как писали крестьяне в своих челобитных, «многих людей посекли, и хлеб молочений и не молоченой скормили, лошадей вывели, а коров и овец выбили, а жен и детей позорили, а иных в полон свели»[98]. Лишь разгром в конце января 1619 г. в районе Устюжны отряда полковника Яцкого положил конец этим действиям[99]. Основная часть казацкого войска во главе с Сагайдачным двинулась на юг. Отряды казаков штурмовали Серпухов, Каширу, сожгли и разорили посад Калуги. Осада крепости в Калуге была прекращена, когда к Сагайдачному пришли известия о заключении перемирия, и войско двинулось на юг к Киеву[100].

---

94 *Сас П.М.* Запорожці... С. 467–468.
95 Там же. С. 372–376.
96 Там же. С. 387 и сл.
97 Там же. С. 437.
98 Цит. по: *Станиславский А.Л.* Гражданская война... С. 197.
99 Там же. С. 195–198. Ср.: *Сас П.М.* Запорожці... С. 436–441.
100 *Сас П.М.* Запорожці... С. 441–447.

Уже этот краткий обзор событий, связанных с приходом Сагайдачного, показывает, сколь значительные территории были опустошены из-за действий казацкого войска, сколько городов было разорено. Запорожцы увели с собой и бóльшую часть захваченного полона[101]. В заключении к своему исследованию П.М. Сас справедливо отмечает, что в значительной мере благодаря действиям Войска Запорожского комиссарам Речи Посполитой удалось добиться заключения такого соглашения, по которому Северская земля и Смоленщина вошли в состав Польско-Литовского государства[102]. Вместе с тем тот же исследователь показал, что единственным вознаграждением за эту «службу» была выплата Войску Запорожскому в 1619 г. 20 тыс. злотых — сумма очень небольшая, если ее разделить на всех участников похода. К тому же деньги были выплачены не как награда «за московскую службу», чтобы не создавать нежелательного для властей Речи Посполитой прецедента[103]. К этому следует добавить, что служба не принесла казакам ни утверждения их «вольностей», ни улучшения положения православной церкви.

Одновременно поход способствовал тому, что в сознании и русских правящих кругов, и русского общества снова утверждался образ казачества, окрашенный в резко отрицательные тона. Составители «Бельской летописи» писали, что Сагайдачный с казацким войском «много православных крестьян с женами и детьми посек неповинно ... и храмы Божия осквернил и розорил»[104]. Запорожское казачество снова воспринималось как сила, враждебная не только Русскому государству, но и православной вере. Поднятая в «Бельской летописи» тема получила развитие в «Повести об осаде города Михайлова». Главный герой повествования — гетман Сагайдачный выступает в ней как «начальный сему всепагубному воровству

---

101 *Сас П.М.* Запорожці... С. 449.

102 Там же. С. 458.

103 *Сас П.М.* Роставицька комісія та польско-запорозька угода 1619 р. // Terra cosacorum: Студії з давньої і нової історії України. Київ, 2007. С. 70.

104 ПСРЛ. Т. 34. С. 266.

и разоритель Московского государства»[105]. Жестокий гетман угрожает жителям города, не желающим сдаться, «руку и ногу отсещи и повергнути псам»[106]. Запорожцы выступают в повествовании как «сонмище сатанино». Они «монастыри и церкви Божии расхитиша и огнем пожгоша»[107]. Уходя от города, Сагайдачный приказывает «храмы и домы вся сожещи»[108]. Неудивительно, что в борьбе с запорожцами защитникам Михайлова чудесным образом помогают небесные силы — св. Николай и Богородица[109].

Произошедшие события наложили глубокий отпечаток на мировоззрение переживших Смуту людей, их представления о внешнем мире. Мир, лежащий на Запад от русских границ, стал восприниматься как находящийся во власти враждебных сил, стремящихся завоевать Россию и навязать ее населению свою веру. Так рассуждали не только духовные лица, как, например, Авраамий Палицын, но и светские люди. Так, дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике» писал об Иване IV как о правителе, сумевшем оградить Россию от опасности со стороны соседей. Неслучайно «языческие страны» так радовались, узнав о его смерти. Когда после этого в России начались смуты и раздоры, они стали стараться довести эту страну до «совершенного падения»[110].

В этих условиях в действиях верховной власти по окончании Смуты стало всё сильнее проявляться стремление провести между Россией и этим западным миром возможно более четкую разделительную границу, чтобы в дальнейшем оградить страну от идущих из этого мира вредных влияний. Исследование Т.А. Опариной показало, какого рода меры были приняты. Принятые решения отразили, прежде всего, резкое изменение отношения к католикам. Для переживших Смуту людей было психологически трудно видеть в «богоборной

---

105 Киевская старина. Т. 13. Киев, 1885. С. 684.
106 Там же. С. 687.
107 Там же. С. 684.
108 Там же. С. 689.
109 Там же. С. 687–688.
110 РИБ. Т. XIII. СПб., 1891. Стб. 283, 448.

латине» (выражение Ивана Тимофеева), разорявшей их страну и осквернявшей православные святыни, таких же христиан, расходящихся с ними только в некоторых вопросах вероучения. Ответом на эту потребность стало появление сочинения, созданного, по-видимому, в окружении патриарха Гермогена, «Ереси римские, еже прияша от жидов, мелхсидек и армян». Опираясь на «низовую» антилатинскую традицию византийской письменности, его создатели доказывали, что в католическом вероучении воскресли многие древние ереси, давно осужденные церковью[111]. Опираясь на авторитет этого памятника, вернувшийся из польского плена патриарх Филарет провел на соборе 1620 г. решение, по которому осуждалась практика принятия латинян в православие через миропомазание, и для них, как последователей древних ересей и протестантов, обязательным условием становилось повторное крещение. Тем самым ставилась под сомнение действенность таинств католической церкви, очерчивался глубокий разрыв между ней и православным миром[112].

Решение собора 1620 г., как известно, коснулись и православных «русских» жителей Речи Посполитой. Как уже отмечалось, годы Смуты для русского общества воспринимались с определенной временной перспективы как время напряженной борьбы с враждебным западным миром за свою государственность и за свою веру. В этой борьбе «русские люди» — казаки постоянно выступали на стороне враждебных России сил. Возникал вопрос, чем объяснить такое их поведение. Объяснение предложил в своем «Сказании» Авраамий Палицын. «Братия же наша, — писал он, — Северскиа земли жителие и польских градов ... навыкше от многих еретиков, по Украйне живущих, их злым нравом и обычаем, и с ними вкупе ратующее нас»[113]. Палицын хотел объяснить читателю, почему жители Северской земли упорно выступали против Москвы, поддерживая самозванцев, но его слова давали

---

111 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 47 и сл.

112 О решении собора 1620 г. см.: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви... Кн. VI. С. 285 и сл.; *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 49 и сл.

113 «Сказание» Авраама Палицына... С. 120.

объяснение и враждебным действиям запорожских казаков — они тем более находились под влиянием живущих на Украине еретиков. Их влияние оказывалось тем более опасным, что они смогли совратить с правильного пути население целой Северской земли. Разумеется, побудительные мотивы действий и жителей Северской земли и запорожцев следует искать в иной плоскости (о возможных мотивах действий запорожцев достаточно подробно говорилось выше), но для русского читателя эти объяснения звучали убедительно.

Такой взгляд на состояние духовной жизни на «русских» землях Речи Посполитой поддержал, ссылаясь на личные наблюдения, на заседаниях собора сам патриарх Филарет. Люди, считающие себя православными, на деле не соблюдают правил и преданий, нарушив их, ведя совместную жизнь с представителями разных конфессий. Кроме того, значительная часть православных подчинилась власти папы, другая подпала под влияние различных ересей, и лишь некоторые сохранили верность православию, подвергаясь из-за этого гонениям.

После авторитетных констатаций Филарета собор 20 декабря 1620 г. принял «Указ, како изыскивати и о самех белорусцех» (утвердившееся к этому времени в Москве общее название для «русских» жителей Речи Посполитой). «Указ» предусматривал, что в случае прихода на «житье» в Россию такого «белорусца» следует проводить расследование, не является ли этот человек приверженцем унии, и не был ли он крещен униатским священником, и не причащался ли он в костеле. Всех таких людей при переходе в православие следовало повторно крестить, как и католиков. Следовало бы подвергнуть такой процедуре и православного, если бы оказалось, что он был крещен по обряду, принятому в католическом мире (через «обливание»)[114]. В решениях собора проявилось стремление провести четкую границу не только между русским православием и католицизмом, но и между русским православием и теми частями «русского» населения Речи Посполитой, правоверность которых вызывала сомнения. Это был результат размышлений

---

[114] *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви... Кн. VI. С. 289–290; *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 57–58.

участников собора, опиравшийся как на сведения о конфессиональных отношениях в Речи Посполитой, так и на опыт общения с «русскими людьми» из Речи Посполитой в годы Смуты. Сотрудничество казаков с властями Речи Посполитой воспринималось как свидетельство слабости их веры, их подверженности чуждым влияниям.

Решения собора 1620 г. не означали полного разрыва с «русским» населением Речи Посполитой. В речи Филарета говорилось и о жителях этого государства, которые сохранили преданность своей вере, хотя и терпят из-за этого «беды и напасти»[115]. С активизацией действий этих людей в отношениях между Россией и «русскими» землями Речи Посполитой могли произойти важные перемены.

Итоги общения русского общества с «русскими» жителями Речи Посполитой в годы Смутного времени следует оценить как противоречивые. С одной стороны, формировалось представление о таких людях как о чужой, враждебной силе, готовой выступать в качестве орудия враждебного России Польско-Литовского государства.

Таково было в сознании общества и правящих кругов представление о запорожском казачестве, опиравшееся на значительный отрицательный опыт. С другой стороны распространение в России в годы Смуты памятников западнорусской полемической литературы, как и некоторые другие факты, указывали на существование в Речи Посполитой сил, выступающих против несправедливой религиозной политики своего государства, и это открывало перспективу их сотрудничества с Россией, которой также угрожала эта политика. Послание собора русских епископов 1616 г. показывает, что такие факты не прошли мимо внимания и русской церкви, и русских правящих кругов. Хотя в годы Смуты такая перспектива не была реализована, для ее осуществления в сознании тех кругов западнорусского общества, которые выступали против Брестской унии, формировались определенные предпосылки — ощущение солидарности с Россией в ее борьбе с экспансией католицизма, готовность помогать ей в этой борьбе.

---

115 *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви... Кн. VI. С. 289.

ГЛАВА 4

Первые контакты восточнославянских земель Речи Посполитой с Россией по окончании Смутного времени

Благодаря находке А.А. Булычева можно утверждать, что начало установления контактов между русскими властями и духовенством киевской митрополии после Смуты связано с именем Е. Плетенецкого, архимандрита Киево-Печерского монастыря, в годы правления которого монастырь стал важным центром духовной жизни православного «русского» населения Речи Посполитой. Уже в первые годы своего правления Е. Плетенецкий проявил интерес к установлению связей с Москвой. Добившись от Лжедмитрия I подтверждения традиционного права на сбор дани с имений монастыря в Северской земле, он 5 апреля 1606 г. получил разрешение короля на поездки печерских старцев в Москву[1].

Возобновить установленные связи он попытался вскоре после заключения Деулинского перемирия. На полях экземпляра «Анфологиона», напечатанного в типографии Киево-Печерской лавры, сохранившегося в составе собрания книг Московского Печатного двора, А.А. Булычев обнаружил запись о поднесении этого экземпляра Анфологиона царю Михаилу Федоровичу от имени архимандрита Елисея Плетенецкого, датированную 1 мая 1619 г., благодаря чему можно сделать вывод, что книга была отправлена в Москву вскоре после ее издания[2].

---

1 РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Кн. 218. Л. 5–6 об.

2 *Булычев А.А.* Заметки о славянских изданиях кирилловского шрифта XVI–XVII столетий из собрания РГАДА: 2. О «подносном» экземпляре Киевского Анфологиона 1619 г. // Книжная старина. СПб., 2011. Вып. 2. С. 22, 24.

Какими-либо другими данными об этом первом контакте высокопоставленного представителя духовенства киевской митрополии с царем Михаилом Федоровичем мы не располагаем. Обращает на себя внимание, что контакты русских властей с Киево-Печерским монастырем, насколько можно судить, не сопровождались ранее посылками в Москву каких-либо книг. В данном случае была отправлена в Москву совсем не рядовая книга. «Анфологион» был первым крупным изданием организованной Е. Плетенецким типографии, подготовленным совместным трудом ряда его сотрудников. Текст перевел с греческого игумен Михайлово-Златоверхого монастыря Иов Борецкий, в работе его консультировал будущий преемник Плетенецкого Захарий Копыстенский, а держал корректуру главный сотрудник типографии Памва Берында[3]. За этим изданием в последующие годы последовали другие, не менее крупные. Эти издания в первой половине 20-х гг. отправлялись в Москву одно за другим с посольствами из Киева. Как представляется, это говорит о желании вызвать в Москве интерес к этим изданиям, что могло бы привести к оказанию типографии материальной поддержки. Кроме того, это должно было создавать в Москве привлекательный образ киевского духовенства. Последующие сведения о контактах духовенства Киевской митрополии с Москвой относятся уже к началу 20-х гг. XVII в.

Вслед за Е. Плетенецким попытку восстановить связи с Москвой предприняло Запорожское Войско. Этот эпизод истории русско-запорожских контактов неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, дававших происходящему разные оценки. В настоящее время история запорожского посольства, отправленного в Москву в 1620 г., подробно рассмотрена в исследовании П.М. Саса[4]. Выводы исследователя о цели казацкого посольства в Москву представляются совершенно правильными, но в иных отношениях эпизод нуждается в дополнительном рассмотрении.

---

[3] *Исаевич Я.Д.* Преемники первопечатника. М., 1981. С. 53–54.

[4] *Сас П.М.* Витоки українського націотворення. Київ, 2010. С. 411–449.

Как установил П.М. Сас, решение об отправке посольства было принято на раде в Переяславе в январе 1620 г.[5] Изложение грамоты, которую повезли с собой запорожские послы, сохранилось в тексте ответной грамоты царя Михаила Войску Запорожскому. В ней говорилось, что Запорожское Войско хотело бы, как и раньше, нести «службу» царю и получать за нее жалование. Ныне Войско ходило походом на татарские улусы и посылает, как свидетельство о своих действиях, двух пленных татар[6]. Разбирая этот документ, П.М. Сас оставил в стороне ссылки запорожцев на прежнюю практику отношений[7]. Между тем именно обращение к этой практике позволяет понять смысл предложений запорожцев. В конце XVI — начале XVII в. Войско Запорожское (о чем говорилось выше) брало на себя обязательство защищать южные границы Русского государства от татар, а за это казакам посылалось «жалованье» из Москвы. Теперь, по окончании войны, Войско Запорожское предлагало вернуться к такого рода отношениям. После активного участия казачества в походе королевича Владислава такой шаг мог бы вызвать удивление, но он легко объясняется его условиями существования. По окончании войны с Россией большое, собранное для участия в войне казацкое войско оказалось не у дел, и встал вопрос о поисках средств на его содержание. В этих условиях и вспомнили о том, что в сравнительно недавнее время запорожцы получали из Москвы «жалованье» за походы против татар.

В какой мере инициатива запорожцев вписывалась в русскую внешнюю политику первых лет после заключения Деулинского перемирия? Время после прихода к власти Михаила Федоровича стало временем сближения Русского государства и Крыма, направленного против Польско-Литовского государства. Крымские набеги на русские земли прекратились, и, напротив, начались постоянные набеги татар на южные области Речи Посполитой[8]. Действуя так, хан

---

5 Там же. С. 413.

6 Документи... Т. I. № 177. С. 248–249.

7 *Сас П.М.* Витоки... С. 413–414, 417.

8 *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 83–88.

выполнял приказы султана, заинтересованного в ослаблении позиций Речи Посполитой на Балканах. Кроме того, Крымское ханство стремилось постоянно поддерживать равновесие сил между своими северными соседями, помогая более слабой стороне, а такой после Смуты была Россия. Как бы то ни было, сближение Крыма и России было фактом, и в Москве хотели его сохранить, рассматривая Крым как важного союзника в будущей борьбе против Польско-Литовского государства. Предложения запорожцев находились в противоречии с этими планами, и в Москве готовы были видеть в посольстве шаг, предпринятый «по умышленью польских и литовских людей», чтобы хана и царя «тем ссорить»[9]. Неудивительно, что царь не хотел допускать запорожских послов в Москву, привезенные ими татары были отправлены в Крым, и предпринимались и другие шаги, чтобы приезд запорожцев не повлиял отрицательно на русско-крымские отношения[10].

Вместе с тем, когда запорожские послы все же приехали в Москву, им был оказан прием скромный, но соответствующий их рангу[11]. Когда послов принимал Дмитрий Михайлович Пожарский, им специально разъяснили, что сейчас время поста, когда царь никого не принимает[12]. С посланцами было отправлено «лехкое» «жалованье» — 300 руб. Это было не то, на что рассчитывали казаки. 300 руб., как показал П.М. Сас, не могут рассматриваться как нормальное жалованье Запорожскому Войску[13]. Кроме того, в грамоте Михаила Федоровича говорилось, что так как между Россией и Крымом сейчас мир, то царь не посылает казаков на крымские улусы[14]. Это означало, что за походы на татар, предпринятые без царского указа, жалованье выплачиваться не будет. Таким образом, соглашение между Москвой и Запорожьем

---

9 См. грамоту Михаила Федоровича русским послам в Крым от 12 февраля 1620 г. (Документи... Т. I. № 180. С. 253).

10 См. об этом подробнее: *Сас П.М.* Витоки... С. 428–429.

11 Там же. С. 431–432.

12 Документи... Т. I. № 177. С. 248.

13 *Сас П.М.* Витоки... С. 442.

14 Документи... Т. I. № 177. С. 249.

не состоялось. Об этом говорят (как увидим далее) и события 1625 г. Налицо, однако, знаки внимания к запорожским послам, стремление установить дружественные отношения с Войском Запорожским. Чем такое стремление было вызвано? Ответы дают некоторые детали беседы послов с главой Посольского приказа думным дьяком Иваном Грамотиным. Во время беседы думный дьяк сообщил, что по дошедшим в Москву сведениям «польский Жигомонт король ... на веру их хочет наступить», а затем спросил, нет ли «на их веру ... какова посяганья» от Сигизмунда III и его союзников, императора и папы[15]. Появление такого вопроса не было случайным. Уже в 1615–1616 гг. в Москву стали приходить известия, что в Речи Посполитой преследуют православных, принуждая их к перемене веры, и что эти действия власти вызывают недовольство казаков, готовых защищать свою веру силой[16]. Весной 1619 г. в Москву пришли известия о попытках Иоасафата Кунцевича силой ввести унию в Полоцке и Могилеве и о том, что на сейме «Саадачного, деи, черкасы о крестьянской вере стояли накрепко», добиваясь открытия «запечатанных» церквей[17]. В этой связи становится вполне понятной попытка выяснить, нельзя ли найти соглашение с казачеством на почве совместной борьбы за интересы православия в Речи Посполитой.

Как известно, послы ответили, что «посяганья на них от польского короля никоторово не бывало»[18]. Почему послы дали такой ответ, не соответствующий подлинным фактам, установить невозможно. Вероятно, как предполагает П.М. Сас, послы следовали наказу, в котором эта тема не затрагивалась[19]. Такой ответ, конечно, разочаровал московских политиков, но решающего значения он иметь не мог. У них не было оснований сомневаться в правильности полученных сведений. Если в момент переговоров какого-либо конфликта между властями Речи Посполитой и казачеством не было,

---

15 Документи... Т. I. № 177. С. 246.
16 Там же. № 29. С. 90; № 38. С. 100.
17 РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 38. Л. 170, 206.
18 Документи... Т. I. № 177. С. 246.
19 *Сас П.М.* Витоки... С. 434–435.

то такой конфликт, связанный с преследованиями православных, вполне мог возникнуть в будущем, а для этого следовало сохранять и поддерживать связи с Войском Запорожским. Этой цели и служили знаки внимания, адресованные как самим послам, так и отправившему их Войску.

Своеобразным эпилогом посольства Сагайдачного в Москву стал эпизод, связанный с пребыванием на Украине иерусалимского патриарха Феофана, эпизод, описанный поразному в православном и униатском источниках. В православном сочинении «Verificata niewinności» говорилось, что в пограничной Буше при расставании патриарха с провожавшими его казаками (дело было в начале весны 1621 г.) Сагайдачный от имени войска просил отпущения за «разлитие христианской крови» во время войны с Россией. Патриарх отвечал, что казаки не совершили никакого греха, так как выполняли приказы своей власти[20]. Существенно иначе изложен этот эпизод в униатском сочинении «Sowita Wina». Согласно этому источнику, патриарх порицал казаков за участие в войне с Россией и что они «dla tego w klątwę wpadli»[21].

Сопоставляя сведения двух источников можно попытаться установить, что же произошло в Буше. Как представляется, Сагайдачный пытался выяснить у патриарха, почему Войско Запорожское не было принято на царскую службу, а патриарх объяснил, что за свои действия во время Смуты запорожцы были отлучены от церкви. Очевидно, после этого Сагайдачный стал добиваться, чтобы патриарх освободил казаков от этой «клятвы», но Феофан этого не сделал. Предложенная реконструкция объясняет, почему в 1625 г., когда снова стал актуальным вопрос о приеме Войска Запорожского на русскую службу, православные епископы Киевской митрополии обратились к царю с просьбой простить запорожцам их участие в событиях Смуты.

---

[20] Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 7. Киев, 1887. С. 340.
[21] Там же. С. 485.

ГЛАВА 5

Россия и духовенство Киевской митрополии в первой половине 20-х годов XVII в.

События, связанные с восстановлением православной иерархии в Киевской митрополии, были неоднократно темой исследования целого ряда ученых. В настоящее время большое обобщающее исследование, подводящее итог изучению этой важной темы, подготовил украинский исследователь П.М. Сас[1]. Благодаря усилиям исследователей реконструирован сам ход событий и выявлены перемены в развитии самосознания «русского» народа в Речи Посполитой, которые эти события сопровождали. В данном исследовании эти события будут затронуты лишь настолько, насколько это будет нужно для темы этой работы. Само это восстановление иерархии стало результатом совместных действий православной шляхты, мещанства, казачества, побудивших посетившего Киев иерусалимского патриарха Феофана поставить для Киевской митрополии митрополита и епископов. Действия эти были предприняты без согласия и против желания значительной части политической элиты Речи Посполитой во главе с самим королем Сигизмундом III, которая проводила в Польско-Литовском государстве политику насаждения унии с Римом, не останавливаясь перед насильственными мерами. Это означало конфронтацию, и конфронтацию довольно резкую, между этой политической элитой и участниками восстановления православной иерархии.

Важно, как участники совместных действий их обосновывали. В сочинениях православных публицистов, увидевших свет вскоре после восстановления православной иерархии,

---

1 *Сас П.М.* Витоки українського націотворення. Київ, 2010.

последовательно проводилась мысль, что, действуя таким образом, «русский» народ в Речи Посполитой добился реализации исторически принадлежавшего ему права иметь собственную церковь. Это положение обосновывалось аргументами от истории. Православные полемисты утверждали, что Польско-Литовское государство образовалось благодаря соглашению между тремя народами — «русским», польским и литовским, соглашению, основанному на признании за каждым из народов традиционно принадлежавших ему прав. При этом новая государственная власть в лице польских королей неоднократно это право «русского» народа подтверждало. «Русский» народ, таким образом, собственными действиями вернул себе утраченное право. Православные полемисты подчеркивали, что соблюдение традиционных норм права всех трех народов является необходимым условием нормального функционирования государства и мирного сожительства в нем разных народов[2]. Из этих положений могли вытекать далеко идущие выводы. Если правящие круги нарушают ими же признанные права «русского» народа, то это дает «русскому» народу право и воспротивиться таким действиям, и выйти из состава государства, где нарушаются его права. Разумеется, в полемических сочинениях 20-х гг. XVII в. такой постановки вопроса не было. Лишь в одном из этих текстов, «Суппликации», адресованной участникам сейма 1623 г., говорилось, что, если «русский» народ будут заставлять отказаться от веры отцов, это может привести к гражданской войне[3]. Это, однако, была крайне нежелательная перспектива, которой следовало всячески избегать.

Нет сомнений, что эти сочинения отражали размышления о месте и судьбе «русского» народа в Речи Посполитой

---

[2] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Осмысление конфликтов, вызванных Брестской унией 1596 г., верхами православного белорусского и украинского общества // *Дмитриев М.В. и др.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в. М., 1999. Ч. II. С. 68 и сл.

[3] Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и к Польше. СПб., 1865. С. 302.

и в среде православного духовенства (по крайней мере его верхов, прямо причастных к созданию полемических сочинений). Как представляется, при существенной близости взглядов духовенства и шляхты в их положении были существенные различия, что не могло в конце концов не отразиться на их взглядах и действиях.

Православная шляхта воспринимала действия короля Сигизмунда III и его окружения, которые подготовили Брестскую унию не советуясь с православной шляхтой Речи Посполитой и не запрашивая ее мнения, как нарушение «свобод» православной шляхты, которой традиционно принадлежало право коллективного патроната над православной церковью Киевской митрополии. Отсюда ее активное участие в движении за восстановление православной иерархии. В остальном православная шляхта была вполне довольна общественным строем Речи Посполитой и рассчитывала добиться своих целей, обеспечив поддержку собратьев по сословию на форуме верховного органа власти Речи Посполитой — сейма. К этому следует добавить, что непосредственно православную шляхту гонения, с которыми было связано насаждение унии, не затрагивали. Не могли власти Речи Посполитой и привлечь шляхетских политиков к ответственности за их участие в установлении православной иерархии.

Положение православного духовенства было иным. Общественный строй Речи Посполитой не вызывал в этой среде каких-либо возражений. Однако в отличие от православной шляхты духовенство все чаще подвергалось гонениям, сопровождавшимся мерами насилия со стороны власти, когда храмы отбирали с помощью войска или «запечатывали», запрещая священникам служить в них. Восстановление православной иерархии, совершенное вопреки воле короля, было нарушением его традиционных прав патрона церковных учреждений, и за это новые православные иерархи могли быть привлечены к ответственности. Степень конфронтации оказывалась здесь гораздо более острой, чем в случае с православной шляхтой. В условиях гонений и преследований стал продолжаться начавшийся в более ранние годы определенный процесс «отчуждения» этой части общества

от Польско-Литовского государства и его институтов, восприятия этого государства как орудия враждебных сил.

Политика властей Речи Посполитой угрожала самому существованию православного духовенства как особого слоя людей со своими правилами жизни и своими духовными традициями. В этих условиях остро встал вопрос, где в критической ситуации православное духовенство может найти поддержку и помощь. Понятно, что в этих условиях должна была привлечь к себе внимание соседняя Россия. Как представляется, такому повороту способствовали важные дополнительные обстоятельства. Размышления о положении «русского» народа в Речи Посполитой и его исторических судьбах закономерно вызывали интерес к древней истории Руси. Еще в начале XVII в. в исторической концепции «Перестороги», памятника, созданного в среде, связанной со Львовским братством, оценка этого периода была достаточно критической. Христианское просвещение Руси оказалось поверхностным, и это стало затем причиной многих несчастий. В сочинениях начала 20-х гг. содержатся совсем другие оценки. Особенно показательны в этом плане свидетельства «Палинодии», завершенного в 1621 г. труда Захария Копыстенского, одного из главных сподвижников Елисея Плетенецкого и Иова Борецкого, нового православного митрополита. Даже времена, когда Русь была языческой, «еще за часу войны Троянской», были временами славы и могущества. Древние русы «вальчили и з Римским цесарством, и римлян побивали. Так той народ русский был валечный, же негды от жадного монарха не был завоеван и на мощ римскую мало дбал»[4]. Временем славы и могущества «русского» народа были времена Ярослава и Владимира. В то время «полки Росские ... великим заступом Ляцким полком и самому королевству были»[5]. Эти высказывания неслучайно читались в особом разделе, носившем заголовок «О зацности и мужеству народу росийского». Подвиги предков должны были вызвать у потомков надежду, что они будут

---

4 Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1878. Т. 4. Стб. 1103.

5 Там же. Стб. 1109.

достойными этих предков и сумеют добиться для своего народа того видного и почетного места, которое некогда «русский» народ занимал в мире. Именно в таком контексте следует рассматривать читающееся в «Протестации» православных иерархов против несправедливых действий властей утверждение, что запорожские казаки — это потомки воинов, предпринимавших походы на земли Византийской империи при Олеге и Владимире[6]. Такие обращения к прошлому, такое его интенсивное переживание объективно способствовало оживлению представления об историческом единстве восточных славян, которые все некогда входили в состав единого Древнерусского государства эпохи его расцвета и могущества.

Какие конкретные результаты получились при таком обращении к историческому прошлому, можно показать на примере «Густынской летописи» — исторической хроники, созданной в 20-е гг. XVII в. в Киеве в окружении Захарии Копыстенского[7]. В основу повествования этого источника о Древней Руси был положен Хлебниковский список Ипатьевской летописи, дополненный известиями летописания Великого княжества Литовского (в редакции, близкой летописцу Быховца) и свидетельствами многих сочинений западнославянских и польских авторов.

Для рассматриваемой здесь темы важно отметить некоторые наблюдения над текстом летописи канадского исследователя Ф. Сысына. Исследователь справедливо отметил, что, говоря о событиях XII в., автор проводит различие между «Русской землей» и «Москвой», как летописец обозначает Северо-Восточную Русь[8]. Действительно, уже в XII в. для ле-

---

6 *Жукович П.Н.* Протестация Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. // Статьи по славяноведению. СПб., 1910. Т. 3. С. 149.

7 О датировке памятника и его связи с творчеством Захарии Копыстенского см. *Ершов А.* Коли и хто написав Густинський літопис? // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1930. Т. 100. Ч. 2; *Мыцык Ю.А.* Украинские летописи XVII века. Днепропетровск, 1978. С. 12–13.

8 *Sysyn F.E.* History, Culture and Nation. An Examination of Seventeenth Century Ukrainian History Writing. Cambr. Mass., 1988. S. 408.

тописца «Москва» — это и Ростово-Суздальская земля, и войско ростово-суздальских князей[9]. К наблюдениям Ф. Сысына следует добавить отрицательное отношение летописца к попыткам ростово-суздальских князей утвердиться в Киеве. О событиях 1169 г. он записал, что князья во главе с Андреем Боголюбским «кроме всякие вины вскрамолишася» «на погубление княжения Киевъского»[10]. Эти наблюдения, однако, далеко не исчерпывают темы. Среди источников, использованных летописцем, был и памятник великорусского происхождения, созданный не ранее XVI в. Сам факт был отмечен достаточно давно[11], но не уделялось внимания характеру заимствований из этого источника. Между тем есть основания утверждать, что, делая свои выписки, составитель Густынской летописи заимствовал не только конкретные факты, но и важные элементы исторической концепции, выработанной в великорусском летописании.

Так, составитель летописи включил в нее рассказ о поездке Владимира Святославича «в землю Словенскую и страну Залескую», где он основал город Владимир-на-Клязьме, обратил население в христианство, поставил епископов во Владимире и в Ростове[12]. Рассказ этот появился впервые в общем источнике Новгородской IV и Софийской первой летописей и отражал стремление книжников Северо-Восточной Руси связать с Владимиром и его государственной деятельностью само начало христианства в Ростово-Суздальской земле. Со стороны составителя Густынской летописи это стремление возражений не вызвало.

Воспроизводит Густынская летопись и входящий в «Сказание о великих князьях владимирских» рассказ о походе Владимира Мономаха на Византию и присылке ему оттуда регалий царской власти, «яко да будеши отселе благовенчанный царь руский»[13]. Дело не только в том, что летописец

---

9 Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 2003. Т. 40. С. 83, 97.

10 Там же. С. 93.

11 *Мыцык Ю.А.* Украинские летописи... С. 12.

12 ПСРЛ. Т. 40. С. 45.

13 Там же. С. 74–75.

знаком с кругом идей, отразившихся в важном памятнике великорусской религиозно-политической мысли. Рассказ летописи заканчивался словами «Сим же венцем Мономаховым и доныне цари московские венчаны бывают». Тем самым постулировалось существование связи (и преемственности) между Мономахом и правителями Русского государства[14], что составляло важную часть великорусской историко-политической концепции, включенную в повествование и, следовательно, одобренную летописцем. Как уже отмечалось, летописец не одобрял поход князей на Киев в 1169 г., но представляет несомненный интерес помещенная в летописи оценка этого события: «И отселе впаде княжение Киевъское, а Володимерское в Москве возънесеся. Оттоле бо московские князи над киевскими начаша владети»[15]. «Москва», «московские князи» — следы редакторской работы летописца над его источником, где таких слов при описании событий XII в., конечно, не было. Вместе с тем очевидно, что, включая в повествование такие оценки, летописец принимал еще один важный элемент великорусской политической концепции, согласно которой во второй половине XII в. утвердилась верховная власть правителей Ростово-Суздальской земли над всеми древнерусскими землями. Представление это было детально разработано в таком памятнике древнерусской политической мысли, как «Степенная книга»

В дальнейшем повествовании о событиях XIII в. также обнаруживается ряд известий о связи между правителями «московской земли» и Киевом. Так, под 1236 г. отмечено вокняжение в Киеве Ярослава Всеволодовича — отца Александра Невского[16]. Под 1243 г. читается, что Батый Ярослава Всеволодовича «постави ... князем старейшим въсеи

---

[14] Стоит отметить, что аналогичный рассказ о походе Мономаха читался в предисловии Захарии Копыстенского к изданным в Киеве в 1623 г. «Беседам» Иоанна Златоуста (*Titов Ф.И.* Матеріяли для історії книжної справи на Вкраїни в XVI–XVII вв. Київ, 1924. С. 69–70). Рассказ заканчивался словами — «от того теды Володимера Мономаха Всеволодовича все цареве московскии».

[15] ПСРЛ. Т. 40. С. 93.

[16] Там же. С. 118.

Московской земле и над Киевом»[17]. Так автор понял выражение своего источника, что Батый дал Ярославу «старейшинство в всем русском языце»[18]. В летописи воспроизводилось и известие о передаче Ордой Александру Невскому Киева и всей Русской земли[19]. Под 1252 г. здесь читалось, что Александр Невский после изгнания татарами его брата Андрея «упроси себе княжение над всею Русскою и Московскою землею»[20]. В известии о смерти Александра Невского он также фигурирует как «великий князь Московский и Киевский»[21]. Здесь, вероятно, на летописца повлияли выражения некролога, что Александр «много тружася за землю Рускую»[22]. О смерти преемника и брата Александра Ярослава Ярославича под 1271 г. отмечено, что «преставися великий князь Литовскии (ошибочное чтение вместо «Московскии») и Киевъскии»[23]. Наконец, под 1305 г. в летописи читается: «начат в Киеве княжити Иоанн Данилович Калита, вънук Ярослава»[24].

Все эти наблюдения позволяют сделать важный общий вывод. Хотя летописец, как уже отмечалось выше, четко отличает «Москву» от «Русской земли», благодаря его сознательным заимствованиям из великорусских источников история «Москвы» и «Русской земли» оказывается тесно переплетенной. Правители «Москвы» в течение длительного времени являются одновременно и правителями «Русской земли», и такое положение сохраняется до литовского вторжения на территорию Восточной Европы.

Повествование о событиях XIV–XV вв. по оценке Ю.А. Мыцыка «представляет собой компиляцию из сочинений польских

---

17 Там же. С. 120.
18 ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 136.
19 ПСРЛ. Т. 40. С. 121; ср. ПСРЛ. Т. 25. С. 141.
20 ПСРЛ. Т. 40. С. 121.
21 Там же. С. 123.
22 ПСРЛ. Т. 25. С. 145.
23 ПСРЛ. Т. 40. С. 124.
24 Там же. С. 128. Происхождение даты неясно. Что Иван Калита правил в Киеве, летописец, очевидно, заключил из высказываний, что с его вокняжением «бысть тишина велика христианом во всеи Рускои земли» (ПСРЛ. Т. 25. С. 168).

авторов второй половины XVI — начала XVII в.»[25]. Однако и здесь читается характеристика Ивана III, помещенная в летописи под 1505 г., — «преставися великий и храбрый князь московский Иван Василиевич, по Володымеру храбрьшыи всех князей русских», который «распространи широко свое княжение даже доселе»[26]. Сравнение с Владимиром Святославичем принадлежит самому летописцу и говорит о высокой оценке им деятельности этого русского правителя

Как известно, изложение событий в Густынской летописи обрывается на событиях начала XVI в., но в заключительной части памятника, где читается рассказ о событиях, предшествующих Брестской унии, летописец нашел нужным сказать об основании в Москве патриархии «изволением и благословением прочих трех патриарх» и привести имена первых носителей этого сана[27].

Собранный в историческом труде материал, показывающий общность исторических судеб «Москвы» и «Русской земли», способствовал, как представляется, утверждению изложенных в «Палинодии» представлений о жителях России и «русских» земель Речи Посполитой как о двух ветвях одного «яфето-российского народа». При этом было важно, что, если одна ветвь яфето-российского народа из-за внутренних раздоров была вынуждена подчиниться власти польских королей, то другая ветвь сумела создать могущественное государство, победившее своих врагов. С этим связана, как представляется, высокая оценка деятельности Ивана III в Густынской летописи. Характерно, что раздел «Палинодии» «О зацности и мужестве народу росийского» заканчивался сообщениями не только о морских победах запорожцев, но и о взятии русскими войсками Казани и Астрахани[28]. То, что жители Русского государства добились таких успехов, давало надежду на то, что и «русский народ» в Речи Посполитой сможет добиться успеха, отстаивая свои исторические «права».

---

25 *Мыцык Ю.А.* Украинские летописи... С. 15.
26 ПСРЛ. Т. 40. С. 140.
27 Там же. С. 148.
28 РИБ. Т. 4. СПб., 1878. Стб. 1110.

Отсюда определенное ощущение солидарности с Русским государством, которое Захарий Копыстенский в «Палинодии» стал именовать «Великой Россией» — отличной от «России Малой» — «русских» земель Речи Посполитой. Это ощущение солидарности нашло свое отражение в общей тональности высказываний Копыстенского о Русском государстве и еще более определенно в читавшемся в «Протестации» утверждении, что «с Москвой у нас одна вера и богослужение, одно происхождение, язык и обычай»[29]. Такие настроения создавали благоприятную атмосферу для установления контактов между православным духовенством Киевской митрополии и Россией.

Как известно, очень значительную роль в событиях, связанных с восстановлением православной иерархии, сыграло Войско Запорожское. Именно запорожцы убедили иерусалимского патриарха Феофана поставить епископов, а затем обеспечили охрану патриарха при его отъезде из Речи Посполитой и охрану новых православных иерархов. Какими представлениями руководствовалось казачество, решаясь на такой важный шаг? Есть основания полагать, что казацкая верхушка, ярким представителем которой в эти годы был Петр Сагайдачный, смотрела на положение дел во многом близко ко взглядам православной шляхты. Подобно шляхте, эта верхушка хотела быть коллективным патроном возрожденной православной церкви. Показателен в этом плане символический акт «вписания» представителей этой верхушки в члены Киевского братства. Эти люди, располагавшие определенным, достаточно прочным общественным статусом, получавшие жалованье за службу, рассчитывали упрочить свое положение успешной военной службой Речи Посполитой. Обладая авторитетом и влиянием, они умели объединять под своим руководством и направлять казаков туда, где это могло служить их интересам. Какого-либо серьезного конфликта с Речью Посполитой эта верхушка, как представляется, не желала, но хотела бы заставить власти уважать ее интересы, опираясь на поддержку казацкой массы.

---

[29] *Жукович П.Н.* Протестация... С. 143.

Дело выглядело иначе со стороны массы «показаченных», не имевших ни признанного общественного статуса, ни постоянных источников доходов. Сами казаки, как известно, считали себя «людьми рыцарскими», несущими особо почетную миссию по защите христианского мира от угроз приверженцев ислама, но ни магнаты и шляхта, ни власти Речи Посполитой такого их статуса не признавали, и перед ними периодически возникала перспектива насильственного возвращения в зависимость от прежних господ.

Их конфронтация с государственной властью, ее органами на местах в этих условиях должна была оказаться глубокой и острой. Хорошо известно, что провозглашение Брестской унии не вызвало какой-либо реакции в казацкой среде. Положение стало меняться во втором десятилетии XVII века. Причины этой перемены до сих пор не установлены. Как представляется, эти перемены не случайно совпали с переходом униатской иерархии к мерам административного принуждения православных при помощи администрации и войска. Записанные в русских канцеляриях рассказы выходцев из Речи Посполитой показывают, как воспринимались в казацкой среде подобные события. Так, в 1615 г. «черкашенин» рассказывал, что казаки отказались помогать гетману С. Жолкевскому против турок, так как «их хотят ляхи в свою ляцкую веру привести». Для этого они «русские церкви все попечатали, а в-ыных порубежных местах печатать не смели, что их побьют черкасы»[30]. Характерно для этого свидетельства и, как увидим, для целого ряда последующих, что к смене веры принуждают «русских» людей в Речи Посполитой не католики и униаты, а «ляхи». В другом рассказе запорожского казака, относящемся к маю следующего, 1616 г., также читаем, что «король с поляки в Вильне церкви крестьянские разорил и веру сломал»[31]. Такое понимание религиозного конфликта соответствовало, как представляется, нормам традиционного

---

30 Документи Російских архівів з історії України. Тексти документів підготували Б. Флоря, Л. Заборовський, А. Турилов. Львів, 1998. Т. I. № 29. С. 89–90.

31 Там же. № 38. С. 100.

народного сознания, согласно которому мир состоит из многих народов, у каждого из которых своя вера, и такое положение понимается как нормальное. Ненормально, когда один народ, «запечатывая» церкви, заставляет другой принять его веру. Так в сознании казачества религиозный конфликт превращался в этнический. Разбор этих свидетельств позволяет сделать еще одно важное заключение. Если «ляхи» предпринимают такие насильственные действия, то это потому, что в их руках находится государственная власть. Во втором из этих свидетельств глава государства — король — «ломает» веру русских людей в Вильно вместе с «ляхами». Как представляется, к такому заключению казачество стало приходить в условиях, когда насильственные меры по отношению к православным совпали по времени с переходом административной власти в юго-восточных воеводствах Речи Посполитой из рук местных князей — традиционных руководителей местного общества — в руки представителей польской знати.

Такое восприятие органов местной власти в центре и на местах затрудняло для казачества возможность диалога с этой властью, делало сомнительной перспективу добиться удовлетворения собственных интересов с помощью адресованных этой власти петиций и прошений. Возникало представление, что в такой ситуации защиты своих интересов можно будет добиться лишь с помощью насильственных действий. В том же свидетельстве 1616 г. говорилось, что казаки собираются на Днепре, так как «хотят с поляки битца ... и во все крестьянские городы и поветы писали, чтоб збирались на Днепр в Запороги, хто хочеть постродать за крестьянскую веру».

Разумеется, нельзя утверждать, что такие настроения уже в то время охватывали всю казацкую массу и что налицо было убеждение в неизбежности насильственного финала. В том же свидетельстве упоминалось, что казаки отправили к королю гонца и возможно, что они с королем «помирятца». Массовое участие казачества в походе Сагайдачного говорит о том, что в 1617–1618 гг. такое соглашение с властями Речи Посполитой многим казакам представлялось в то время вполне реальным. Важно, однако, само появление охарактеризованных выше представлений в сознании и казачества,

и становившегося объектом преследований «русского» населения Речи Посполитой[32].

В дальнейшем сам ход событий содействовал утверждению этих представлений в сознании казачества. Принуждение православных к смене веры продолжалось, одновременно по иным причинам обострялись отношения казачества с находившимися в руках «ляхов» органами власти. Следует к этому добавить, что поход Сагайдачного не привел к признанию за основной массой казаков особого социального статуса. Представляется, что в этих условиях для массы «показаченных» участие Запорожского Войска в восстановлении православной иерархии было актом сознательного сопротивления политике короля и «ляхов». В этих условиях неизбежно должны были возникнуть представления о возможности открытого конфликта с властью, а в этой связи и о шагах, которые следовало бы предпринять. О некоторых итогах таких размышлений позволяют судить «вести», привезенные в конце мая 1621 г. в Путивль торговыми людьми, побывавшими в Киеве[33].

Казаки были обеспокоены известиями, что согласно намерениям властей Речи Посполитой казакам «однолично в Запорогах не быть и по городом всем быть под панскою справою». Если это окажется так, то казаки с Черняховой Дубравы, где собралось их войско, намерены, «поворотя назад, занеть Киев да и те все городы, которые на мирном постановенье отданы к Литовской земле», то есть, очевидно, Северскую землю с Новгород-Северским и Черниговым. Заняв же эти города, казаки станут «бить челом» царю Михаилу Федоровичу, «чтоб им быть с теми городы и служить» царю.

Таким образом, размышления о возможном исходе конфликта с властью привели к представлению о том, что в этом случае следует искать поддержки и помощи в России. Важно, что при этом имелся в виду не только возможный уход казаков

---

[32] См. подробнее: *Floria B.N.* Konflikt między zwolennikami unii i prawosławia w Rzeczypospolitej (w świetle źródeł rosyjskich) // Barok. Historia — Literatura — Sztuka. Warszawa, 1996. T. III/2 (6). S. 25 i in.

[33] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1954. Т. 1. № 8. С. 17.

в Россию (в «вестях» об этом также говорилось), но и переход под русскую власть казаков вместе с землями, на которых они проживали. Критическая ситуация не наступила и большое казацкое войско приняло участие в Хотинской войне на стороне Речи Посполитой. Забегая вперед, следует отметить, что такие представления, раз возникнув, затем неоднократно возникали в сознании казачества, когда, по его представлениям, в отношениях с властями Речи Посполитой возникала критическая ситуация. Таковы были общие условия, в которых развивались связи между Россией и «русскими» землями Речи Посполитой в первой половине 20-х гг. XVII в.

Реакция властей Речи Посполитой на восстановление православной иерархии хорошо известна. В марте 1621 г. последовали распоряжения об аресте православных епископов. Об обвинениях, выдвинутых по их адресу, дает понятие текст распоряжения, касающегося владимирского епископа Иосифа Курцевича[34]. Речь шла далеко не только о том, что новые епископы нарушили прерогативу короля на раздачу епископских кафедр. В документе утверждалось, что епископ принял посвящение в сан от агента османов — иерусалимского патриарха, чтобы во время назревающей войны между Османской империей и Речью Посполитой «bunty i zamieszania miedzi ludzei w panstwach naszych uczynił». Как «turbator Rzeczypospolitej i szpieg» он должен быть арестован и заключен в тюрьму, чтобы затем он мог быть осужден за свои преступления. Таким образом, речь шла об обвинении в государственной измене. Стоит отметить, что человек, ареста которого домогались власти, был не просто шляхтичем, но и членом волынского княжеского рода, рода потомков Гедимина. Распоряжения эти, как известно, не удалось осуществить, так как епископы находились под защитой казацкого войска, в поддержке которого Речь Посполитая нуждалась, так как назревала война с Османской империей.

В этих условиях летом 1621 г. была предпринята попытка добиться отмены этих распоряжений и утверждения королем православных иерархов. В Варшаву направилось посольство,

---

[34] Архив Юго-Западной России. Киев, 1883. Ч 1. Т. 6. № CXCVII.

во главе которого стояли П. Сагайдачный и Иосиф Курцевич. Во второй половине июня 1621 г. посольство было в Варшаве. Курцевич не только не был арестован, но и был допущен на прием к королю. Сигизмунд III приказал приостановить действие своих распоряжений. Относительно православных епископов в ответе на просьбы Войска Запорожского говорилось, что пусть они прибудут к королю и покаются в своих винах, и им будет оказана милость[35]. Сохранились свидетельства, что Сагайдачный был удовлетворен результатами переговоров и в таком духе сообщал о них войску[36]. По-видимому, совсем иначе оценил их Иов Борецкий, который в августе 1621 г. предпринял первый шаг к установлению связей с русской властью и Московской патриархией.

Этот первый шаг киевскому митрополиту пришлось продумывать весьма тщательно. В отличие от Киево-Печерской обители, у киевской митрополичьей кафедры никакой традиции контактов ни с русской властью, ни с Московской патриархией не было, да и не могло быть, так как в Москве отвергали саму законность ее существования. Кроме того, в Киеве было, конечно, известно, что и само православие жителей Речи Посполитой вызывает здесь серьезные подозрения (решение собора 1620 г. вряд ли долго оставалось неизвестным на «русских» землях Речи Посполитой).

В этих сложных условиях Иов Борецкий прибег для установления связей к своеобразному шагу. Он воспользовался поездкой в Москву «за милостыней» группы греков, оказавшихся по разным поводам в Киеве в связи с приездом туда патриарха Феофана (наиболее значительным лицом среди них был мукачевский епископ Иеремия), чтобы отправить с ними грамоты царю и патриарху. Грамоты эти содержали просьбу удовлетворить ходатайства греков, но их содержание далеко этим не ограничивалось. Как первое письменное обращение киевского митрополита в Москву эти грамоты заслуживают самого

---

35 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Київ; Львів, 1909. Т. VII. С. 464–466.

36 *Pietrzak C.* Po Cecorzie i podczas wojny Chocimskiej. Sejmy z lat 1620 i 1621. Wrocław, 1983. S. 121–122.

внимательного разбора. Датированная 12 августа 1621 г. грамота Иова Борецкого царю[37] представляет довольно обширный текст, содержащий ряд важных заявлений. Так, в грамоте резко порицались действия «богомерзких» епископов «в Литовской области краля Польского», которые, порвав со своим законным пастырем, «законопреступне преложишася» к римскому папе. Далее говорилось, что православным, которые не подчинились «богомерскому тех отступлению», оказывают помощь епископы из Греции, одного из которых, Иеремию, митрополит и рекомендует царю. Затем, рассказывая о самом Иеремии, митрополит нашел нужным сообщить, что он подвергся гонениям со стороны перемышльского униатского епископа Афанасия Крупецкого, который «с помощью мирского властельства», т. е. государственной власти, ограбил его и заключил в тюрьму. Когда ему удалось освободиться, он приехал в Киев, где увидел «святыню восточную пришествием блаженнейшего патриарха иерусалимского господина Феофана всецеле отновлену».

Смысл этих сообщений очевиден. Таким способом киевский митрополит давал знать царю, что в Киеве отвергают унию, и, апеллируя к авторитету патриарха Феофана, стремился рассеять всякие сомнения в православии поставленных им епископов. Грамота содержала пожелания царю «Мафусаиловых лет» и обещание «поминать» в молитвах и царя, и его отца, патриарха Филарета. Она представляла собой изложенный в косвенной форме призыв к установлению связей, к объединению усилий в борьбе за общие интересы.

Обращает на себя внимание одна важная особенность документа. Именуя царя самодержцем «всея Великия Россия», Борецкий одновременно назвал себя митрополитом «всея Малые Росия». Разумеется, Иов Борецкий был не первым, кто употребил термины «Великая Россия» для обозначения Русского государства и «Малая Россия» для обозначения «русских» земель Речи Посполитой, но впервые эти термины были употреблены в таком значении в официальном документе,

---

[37] Перевод документа см.: РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией), 1622 г. № 1. Л. 5–9.

исходившем от главы Киевской митрополии. Употребление таких терминов указывало на то, что в будущих отношениях с Москвой Иов Борецкий будет выступать в роли младшего партнера и он согласен на такую роль.

Грамота Филарету[38], более краткая и сходная по содержанию с первой, все же обладает рядом особенностей. Так, она содержит признание превосходства и руководящей роли Филарета, к которому Иов Борецкий обращается как к «господину и пастырю своему». В грамоте говорилось, что патриарх был сам свидетелем («самовидцем») «озлоблению православия восточново в земли краля польского в народе нашем Росииском». В грамоте подчеркивалось, что эти гонения продолжаются и в настоящее время: «и ныне убо зело ярящесь злобе в нас». Грамота заканчивалась красноречивым обращением к патриарху: «нас, любящих вас, поминаи и в заим любити подщися».

30 августа 1621 г. Иеремия и его спутники приехали в Путивль, и 12 сентября грамоты Борецкого были доставлены в Москву[39]. Шаг этот, однако, не привел к тем последствиям, на которые рассчитывал митрополит. В царской грамоте, содержавшей разрешение грекам ехать в Москву, предписывалось: «А киевлян бы есте и литовских никаких людей к нам к Москве» с ними «не выпускали»[40].

Греки, случайно оказавшиеся в Киеве, как нейтральные лица были, по-видимому, удобны для передачи грамот, но не могли ввести советников царя и патриарха в сложный круг проблем, возникших в Польско-Литовском государстве после восстановления православной иерархии. Нужен был человек, авторитетный для Москвы и вместе с тем хорошо знакомый с положением дел в Киеве.

Есть основания полагать, что таким человеком оказался протосинкелл Иосиф. Жизненный путь этого незаурядного человека восстановил в ряде своих работ Б.Л. Фонкич[41].

---

38 Там же. Л. 10–12.

39 РГАДА. Ф. 52, 1622 г. № 1. Л. 1, 5.

40 Там же. Л. 30.

41 *Фонкич Б.Л.* Из истории греко-украинско-русских связей в первой половине XVII в. // Византийский временник. М., 1991. Т. 52;

Иосиф, как установил Б.Л. Фонкич, — не грек, как долго считали, а уроженец одной из «русских» земель Речи Посполитой, — судя по его собственным словам, длительное время находился на Святой Горе (отсюда его наименование святогорцем). Для темы данной работы важно, что весной 1620 г. такой тесно связанный с православными противниками унии в Восточной Европе человек, как александрийский патриарх Кирилл Лукарис, поставил его в священники, сделал своим протосинкеллом и послал его «для науки и утверженья веры в Киев и в Галич, и на Лвов и во всю Белую Русь»[42]. Очевидно, речь шла, в частности, о преподавании в училище, основанном незадолго до этого при киевском братстве, первым ректором которого был Иов Борецкий[43]. По словам самого Иосифа, он жил в Киеве в Печерском монастыре. Все эти данные говорят о его тесном контакте с кругом людей, объединившихся вокруг Елисея Плетенецкого. Об этом говорят и более поздние свидетельства о его участии в подготовке изданий киевской типографии[44].

Как протосинкелл александрийского патриарха, преемника «мудрого» Мелетия, Иосиф мог вызвать в Москве доверие к своим сообщениям, и именно он мог подробно рассказать о положении, сложившемся в Речи Посполитой после восстановления православной иерархии. Само архивное дело о приезде Иосифа не подтверждает таких предположений. Он не привез с собой никаких грамот, не упоминал о каких-либо данных ему поручениях. Однако данные других источников рисуют несколько иную картину. Иосиф покинул пограничный Путивль 6 марта 1623 г.[45], а уже в мае того же года служитель Киево-Печерского монастыря привез в Путивль

Он же. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVII в. М., 2003. С. 101–108; *Он же*. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 11–16.

42 См. «расспросные речи» Иосифа — РГАДА. Ф. 52, 1622 г. № 2. Л. 13–14.

43 Сам Иосиф упоминал, что вез послания патриарха Киевскому братству (Там же. Л. 3–4).

44 *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы... С. 14–15.

45 РГАДА. Ф. 52. 1622 г. № 2. Л. 65.

«письмо» протосинкелла в Москву[46]. «Письмо» не сохранилось, но его существование говорит о наличии у Иосифа каких-то договоренностей с русскими властями, которые не отразились в деле о его приезде. В январе 1623 г. в Путивль вернулся путивльский сын боярский Григорий Гладкий, который встречался в Киеве с Иовом Борецким. Митрополит предостерегал о враждебных планах короля и панов рады по отношению к Русскому государству и обещал сообщить о решениях собирающегося сейма[47]. Григорий Гладкий в последующие годы был главным агентом русского правительства на Украине. Его поездка не могла состояться без санкции из Москвы и без предоставления ему соответствующих полномочий. Очевидно, что соответствующее решение было принято во время пребывания Иосифа в Москве, и его причастность к этому акту представляется весьма вероятной. Другого лица с территории Киевской митрополии такого ранга и положения в Москве в то время не было.

Разумеется, следует учесть роль и других факторов, которые могли повлиять на принятие решения. Так, с августа 1622 г. в Москву стали поступать сообщения о обострении отношений между властями Речи Посполитой и казаками и готовности казаков «битись с королем за веру»[48]. Поздней осенью пришли сообщения, что в Киеве на Рождество Богородицы казаки схватили католических священников, которые хотели распространять в Киеве «ляцкую веру», и двух из них «в воду посадили», а гетман отправил послов к королю, что если будет притесняться их вера, «и им, де, с королем битца до смерти». Одновременно он обратился за помощью к донским казакам[49]. В другом сообщении говорилось, что в Киев пришел «на лежу» отряд польских солдат,

---

46 РГАДА. Ф. 124 (Малороссийские дела), 1623 г. № 1. Л. 1.

47 РГАДА. Ф. 79. (Сношения России с Польшей), 1622 г. № 5. Л. 48–49. Возможно, такие сообщения содержал запечатанный «лист» на имя думного дьяка И. Грамотина, который привез в Путивль в мае 1623 г. служитель Киево-Печерского монастыря (РГАДА. Ф. 124. 1623 г. № 1. Л. 1).

48 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. Стб. 3. Л. 2.

49 Там же. Л. 133.

но «киене, де, всякие люди тех поляков в город и в посад не пустили»[50]. Наибольший интерес для русских политиков должно было представить сообщение о казацкой раде, собравшейся «о Дмитровой суботе», где было принято решение о сборе войска. Участники рады говорили, что следует обратиться в Михаилу Федоровичу, чтобы он «велел им ратных людей дать к себе на помочь»[51]. В другом сообщении говорилось, что если казаки не смогут сражаться с «ляхами», то будут просить царя о помощи, «а они, де, хотят бить челом тебе, государю, служить»[52]. В таких условиях установление связей с Киевской митрополией становилось необходимым не только для русских государственных интересов, но и для интересов Московской патриархии.

Тогда же, в 1622 г., предпринял попытку установить связи с Москвой один из поставленных Феофаном иерархов, перемышльский епископ Исайя Копинский. Исайя Копинский был иноком Киево-Печерского монастыря, где 16 лет провел, совершая аскетические практики в пещере св. Антония. Здесь он участвовал в основании в 1615 г. Киевского братства и училища при нем[53]. Подробные сведения о его деятельности в последующие годы сохранились в летописи Густынского монастыря. По благословению Елисея Плетенецкого он совершил поездку в недавно основанный на реке Суле Густынский монастырь во владениях кн. Михаила Вишневецкого. По словам летописца, он стал «духовным отцом» жены магната, Раины Могилянки, а сам князь «всех заднепровских попов вручи во власть отцу Исайи». Затем «советом» Елисея Плетенецкого он стал игуменом зависимого от Киево-Печерской лавры Межигорского монастыря[54]. Его принадлежность к группе людей, составлявших окружение киево-печерского архимандрита, очевидно, способствовала тому, что он стал одним

---

50 Там же. Л. 119–120.
51 Там же. Л. 133.
52 Там же. Л. 139.
53 Биографию Исайи Копинского см.: Православная энциклопедия. М., 2011. Т. XXVII. С. 131–135.
54 ПСРЛ. Т. 40. С. 54–55.

из епископов, поставленных патриархом Феофаном. Правда, остается неясным, почему человек, ставший уже видной фигурой в церковной жизни Левобережья, был поставлен на самую западную, перемышльскую, кафедру. По свидетельству летописца, Исайя, проводив на юг вместе с другими епископами патриарха Феофана, затем некоторое время находился на Волыни и после этого вернулся в Киев[55].

Как представляется, это пребывание на Волыни оказало сильное влияние на последующие действия Исайи. Он, чья жизнь была до этого связана с Киевом и владениями Вишневецких на Левобережье, столкнулся здесь с гонениями на православных. В пользу такой гипотезы говорит одна характерная деталь. В 1623 г. он ходатайствовал, чтобы игумен Дерманского монастыря Рафаил Жиморский, спасающийся от гонений, мог найти себе приют в России[56]. По-видимому, под впечатлением увиденного он, находясь около Лубен в недавно основанном им Мгарском монастыре, обратился 4 декабря 1622 г. с посланиями к патриарху Филарету и к царю. Это было второе официальное обращение иерарха Киевской митрополии к главам светской и церковной власти в России. Послания эти давно известны, и их понимание не вызывает разногласий между исследователями. Следует, однако, подчеркнуть их некоторые особенности, представляющие качественно новое явление в истории связей между Россией и «русскими» землями Речи Посполитой.

Первое, что бросается в глаза при чтении посланий, — это резкая критика порядков в собственном государстве. «Не имамы, где приклонить головы свои ... отовсюду гонение, отовсюду нужда, отовсюду беда», — читается в послании Филарету[57]. В еще более резких тонах описана ситуация в послании царю: «отовсюду обстоят ны скорби и гонения на благочестие наше и церковь сионскую восточную», «ако львы

---

55 ПСРЛ. Т. 40. С. 157.

56 РГАДА, Ф. 52. (Сношения России с Грецией), 1623 г., № 7. *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 30.

57 Воссоединение Украины с Россией... Т. I. № 15. С. 27–28.

рыкают на христоименитых людей, хотяще поглотити»[58]. Такая характеристика религиозных отношений в Польско-Литовском государстве встречается впервые в официальном послании церковного иерарха высшим властям России. Второе, что здесь следует отметить, — это выраженное в послании убеждение, что им неоткуда ждать поддержки, кроме православного монарха — царя. В посланиях речь шла о получении милостыни; но этим дело не ограничивалось. В своем послании Филарету Исайя писал, что другие вопросы его посланец Гедеон должен обсудить с патриархом устно. Запись такой беседы нам неизвестна, но о содержании поручения можно судить по отписке путивльских воевод, которым посланцы Копинского сообщали о нем сразу после перехода границы. Копинский просил, если гонения усилятся, дать приют в России ему и братии заднепровских монастырей[59]. Так оценивал епископ перспективы своего и братии существования в Польско-Литовском государстве.

Исследователи давно обратили внимание на одну особенность грамоты Исайи: он обращался к Филарету как к «патриарху Великой и Малой России». Если Иов Борецкий признал духовный авторитет Филарета, то Исайя Копинский прямо признал его своим духовным главой. Неизвестно, обсуждался ли в Москве вопрос о выезде Исайи с большим количеством монахов в Россию и каковы были результаты этого обсуждения, самому епископу была послана «милостыня» — три сорока соболей на 100 руб. Обращение Исайи, как увидим далее, положило начало самым широким контактам связанных с ним монастырей Левобережья с Россией.

Вслед за Исайей в контакты с Москвой вступил еще один иерарх — проживавший долгое время в Западной Руси грек, епископ Стагонский Авраамий. Он участвовал вместе с патриархом Феофаном в поставлении православных епископов, и ему была передана турово-пинская кафедра. Из своей резиденции — Преображенского

---

[58] *Кулиш П.А.* Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. I. С. 130–132.

[59] Воссоединение Украины с Россией... Т. I. № 16. С. 28–29.

Брагина монастыря[60] — он весной 1624 г. отправил в Москву с просьбой о милостыне своего брата Матвея. Матвей повез с собой грамоту патриарха Феофана, в которой говорилось, что Авраамий вместе с патриархом «православных крестьян в православной вере утвержал при изгоненью христьянскому в смутное время»[61]. В конце 1624 г. архимандриту Матвею были переданы для епископа соболя на 130 руб.[62] Вместе с архимандритом Матвеем приехал иеромонах Кирилл, посланец еще одного иерарха — мукачевского епископа Сергия, который в 1623–1624 г. выступал в источниках как «прономий епископии Острожской и Дубенской»[63]. На приеме в октябре 1624 г. он поднес царю реликвии — часть мощей св. Меркурия и «камень от Купины неопалимые»[64].

Августом 1624 г. датирована грамота Филарету от епископа Луцкого и Острожского Исаакия Борисковича[65]. Обращаясь в Филарету, как «верховнейшему пастыру», он писал о том, что ополчились «супостаты и враги креста Христова с царем их и гонителем на благочестие наше», изгнали епископов из их епархий, «жити нам в благочестии не допускают, крови христианские проливают, церкви Христовы разаряют». В грамоте дана, пожалуй, самая резкая для документов 20-х гг. критика порядков в Польско-Литовском государстве и сам глава этого государства, Сигизмунд III, назван «царем врагов Креста Христова» и «гонителем на благочестие». Этим порядкам в послании противопоставляется «царский богоспасаемый град» Москва, куда епископ направляется, «якоже к второму Иерусалиму».

Летом 1624 г., по-видимому, начались переговоры об отъезде в Россию владимирского епископа Иосифа

---

60 О его пребывании в этом монастыре см. сообщение его брата Матвея (РГАДА. Ф. 52. 1624 г. № 5. Л. 10, 29).

61 Пересказ документа: РГАДА. Ф. 52. 1624 г. № 5. Л. 36.

62 Там же. Л. 40.

63 *Пероговский В.* Бывшие православные монастыри в г. Дубне, основанные князьями Острожскими // Волынские епархиальные ведомости. 1880. № 28/29. С. 1284.

64 РГАДА. Ф. 52. 1624 г. № 5. Л. 5.

65 Публ. документа см.: *Кулиш П.А.* Материалы... Т. I. С. 132–134.

Курцевича[66]. Занимавшийся изучением биографии епископа К.В. Харлампович горько укорял епископа за то. что он оставил свою епархию, предпочтя спокойную и обеспеченную жизнь в России[67]. Сведения источников рисуют, однако, иную ситуацию, давая одновременно наглядный пример, каким опасным было положение православного епископа в Речи Посполитой, даже такого знатного, как князь Курцевич. Будучи членом одного из княжеских родов Волыни и опираясь на поддержку казаков, с которыми он установил связи, будучи настоятелем Терехтемирова монастыря, Курцевич в отличие от некоторых других епископов направился на территорию своей епархии. Здесь осенью 1622 г. он, опираясь на помощь казаков, отобрал силой у неугодных ему монахов Дерманский монастырь[68], который стал затем его резиденцией. Здесь у него искал приюта наместник Борецкого в Почаевском монастыре чернец Киприан, которого обвинили в шпионаже в пользу Османской империи и в том, что он рассылал «листы» Борецкого, «пелные бунътом и седиции и блюзнирства». Когда из Кременца приехали судебные чиновники, чтобы его арестовать, епископ не только не выдал монаха, но и угрожал тем, кто хотел его арестовать «чрез казаков запорозских, в которых всю надею свою полагает». После этого Иосиф Курцевич в феврале 1623 г. был вызван в высшую судебную инстанцию — сеймовый суд — по обвинению в измене. Курцевич на сейм не явился, но судебный процесс был запущен. Его следовало арестовать и доставить на сейм 1625 г.[69] Именно в таком положении

---

66 Он сам впоследствии писал, что начал такие переговоры за год до своего отъезда. — *Флоря Б.Н.* Послание Иосифа Курцевича князю Григорию Четвертинскому // Славяне и их соседи. Вып. 3. Католицизм и православие в Средние века. М., 1991. С. 145.

67 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 33–34.

68 См. письмо Г. Куницкого — К. Радзивиллу от 8 ноября 1622 г. — AGAD. Archiwum Radziwiłłów. V. N 8031. Позднее этих монахов устраивал «на житье» в России Исайя Копинский.

69 РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Кн. 209 («канцелярии рускои»). Л. 290об.–293об.

Курцевич стал искать приюта в России. Посредником выступил игумен из Остра Петроний Жуковицкий, который уже до этого побывал в России. По-видимому, летом 1624 г. Петроний направился в Москву с грамотами епископа, адресованными царю Михаилу Федоровичу и его родителям — патриарху Филарету и «иноке» Марфе[70].

Иосиф Курцевич прибыл в Путивль 22 июня 1625 г.[71] В августе состоялись его торжественные приемы у царя и патриарха[72]. В Москве Курцевича принимали с большим почетом, Как он сам писал позднее князю Г. Четвертинскому, ему была преподнесена золотая панагия, украшенная жемчугом, образ Христа в золотом окладе, камка и 6 сороков соболей[73].

Наконец, осенью 1625 г. вступил в сношения с Москвой львовский епископ Иеремия Тиссаровский. 27 октября 1625 г. в Путивль приехал строитель монастыря Зосимы и Савватия под Галичем Спиридон с грамотой епископа к Михаилу Федоровичу от 4 октября 1625 г.[74] Именуя царя «богом избранным» и «светилом руским», епископ называл его правителем не только находившихся под его властью земель, но также «великие Севери, великого Смоленска», то есть земель, утраченных Русским государством в годы Смуты. Одновременно в грамоте говорилось «о нестроению берзо (!) великом в земли нашои от супостатов — ляхов на церковь и веру нашу». Здесь «гонители» и «враги» других грамот прямо названы «ляхами» — представителями другого народа и другой веры, в руках которых находится государственная власть. В следующей фразе документа, как бы в подтверждение этого общего утверждения, говорится о походе на казаков одного из главных представителей этой власти — гетмана Конецпольского «зо всею силою своею».

---

70 Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. к печати В.И. Гальцов. Ч. 1. М., 1977. С. 383.

71 РГАДА. Ф. 124. 1625 г. № 2. Л. 1; РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 8. Л. 138–139 (список духовных лиц и мирян, сопровождавших епископа).

72 Там же. Л. 134 и сл., 161 и сл.

73 *Флоря Б.Н.* Послание Иосифа Курцевича... С. 146.

74 *Крыловский А.С.* Львовское ставропигиальное братство. Киев, 1904. Прил. С. 86.

Таким образом, в 1621–1625 гг. не только митрополит, но и целый ряд других иерархов поспешили вступить в сношения с Москвой. Ничего подобного в истории сношений Русского государства с «русскими» землями Речи Посполитой во второй половине XV — XVI в. не наблюдалось. Можно отметить и некоторые общие черты сохранившихся обращений иерархов в Москву. Все они содержали резкое (в разной степени) осуждение такого положения, в котором оказалась в Речи Посполитой православная церковь, гонений и преследований, которым она подвергалась. Ей как нечто противоположное, как некий идеальный образец противопоставлялось Русское государство (названное в одной из грамот «вторым Иерусалимом»), от которого ожидали поддержки и помощи.

Первая половина 20-х гг. XVII в. стала и тем временем, когда в Москву за поддержкой и помощью стали все чаще обращаться различные православные обители Киевской митрополии.

1 мая 1623 г. в пограничный Путивль прибыл слуга келаря Киево-Печерского монастыря Захарии Копыстенского, управлявшего обителью после смерти Е. Плетенецкого (и будущего архимандрита). Слуга, А. Николаев, привез экземпляры нового издания киево-печерской типографии — «Бесед» Иоанна Златоуста на послания апостола Павла[75]. Как отметил К.В. Харлампович, печатание книги закончилось в апреле, так что слуга доставил экземпляры книги в Путивль сразу по окончании работы типографского станка[76]. Издание было также делом работы целого ряда людей из окружения Елисея Плетенецкого — перевод был сделан Лаврентием Зизанием, текст редактировали Захарий Копыстенский и Памва Берында[77]. Очевидно стремление этой группы людей, объединившихся вокруг Захарии Копыстенского, привлечь внимание русских светских и духовных властей к деятельности своего религиозно-просветительного центра. Слуга привез экземпляры книги для царя, патриарха Филарета

---

75 РГАДА. Ф. 124 (Малороссийские дела), 1623 г. № 1. Л. 1.

76 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 102.

77 *Исаевич Я.Д.* Преемники первопечатника... С. 56.

и главы Посольского приказа думного дьяка И.Т. Грамотина[78]. Посланец получил разрешение ехать в Москву, 27 июля 1623 г. был принят в Посольском приказе, где получил «жалованье» за присланные из Киева книги. В деле не сохранилось ни грамоты, адресованной И.Т. Грамотину, ни письма протосинкелла Иосифа, привезенного посланцем, ни записи разговоров с посланцем в Посольском приказе.

Контакты получили продолжение, когда в сентябре 1624 г. в Путивль прибыл Памва Берында с новым, только что вышедшим в августе изданием киево-печерской типографии — «Беседами» Иоанна Златоуста на «Деяния апостольские»[79]. Издание было плодом совместной работы по правке старого перевода Памвой Берындой и протосинкеллом Иосифом[80]. П. Берында привез в Путивль экземпляры издания для царя, Филарета и главы Посольского приказа И.Т. Грамотина.

В рекомендательной грамоте митрополит Иов Борецкий называл царя «господином и отцом», а патриарха «отцом и пастырем своим», рассказывал о Памве Берынде, протосинкелле иерусалимского патриарха, о его трудах «в делании и исправлении книг печатных», о планах послать его на Афон «ради исправлений книг наших от тамо сущих зводов»[81]. Грамота Борецкого, как представляется, может серьезно подкрепить высказанные выше предположения о стремлении людей круга Елисея Плетенецкого привлечь внимание правящих кругов Москвы к деятельности образовавшегося в Киеве духовного и культурного центра. В октябре 1624 г. Памва Берында смог выехать в Москву[82].

Как установил К.В. Харлампович, в 1623 г. и в начале 1624 г. за столом у патриарха Филарета неоднократно обедали старцы из Киева и «Печерского монастыря» [83].

---

78 РГАДА. Ф. 124, 1623 г. № 1. Л. 1.

79 РГАДА. Ф. 124, 1624 г. № 2. Л. 1–2.

80 *Исаевич Я.Д.* Преемники первопечатника... С. 57.

81 Воссоединение Украины с Россией... Т. I. № 23. С. 48–49.

82 РГАДА. Ф. 124, 1624 г. Л. 5об. Как доказательство своей «правоверности» он предъявил грамоту иерусалимского патриарха Феофана о назначении его «протосинкеллом» от 1 сентября 1620 г. (Там же. Л. 18 и сл.).

83 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 81.

В 1624 г. приехали в Путивль с просьбами о милостыне уже упоминавшийся строитель Спиридон, а также монах Уневского монастыря Петроний[84]. Таким образом, уже на этом раннем этапе развития церковных связей интерес к установлению связей с Россией проявили обители самой западной епархии Киевской митрополии — Львовской. В том же году в Путивль прибыл Кирилл Тимофеев — игумен монастыря св. Георгия в Любартове — просить милостыню не только для своей обители, но и для связанных с ней Тригорского и Успенского Полонского девичьего монастырей[85]. Основанный сравнительно недавно, в 1614 г., в 20-е гг. XVII в. монастырь занял видное место в кругу православных церковных учреждений Волыни и соседних земель. По решениям собора 1628 г. настоятель монастыря в Любартове стал протом — главой всех монастырей в воеводствах Киевском, Волынском и Брацлавском[86].

Тогда же предпринял попытку завязать связи с Москвой Успенский Почаевский монастырь. Вместе с Иосифом Курцевичем в Москву приехал посланец монастыря Игнатий, который повез назад «гойную милостыню»[87]. В том же году появились в Путивле посланцы Киевского Братского монастыря — важного центра духовной жизни и просвещения Киева, которым был выдан в Путивле сорок соболей. В апреле 1625 г. братство снова обратилось к царю, прося возвратить грамоту патриарха Феофана братству, которая, очевидно, посылалась в Москву как свидетельство правоверия. Братчики просили помощи, чтобы свой храм Богоявления «беложелезием покрыти и иконами честными украсити»[88].

---

84 Там же.

85 Там же.

86 *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. М., 1996. Кн. VI. С. 458.

87 См. об этом в более позднем письме игумена Иова Железо — Волынские епархиальные ведомости. 1908. С. 302 (№ 15, часть неофициальная).

88 Архив ЮЗР. Киев, 1883. Ч. 1. Т. 6. С. 551–553. В письме, адресованном И.Т. Грамотину, «великому и думному писару», они просили объяснить царю, что такое «братство»: это «граждане и благороднии, духовные и мирские» объединившиеся, живя «посреде

Еще раньше, 30 января 1625 г., в Путивль прибыли посланцы заднепровских монастырей, находившихся под управлением Исайи Копинского. Приехавшие посланцы строитель Ладинского Введенского монастыря Мефодий, келарь Троицкого Густынского монастыря Илларион и черный поп Геннадий из Преображенского Мгарского монастыря сообщили, что их послали в Россию Исайя Копинский и братья, «а в тех ... во всех трех монастырех ныне он, владыко Исайя, властен»[89]. В деле сохранился пересказ грамот Исайи царю и патриарху. Благодаря за присланную ему «милостыню», Исайя просил дать посланцам деньги «на сооружение церквам»[90]. Выехавшие вместе с посланцами на «житие» в Россию четверо старцев Густынского монастыря были постриженниками Исайи еще с того времени, когда он был игуменом Межигорского монастыря[91]. Таким образом, установление связей этих левобережных монастырей с Россией произошло при определяющем участии Исайи Копинского. Посланцы привезли с собой и грамоты настоятелей своих монастырей.

Игумен Лубенского Преображенского монастыря Василий просил помощи на строительство церкви и сообщал, что они постоянно молятся за царя «повелением господина епископа нашего»[92]. Гораздо интереснее грамота игумена Густынского монастыря Иова[93]. Игумен также просил помощи «на монастырское строенье и на украшение церковное», но свою просьбу он мотивировал тем, что «никто же бо, благочестия держася, от короля милостыни сподобляется». Налицо не прямо выраженная, но явно негативная характеристика собственного монарха. Особый интерес представляет высказывание, что царю известно «обстояние Лядской

ляхов, унеятов и проклятых еретиков», «да твердо и скорее противоверных отразити возмогут». — Воссоединение Украины с Россией... Т. I. № 25. С. 53–54.

89 РГАДА. Ф. 52, 1625 г. № 4. Л. 1–2.

90 Там же. Л. 17–18.

91 Там же. Л. 15.

92 Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 6. С. 549–550.

93 Там же. С. 548–549.

державы над нами и власть, грех ради наших». Помимо утверждения, что власть, которой подчиняются монахи, послана им как наказание за грехи, обращает на себя внимание наименование Речи Посполитой «Лядской державой». Употребление игуменом такого термина (и не специально, а по ходу изложения) говорит о том, что Речь Посполитая была для него государством, где власть находится в руках «чужого» народа — ляхов. В этом плане взгляды игумена на характер Речи Посполитой вполне сопоставимы с представлениями, складывавшимися с начала 20-х гг. XVII в. в сознании низов общества «русских» земель Речи Посполитой, прежде всего тех, которые лежали на территории современной Украины.

Таким образом, не только целый ряд иерархов Киевской митрополии, но и целый ряд видных обителей, расположенных в разных епархиях (в Русском воеводстве, на Волыни, в Киеве и на Левобережье), постарались вступить в контакты с Москвой, чтобы получить оттуда поддержку и помощь. Среди них не было, однако, обителей с территории Великого княжества Литовского (если не считать Брагина монастыря, резиденции епископа Авраамия). И в последующие годы слабое участие церковных центров Великого княжества Литовского будет характерной особенностью развития связей между Киевской митрополией и Москвой.

К этому же времени, первой половине 20-х гг. XVII в., относится и начавшийся приход в Россию старцев из разных обителей на территории Речи Посполитой «на житье» в русские монастыри. Сохранился столбец, содержащий расспросы таких духовных лиц на патриаршем дворе в сентябре 1623 — августе 1624 г.[94] Ряд монахов, которых опрашивали, вели достаточно подвижный образ жизни, посещая разные обители, но всё же материал опросов позволяет делать некоторые общие наблюдения. Так, очевидно, что целый ряд выехавших лиц был связан с Исайей Копинским. Иеромонах Исаак был пострижен в Густынском монастыре Исайей, и тот был его

---

[94] Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1875. Т. II. № 166.

духовным отцом[95], старец Рафаил из Дерманского монастыря на Волыни был послан в Россию Исайей[96], из Густынского монастыря вышли старцы Иона и Варсонофий. Варсонофий был постриженником Исайи[97]. Духовным сыном Исайи, подвизавшимся в пещере св. Антония в Киево-Печерском монастыре, был старец Иосиф из Смоленска[98]. В заключительной части столбца, не вошедшей в публикацию и содержащей записи за 1624–1625 гг., помещена запись о присылке на патриарший двор четырех старцев. Они были родом из разных мест, но все они приняли постриг в Троицком Прилуцком монастыре, а двое из них были постриженниками Исайи[99].

Ряд лиц был так или иначе связан с киевскими монастырями. Так, старец Варсонофий постригся в Никольском Пустынском монастыре[100]. Старец Илья из Чернобыля постригся в Межигорском монастыре и жил затем в Киево-Печерской обители[101]. Старец Гедеон, постриженик Скитского монастыря Воздвижения «на границе Волынской», после разорения скита татарами жил в Печерском монастыре[102]. Старец Макарий, сын священника из Киева, постриженик монастыря св. Павла на Афоне, приехал оттуда в Киев к Иову Борецкому, откуда ездил, возможно, с какими-то поручениями, «в Вилну и Духов монастырь»[103]. Но были и люди, пришедшие издалека, как черный дьякон Исаак — постриженик Исайи Балабана, который «в большой образ постригся в Венице на Подолье в монастыре Вознесенском»[104]. Преобладали, однако, среди пришельцев выходцы из обителей Киева и Левобережья.

---

95 Там же. Стб. 602.
96 Там же. Стб. 636.
97 Там же. Стб. 661.
98 Там же. Стб. 663.
99 Архив Санкт-Петербургского института истории. Собр. рукописей Имп. Археографической комиссии. Ркп. 84. Л. 170–173.
100 РИБ. Т. II. Стб. 601.
101 Там же. Стб. 664.
102 Там же. Стб. 611.
103 Там же. Стб. 630–631.
104 Там же. Стб. 636–637.

В эту картину быстро развивавшихся связей между Киевской митрополией и Москвой следует внести еще один важный штрих. Судя по описи архива Посольского приказа 1626 г., в Посольском приказе в это время хранились переводы «польского письма о вере» и «перевод с полского писма о вере белорусцом с латынники три главы». Тексты, с которых делались переводы, привез в Москву уже упоминавшийся игумен Петроний[105], ставший, по-видимому, к середине 20-х гг. главным экспертом в Москве по делам, связанным с Киевской митрополией. Так как Петроний скончался в России в конце 1625 г.[106], а в 1625 г., как будет видно далее, находился в Москве, он, вероятно, привез эти тексты из своей поездки к Курцевичу в 1624 г. Появление этих переводов — явное свидетельство интереса в Москве к создававшимся на территории Киевской митрополии в начале 20-х гг. XVII в. памятникам полемической литературы.

Таким образом, в первой половине 20-х гг. XVII в. в условиях усиления борьбы православных жителей Речи Посполитой за свои права произошло резкое увеличение контактов между православным духовенством Киевской митрополии и Россией. Обращения духовных лиц в Москву за помощью и поддержкой в ряде случаев сопровождались критикой порядков в Польско-Литовском государстве, где власть находилась в руках врагов православия –«ляхов» и их главы — монарха. Это было качественно новое явление в отношениях западнорусского духовенства и России. Новым явлением стал и начавшийся выезд монахов «на житье» в великорусские монастыри.

Вместе с тем расширение этих контактов не сопровождалось установлением связей русских правящих кругов ни с православной шляхтой, ни с казачеством. И это следует иметь в виду при наблюдении за последующими событиями.

---

105 Опись... Ч. 1. С. 239.

106 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... Т. I. С. 30.

ГЛАВА 6

Россия, Киевская митрополия и казачество во время восстания 1625 г.

Уже осенью 1624 г. на «русских землях» Речи Посполитой стали происходить важные события, наложившие отпечаток на характер отношений России с «русским» православным населением этих земель.

В августе 1624 г. из Киева направилось в Москву посольство во главе с луцким епископом Исаакием Борисковичем. Уже ранг посла указывал на значение, которое в Киеве придавалось его миссии. Как сообщал Исаакий путивльским воеводам, он направился после поставления в свою епархию, но вынужден был ее покинуть, когда началось «утеснение великое» и его «поляки хотели убити». Подобно другим иерархам, он нашел убежище в Киеве[1]. Исаакий сообщил, что везет с собой грамоты Иова Борецкого к царю, патриарху и И.Т. Грамотину. Кроме того, он сообщил, что «есть за ним духовное изусное дело» к патриарху[2]. 17 октября Исаакий получил разрешение ехать в Москву. 4 января 1625 г. царь принял его и Памву Берынду. Епископ поднес царю реликвии — «крест древян с мощми от Святые Горы» и частицы находящихся в Киеве мощей св. Варвары[3]. Перед «государевым выходом» состоялась беседа епископа с Иваном Грамотиным, когда дьяк говорил с Исаакием «о государевых делех тайно»[4]. В описях архива Посольского приказа 1626 г. и 1632 г. запись этих «разговоров» не отмечена,

---

1 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1, 1624 г. № 10. Л. 1–2.
2 Там же. Л. 4.
3 Там же. Л. 7, 23, 29.
4 Там же. Л. 26.

очевидно, они письменно не фиксировались. Уже из этой детали видно, что Исаакий приехал вовсе не для обсуждения «духовного дела». Очевидно, воеводы в Путивле не должны были знать о цели его миссии. После приема 14 января 1625 г. состоялась встреча епископа с кн. И.Б. Черкасским и И. Грамотиным[5]. И.Б. Черкасский, двоюродный брат царя, был фактическим главой русского правительства, возглавляя одновременно ряд важнейших приказов. Его участие во встрече говорит о важности обсуждаемых вопросов. «А что епископ о государевых делех говорил, и тому записка у думного диака у Ивана Грамотина»[6]. Действительно, в описи архива Посольского приказа 1626 г. отмечена находящаяся в особом ящике у Грамотина и записанная им собственноручно «Выписка, что говорить речь Исаию, епископу луцкому»[7]. В соответствии с московской практикой в начале этой речи должно было излагаться содержание предложений из Киева, но сохранилась, как известно, лишь заключительная часть документа, по которой исследователи пытаются предположительно восстановить утраченное. Сохранилась также привезенная Исаакием Борисковичем грамота Иова Борецкого царю.

У исследователей разных направлений содержание этих документов не вызывало каких-либо разногласий. Исследователь истории православной церкви в Речи Посполитой К. Ходыницкий писал, что «dążność do przejścia pod panowanie Moskwy występuie bardzo mocno zwlaszcza u Boreckiego»[8]. Митрополит «nie zawahał się rokować s obcym państwem na szkodę Rzeczypospolitej». М.С. Грушевский назвал происходившее на рубеже 1624–1625 гг. «первой рекогносцировкой позднее совершенного переворота»[9]. В настоящее

---

5 Там же. Л. 41.

6 Там же.

7 Опись архива Посольского приказа 1616 года. М., 1977. Ч. 1. С. 368.

8 *Chodynicki K.* Kościół prawosławny i Rzeczpospolita polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934. S. 445.

9 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Т. VII. Козацькі час — до року 1625. Київ; Львів, 1909. С. 524. Достаточно этой цитаты,

время польский исследователь Т. Ходана поставил эти утверждения под сомнение, оспаривая ряд конкретных положений своих предшественников[10]. Все это делает необходимым подробный разбор обоих связанных с миссией Исаакия Борисковича текстов.

Грамота Борецкого[11] начинается с обращения к царю Михаилу Федоровичу, которое завершается словами — «своему всемилостивому владыце и благодетелю». Т. Ходана предлагает не придавать значения риторическим выражениям документа, но фактом является то, что киевский митрополит в самом начале своей грамоты назвал царя, а не короля Сигизмунда III «своим владыкой». Последующую часть грамоты занимает сравнение библейского Иосифа с царем Михаилом Федоровичем. Т. Ходана не задается вопросом, почему под пером митрополита появилось это сравнение. Если Иосиф «смотрением божиим» был заведен «в чужду краину», то Михаил Федорович «восприял» царский венец, «свою от заведения свобождая землю». Оба они испытали несчастье, Иосиф смог от него избавиться, а царь избавил от несчастья свою страну. О каком ее «освобождении» говорит Иов Борецкий, нетрудно установить.

Избавившись от несчастья, Иосиф позаботился о продавших его братьях и особенно о «благоутробном», происходящем от совместных родителей Вениамине. Митрополит выражал надежду, что царь сумеет позаботиться о своих подданных и защитит их от «злочестивых и безбожных агарян», а затем обратит свое внимание и на «русских», живущих на землях Речи Посполитой. Необходимость такого внимания обосновывается тем, что, подобно Вениамину, эти люди, «юнейшие ти братья», не только едины в вере, но и «единоутробны» царю и его подданным. При этом митрополит подчеркивал,

---

чтобы показать, что отнюдь не только российские и советские исследователи так понимали смысл происходивших событий.

10 *Hodana T.* Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów — obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI — połowy XVII stulecia). Kraków, 2008. S. 81 i n.

11 Воссоединение Украины с Россией. Т. I. № 22. С. 46–48.

что именно в Киеве впервые утвердилась православная вера и именно оттуда ее приняли предки царя. От царя митрополит ожидал, что он позаботится о русских и православных жителях Речи Посполитой «хлебы прекормлением щедротами ти милости и промыслом о свободе». Последние слова традиционно понимались как призыв освободить православных Речи Посполитой от чужой и иноверной власти. Опираясь на сравнение царя с Иосифом, Т. Ходана полагает, что речь шла о переселении православных Речи Посполитой на земли Русского государства, подобно переселению братьев Иосифа в Египет[12]. Такое понимание фрагмента допустимо, хотя, как представляется, раскрытие этого содержания возможно лишь после реконструкции предложений, привезенных епископом Исаакием. Сделанная поправка, однако, не меняет сути дела. В любом случае текст говорит о нежелании мириться с существующими в Польско-Литовском государстве порядками и налицо стремление избавиться от них с русской помощью.

Заключительная часть послания подтверждает этот вывод. Здесь говорится о Сигизмунде III, правящем ими «попущением божиим», о гонениях на православных, изгнании епископов из их епархий, враги «меч на православных обостриша», «до крове на православную веру вооружившася». Епископы же пока нашли приют в Киеве, «криющась под криле христолюбивого воинства черкасских молодцов». Грамота заканчивается рекомендациями царю епископа Исаакия, в частности, как «мужа тайну царскую могуща сохранити». Очевидно, что положение православных в Речи Посполитой рисовалось как совершенно нетерпимое, и митрополит выражал надежды, что из него удастся выйти с русской помощью.

В каком направлении в Киеве искали выход, поможет установить анализ сохранившейся части ответа на предложения митрополита и епископов.

Разбирая текст, следует отметить, что в распоряжении русских политиков был текст, написанный собственноручно митрополитом («митрополича рука»), с цитаты из которого

---

12 *Hodana T.* Op. cit. S. 85.

начинается сохранившийся текст ответа. В нем читается, что следует «к напастем оубо терпению быти, предел же не преходити ... аще ж врази не отступны пребудут, Господа сведетеля призвавши, елика сила подвизатеся, молящееся пособию того быти вослед христолюбивых»[13]. В ответ на вопрос, к кому относятся эти слова, епископ пояснил, что к запорожским казакам. По-видимому, внимание русских политиков привлекли слова митрополита, обращенные к казакам, что следует терпеть, пока дело не дойдет до опасного предела.

После этого И.Б. Черкасский и Грамотин заявили епископу, что «по тому писму и по твоим речам, та мысль в самех вас еще не утвержена, и о том укрепленья меж вас ещо нет»[14]. Из текста нельзя заключить, о какой «мысли» и каком «укрепленье» идет речь. Ясность вносит последующий текст: «А про казаков еси сказал, что казаков столко не будет, чтоб им стояти против поляков собою бес помочи, а о вестях сказал, что ныне запорожское войско идет на весну на Турского морем». «Ныне царскому величества того дела всчати нелзе», так как нет «укрепления» и «казаки будет все на море». Слова епископа, что казаки не могут стоять против поляков одни, «бес помочи», ясно указывают, что епископ просил об оказании такой помощи казакам. Отклоняя предложение, Черкасский и Грамотин указывали на то, что русскому войску будет некому помогать.

Вопрос о том, где именно будут находиться казаки, не имел бы никакого значения, если бы речь шла, как полагает Т. Ходана, об уходе православных на территорию России.

Вопрос о таком уходе был поднят после того, как И.Б. Черкасский и И.Т. Грамотин отказали в посылке войск. Именно тогда епископ просил, если «поляки наступят вскоре», чтобы епископов и Войско Запорожское, если они отправятся в Россию, царь «пожаловал, отринуть не велел»[15].

---

13 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1, 1625 г. № 1. Л. 1.
14 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 523.
15 Там же. С. 524.

Заслуживают внимания и заключительные слова ответа: царь и патриарх «будут о том мыслити, как бы православную веру и церкви божии и вас всех во избавленье видети»[16]. Понятно, что люди могли избавиться от власти еретиков, переселившись в православное государство, но это никак не могло касаться «божьих церквей», которые остались бы под властью еретиков.

Всё это позволяет согласиться с той интерпретацией текстов (и событий), которую дал М.С. Грушевский[17]. Речь шла не об уходе православных из Речи Посполитой в Россию (это был крайний, нежелательный вариант), а о присоединении к Русскому государству тех земель Речи Посполитой, где проживало православное население. В этом смысле, очевидно, и следует понимать «промысл о свободе».

Сказанное проясняет и вопрос об «укрепленье», которого добивались от епископа русские политики. Речь шла об официальном, скрепленном печатями и подписями обращении православного населения Речи Посполитой к царю с просьбой принять его под свою защиту, как это имело место перед решениями Земского собора 1653 г.

Следует отметить, что отрицательный ответ не означал конца переговоров. Об этом ясно говорят изложенные выше заключительные слова ответа. Русские политики указывали две причины отказа: отсутствие «укрепленья» и ожидаемый уход казацкого войска на море. И то, и другое могло через некоторое время измениться. Казацкое войско не вечно должно было находиться на море, а епископ Исаакий заверял, что православные Речи Посполитой «под государевою рукою быть хотять и о том советоват меж собою будут»[18].

19 февраля епископу Исаакию и Памве Берынде было вручено жалованье для митрополита — соболя на 300 руб. и икона Богородицы в драгоценном окладе, украшенном камнями. 23 февраля состоялся «отпуск». 10 марта послы были уже в Путивле[19].

---

16 Там же. С. 523.

17 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 523.

18 Там же. С. 524.

19 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1, 1624 г. № 10. Л. 80 и сл.

Пока послы митрополита находились в Москве, Киев посетил путивльский сын боярский Григорий Гладкий, который постепенно становился тем главным лицом, которое собирало сведения о положении в пограничных областях Речи Посполитой и поддерживало связи с окружением митрополита в Киеве. Г. Гладкий в феврале 1625 г. сообщил путивльским воеводам, что после сейма митрополит сообщил в Москву о принятых на нем решениях[20]. 28 мая 1625 г. его посланцы Василий Полочанин и Данила Балакирев пришли в Путивль. Они везли с собой грамоты Иова Борецкого царю, патриарху, боярину И.М. Воротынскому и дьяку И.Т. Грамотину. Они сообщили также, что у них «изустный приказ» от митрополита[21]. О возможном содержании такого «приказа» в известной мере позволяют судить «вести», которые посланцы сообщили воеводам в Путивле. Так, оказалось, что гетман С. Конецпольский пошел с войском к Белой Церкви «на казаков запорозских, чтоб их уменшить». Таким образом, начался тот поход польской армии на Украину, которого давно с тревогой ждали в Киеве. Одновременно посланцы сообщили, что запорожские казаки не пошли за море, а «стоят в Крылове»[22]. Следовательно, запорожские казаки изменили свои планы и не пошли за море. Тем самым отпадало одно из препятствий, которое мешало русским властям выступить на защиту православных в Речи Посполитой. Как представляется, целью миссии было вернуть русских политиков к обсуждению вопроса, поднятого на переговорах с епископом Исаакием.

В пользу такого предположения говорит тот факт, что после приезда простых гонцов в Москву с ними 15 июня беседовали И.Б. Черкасский и И.Т. Грамотин[23], глава правительства и глава Посольского приказа. В 1626 г. записи этих бесед хранились в суконном мешочке, который «носили за Иваном Грамотиным в доклад» царю и патриарху[24]. Записи этих бесед

---

20 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1, 1625 г. № 3. Л. 1.
21 Там же. Л. 2–3.
22 Там же. Л. 3–4.
23 Там же. Л. 9.
24 Опись архива Посольского приказа...Ч. 1. С. 378.

не сохранились. Вместе с этими записями хранились привезенные посланцами «грамоты посыльные»[25]. Само наименование этих документов говорит о том, что «укрепленье», которого так добивались в Москве, посланцы не привезли.

В конце июня 1625 г. из Москвы была отправлена грамота к воеводам Воронежа с предложением «проведывать» у запорожских казаков на Дону, «нет ли от поляков крестьянским церквам нарушения и на них, казаков, утесненья и будет есть, и как им от поляков и в которых местех стоять ... и много ль их ныне в Запорогех»[26]. Воеводы должны были проверить истинность утверждений посланцев о казацком войске, собравшемся для отпора полякам.

Предпринятую здесь реконструкцию предложений, исходивших от православного епископата Киевской митрополии, следует сопоставить с теми представлениями о положении православия и казачества, которые сложились на территории Киевской земли к тому времени, когда в Киеве было принято решение направить в Москву посольство. Кроме того, следует рассмотреть сведения о шагах, предпринимавшихся митрополитом и казаками во время пребывания послов на русской территории.

Уже в работах исследователей начала XX в. было показано, как осложнилось положение и православной иерархии, и защищавшего ее казачества в 1623–1624 гг. Объективные факты показывают, что и те, и другие прилагали усилия, чтобы добиться своих целей на сейме 1623 г. В самом конце 1622 г. увидела свет «Justifikacia niewinności», оправдывавшая акт поставления православных епископов константинопольским патриархом. Сенаторам — участникам сейма была адресована так называемая «Supplicatia» — перечень обид, которым подвергаются в Речи Посполитой православные с просьбой защитить их интересы. Специальный перечень обид и притеснений был подготовлен для участников

---

25 Там же.

26 Воронежские акты. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Воронеж, 1851. Кн. 1. С. 124.

сейма. Для участия в его работе в Варшаву направились митрополит Иов Борецкий и полоцкий архиепископ Мелетий Смотрицкий.

В петиции, привезенной на сейм казацкими послами, также содержалось требование отменить распоряжения, направленные против православных епископов, признать их право на занимаемые ими кафедры и передать им, отобрав у униатов, те церковные имущества, которые с этими кафедрами исторически были связаны. Одновременно казаки требовали подтверждения особым актом своих «вольностей», что означало свободу проживания на любых землях Киевского воеводства и возможность свободно ловить там зверя и рыбу и подчинение и подсудность казаков только своим выборным властям.

Особого внимания заслуживают два пункта. Один из них предусматривал, что коронное войско не должно вступать на территорию Киевского воеводства, где казаки должны были быть единственной организованной военной силой. Другой предусматривал право казаков наниматься на службу к христианским государям[27]. Так как власти Речи Посполитой не создавали препятствий для тех, кто хотел бы пойти на службу к союзникам Сигизмунда III — австрийским Габсбургам, то, очевидно, в данном случае казаки хотели, чтобы за ними было признано право служить царю и получать за это жалованье.

Хорошо известны и итоги работы сейма 1623 г. Предложения православных вообще не рассматривались, а депутация из сенаторов и послов пыталась добиться, чтобы православные иерархи согласились на созыв собора для «примирения» с униатами. При таком положении дел Борецкий и Смотрицкий были вынуждены бежать из Варшавы[28].

---

[27] *Жукович П.Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (после 1609 г.). СПб., 1908. Вып. 4 (1623–1624 гг.). С. 11–20, 25–30; *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 497–500.

[28] *Жукович П.Н.* Сеймовая борьба... Вып. 4. С. 53–60; *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 504–506.

Казацкие требования также не были приняты. Напротив, в решениях сейма казакам был поставлен своеобразный ультиматум. Казаки должны были распустить войско до указанного числа 2 тыс., и эти казаки должны были уйти с «волости» на Запорожье и там при участии королевского посланца осуществить суд над своевольниками. Когда эти требования будут исполнены, приедут королевские комиссары, составят реестр и выплатят внесенным в реестр казакам жалованье. Этим 2 тысячам казаков, очевидно, было бы предоставлено самоуправление, а остальные должны были стать подданными своих прежних господ. Если казаки не согласятся на эти условия, против будет выслано войско[29].

Сообщить о решениях сейма казакам был послан королевский дворянин Обалковский, обычно ездивший к казакам с разными поручениями. О том, что произошло дальше, сообщал в Москву архимандрит монастыря Рождества Богородицы в Стародубе Варлаам[30]. Казаки согласились не ходить на море, чтобы не нарушать мир с Османской империей, но предложение «убавить войско» до 4 тыс. человек вызвало возмущение, и посланца «не много не забили». По его словам, казаки отправили к королю послов заявить: «Если, де, ты, государь, на нас наступаешь, уступим тебе, пойдем служить московскому государю». Другие сообщения не столь конкретны, угрозы уйти на службу к царю в них нет, но знакомство с ними показывает, что к лету 1623 г. решения сейма стали широко известны и казачество не желало им подчиниться[31]. Тем самым возникала реальная опасность войны. Записи ходивших в восточных областях Речи Посполитой слухов показывают, как реагировало местное население на происходящее, на что надеялось. Выше уже цитировались высказывания о том, что в критической ситуации следует искать помощи у царя. Однако не меньшее место в записанных слухах занимали надежды на королевича

---

29 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 506–507.

30 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. Стб. 10. Л. 259–260.

31 См.: Там же. Л. 90, 131, 176–177 и др.

Владислава. Рассказывали, что король Сигизмунд «хотел, деи, сына своего королевича убить», так как «королевича любят, а ево, короля, хотели известь». Владиславу пришлось бежать от отца[32]. Далее появились слухи, что «королевич стоит с черкасы с Саадачновым полком в поле», «черкасы» и королевич принесли друг другу присягу, и он «хочет ходить с черкасы воиною»[33]. В другом сообщении говорилось, что королевич собрал уже 25-тысячное войско, «а стоит, де, с черкасы в своеи русской вере»[34]. Ходили слухи и о том, что с согласия короля будет созван съезд, где «с Литвою Русь о вере помирятца» и «Литовская Русь» будет отдана во владение Владиславу, а «жить ему в Киеве или в Смоленске»[35].

Таких иллюзий не мог разделять Иов Борецкий и люди его окружения. Опасность войны для них была гораздо более реальной, чем для казаков, готовых верить благоприятным для них слухам. Иов Борецкий и его находившиеся в Киеве сподвижники не могли не задумываться над вопросом, какова будет их судьба, если их защитник — казачество — потерпит поражение в борьбе с войском Речи Посполитой. В уже цитированной грамоте архимандрита Варлаама сохранилось важное свидетельство о настроениях митрополита, с которым он встречался в Киеве. Митрополит говорил, что «есть-ли, де, казаки не осилеют ляхов, то хотят ити служити государю царю Московскому Михаилу Федоровичю, и я, де, их не остану, коли, де, козаки не устоят, и ляхи, де, тогда веру крестьянскую поломают»[36].

По-видимому, наблюдая происходящие события и под впечатлением разговоров с митрополитом архимандрит Варлаам ушел в Россию и с ним большая группа местных жителей — «весь сабор, попы и дьяконы, и дети боярские, казаки, стрелцы, пушкари и затинщики и уездные люди»[37].

---

32 Там же. Л. 130.
33 Там же. Л. 193.
34 Там же. Л. 228.
35 Там же. Л. 206.
36 Там же. Л. 260.
37 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 8. Л. 66–68.

Новый, 1624 г. не принес спада напряженности. Слухи о приближающейся войне постоянно повторялись, приводя к сборам казацкого войска[38]. Распространялись слухи, что король казнил казацких послов[39]. Наряду с этим, правда, выражались надежды, что казаки будут нужны Речи Посполитой для войны с Османской империей и скоро получат «сукна и гроши»[40]. Надеялись также на помощь королевича[41] и литовского магната К. Радзивилла. Распространился слух, что он «побил людей» канцлера Льва Сапеги, отстаивая «веру греческого закона», и у него «ссылка з запороскими черкасы, что им стоять о вере на полских людей вместе»[42].

Иов Борецкий и люди его круга, поддерживавшие постоянные контакты с К. Радзивиллом и добивавшиеся его поддержки, правильно представляли возможности этого находившегося в конфликте с «двором» протестантского магната, и вряд ли подобные слухи могли их успокоить. Напротив, их тревогу за будущее должны были усиливать гонения, начавшиеся после гибели в Витебске в конце 1623 г. полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. Дело не ограничилось жестокими казнями витебских мещан — участников убийства. Начались преследования православных в северных областях Речи Посполитой. В Москву приходили сообщения о «запечатании» церквей в Стародубе и Могилеве, о казнях мещан в Чернобыле, о том, что в Могилеве «за веру осужено казнить тритцать человек, а не кажнены ... что поляки боятца черкас». В Дорогобуже приехавший из Смоленска «бискуп» собрал священников «посацких и уезных» и заявил, что те, кто «не похотят их веры верова-ти», будут лишены прихода и наказаны[43]. Распространился и рассказ, что в Киев явились «ляхи», которые «у церквеи

---

38 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 12. Л. 122, 157, 159, 368.
39 Там же. Л. 59.
40 Там же. Л. 156, 185.
41 Там же. Л. 89, 249, 252.
42 Там же. Л. 177.
43 Там же. Л. 59–60, 69, 204–206.

замки позбили и образом поругались, по образом ис пищали стреляли»[44]. Последнее сообщение совсем не соответствует реальным фактам, но важно для передачи настроений населения. Другие сообщения нет оснований подозревать в недостоверности, и они, конечно, должны были беспокоить православное духовенство, собравшееся в Киеве под защитой казаков.

В этих условиях поддержание контактов с Москвой становилось всё более важным. И в источниках есть указания, что такие контакты поддерживались. 24 мая 1624 г. в Путивль приехал старец Иосиф из Михайлова Златоверхого монастыря, «постриженик» Иова Борецкого, который вез с собой «лист» к патриарху Филарету[45], а 21 мая путивльские воеводы отправили к митрополиту Г. Гладкого «и против ... государевы грамоты, что ему говорить, приказали»[46]. Это замечание показывает, что Г. Гладкий поехал в Киев по прямому поручению из Москвы. Так же, судя по всему, обстояло дело и с его более ранней поездкой.

В таких условиях и возникло решение об отправке большой и важной миссии в Москву. События, происходившие в то время, когда еще начинался только сбор коронного войска, подтверждали опасения митрополита и других церковных иерархов. Побывавший на «Петров день» в Баре, где собиралось войско, поп Лазарь Онуфреев рассказал в Путивле, что здесь и в округе, «где русские церкви были», «попов приводят поляки в латинскую свою веру, а который, де, их веры не похочет, и тех велят зжечь», многие священники, оставив свои храмы, бежали «и ныне живут в Киеве»[47]. Это сообщение показывает, какие слухи о действиях «поляков» распространялись в обществе еще до начала похода.

18 сентября 1625 г. в Путивль приехали старцы Киево-Печерского и Николаевского Пустынского монастырей.

---

44 Там же. Л. 89.
45 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 11. Л. 13.
46 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 12. Л. 123.
47 Там же. Стб. 2518. Л. 9.

Они сообщали, что войско С. Конецпольского идет к Киеву против казаков и «толко, де, от поляков в Киеве разоренье будет крестьянской вере а киевской, де, митрополит Иов Борецкий хочет бежать к Москве»[48]. Так реагировало на происходившее киевское монашество, и, надо полагать, оно знало о настроениях митрополита и его окружения.

В конце сентября путивльский купец, ездивший с «торгом» в Киев, сообщал, что гетман С. Конецпольский пришел с войском к Белой Церкви и предложил, чтобы «митрополит со всеми властями ехоли к нему, гетману, к Белой Церкви в обоз». Неудивительно, что в сложившемся положении митрополит велел письмо гетмана «счесть в Киеве всяким людям», которые отсоветовали ему ехать[49]. Опасения эти были вполне на месте, так как и один из корреспондентов К. Радзивилла, С. Бучинский, писал ему 17 августа н.ст. 1625 г., что гетман приказал одному из своих приближенных, Лащу, арестовать митрополита, но тот нашел защиту у казаков[50]. В эти же дни, 29 сентября, в Киеве состоялась казацкая рада, на которой присутствовал Григорий Гладкий, посланный путивльскими воеводами для сбора «вестей». Участники рады, как он сообщал, «призывали ... к себе митрополита ... о том, стоять ли им против гетмана». Иов Борецкий советовал сражаться, если у них на это хватит сил, а если нет, «и они б, де, казаки, били челом о помощи и писали тебе, государю»[51]. Эти сообщения Гладкого, как представляется, окончательно раскрывают смысл посольства Исаакия Борисковича. Позднее Г. Гладкий встретился с митрополитом, который сказал ему, что гетман Конецпольский намерен подчинить казаков и «вера римская в Киеве и всех литовских городех учинить». С Г. Гладким митрополит послал

---

48 Там же. Стб. 2518. Л. 91–92.

49 Текст опубликован: *Флоря Б.Н.* Киевская митрополия, Россия и казацкое восстание 1625 года // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках. М., 1999. С. 146.

50 AGAD. Archiwum Radziwiłłów. V. N 1584.

51 Текст опубликован: *Флоря Б.Н.* Киевская митрополия... С. 148.

в Москву «лист» католического епископа Киева с сообщениями о положении в Речи Посполитой[52].

2 декабря 1625 г. в Путивль приехали новые гонцы от Иова Борецкого — Савва Софонов Савицкий «запорозской казак киевъскои жилец» с семьей и поп Филипп из Михаило-Архангельского монастыря[53]. Савицкий привез рекомендательную грамоту Борецкого, просившего взять его на государеву службу[54]. Он имел также важное поручение, о котором он «тайно» сообщил путивльским воеводам. Митрополит предлагал через него просить Иосифа Курцевича, «чтобы, де, он, епископ, отписал от себя к полковнику козацкому к Олиферу, чтоб он, Олифер, казакам запорским, которых ныне гетман Дорошенка отставливает от казачества, говорил, чтоб оне, собрався с ним, с Олифером, прислали б бити челом государю»[55]. Текст требует определенных комментариев. Это касается, прежде всего, фигурирующего в тексте «полковника» Олифера. Олифер Голуб был близким соратником Сагайдачного и после его смерти в апреле 1622 г. стал новым гетманом. По мнению комиссаров, которые вели переговоры с казаками, новый гетман был выбран «чернью»[56]. Находившийся в то время в Киеве Мелетий Смотрицкий в письме к Слуцкому протопопу Андрею Мужиловскому характеризовал Голуба как «kazaka starynnego... żony i domu nie mającego», а выбрали его для того, чтобы не допустить составления реестра[57]. Уже эти свидетельства бросают определенный свет на эту фигуру. О. Голуб побыл гетманом недолго, но о нем стали говорить, когда в среде казаков стало нарастать недовольство искавшим соглашения с властями

---

52 Там же.

53 РГАДА. Ф. 210. Книги денежного стола. № 81. Л. 55–56.

54 Публ. оригинала грамоты см.: *Флоря Б.Н.* Киевская митрополия... С. 150–151.

55 Текст опубликован: *Флоря Б.Н.* Киевская митрополия... С. 149–150.

56 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 493.

57 Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. II. Supplement, № 333.

Речи Посполитой гетманом Михаилом Дорошенко. Летом 1623 г. А. Мужиловский писал К. Радзивиллу, что казаки скоро сместят Дорошенко и выберут гетманом Голуба, которого им рекомендует Иов Борецкий[58]. Это сообщение говорит о существовании уже в то время какой-то связи между митрополитом и полковником. Во время восстания 1625 г. именно О. Голуб возглавил собравшееся в Киеве казацкое войско и командовал им вплоть до того времени, когда оно соединилось с казацким войском, идущим из Запорожья[59]. Последующий ход событий показал, что у митрополита были основания видеть в Олифере Голубе предводителя недовольных Куруковским миром казаков. Зимой 1625/6 г. четырехтысячный отряд казаков во главе с «гетманом» Олифером отъехал в Крым и затем участвовал в набеге татар на Речь Посполитую[60].

Посланец выразил уверенность, что Олифер поступит так, как ему посоветует Курцевич, и ему нетрудно будет добиться успеха, так как «казаки, которых ныне отставливают от казачества», если царь прикажет «помочь им учинить своими государевыми людьми на поляков», то они «все крест поцелуют, что им служить» царю и «городы литовские станут очищать в твое государево имя»[61]. Таким образом, Олифер Голуб должен был поднять восстание, которое завершилось бы присоединением «литовских городов» к Русскому государству.

В свете этих данных становится понятным смысл поездки другого посланца Борецкого, попа Филиппа из Михаило-Архангельского монастыря, киевской резиденции митрополита, который приехал в Путивль одновременно с Савицким. Поп Филипп также говорил путивльским воеводам, что казаки, которых «от казачества отставливают», хотят служить

---

58 AGAD. Archiwum Radziwiłłów, II, № 860. Тогда же о таких планах узнал К. Збаражский (*Грушевський М.С.* Історія... Т. VII. С. 511).

59 *Floria B.* Nowe materiały do dziejów powstania kozackiego 1625 roku // Przegląd Wschodni. Z. 17. S. 38–39.

60 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2518. Л. 336, 370.

61 Текст опубликован: *Флоря Б.Н.* Киевская митрополия... С. 150.

царю, просят от него помощи «и городы литовские станут очищать»[62]. Очевидно, он должен был еще раз привлечь внимание к тем предложениям, которые привез Савицкий.

Всё сказанное позволяет прийти к однозначному выводу. Вплоть до конца 1625 г. киевский митрополит Иов Борецкий прилагал усилия к тому, чтобы вовлечь Русское государство во внутренний конфликт в Речи Посполитой, и это вмешательство должно было привести к присоединению «русских» земель Речи Посполитой к Русскому государству.

Новые факты подтверждают мнение М.С. Грушевского о том, что имела место «репетиция» событий середины XVII в., и заключение К. Ходыницкого, что Борецкий действовал «na szkodę swojego państwa». При этом, однако, стоит заметить, что власти государства так обращались со своими подданными, такими как Борецкий и люди его круга, что они переставали воспринимать это государство как «свое». В свете приведенных данных оказывается неосновательным построение Т. Ходана, доказывающего, что речь шла только о планах поиска убежища на русской территории. Убедительность построения достигается в данном случае, к сожалению, за счет умолчания о ряде опубликованных свидетельств. В свете сказанного неосновательной оказывается и гипотеза А.А. Булычева, что заявления Исаакия Борисковича в Москве имели своей целью спасти репутацию епископата Киевской митрополии, поставленную под вопрос сообщениями о его контактах с униатами[63]. Такую цель епископы Киевской митрополии, как представляется, не могли преследовать, так как никаких сведений об их контактах с униатами в достаточно обширном круге сообщений,

---

62 Воссоединение... Т. I. № 31. С. 62. Поп Филипп привез с собой грамоту Борецкого, в которой митрополит выражал желание укрыться «от прелести латинской» под «кров крил» царя Михаила Федоровича. — Подлинник грамоты см.: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2518. Л. 200.

63 *Булычев А.А.* История одной политической кампании XVII века. Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004. С. 56–61.

поступавших в Москву в первой половине 20-х гг., не обнаруживается, и следовательно не могло и выдвигаться соответствующих обвинений по их адресу.

Уже исследователи второй половины XIX — начала XX в. констатировали, что на обращения Борецкого в Москве не реагировали[64]. В свете новых фактов это представляется еще более очевидным. В научной литературе не предложено ответа о причинах сдержанности, проявленной русскими политиками. Для проблематики темы об отношениях России с «русскими» землями Речи Посполитой поиски ответа на этот вопрос представляются существенными.

Прежде всего следует отметить, что в 1625 г. международная ситуация была иной, чем в начале 20-х гг. Речь Посполитая не находилась в это время в конфликте ни с одним из своих соседей. Война с ней в таких условиях была серьезным риском для страны, которая только начала преодолевать тяжелые последствия многолетней Смуты. На такой риск в крайнем случае московские власти могли бы пойти, если бы могли серьезно рассчитывать на большую поддержку в самой Речи Посполитой. Иов Борецкий доказывал, что такая поддержка налицо, но в Москве имели основания для сомнений. Такие основания давали приходившие известия о казаках и от казаков.

Несмотря на предпринятые учеными определенные усилия, поведение и настроения казачества во время событий 1625 г. остаются во многом неясными. В. Брехуненко и С. Лепявко лишь бегло коснулись этой темы[65].

В развитии событий 1625 г. важное место принадлежало посольству во главе с Иваном Гирей, отправленному в Москву из Запорожья в начале января 1625 г. 7 февраля 1625 г. запорожские посланцы прибыли в Путивль. Посланцы привезли с собой грамоту гетмана Каленика Андреева. Ее текст в деле не сохранился, но сохранилась запись сообщений

---

64 Савва Савицкий лишь 6 февраля получил возможность выехать в Москву (РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81. Л. 132об–133). В Москве не торопились посылать его на Украину.

65 *Брехуненко В., Лепявко С.* Українське козацтво... С. 726.

запорожских посланцев[66]. Именно эти посланцы сообщили путивльским воеводам о посылке гетманом Калеником в Киев по просьбе митрополита двух полковников, которые расправились со сторонниками унии.

Однако запорожские посланцы не сделали каких-либо резких высказываний по адресу властей Речи Посполитой, не говорили они ничего и о возможной опасности войны. Главное место в их рассказах заняло сообщение, что перед Рождеством в Запороги приехал отложившийся от Османской империи царевич Шагин-Гирей и заключил с ними союз «турского землю воевать заодно». В тот же день Шагин-Гирей отправил послов к королю с сообщением о заключении союза. Встретив на дороге ехавших в Сечь королевских посланцев, у одного из них, по их словам, они узнали, что посланцы везут приказ «нынешние весны идти морем и сухим путем турского земли воевать». Вместе с запорожскими посланцами в Путивль приехали посланцы Александра Ахии, претендента на султанский трон, который искал поддержки запорожцев. Все эти особенности текста показывают, что на рубеже 1624/1625 гг. в Сечи рассчитывали добиться видного и почетного места в Речи Посполитой благодаря союзу с Шагин-Гиреем. Все это заметно расходилось с заявлениями Исаакия Борисковича и отчасти их дезавуировало.

Вместе с тем посланцы не сообщили ничего о цели своего посольства и только настаивали на возможности принятия их царем, и из дела неясно, получили ли они такую возможность. Однако уже в прошлом веке П.А. Кулиш опубликовал дело о приезде в Москву упомянутого выше Александра Ахии, где упоминается, что царь принял запорожских послов 7 апреля 1625 г.[67] После окончания Смуты это был первый официальный прием царем запорожских послов. Приему этому предшествовал эпизод из переговоров Исаакия Борисковича с московскими политиками, который ранее

---

[66] Воссоединение... Т. I. № 24. С. 50–52.

[67] *Кулиш П.А.* Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. I. С. 172.

не рассматривался. В уже упоминавшемся фрагменте ответа на предложения Исаакия упоминалось «челобитье» митрополита и епископов простить запорожцам их действия в годы Смуты «и впредь не памятовать». Царь на эту просьбу ответил согласием, «а они б за то царскому величеству служили»[68]. Этот текст показывает, что посольство Сагайдачного и выдача «жалованья» его посланцам не рассматривались как установление каких-то отношений между русским правительством и Войском Запорожским. Вместе с тем удовлетворение «челобитья» создавало более благоприятную ситуацию для возобновления этих связей. О результатах ходатайства Исаакий Борискович мог сам известить на обратном пути находившихся в Путивле запорожских послов.

Есть основания полагать, что на этот раз какое-то соглашение было заключено. Как известно, на переговорах, предшествовавших Куруковскому миру, королевские комиссары требовали не вести никаких переговоров с русскими властями, выдать им казацких послов в Москву и царские грамоты. В ответ запорожцы заявили, что посылали в Москву, чтобы по старому обычаю получать жалованье из царской казны[69]. Очевидно, на этот раз Запорожское Войско было принято на царскую службу и в связи с этим получило жалованье. Нет оснований полагать, однако, что речь шла о «службе» против Речи Посполитой. Судя по высказываниям посланцев, они должны были добиваться в Москве материальной поддержки для своих южных планов, и такая поддержка, судя по всему, была оказана.

Значит ли это, что Иов Борецкий, обращаясь со своими предложениями в Москву, выдвигал планы, не имевшие какого-либо соответствия в реальной действительности? Для ответа на этот вопрос следует проанализировать всю совокупность сведений, поступавших в русские пограничные города о настроениях в среде казачества. Расчеты запорожцев улучшить свое положение с помощью союза с Шагин-Гиреем не привели к намеченной цели. О том, что произошло

---

68 РГАДА. Ф. 124. 1625 г. № 1. Л. 2.

69 *Жукович П.Н.* Сеймовая борьба... Вып. 5. СПб., 1910. С. 11–12.

на сейме, рассказал в апреле 1625 г. Иов Борецкий лазутчику, которого прислал к нему Г. Гладкий. По его словам, на сейме король и гетман С. Конецпольский «хотели запороских посланцев побить ... за то, что они, казаки, короля и рады всей не слушают, а делают воровством, мирятца с тотары без королевского ведома и турского землю воюют». Лишь вмешательство К. Збаражского способствовало тому, что послы были отпущены[70]. Возможно, митрополит в своем рассказе заострил ситуацию, но в самой неудаче переговоров нет оснований сомневаться.

К этому времени, весне 1625 г., относится и свидетельство о конкретной попытке казаков вступить в сношения с русскими властями. Судя по рассказу выходца из Речи Посполитой, записанному в Вязьме, казацкое войско во главе с Олифером Голубом стояло «на реке на Суле в Наливайковском таборе», готовясь к войне с поляками. Отсюда в соседний русский Белгород было отправлено посольство во главе с черкасским полковником Серебряным. Оно должно было сообщить о намерениях казаков «от Полские земли отстать и отъехать к Московскому государству со всем войском, а которые, де, белоруские городы ныне тянут к Полше, и те, де, все хотят отложитца к Московскому государству»[71]. К сожалению, отсутствие отписок белгородских воевод этого времени не позволяет проверить достоверность этого свидетельства. Однако обращает на себя внимание конкретный характер сообщения, отличающийся от общих упоминаний о настроениях казаков: названы имена полковников в войске Олифера (Богдан Коншин и другие), названы имена казаков, сопровождавших полковника в его поездке в Белгород. Стоит отметить, что речь идет о войске, которое собрал Олифер Голуб, поддерживавший контакты с Иовом Борецким.

В рассказах, относящихся уже к тому времени, когда началась война казаков с армией С. Конецпольского,

---

70 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 8. Л. 60.

71 Там же. Л. 36. Это свидетельство осталось неизвестно В. Брехуненко и С. Лепявко.

неоднократно упоминалось о намерениях казаков отъехать на русскую территорию, просить помощи у царя и «засесть городы»[72], но к каким-либо последствиям эти разговоры не привели. Когда на раде в Киеве 29 сентября Борецкий поднял вопрос о переходе под власть царя, рада, как сообщал присутствующий на ней Г. Гладкий, разошлась, не приняв решения. Как отметил Гладкий, на раде «запорозские лутчие люди» выступали за то, «чтоб им договоритца з гетманом», но было принято решение, что войско окончательно определит свою позицию после соединения с отрядами, идущими из Запорожья[73].

«Лутчие люди», таким образом, были за то, чтобы остаться в составе Речи Посполитой. Однако и более широкая казацкая масса не была готова к кардинальному разрыву с Польско-Литовским государством. Если, с одной стороны, распространялись слухи о намерениях властей истребить казаков и поселить на местах их проживания немцев[74], то, с другой стороны, воеводские отписки зафиксировали слух, что войско против казаков нанимали «паны рады на свои гроши без королевского ведома»[75]. Позднее, уже после заключения Куруковского мира, распространился слух о Конецпольском, что «приговаривали ево на сойме убить, что он не с соймы ходил на черкас»[76]. Таким образом, казаки явно не воспринимали еще всей глубины антагонизма между ними и господствующей элитой Польско-Литовского государства.

Кроме того, есть основания полагать, что казаки продолжали питать надежды на помощь королевича Владислава. Правда, в 1625 г. известия о нем почти не встречаются. Это понятно, так как королевич находился за пределами Речи Посполитой, путешествуя по Европе. Однако

---

72 Воссоединение... Т. I. № 26, 27; РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 8. Л. 194–195; Приказной стол. Стб. 2518. Л. 121, 126.

73 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2518. Л. 105–106.

74 Воссоединение... Т. I. № 27.

75 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2518. Л. 108.

76 Там же. Л. 333–334.

сохранилось известие, относящееся к весне 1625 г., что Владислав «писал в Литву на сейм из Цысаревы земли, чтоб черкасы збирались нынешнего лета в Стародуб, а от нево ждали вестей»[77]. Смысл этого сообщения проясняет предшествующая часть рассказа, где говорится, что сенаторы предлагали Владиславу добиваться московского трона с помощью казаков: Речь Посполитая не может нарушить мир с Россией, «а черкасы, де, у нас не замирены». Разумеется, никаких переговоров такого рода у сенаторов с Владиславом не было, но появление таких известий говорит о том, что у какой-то части казачества существовало представление, что новые походы на Восток, как в годы Смуты, могут принести казачеству добычу и почетное положение в обществе. К началу 1626 г. относится появление известий о Самозванце, выдававшем себя за сына Бориса Годунова, который был намерен в Киеве «збиратца с черкасы и доступать Московского государства»[78]. Такого рода известия могли вызывать в Москве справедливые опасения, что казачество может не захотеть играть ту роль, которую ему предназначал Борецкий. Сыграл, вероятно, свою роль и образ действий казацкого войска, которое, зная о приближении столкновения с коронной армией, на протяжении 1625 г. постоянно снаряжало походы на море[79]. Наконец, не было никакого обращения («укрепления») казацкого войска в Москву с просьбой о помощи.

Вместе с тем следует отметить, что если митрополит Иов Борецкий к 1625 г. явно стал пользоваться доверием московских политиков, то по отношению к казачеству эти политики продолжали испытывать глубокое недоверие, утверждавшееся в их сознании после похода Сагайдачного. В грамоте, отправленной из Москвы на Дон 22 октября 1625 г., донцам предлагали вспомнить про запорожских казаков, «какие они грубости починили нашему государству ... да не токмо что нашему государству зло починили и всю

---

77 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 8. Л. 89.
78 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2518. Л. 267.
79 См.: *Floria B.* Nowe materiały... S. 35–36.

землю разоряют». Донцам рекомендовалось, чтобы они «черкасов запорожских к себе на Дон не пускали и к ним не ходили, и на море с ними отнюдь не ходили»[80].

При таком отношении к казачеству и при учете перечисленных выше обстоятельств московские политики никак не могли пойти навстречу предложениям Иова Борецкого.

[80] Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864. С. 42, 44.

ГЛАВА 7

Духовенство Киевской митрополии и Россия во второй половине 20-х годов XVII в.

Рассматривая связи России с «русскими» землями Речи Посполитой во второй половине 20-х гг. XVII в., следует начать с характеристики контактов и русского правительства, и патриархии с таким важным центром, как киевская митрополичья кафедра.

В работах польских исследователей неоднократно можно встретить высказывания о мучительной «раздвоенности» сознания митрополита Иова Борецкого, колебавшегося между сознанием связи с Речью Посполитой и надеждами на Москву[1]. В действительности, как представляется, определенная «раздвоенность» появилась, если не в сознании, то в действиях и поступках митрополита, во второй половине 20-х гг. Худшие ожидания православных иерархов Киевской митрополии не оправдались. За заключением Куруковского мира не последовали их аресты и репрессии. Вместе с тем все сильнее стали проявляться усилия властей Речи Посполитой, направленные на то, чтобы побудить православную иерархию искать соглашения с униатской церковью. Эти планы на определенном этапе, как известно, получили поддержку значительных групп православной шляхты. В этих условиях, как констатировали, с разными нюансами в оценках, уже исследователи конца XIX — начала XX в.[2],

---

1 *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934. S. 541 i n.; *Hodana T.* Op. cit. S. 85 i n.

2 См., например: *Грушевський М.С.* Історія... Київ-Львів, 1922. Т. VIII. Ч. 1. С. 11, 17–19 и др.

митрополит Иов Борецкий проявил известную склонность к уступкам, которые обеспечили бы православной церкви определенный «modus vivendi» в рамках Речи Посполитой. Способствовало вступлению митрополита на этот путь и его сближение с новым архимандритом Киево-Печерского монастыря Петром Могилой, ставшим видной фигурой в кругу объединившегося вокруг митрополита украинского духовенства. Наиболее существенной из этих уступок было согласие Иова Борецкого провести в Киеве собор, который бы подготовил почву для созыва совместного собора православных и униатов во Львове осенью 1629 г. Помимо возможного воздействия на митрополита Петра Могилы и людей его круга, лояльных по отношению к Речи Посполитой, сыграло, как представляется, свою роль то обстоятельство, что за созыв такого собора выступила волынская православная шляхта во главе с Л. Древинским. На соборе, однако, Иов Борецкий столкнулся с отрицательным отношением к планам созыва объединительного собора со стороны не только казаков, но и шляхты Киевской земли. И в дальнейшем (о чем будет речь в одном из последующих разделов) какие-либо сведения о его контактах с униатами, об обсуждении в его окружении вопроса о переговорах с униатами отсутствуют. Вместе с тем обращение к кругу источников другого рода показывает, что эти колебания митрополита не привели к ослаблению его контактов с Москвой.

Сохранившиеся записи приходно-расходных книг Путивльской воеводской избы о расходах на поездки в Киев и на корм посланцам из Киева, отписки воевод о поездках в Киев Г. Гладкого, сохранившиеся грамоты Иова Борецкого позволяют воссоздать картину контактов между митрополичьей кафедрой и Москвой во второй половине 20-х гг. XVII в.

В мае 1626 г. житель Путивля М. Фатьянов возвратился из Киева, где встречался с митрополитом, и привез его «лист» для передачи в Москву. «Лист» не сохранился[3]. 24 мая 1626 г. старец Иосиф из Михаило-Архангельского

---

[3] РГАДА. Ф. 79, 1625 г. № 14. Л. 18–20.

монастыря приехал с «листом», адресованным патриарху Филарету[4]. Сохранился и фрагмент грамоты Иова Борецкого царю от 31 июля 1626 г., в котором он сообщал, что в августе в Кобрине собираются униаты, чтобы «православных прокляти и мирским судьям яко осужденных и недостойных и от церкве изгнанных предавати»[5]. Вероятно, грамоту доставили посланцы митрополита Захарий Иванов и Федор Лихарев, которых в августе 1626 г. отпустили из Путивля[6].

В январе 1627 г. в Киев ездил Г. Гладкий. Он вернулся в марте с полученной от митрополита информацией о положении в Речи Посполитой[7]. Г. Гладкий привез грамоту Иова Борецкого царю и патриарху[8]. В грамоте митрополит в категорической форме опровергал склонность свою и Мелетия Смотрицкого к унии и жаловался на преследования православных. В заключительных словах документа выражалась надежда, что в Москве «воспоминают отечества вашего Российского селения» и их жителей. Таким образом, территория Киевской митрополии провозглашалась «Российским отечеством» Михаила Федоровича и его отца. Эти слова следует сопоставить с другими читающимися в начальной части документа словами, что «подобаше нам худым и озлобленным ... российским сыном ... вам, глаголю, богоутвержденным и богохранимым вашим державным царским повиноватися скифетром», но грехи («злоба») «отец наших и наша» вызвали «сицево разсечение, еже бы иноверным нам работати власти попущением Господним». И. Борецкий и раньше не признавал вполне законной власть польского короля, установившуюся «попущением Божьим», но теперь было ясно сказано, что эта власть послана в наказание за грехи части «российского народа», отсеченной от другой части этого народа. Одновременно Борецкий признавал законными правителями

---

4 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 18. Л. 13.
5 Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 580.
6 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81. Л. 291–292.
7 РГАДА. Ф. 124, 1627 г. № 1. Л. 1–2.
8 Там же. Л. 9–16.

«российского народа» московских государей. К лету того же года относятся известия об убийстве торговых людей, которые везли «тайно» грамоты в Киев[9].

В январе 1628 г. грамоты Борецкого с просьбой о «милостыне» для Киево-Печерского монастыря привез в Путивль уставщик монастыря Исаакий. В грамоте митрополит писал, что если бы не постоянная помощь из Москвы, то пришлось бы ему, «оставльшу вся и благочестивых останки в граде и в земли, бежати в далнуу страну где без вести»[10]. На подписи значилось: «Митрополит богоспасаемого града святых ваших прародителей Киева». В предшествующих грамотах такой формулы не было. 9 мая того же года в Путивль из Киева вернулся Г. Гладкий. Он привез от митрополита различную информацию о ходе войны со Швецией и об отношениях казачества с властями Речи Посполитой. Одновременно он привез «запечатанный лист», адресованный царю и патриарху[11]. Вернувшийся 9 мая Г. Гладкий уже 29 июня был отправлен в Киев «для государева тайного дела»[12]. Так как в других аналогичных записях говорится о поездках «для вестей», то есть для получения информации, такая формулировка говорит об особом значении поездки, о которой мы, к сожалению, ничего не знаем. Еще одну поездку Г. Гладкий совершил в Киев 30 ноября 1628 г.[13] К сожалению, кроме самого факта поездки, о ней также ничего не известно.

20 января 1629 г. в Путивль привезли грамоту митрополита с просьбой о милостыне для Рождественского Воздвиженского монастыря. В грамоте Иов Борецкий обращался к царю и патриарху как к «промысленником и начальником своим» и писал, что ему приходится жить «в селениях злочестивых», а не «приметатися под сению дому

---

9 РГАДА. Ф. 52, 1627 г. № 20.

10 РГАДА. Ф. 124, 1628 г. № 1. Л. 19.

11 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 20. Л. 81–85. Возможно это упоминаемая в описи архива Посольского приказа 1632 г. грамота Иова Борецкого о «вестях» 1628 г. — РГАДА. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служащих в нем). Оп. 3. Д. 3. Л.165.

12 РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Кн. 40. Л. 223–223об.

13 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. Кн. 178. Л. 43–43об.

благочестивых государей моих»[14]. Здесь, как видим, царь и патриарх недвусмысленно названы «государями» Борецкого. Осуждение порядков в Польско-Литовском государстве выражено здесь также вполне недвусмысленно.

В апреле 1629 г. Г. Гладкий был отправлен с грамотами и подарками к митрополиту в Киев, но в начале мая был вынужден вернуться с дороги[15]. Позднее, однако, поездка была осуществлена, так как 5 августа 1629 г. Г. Гладкий привез в Путивль грамоту Борецкого[16]. В грамоте от 1 июля 1629 г.[17] Иов Борецкий, «смиренный и нищий и зело озлобленный митрополит», сообщал о том, что церковь находится «в тяжком и в нужном озлоблении», и рассказывал о попытках, которые предпринял «человеконенависный враг», чтобы принудить православных к совместному собору «со отступниками и злочестивыми» униатами. Он заверял, что «от всех благочестивых то богомерзкое не принято». Обращает на себя внимание то, что грамота была направлена в Москву сразу же, как только определилась неудача планов созыва общего собора.

Разумеется, можно не придавать значения всем приведенным выше заявлениям Иова Борецкого, поскольку он писал то, что хотели слышать в Москве, однако они совершенно очевидно говорят о намерении митрополита сохранить и укрепить установленные связи. Этой цели служили и заявления, что именно царя и патриарха он считает своими истинными государями, и заверения о его верности православию.

У Иова Борецкого были серьезные основания для того, чтобы сохранять и поддерживать эти связи. Правда, каким-либо репрессиям православное духовенство во второй половине 20-х гг. XVII в. не подвергалось, но и официального признания православные иерархи так и не получили, а настойчивые попытки «примирить» православных с униатами

---

14 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 75–76.

15 Там же. Л. 162.

16 Там же. Л. 183.

17 Ее публ. см.: *Крыловский А.С.* Львовское ставропигиальное братство. Киев, 1904. Прил. С. 96–97.

говорили о том, что планы заключения «новой унии» продолжали оставаться актуальными для правящих кругов Речи Посполитой. Само же отсутствие репрессивных мер было естественно связывать с тем, что коронная армия уже в начале 1626 г. была вынуждена покинуть территорию Среднего Поднепровья и направиться в Пруссию, где шла долгая и неудачная для Речи Посполитой война со Швецией. Борецкий и люди его круга не могли не задаваться вопросом, что будет, когда эта война, наконец, закончится и коронная армия снова вернется на юг. В грамоте, написанной в январе 1628 г., митрополит прямо выражал убеждение, что после заключения мира с Густавом-Адольфом король снова будет нападать на «российскую православную веру»[18].

Основания для таких размышлений могли дать и враждебные действия по отношению к православным в Киеве, предпринимавшиеся даже в этих условиях. Так, когда после смерти архимандрита Киево-Печерского монастыря Захарии Копыстенского братия избрала на его место близкого Борецкому Феофила Боярского, король отказался утвердить выборы. Тогда же на сеймике в Житомире 16 сентября 1627 г. братия и шляхта Киевской земли, которой традиционно принадлежал патронат над Киево-Печерским монастырем, избрали архимандритом Петра Могилу, очевидно, полагая, что благодаря его знатному происхождению и родству с рядом знатных фамилий он будет для Сигизмунда III более приемлемым кандидатом. Несмотря на это, староста житомирский Януш Тышкевич, объявив своего родственника базилианина Германа «нареченным» архимандритом, требовал от братии его признания, угрожая наездами на монастырские владения[19]. Как увидим далее, есть основания полагать, что за Янушем Тышкевичем стоял сам король Сигизмунд, который и в 1631 г. пытался использовать Януша и Германа Тышкевичей в своих целях.

Уже такая ситуация побуждала поддерживать связи с Москвой.

---

18 РГАДА. Ф. 124, 1628 г. № 1. Л. 10.

19 См. жалобу монахов Киево-Печерского монастыря от 6 октября 1627 г. на действия Я. Тышкевича (Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 6. С. 585–589).

Как представляется, могло иметь значение и другое важное обстоятельство.

В отличие от казачества митрополит Иов не питал иллюзий относительно возможной роли Владислава, не рассматривал его как защитника «русского народа» и православной веры. В грамоте 1628 г. он предупреждал царя, что Владислав имеет «благословение папы», чтобы с помощью отца попытаться занять «престол православного Российского государства» по истечении Деулинского перемирия[20]. Следует учитывать и возможность воздействия на митрополита важных международных факторов.

Вторая половина 20-х гг. XVII в. была заполнена переговорами (не последнюю роль в них играли османские политики, раздраженные походами запорожских казаков на Крым) о создании обширной, направленной против Речи Посполитой коалиции в составе Османской империи, России, Трансильвании и Швеции. Активное участие в этих переговорах принимал и верховный пастырь Киевской митрополии константинопольский патриарх Кирилл Лукарис[21].

Располагаем определенным свидетельством, что эти переговоры в какой-то мере коснулись и Киева. На встрече с патриархом Филаретом в 1630 г. посол султана Мурада IV Фома Кантакузин говорил, что «ис Киева Русь и кальвинцы к Мурат-султану присылали с тем, что как придут в Литву Мурат-султановы ратные, и они, де, против поляков будут с ними вместе готовы»[22]. Разумеется, нельзя отнестись к сообщению Фомы Кантакузина с полным доверием. Побуждая патриарха Филарета к войне с Речью Посполитой, посол мог намеренно преувеличивать успехи политики османов на Украине. Но какие-то контакты, по-видимому, имели

---

20 РГАДА. Ф. 124, 1628 г. № 1. Л. 9.

21 См. об этом подробнее: *Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1989. С. 16 и сл.

22 РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1630 г. № 1. Л. 94.

место. Тем самым о таких переговорах мог знать и Борецкий, а это давало реальные основания для надежд, что со временем, возможно, удастся осуществить то, что не удалось осуществить в 1625 г.

Вторая половина 20-х гг. XVII в. стала также временем, когда и для получения «милостыни», и для поселения в России направлялось все бóльшее количество духовных лиц с территории Киевской митрополии. Большую сводку материалов о таких поездках, почерпнутую из широкого круга разнообразных источников, дал в своем классическом труде К.В. Харлампович, расположивший собранные сведения в хронологическом порядке в двух особых отделах: в одном собраны сведения о посольствах, приезжавших в Россию из «русских» земель Речи Посполитой, в другом — сведения о духовных лицах, приходивших в Россию «на житье».

Имеющиеся источники позволяют охарактеризовать разные стороны контактов между русскими властями и разными центрами духовной жизни на территории Киевской митрополии. Сохранившиеся в делах о приезде посольств письменные обращения духовных лиц позволяют, как и ранее, установить, какие представления о роли и значении власти русского царя в христианском мире существовали в их сознании, какой помощи ожидали эти духовные лица из Москвы и чем мотивировалась необходимость удовлетворить их просьбы.

Источники позволяют не только установить, какие центры на территории Киевской митрополии и насколько постоянно поддерживали связи с Москвой. Они позволяют также судить о том, каково было отношение в Москве к поступавшим сюда просьбам. Помощь оказывалась, как правило, всем просившим, однако она была различной по размерам и выдавалась по-разному. Одни посольства получали разрешение приезжать в Москву, где они получали «милостыню» и удовлетворение некоторых других просьб, в то время как других в Москву не допускали, и жалованье им (менее значительное) выплачивалось из доходов воеводской избы в Путивле. Такие различия приема достаточно ясно показывают, с какими духовными центрами в Москве в первую очередь хотели поддерживать связи.

Представить себе картину связей со всеми отмеченными нюансами позволяют не только дела о посольствах и некоторые другие материалы, но и такой важный источник, как приходо-расходные книги путивльской воеводской избы. По сложившейся в Русском государстве практике все приезжавшие в Путивль духовные лица получали «корм» от местных властей в ожидании того, какое решение в отношении к ним будет принято в Москве. Выдачи «корма», а затем «корма» на дорогу в Москву или жалованья из местных доходов фиксировались в этих книгах. Книги охватывают время от сентября 1625 г. до сентября 1629 г.[23] Для этих лет можно с достаточной точностью установить, как принимали приезжавшие в Путивль посольства и какое количество духовных лиц и откуда приходило в этот город, чтобы поселиться затем в каком-либо из русских монастырей. Путивль был главным городом, через который приезжали в Россию православные духовные лица. Даже послы Виленского братства в 1628 г. ехали в Москву через Путивль. Всё это позволяет предполагать, что имеющиеся источники позволяют зафиксировать бóльшую часть имевших место контактов.

Южным регионом Речи Посполитой, наиболее близким русским землям, было Левобережье. Начатые в предшествующие годы связи с находившимися под началом Исайи Копинского левобережными монастырями продолжались и во второй половине 20-х гг. В январе 1626 г. упоминавшиеся ранее игумен Мефодий и келарь Густынского монастыря Илларион совершили еще одну поездку за милостыней в Москву[24]. 2 февраля 1629 г. в Путивль прибыла целая делегация во главе с игуменом Мгарского монастыря Иовом и строителем Густынского монастыря Евагрием[25]. 14 марта они получили разрешение ехать в Москву[26], где они побывали в апреле

---

23 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81 (1625–1626 гг.), № 83 (1626–1627 гг.), № 183 (1628–1629 гг.); Книги десятен. № 40 (1627–1628 гг.).

24 *Харлампович К.В.* Указ. соч. С. 83.

25 Там же. С. 85; РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 178. Л. 102об.–103.

26 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 178. Л. 149–149об.

и получили жалованье[27]. Это показывает, что в Москве были заинтересованы в поддержании связей с этими обителями. На протяжении 1626–1631 гг. в Путивль неоднократно приходили и старцы из Мгарского и Густынского монастырей, направлявшиеся «на житье» в Россию[28]. При оживленных контактах этих обителей с Россией вызывает удивление отсутствие какой-либо переписки между Исайей Копинским и московскими властями. Есть, однако, основания полагать, что такая переписка всё-таки существовала. В мае 1626 г. в Путивле был выдан корм «старцу Гермогену, что приехал из Прилуцкого монастыря от епископа Исаия с листами»[29].

Следует отметить, что монастыри лежали на территории, входившей и до Смуты в состав Речи Посполитой, и, следовательно, память о прошлом в этом случае не могла играть никакой роли. Вслед за этими монастырями как активные учпстники связей с Россией должны быть названы обители Киева и округи.

Продолжались установившиеся в предшествующие годы связи с главной, самой почитаемой обителью митрополии — Киево-Печерским монастырем. По-видимому, уже с Памвой Берындой была послана милостыня монастырю[30]. В марте 1626 г. приехал с просьбой о милостыне для монастыря иеромонах Афанасий Китайчич[31]. Ставший архимандритом после смерти Захарии Копыстенского Петр Могила сразу же постарался вступить в контакты с Москвой. Его посланцы — уставщик Исаакий и архидьякон Исайя — приехали в Путивль 29 января 1628 г.[32] Они везли с собой рекомендательную грамоту Иова Борецкого, послание Петра Могилы и братии — царю и послание Петра Могилы — Аф. Китайчичу[33]. Последний

---

27 *Харлампович К.В.* Указ. соч. С. 85.
28 Там же. С. 39–40. 42, 43.
29 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81. Л. 230об. Грамоты Копинского привез в Москву и Лаврентий Зизаний (см. следующий раздел).
30 О поездке Берынды см. выше.
31 *Харлампович К.В.* Указ. соч. С. 83.
32 РГАДА. Ф. 124, 1628 г. № 1. Л. 1.
33 Там же. Л. 3.

из документов в деле не сохранился — вероятно, речь шла о просьбе бывшему печерскому монаху, а ныне влиятельному лицу в окружении патриарха способствовать успеху миссии.

Если Захарий Копыстенский посылал в Москву книги, за которые его посланцы получали жалованье, то Петр Могила постарался придать контактам другой характер. Его посланцы привезли копии грамот Ивана IV и Федора Ивановича Киево-Печерскому монастырю и должны были добиваться, чтобы свою грамоту выдал монастырю Михаил Федорович.

В грамоте Иова Борецкого говорилось о намерении братии «ко обычным ктиторствам обители святые вашего пресветлого царского величества прибегнуть»[34]. Таким образом, митрополит назвал царя традиционным «ктитором» монастыря. В грамоте Могилы очевидны следы событий, предшествовавших его возведению в сан. В ней не только говорилось о «многом гонении на церковь православную», но и прямо сообщалось, что после смерти Захарии Копыстенского униаты пытались «всею силою» «еже бы униатскую ввести ту (то есть в монастыре. — *Б.Ф.*) ересь»[35].

В грамоте говорилось, что серебряные и золотые церковные сосуды и облачения, пожалованные обители от ктиторов — «православных и святых прародителей вашего царского величества», ныне утрачены. Обращаясь к царю, архимандрит и братия просили: «Пожалуй убогую святыми прародителями твоими преславными цари созданную ... Печерскую обитель»[36]. Таким образом, в грамоте дважды государи, строившие и украшавшие Печерскую обитель, были названы «прародителями» Михаила Федоровича.

Грамотой от 26 июня 1628 г. посланцам монастыря было дано разрешение приезжать в Москву «в пятой и шестой год», в дороге им обеспечивался корм, подводы и охрана[37]. Посланцам была дана милостыня — 53 руб. от царя и 35 от патриарха[38].

---

34 Там же. Л. 6.
35 Там же. Л. 14.
36 Там же. Л. 16.
37 Черновик грамоты см.: Там же. Л. 50–52.
38 Там же. Л. 42.

В январе 1630 г. Петр Могила, не дожидаясь истечения установленного срока, снова просил о милостыне, и ему было послано 100 руб.[39]

Записи приходно-расходных книг Путивльской избы содержат ряд интересных данных об участии братии монастыря в разного рода контактах с Россией. Во-первых, они содержат сведения о приходе печерских старцев в Россию «на житье». Так, уже в сентябре 1625 г. приехал с этой целью в Путивль старец Виктор[40], в июле 1627 г. за ним последовал старец Михей[41], а за ним 28 сентября того же года — черный дьякон Феофан[42]. Печерские братья выступали и в роли посланцев, доставлявших Иосифу Курцевичу письма от его матери Домникеи, игуменьи женского Печерского монастыря[43]. Могли они выступать и как провожатые ехавших в Москву греческих духовных лиц. Так, в январе 1628 г. дьякон Ефрем провожал в русскую столицу настоятеля Ватопеда[44].

Обращения Петра Могилы ясно говорят о заинтересованности архимандрита и братии в контактах с Москвой, а реакция на эти обращения показывает, что и русские политики стремились поддерживать эти связи.

Монахи Николо-Пустынского монастыря направились в Москву в январе 1626 г. В письме к царю игумен Серапион Бельский, обращаясь к царю как «истинному поборителю православныя християнския веры», просил о помощи обители, которую «прародители» царя «изобильно» снабжали казной и милостыней[45]. Из Москвы монахи повезли книги и на 100 руб. соболей[46]. Еще раз монахи приезжали за милостыней в феврале 1629 г. и в апреле были отпущены

---

39 РГАДА. Ф. 124, 1630 г. № 1. Л. 30–34 (грамота Петра Могилы); Л. 54об. (решение о посылке денег).

40 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81. Л. 6.

41 Там же. Кн. 83. Л. 200–200об.

42 РГАДА. Ф. 210. Книги десятен. № 40. Л. 51об.–52.

43 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81. Л. 43 (ноябрь 1625 г.); Л. 128–128об. (февраль 1626 г.).

44 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 178. Л. 106–106об.

45 Публ. письма см.: Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 6. С. 571.

46 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 83.

в Москву[47]. Одновременно во второй половине 20-х гг. целый ряд старцев монастыря выехали в Россию «на житье»[48].

В июне 1627 г. в Путивль прибыли посланцы еще одной киевской обители — Кириллова монастыря — поп Дорофей и дьякон Киприан[49]. В грамоте игумен и братия просили царя о средствах на восстановление храма, разрушенного «от безбожных скифов». Благочестивому монарху следует, — говорилось в грамоте, — помогать нуждающимся, «своим же множае паче». В грамоте говорилось также об обители основанной «от пресветлых и великодержавных прародителей величества твоего», где возносят молитвы «о правоверно царствующих в великодержавной Росии»[50]. В грамоте, адресованной Филарету, основавшая монастырь «княгиня Всеволожая» была названа «прародителкой великих князей и царей московских»[51]. В Москву монахи не были допущены, жалованье им было выслано в Путивль[52]. В августе 1629 г. из Кириллова монастыря, чтобы остаться в России, приехал не прошедший «искуса» «белец» Игнатий[53].

В начале 1626 г. к царю снова обратились монахи Братского Богоявленского монастыря. В грамоте содержалась яркая характеристика окружающей просителей действительности. Некогда «прародителями» царя были воздвигнуты «драгоценные храмы» — «ныне же только сень их обретающихся зрим». Киев был некогда живым источником веры, «зде ныне зрим изсыхающь, всякоя же беды, гонения и укоризны от противных исполнен». Монахи просили царя прислать икон и «украшений церковных»[54].

---

47 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 178. Л. 108–109, 176об.–177.

48 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 39, 43; РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 216 (упомянутый здесь черный поп Игнатий до этого трижды приезжал в Россию); Кн. 178. Л. 31об.

49 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 182.

50 Текст грамоты см.: РГАДА. Ф. 124, 1627 г. № 2. Л. 5–7.

51 Там же. Л. 9.

52 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 84.

53 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 216.

54 Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 6. С. 573–574. Послание привез Афанасий Китайчич.

В Киеве была одна обитель, которая не отправляла послов в Москву. Это — Михаило-Архангельский монастырь. Однако в этом не было необходимости, так как в монастыре жил Иов Борецкий, который использовал на нужды монастыря присылавшиеся ему из Москвы средства. Так обстояло дело в 1630 г., когда митрополит просил о посылке икон для храма Св. Михаила и средств на строительство каменной колокольни[55]. О настроениях братии, как представляется, может говорить письмо Иосифу Курцевичу от игумена монастыря Феофана Семешковского, где сообщалось о его желании перейти под власть Михаила Федоровича, «всея России светила»[56]. 30 августа 1628 г. пришел «на государево имя» из монастыря иеромонах Иаким[57]. В феврале 1629 г. в Путивль приехал «на государево имя» иеромонах Исайя из этого же монастыря[58]. Старцы монастыря участвовали в сношениях митрополита с Москвой. Так, 24 мая 1626 г. в Путивль пришел старец монастыря Иосиф, который вез «лист» Иова Борецкого к Филарету[59].

К числу киевских обителей, участвовавших в сношениях с Россией, следует присоединить и девичий Печерский монастырь, где игуменьей была мать Иосифа Курцевича Домникея, постоянно поддерживавшая связь с сыном во второй половине 20-х гг. XVII в. Уже 15 мая 1626 г. в Путивль пришли «на государево имя» старицы из этого монастыря с письмом от нее к Иосифу Курцевичу[60].

В целом рисуется картина оживленных контактов между Москвой и главными киевскими обителями. Эти контакты здесь, как и на Левобережье, сопровождались выездами монахов из Речи Посполитой «на житье» в Россию. При рассмотрении грамот, направлявшихся из Киева в Москву, можно

---

55 РГАДА. Ф. 124, 1630 г. № 1. Л. 28 (грамота Иова Борецкого от 18 марта 1630 г.).

56 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 17. Л. 21 (список с письма от 14 июня 1626 г.).

57 РГАДА. Ф. 210. Книги десятен. № 40. Л. 262–262об.

58 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 183. Л. 98.

59 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 18. Л. 13.

60 Там же. Л. 10.

отметить одну их важную особенность: противопоставление славного прошлого, когда православные храмы и монастыри процветали под властью «прародителей» царя Михаила Федоровича, и печального настоящего, когда православие подвергается здесь гонениям. Правда, ответственность за эти гонения не возлагается прямо на власти Речи Посполитой.

К кругу этих обителей в известной мере можно отнести Межигорский монастырь, в своем недавнем прошлом тесно связанный с Киево-Печерской лаврой. Правда, игумен и братия монастыря лишь в начале 1630 г. обратились к царю с просьбой о милостыне[61], и в монастырь было послано 50 руб.[62] Однако уже в 1626 г. межигорские монахи Анастасий и Дионисий пришли «на житье» в Россию. В июле 1627 г. выехал из Путивля в Москву старец Варлаам Кикин, в июне 1628 г. выехал в Москву иеродиакон Герасим, ставленник Исайи Копинского, в 1631 г. — старец Павел[63]. Возможно, эти выезды следует объяснять старыми связями Исайи Копинского с этой обителью.

На территории Киевской митрополии на запад от Днепра можно отметить лишь три обители, контакты с которыми зафиксированы в источниках. 13 января 1626 г. в Путивль приехали игумен Вознесенского монастыря в Погребище Андреян и старцы. В Москву они не были допущены, 14 февраля им выдали в Путивле довольно значительное жалованье — 42 руб.[64] Игумен Андреян передал путивльским воеводам текст Куруковского договора казаков с властями Речи Посполитой[65]. Новых поездок из этой обители в Москву не последовало.

В июне 1628 г. в Путивль прибыл игумен Тригорского Спасо-Преображенского монастыря Игнатий, но и он не был

---

61 В грамоте указывалось — «доселе не дерзнухом стяжати» (РГАДА. Ф. 124, 1630 г. № 1. Л. 48).

62 Там же. Л. 54об.

63 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 40–41, 46; РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 195об.

64 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 83; РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 87. Л. 95, 141.

65 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2518. Л. 275–276.

допущен в Москву. 5 сентября 1631 г. в Путивль снова приехали монахи этого монастыря, но, так как они уже ранее получали милостыню, они были отправлены назад без жалованья[66].

Весной 1629 г. вместе с посланцами Киево-Печерского монастыря в Москву приехал священник Рафаил — посланец Филофея Кизаревича, близкого к Петру Могиле строителя Печерского монастыря и одновременно игумена Успенского монастыря в Овруче. Он просил помощи монастырю, освобожденному его трудами из рук униатов[67]. Посланцу было выдано 18 руб.[68]

В 1627 г. попытались найти поддержку в России монахи ряда монастырей среднего Поднепровья. 14 января 1627 г. в Путивль приехал игумен Мартирий Троицкого монастыря в Чигирине, 6 февраля — старец из Терехтемирова монастыря, находившегося под патронатом Войска Запорожского, 12 февраля — старец из Успенского монастыря в Каневе[69]. Все эти посольства не были допущены в Москву[70]. 6 марта из Москвы приказали выплатить старцам из Чигирина 18 руб. и выдать корм на дорогу. 13 марта корм на дорогу и 19 руб. были переданы старцам Терехтемирова монастыря[71]. Дальнейших поездок не последовало, хотя в 1630 г. вышел в Россию «на житье» старец Симеон из Троицкого монастыря[72].

Гораздо скромнее выглядят контакты с волынскими обителями. 24 мая 1626 г. в Путивль приехали из Почаева иеромонах Игнатий, архидьякон Иосиф и старец Григорий[73]. Они привезли письмо Иова Железо и братии, адресованное

---

66 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 85, 86.

67 РГАДА. Ф. 124, 1630 г. № 1. Л. 21–22 (грамота Филофея Кизаревича). В деле упоминаются и его письма к Иосифу Курцевичу (Там же. Л. 2), очевидно, с просьбами о поддержке.

68 Там же. Л. 56.

69 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 75, 98, 105.

70 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 84.

71 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 188об.–189, 136–137об.

72 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 43.

73 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81. Л. 231.

Михаилу Федоровичу[74]. Иов Железо обращался к царю «з Лядскои земли». Таким образом, он называл свое государство так же, как монахи монастырей Левобережья. Он просил царя о помощи обители, в которой от пожара погибло всё, что «от предков величества твоего надано было». Следовательно, и почаевский игумен считал древних правителей своей «земли» предками московского царя. Обращение за помощью игумен мотивировал и тем, что на Волыни нет православных ктиторов («отнюдь не обретаются»), которые могли бы позаботиться о монастыре. Письмо обладает одной важной особенностью. В нем игумен трижды назвал Михаила Федоровича «своим (вар.: «нашим») государем». Старцы из Почаева пробыли в Путивле до 13 июля, когда им было выплачено 27 руб. «жалованья» и они были отправлены назад[75]. 7 октября 1626 г. приехали за «милостыней» посланцы монастыря Св. Георгия в Любартове иеромонах Игнатий и четверо старцев[76]. Старцы из Любартова также не были допущены в Москву. 6 ноября в Путивле им выдали 20 руб. жалованья, меньше, чем старцам из Почаева[77]. В сентябре 1631 г. игумен монастыря Св. Георгия Кирилл Тимофеевич просил через монахов Преображенского монастыря в Чуднове о присылке книг и икон, но его просьба не была удовлетворена[78]. Таким образом, в Москве явно не проявили большого желания к более тесному укреплению связей с этими влиятельными центрами жизни Волыни.

Скромными были контакты с самой западной частью Киевской митрополии — Львовской епархией. 25 февраля 1626 г. в Путивль опять приехал строитель Спиридон. Он просил пожаловать его монастырю Зосимы и Савватия образы этих соловецких святых[79]. Его встретил, однако, неблагоприятный

---

74 Публ. письма см.: Волынские епархиальные ведомости. 1908. С. 301–305 (№ 15, часть неофициальная)

75 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 81. Л. 263об.–266об.

76 Там же. Л. 32об.

77 Там же. Л. 52об.–53.

78 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 86.

79 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 2518. Л. 369; Там же. Книги Денежного стола. № 81. Л. 152об.–153.

прием, так как в Москве пришли к заключению, что он «многажды в Путивль приезжает для своея корысти, а не для дела»[80]. На этом связи с обителью прервались. В январе 1628 г. в Путивль приехали «Галицкого повету ис (с)кита Успенского монастыря» келарь Иоанникий и дьякон Гедеон от имени игумена Макария просить «милостыни»[81]. Имя игумена и посвящение монастыря говорят о том, что он принадлежал к кругу игравших важную роль в жизни Львовской епархии монастырей, основанных Иовом Княгиницким. 16 апреля старцам выдали 12 руб.[82] Контактам с такими обителями в Москве явно придавали минимальное значение.

Кроме этих двух монастырей, помощи и поддержки в Москве искала еще одна православная обитель из Подолии — Раженский Воздвиженский монастырь «из-за Винницы». Игумен монастыря Исаакий приехал в Путивль в начале 1628 г. и получил там 28 руб. «милостыни». Перед отъездом игумен сообщал воеводам, что, «проведав подлинно в Литовской земле про вести», он намерен вернуться и выехать в Россию[83]. В следующем, 1629 г. 6 января он приехал в Путивль с иеромонахами Макарием и Михаилом и архидиаконом Давыдом и с мирскими «служками»[84]. Они привезли с собой рекомендательную грамоту Иова Борецкого от 21 ноября 1628 г.[85] Очевидно, что мы имеем дело с серьезным, заранее продуманным решением, которое говорит, в частности, о том, что выехавшие в Россию монахи не видели возможности своего дальнейшего существования в Подолии. 11 января они выехали в Москву[86].

Рассмотренный материал позволяет констатировать, что связи, установившиеся в первой половине 20-х гг. XVII в., получили продолжение, в 1628–1629 гг. многие монастыри

---

80 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 84. В мае 1626 г. ему было выдано 5 руб. (РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. Кн. 81. Л. 223–223об.).

81 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. Кн. 40. Л. 102.

82 Там же. Л. 189.

83 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 64–65.

84 Там же. Л. 65.

85 Там же. Л. 75–78.

86 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. Кн. 178. Л. 69.

в южной части Киевской митрополии пытались найти для себя помощь и поддержку в Москве. Это были прежде всего монастыри Левобережья, Киева и Среднего Поднепровья. Что касается Волыни, Подолии и Русского воеводства, то лишь отдельные обители с этих территорий пытались вступить в контакты с русскими властями. Особенно показателен здесь пример Волыни, где существовали многие православные обители и влиятельное Луцкое братство.

Источники не дают прямого ответа на вопрос, почему духовенство этих частей Киевской митрополии не проявило желания искать в Москве помощи и поддержки. Можно высказать лишь некоторые соображения на этот счет. Обители на Волыни, как представляется, находились в серьезной зависимости от светских патронов, а как будет видно из дальнейшего, в среде волынской шляхты совсем не приветствовали какие-либо контакты с Москвой. Думается, что то же относится и к Луцкому братству, членами которого были многие представители волынских панских родов[87]. Разумеется, в этих условиях лишь наиболее независимые и авторитетные лица, как почаевский игумен Иов Железо, могли решиться на поиски связей с Россией. Однако его инициатива не встретила сильного отклика в Москве, где, по-видимому, плохо представляли себе роль и значение центров религиозной жизни в западных областях Киевской митрополии.

В отличие от положения в западной части митрополии, киевские обители не находились в такой зависимости от местной шляхты, так как опирались на поддержку Запорожского Войска. Так, уже в начале XVII в. Никольский Пустынский монастырь находился под патронатом Запорожского войска[88]. Поддержкой казаков монастырь пользовался и позднее, во время восстания 1630 г.[89] Запорожское Войско было, как известно, и коллективным членом Киевского братства[90].

---

87 *Ісаевич Я.Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVII ст. Київ, 1966. С. 58–59.

88 *Сас П.М.* Витоки ... С. 247 и сл.

89 Воссоединение ... Т. 1. № 51. С. 88–89.

90 *Ісаевич Я.Д.* Братства... С. 59–60.

Сходным, по-видимому, было и положение связанных с Копинским левобережных монастырей, хотя они и располагались во владениях Вышневецких. Когда в 1627 г. Исайя Копинский обвинял митрополита и Мелетия Смотрицкого в склонности к унии, Иов Борецкий жаловался на него Вишневецкому, а тот отвечал, что ничего не может сделать, так как Копинского поддерживают казаки[91].

Имело значение и то, что такие архиереи, как Иов Борецкий и Исайя Копинский, поддерживали контакты с Москвой тех церковных учреждений, которые находились под их юрисдикцией. Очевиден и определенный спад этих контактов к концу 20-х гг. Связано это было, как представляется, с тем, что отношение в Москве к посольствам из разных обителей не было одинаковым. Судя по сохранившимся данным, можно полагать, что в Москве стремились прежде всего укрепить и поддержать связи с киевскими обителями и монастырями Левобережья под патронатом Исайи Копинского. Посольства из других обителей не допускались в Москву и получали в Путивле достаточно скромную «милостыню». Это, вероятно, не побуждало предпринимать новые поездки в Москву. Однако сама волна посольств 1626–1627 гг. показывает, что достаточно значительная часть монашества Киевской митрополии видела в русском царе — потомке древних «русских» государей — своего защитника и покровителя.

Уже ранее отмечалось, что в развитии контактов с Москвой слабое участие приняли православные обители на территории Великого княжества Литовского. Так же обстояло дело и во второй половине 20-х годов. В сводке К.В. Харламповича отмечены лишь две такие поездки. Так, 25 января 1626 г. в Путивль приехал Панкратий, архимандрит Спасо-Преображенского монастыря в Брагине[92]. Братия монастыря просила помочь обители, пострадавшей от пожара. Просили помочь в восстановлении храма, прислать церковные сосуды, ризы, богослужебные книги. Монахи писали, обращаясь к царю,

---

91 Epistolae Josephi Velamin Rutskyj metropolitae Kioviensis catholici (1613–1637). Romae, 1956. № 103. P. 206.

92 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 84. Л. 105.

что он «славою и добродетелью превосходит светлость луч солнечных», что его милость изливается на многие страны, «наченши с Еросалима», в том числе на «Малую Русь»[93]. Прошение монахов поддержала покровительница монастыря княгиня Александра Вишневецкая, что в 20-е гг. XVII в. было делом необычным. В грамоте Михаилу Федоровичу княгиня, «униженая и в благочестии пребывающая дочер церкви восточной», именовала его «Богом избранным» и «Богом благословенным» царем, благочестие которого известно «во всех кончинах земле». Княгиня просила позаботиться о монахах как о «православных и христолюбивых вирных подданных вашей царской милости»[94]. Таким образом, не только Михаил Федорович провозглашался законным правителем России, но и монахи Брагина монастыря объявлялись его «верными подданными». Архимандрит Панкратий был приглашен в Москву, где его принимали царь и патриарх[95], но новых поездок не последовало.

В 1628 г. Москву посетил посланец Виленского братства иеромонах Самуил[96]. Посланцы везли грамоты царю, патриарху и Иосифу Курцевичу[97]. В грамоте, обращенной к царю, члены братства просили его, «как в нуждах и нищете нашей ... в напастех и бедах наших скорого молитвенника и заступника» прислать церковные облачения, минеи на 12 месяцев, иконы[98]. Виленскому братству были посланы соболя на 200 руб.[99] В Москве явно желали поддерживать контакты с этим важным центром жизни православного общества. Однако это было и всё. Правда, в мае 1628 г. вышел «на государево имя» монах Логин из Оршанского Кутеина монастыря[100], что могло бы указывать на какие-то контакты

---

93 Текст грамоты братии см.: РГАДА. Ф. 52, 1626 г. № 10. Л. 10.
94 РГАДА. Ф. 52, 1626 г. № 10. Л. 8.
95 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 83.
96 Прибыл в Путивль 1 марта 1628 г. (РГАДА. Ф. 210. Книги десятен. Кн 40. Л. 139).
97 РГАДА. Ф. 52, 1628 г. № 12. Л. 1–3.
98 Там же. Л. 4.
99 Там же. Л. 5.
100 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 34. Л. 481.

с этой обителью. Разумеется, по отношению к контактам с Великим княжеством мы не располагаем таким источником, как приходно-расходные книги воеводской избы в Путивле, но, как уже отмечалось выше, бóльшая часть сведений этого источника находит соответствие в других материалах, собранных К.В. Харламповичем. Таким образом, если пробелы и имеют место, то они невелики, и диспропорция отношений между южной и северной частью Киевской митрополии в их сношениях с Москвой сохраняется. И здесь, как представляется, большое значение имела позиция светских патронов. Как представляется, гетман польный Великого княжества Литовского К. Радзивилл вряд ли мог одобрить какие-либо сношения с Москвой монастырей на территории Слуцкого княжества. Другие православные обители Великого княжества в условиях, когда на его территории быстрыми темпами утверждалась уния, также должны были очень дорожить расположением своих светских патронов (князей Огинских и других). Виленское братство было достаточно независимым центром, а братию Брагина монастыря рекомендовала царю сама его патронесса княгиня Александра Вишневецкая.

Заключая рассмотрение этой темы, следует подчеркнуть, что, конечно, установившиеся связи неравномерно охватывали территорию Киевской митрополии, далеко не все даже значительные центры стремились поддерживать и поддерживали контакты с Россией, но по сравнению с предшествующими десятилетиями имел место очень значительный рост контактов между двумя обществами. Все это происходило в условиях определенного отчуждения православного духовенства Киевской митрополии от «своей» власти, о чем говорят ряд посланий православных обителей, адресованных Михаилу Федоровичу.

Частью этих связей стал выход «на житье» в Россию десятков старцев из разных обителей Киевской митрополии, которые поселялись затем в разных русских монастырях. Эта сторона связей между Россией и «русскими» землями Речи Посполитой была всесторонне рассмотрена в исследовании К.В. Харламповича. На материале разнообразных источников автор рассмотрел и обстоятельства выезда,

и последующие судьбы многих из этих людей[101]. Как показал исследователь, монахам, приезжавшим с такой просьбой в пограничный город, как правило, не отказывали и отправляли в Москву для решения вопроса об их судьбе. На патриаршем дворе их расспрашивали, чтобы выяснить, правильно ли их крестили, принимали ли они постриг от православного епископа или игумена, в ряде случаев такие расспросы завершались повторным крещением и повторным постригом. Затем выходца направляли в монастырь «для исправления в христианской вере». Здесь выходец проходил своего рода испытательный срок, когда во время богослужения он должен был находиться на церковной паперти, вне храма. По завершении срока выходца посылали на житье в какой-либо русский монастырь. Такие процедуры, впрочем, не распространялись на людей, располагавших весомыми для Москвы рекомендациями.

Сведения о судьбах таких людей, собранные К.В. Харламповичем, ясно показывают, что далеко не все выходцы смогли приспособиться к новой для них среде. Одни вступали в конфликт со своим окружением и осуждались за «непригожие речи» о московских порядках, а другие просто бежали из нелюбимой обители. Вместе с тем созданная К.В. Харламповичем сводка данных показывает, что бóльшая часть вышедших в Россию монахов благополучно проживала в разных русских монастырях не только Европейской России, но и Сибири вплоть до Поляновского мира 1634 г. Особенно важно отметить собранные К.В. Харламповичем немногочисленные, но важные сведения о карьере ряда таких выходцев в России.

Так, в 1625 г. в Россию выехал монах киевского Никольского Пустынского монастыря Фома Киличевский. Он был настоятелем монастырей в Полесье и в Молдавии, духовником молдавского господаря Иеремии Могилы. Патриарх Филарет поставил его архимандритом Спасского монастыря в Муроме[102].

---

[101] *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 31–32, 39–47.
[102] *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 32.

Когда в следующем, 1626 г. в Россию выехал монах Киево-Печерского монастыря Афанасий Китайчич, то через месяц после приезда он был поставлен игуменом Никитского монастыря в Переславле-Залесском, а в 1630 г. он стал архимандритом такой обители, занимавшей высокое место в иерархии церковных «властей», как Владимирский Рождественский монастырь[103]. Осенью 1628 г. в Путивль приехал иеромонах Иоаким из Михаило-Архангельского монастыря, резиденции Иова Борецкого[104]. В 1629 г. он был поставлен игуменом Тихоновой пустыни Луховского уезда[105]. Все эти факты говорят, что способности некоторых из выходцев были достаточно высоко оценены высшей церковной властью в России.

Как показано выше, связи между Россией и «русскими» землями Речи Посполитой не были лишены определенных негативных моментов. Послов из православных обителей часто не допускали в Москву, а царская «милостыня» оказывалась достаточно скромной, в ряде случаев в просьбах отказывали. Выходцы «на житье» подвергались тяжелым и унизительным (с их точки зрения) процедурам. Об этом достаточно подробно писал в своем исследовании К.В. Харлампович. Не отрицая существование таких аспектов отношений, хотелось бы отметить, что если, несмотря на все возможные неприятности, старцы из разных обителей Киевской митрополии во второй половине 20-х гг. XVII в. постоянно выезжали «на житье» в Россию, то это позволяет дать совершенно определенную оценку той действительности, с которой эти люди сталкивались у себя на родине.

К концу 20-х гг. приезжие старцы жили во многих русских монастырях. Кроме того, целое сообщество украинских выходцев сложилось в Суздале вокруг архиепископа Иосифа Курцевича[106].

---

[103] Там же. С. 41. Среди настоятелей он занимал второе место после архимандрита Троице-Сергиева монастыря.

[104] РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 178. Л. 13об.

[105] *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 43.

[106] Об этом сообществе см.: *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 35–36.

Это сообщество поддерживало постоянные сношения с православными в Речи Посполитой[107].

Заканчивая раздел о связях духовенства Киевской митрополии с Россией в 20-е гг. XVII в., следует остановиться на комментариях польского исследователя Т. Ходаны к обращениям духовных лиц в Москву. Подводя итоги своим наблюдениям в заключении к работе, он пришел к выводу, что в этих обращениях отразилось прежде всего сознание религиозного единства, другие мотивы (как, например, общность этнического происхождения) имели второстепенное значение[108].

Рассуждения исследователя были бы правильными, если бы православные «русские» жители Речи Посполитой воспринимали конфликт между сторонниками и противниками унии как конфликт чисто религиозный. Однако в сознании «русского» общества конфликт имел и другие измерения.

Изучение на основании многих записей слухов, сознания широких кругов «русского» населения показало, что для него было характерно представление о сложности, неоднородности мира, состоящего из разных народов, исповедующих разные веры. «Поляки» держатся «римской веры», а у «русского» народа его вера — православие.

Такое положение воспринималось как исторически сложившееся и естественное. Положение дел стало восприниматься иначе, когда государственные власти Речи Посполитой стали принуждать православных согласиться на унию с Римом. Эти действия, как показывает анализ сохранившихся высказываний, были восприняты как попытки «ляхов», нарушив сложившееся положение, навязать «русскому» народу свою веру. Такое представление разделяли не только простые люди, но и православные духовные лица. Так, в 1622 г. посланцы Исайи Копинского просили убежища в России, так как «крестьяном от поляков утесненье, [по]ляки, де,

---

[107] За время с сентября 1625 г. по сентябрь 1626 г. в Путивль прибыло 7 посланцев к Курцевичу (РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. №. 81. Л. 4, 19об., 43, 91об., 128–128об, 263, 276об.).

[108] *Hodana T.* Op. cit. S. 192–193, 197.

крестьянскую веру хотят хотят теснить»[109]. В 1625 г. посланец Иова Борецкого поп Филипп говорил о приходе на Украину гетмана Конецпольского: «А в зборе, де, с ним было поляков тысяч с 30», чтобы «вера римская в Киеве и во всех литовских городех учинить»[110]. В таких условиях, при таком восприятии происходящего ссылки в обращениях духовенства в Москву на общее происхождение и общее прошлое имели самый серьезный характер — это было обращение за помощью и поддержкой к людям, близким по вере и происхождению, в борьбе с притязаниями «чужого» народа, навязывавшего «русским» людям «свою» веру.

---

[109] Воссоединение ... Т. 1. № 16. С. 28.
[110] Там же. № 31. С. 61

ГЛАВА 8

О ЗАПРЕТЕ «ЛИТОВСКИХ КНИГ»

Именно во второй половине 20-х гг. XVII в., тогда, когда контакты двух обществ резко активизировались и расширились в объеме, русская государственная власть стала принимать меры против распространения на русской территории изданий, выходивших на территории Киевской митрополии.

Новейшее исследование того, как, когда и почему это произошло, принадлежит А.А. Булычеву[1]. Исследователь выявил и внимательно проанализировал документы, содержащие соответствующие запреты, показал, как они осуществлялись на практике, высказал ряд соображений о причинах, побудивших русские светские и духовные власти к таким действиям. Если конкретная картина событий благодаря этому исследованию может считаться выясненной, то гораздо более сложно обстоит дело с выяснением мотивов действий властей.

А.А. Булычев полагает, что эти действия были реакцией на происходившие в 1627–1629 гг. переговоры о соединении православной и униатской церквей в рамках особого, зависимого от Рима патриархата[2]. Построение это является вполне логичным, но, в отличие от первой части работы, не опирается на какие-либо конкретные свидетельства. Главным аргументом исследователя является

---

1 *Булычев А.А.* История одной политической кампании XVII века. Законодательные акты второй половины 20-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

2 *Булычев А.А.* История... С. 56 и сл.

совпадение времени установления и функционирования запрета со временем переговоров о соединении церквей в Речи Посполитой. Синхронности, однако, здесь не было. Как видно из материалов, приведенных самим А.А. Булычевым, первые попытки переговоров о соединении церквей имели место уже в начале 20-х гг. XVII в., а вопрос не перестал быть актуальным и после 1629 г.: когда в январе 1631 г. униатский митрополит Иосиф Рутский посетил Киев, приближенные Петра Могилы объясняли, что он не может встретиться с митрополитом по болезни, а при его отъезде один из учеников «школы схизматиков» прочитал посвященные митрополиту польские стихи[3].

Конечно, в Москву приходили сообщения о попытках заключения «новой унии», но в них неизменно подчеркивалось враждебное отношение православных к таким проектам. Таковы были, в частности, разобранные выше сообщения Иова Борецкого о киевском соборе 1628 г. Других свидетельств в обширном фонде сообщений, поступавших во второй половине 20-х гг. XVII в. в Москву о положении в Речи Посполитой, не обнаруживается (в отличие от ситуации конца 30-х гг. XVII в.). Неизменно внимательное отношение в Москве к Борецкому, постоянная помощь и удовлетворение его пожеланий говорят о том, что сообщения Борецкого вызывали в Москве доверие.

Как представляется, объяснения следует искать в связи с общим направлением консервативно-охранительной политики Московской патриархии, явившейся, о чем уже говорилось выше, закономерной реакцией на события Смуты.

Первоначально «литовская» книга не вызывала в Москве каких-либо подозрений. Убедительным свидетельством тому могут служить данные о распродаже в Москве имущества Н.Г. Строганова, скончавшегося в ноябре 1616 г. и не имевшего наследников. «Евангелие печатное литовское» купил дядя царя И.Н. Романов, псалтирь — его мать. Острожскую библию приобрел думный дьяк Сыдавной Васильев, «Евангелие

---

[3] Epistolae Josephi Velamin Rutskyj metropolitae Kioviensis catholici (1613–1637). Romae, 1956. P. 243–244.

толковое, печать литовская» по распоряжению царя было дано как заупокойный вклад по Н.Г. Строганову[4].

Положение стало меняться с приездом Филарета и с принятием решений собора 1620 г. Как известно, важнейшим направлением церковной и государственной политики Филарета в 20-е гг. XVII в. было ограждение русского общества от вредных внешних влияний, идущих из враждебного западного мира. В качестве носителей таких влияний, по убеждению патриарха, могли выступать и «белорусцы» — православные восточные славяне — жители Речи Посполитой, которые, постоянно пребывая в чужом иноверном мире, могли утратить чистоту своей веры в постоянном общении с иноверцами. В одном доме, — утверждал Филарет, ссылаясь на личный опыт, — могут жить одновременно приверженцы трехчетырех различных исповеданий, которые «вместе на одной трапезе едят и пьют и соединяются браком, а иные вместе и молитву творят»[5]. Отсюда вытекали установления о тщательном опросе пришельцев из Речи Посполитой, прежде чем допускать их в православное общество.

Еще в XIX в. был опубликован столбец, содержавший записи допросов на патриаршем дворе возвращавшихся из литовского плена «полоняников» и православных выходцев с территории киевской митрополии за сентябрь 1623 — август 1624 г.[6] Материал давал обильные доказательства правильности утверждений Филарета.

Так, не смогли в этом мире держаться своей веры «полоняники». Они и ходили в костел, и брали у «ксенжа» «сакрамент», и исповедывались у такого священника во время болезни[7]. При этом многие из них не понимали различий между

---

4 Опись библиотеки Н.Г. Строганова 1620 г. Екатеринбург, 1991. С. 36, 39, 40, 45. В этом и других русских текстах XVII в. «Евангелие толковое» (иногда с добавлением «воскресное») означало сборник поучений (преимущественно Иоанна Златоуста) на воскресные и праздничные дни триодного и линейного цикла, известный на Руси с конца XIV в.

5 *Макарий* (*Булгаков*). История русской церкви. М., 1996. Кн. VI. С. 289.

6 РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 166.

7 РИБ. Т. 2. Стб. 598, 604–606 и др.

священнослужителями. Как сообщал один из них, «в болести его в Киеве поп исповедовал, а ксенж ли его исповедовал или белоруской поп, про то не ведает»[8]. Некоторые принимали и протестантизм. Смольнянин Мих. Дернов, служивший пану Голубовскому, «веру держал люторскую, и у казнадея, де, он был, и оплатки имывал»[9].

Но не лучше обстояло дело и с православными жителями Речи Посполитой. Высказанные Филаретом слова о нарушении в этой стране традиционных церковных правил находят подтверждение в высказываниях Мих. Ратомского, который «взял за себя девку евангелицкой веры, венчал белоруской поп во дворе»[10]. Православные, конечно, отличали ксендза от попа, но с различием между православным и униатским священником дело обстояло гораздо хуже. Так, казак Тимофей Трофимов говорил, что венчал его поп Андрей, но он не знает, «за кого тот поп Бога молит, за папу или за патриарха Цареграцкого»[11]. Другой опрошенный говорил, что его священник «молит Бога за киевского владыку, а за которого владыку, того не упомнит»[12]. Иллюстрацией к другим высказываниям Филарета могут служить слова шляхтича из Острожского повета Мих. Ив. Гулянского, что «веру ... он держал евангелицкую и с белорусцы вместе русскую»[13].

Наблюдения над столь своеобразными межконфессиональными отношениями, как представляется, уже в то время могли вести к заключению, что возникшая в такой атмосфере книжность также будет нести в себе следы инославных влияний, от которых следовало бы оградить общество.

6 мая 1623 г. в Вязьму (один из пограничных городов) пришла грамота, в которой внимание воевод обращалось на то, что из Литвы привозят книги на продажу «для смуты», «что в тех книгах многое неисправленье и ересь». Воеводы

---

8 Там же. Стб. 605.
9 Там же. Стб. 610.
10 Там же. Стб. 658.
11 Там же. Стб. 638.
12 Там же. Стб. 643.
13 Там же. Стб. 613.

поэтому должны были «не велеть» местным жителям покупать книги у литовских людей[14].

Это был первый, пока достаточно осторожный шаг в этом направлении. Пока находившиеся в России «литовские книги» еще не попали под подозрение. В 1626 г. сам патриарх Филарет дал вкладом в Кирилло-Новоезерский монастырь «Евангелие толковое воскресное, печать литовская ... в десть»[15].

Крупным событием в культурной жизни Восточной Европы стало издание в Киеве сочинений отцов церкви на основе обращения к их греческим оригиналам. В 1623 г. увидело свет издание Бесед Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла, а в следующем, 1624 г. были изданы Беседы Иоанна Златоуста на Деяния святых апостолов, за ними последовала в 1625 г. публикация Толкований на Апокалипсис Андрея Кесарийского. Экземпляры своих изданий из Киева (как отмечено в предшествующем разделе) направляли московским властям.

К сожалению, на сохранившихся экземплярах этих изданий почти нет вкладных записей, но сохранившиеся описи имущества 20-х гг. XVII в. позволяют в определенной мере судить о их распространении в Русском государстве. Так, по описи имущества Спасо-Каменного монастыря 1628 г. в монастыре имелось киевское издание Бесед Иоанна Златоуста 1623 г.[16] В описи имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1635 г. отмечены два киевских издания — Анфологион 1619 г. и Беседы Иоанна Златоуста на Деяния св. Апостолов[17]. Особый интерес представляет перечень книг в собрании Никольского Коряжемского монастыря на р. Вычегде в описании Сольвычегодского уезда

---

14 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. Стб. 10. Л. 40.

15 *Сазонова Т.В.* Кирилло-Новозерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. СПб., 2011. С. 286–287.

16 Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1985. Ч. 4. Вып. 1. С. 193 (вклад сына игумена Павлова Обнорского монастыря).

17 РНБ. Отдел рукописей. Кирилло-Белозерское собр. № 75/314. Л. 318об., 325об.

1625/6 г. В перечне отмечены «книга Апостольское деяние толковое, книга Апокалипсис»[18]. Соседство в списке этих двух книг, как представляется, следует объяснять тем, что в монастыре имелся конволют двух киевских изданий — Бесед Иоанна Златоуста на Деяния апостолов и Толкований на Апокалипсис Андрея Кесарийского[19]. Таким образом, вскоре после издания эти киевские книги появились в далекой обители Приуралья.

Особенно много киевских изданий было в книжном собрании Соловецкого монастыря. В описи монастырского имущества, составленной в 1632 г., значится 6 экземпляров «Бесед апостольских толковых» и 2 экземпляра «Деяний апостольских толковых» и книга «Апокалипсис печатной в десть»[20]. Ряд важных дополнений к этим сведениям дает опись имущества Соловецкого монастыря 1645 г., где указывается, кто дал вкладом в библиотеку монастыря эти книги. Книги эти были даны вкладом игуменом Иринархом и другими соловецкими старцами, но кроме того, экземпляр Бесед Иоанна Златоуста на послания апостола Павла прислал в монастырь архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий (Зобниновский), а экземпляр Бесед Иоанна Златоуста на Деяния апостолов — келарь того же монастыря, близкий к царской семье Александр Булатников[21]. Эти данные вносят новый важный материал, характеризующий роль Троице-Сергиева монастыря в развитии культурных связей с «русскими» землями Речи Посполитой. Как следует из этих фактов, в Троицкой обители не только внимательно изучали полемические памятники, напечатанные в Остроге в конце

---

18 РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 446. Л. 807об.

19 Такой экземпляр принадлежал А.Л. Ордину-Нащокину. — Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII веков собрания библиотеки Тартуского университета и Псково-Печерского монастыря / Сост. Т.К. Шаховская. Тарту, 1991. С. 22–23.

20 Архив Санкт-Петербургского института истории. Колл. 2. № 137. Л. 141об., 153об.

21 Там же. № 141. Л. 148–148об. Александр Булатников также дал вкладом «Евангелие толковое воскресное, печать литовская» (Там же. Л. 145).

90-х гг. XVI в., но и приобретали и рассылали в близкие им обители киевские издания 20-х гг.XVII в.[22]

Киевские издания 20-х гг. XVII в. имелись не только в монастырских библиотеках. В мае 1635 г. патриарх Иоасаф прислал в Тобольский архиерейский дом книги покойного новгородского митрополита Киприана (ранее тобольского архиепископа, а еще ранее — архимандрита Новгородского Хутынского монастыря). Среди этих книг были два киевских издания «Бесед Иоанна Златоуста»[23].

Все эти факты говорят о том, что киевские издания 20-х гг. XVII в. вызвали интерес и благоприятную реакцию влиятельных кругов русского духовенства. Следует особо остановиться на фактах, свидетельствующих об интересе к киевским изданиям части образованных светских верхов русского общества.

Ранний этап интереса к западнорусским изданиям может характеризовать состав книжного собрания Н.Г. Строганова. «Литовские книги» составляли значительную часть этого собрания, но это были, по преимуществу, книги богослужебные, имевшиеся подчас у владельца в значительном количестве[24] — 20 «Часовников», 15 Евангелий, 8 молитвенников, 6 апостолов[25]. Из «четьих книг» в собрании было два «Евангелия толковых» и экземпляр Острожской библии[26]. Таким образом, Н.Г. Строганов не проявил интереса к острожским изданиям отцов церкви. Между тем в таком «строении» Строгановых, как Благовещенский собор в Соли Вычегодской, имелись и книга Василия Великого «О постничестве», и «Маргарит» Иоанна Златоуста[27]. Очевидно, Строгановы покупали такие книги для своего патронального храма, но сами к ним интереса не проявляли.

---

22 В описи 1645 г. отмечено также, что острожское издание книги Василия Великого «О постничестве» дал вкладом в монастырь Симон Азарьин (Там же. Л. 160об.).

23 Тобольский архирейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 93.

24 Характерная черта и более ранних книжных собраний Строгановых.

25 Опись библиотеки Н.Г. Строганова... С. 35, 36–37, 42, 45.

26 Там же. С. 40, 45, 60.

27 РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 446. Л. 86.

Особо следует отметить присутствие в составе собрания Н.Г. Строганова «Книги о вере Мелетия патриарха 6 слов на еретики»[28]. Под этим названием скрывается, как представляется, такой памятник западнорусской полемической литературы, как острожское издание 1588 г. — «Книжица о единой истинной православной вере» в 6 разделах. Учитывая отмеченную выше редкость сведений о таких полемических памятниках в составе книжных собраний, следует обратить внимание на интерес представителя светских верхов к западнорусскому тексту такого рода.

Собрание Н.Г. Строганова следует сопоставить с собранием ярославских купцов Лыткиных, которое последний представитель рода передал в 1635 г. в Красногорский монастырь на р. Пинеге. Собрание это было результатом деятельности нескольких поколений представителей рода[29]. Предпринятое Д.Ф. Полозневым исследование[30] показало, что в книжном собрании был целый ряд острожских изданий — Новый Завет, Библия, Псалтирь с восследованием 1596 г. и даже отсутствовавший в собрании Н.Г. Строганова «Маргарит» Иоанна Златоуста, приобретенный, возможно, еще предками Георгия Лыткина. Но кроме этого в собрании имелись оба киевских издания «Бесед» Иоанна Златоуста, одно из киевских изданий Номоканона (1620 г. или 1624 г.) и «Грамматикия, печать литовская». Печатных изданий полемических памятников в собрании Лыткиных не было.

Сведения о книжном собрании Лыткиных есть смысл сопоставить с описью имущества знатного светского лица — казначея Петра Ивановича Волынского, составленной в 1641 г.[31] П.И. Волынскому принадлежали оба киев-

---

28 Опись библиотеки Н.Г. Строганова... С. 46.

29 Русская историческая библиотека. Пг., 1917. Т. 35. № 441. Стб. 909–915.

30 *Полознев Д.Ф.* Библиографическое исследование печатных книг из Ярославской библиотеки Георгия Лыткина первой трети XVII в. Приношу благодарность за возможность познакомиться с этой работой.

31 Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 2002. Т. 3. № 568. С. 497–498.

ских издания «Бесед» Иоанна Златоуста, «Акафист, печать литовская» (Киев, 1625 г.), «Маргарит» Иоанна Златоуста и Острожская библия.

Сопоставление сведений о собраниях двух лиц, принадлежавших к разным частям светских верхов русского общества, позволяет говорить о некоторых общих чертах интереса светских лиц к западнорусским изданиям конца XVI — первых десятилетий XVII в. В отличие от Н.Г. Строганова, владельцы этих собраний проявляли явный интерес к «четьим» книгам западнорусских издателей разного жанра.

Так подготавливалась почва для появления в середине XVII в. таких просвещенных книголюбов, как Б.И. Морозов или Ф.М. Ртищев[32].

Как установил А.А. Булычев, осенью 1626 г. появился царский указ, предписывавший не разрешать торговлю «литовскими» книгами, пока они не будут доставлены в Москву и там изучены. Во исполнение указа были отобраны книги у двух киевских торговцев. Находившиеся у них киевские издания 1619–1625 гг. были доставлены в Москву вместе с их владельцами, а затем они вместе с книгами были высланы из России[33].

Как представляется, это распоряжение следует связывать с наметившимся в 1625–1626 гг. резким ростом связей между Россией и «русскими» землями Речи Посполитой, которые, надо полагать, сопровождались и расширением книготорговли. Наплыв людей из-за рубежа должен был принести новые свидетельства «неправильного» поведения людей в Речи Посполитой. Отсюда и принятие мер. Есть основания полагать, что этим достаточно многозначительным, но все же единичным жестом на этом этапе все и ограничилось.

В описях Соловецкого монастыря несколько киевских изданий 20-х годов («Беседы» Иоанна Златоуста обоих изданий и одно из киевских изданий Номоканона 1620 г. или 1624 г.)

---

[32] Киевские издания 20-х годов XVII в. были и у А.Л. Ордина-Нащокина, который дал их вкладом в Псково-Печерский монастырь (*Постников А.Б.* Добрый человек Старой Руси А.Л. Ордин-Нащокин. Псков, 2010. С. 17–18).

[33] *Булычев А.А.* История... С. 12–13.

отмечены как вклад игумена Иринарха[34]. Очевидно, игумен приобрел эти книги во время своей поездки в Москву в 1626/7 г.[35] В сентябре 1627 г. игумен Никитского монастыря в Переяславле-Залесском «киевлянин» Афанасий Китайчич купил экземпляр «Бесед на Деяния апостолов» Иоанна Златоуста (киевское издание 1624 г.), взяв для этого часть денег, присланных в монастырь патриархом[36].

Еще до издания указа, в конце апреля 1626 г., в Путивль приехал Лаврентий Зизаний[37].

Корецкий протопоп Лаврентий Зизаний был видной фигурой в том круге ученых, который сформировался к 1619 г. в Киево-Печерском монастыре вокруг Елисея Плетенецкого[38]. В 20-х гг. XVII в. он активно участвовал в подготовке важных изданий киево-печерской типографии, в предисловиях к которым о нем говорилось как о православной веры «исповеднике и проповеднике», как о «дидаскале и проповеднике»[39]. Как сообщил Зизаний воеводам, его изгнали из Ярослава, из церкви, где он служил, и он вынужден был уехать в Киев к Иову Борецкому, где он провел 7 недель[40]. Там, очевидно, и было принято решение о его поездке в Москву.

С собой Зизаний привез грамоты Иова Борецкого к царю и патриарху[41]. Исследователи согласны в том, что Лаврентий Зизаний направился в Москву, чтобы напечатать там написанный им «Большой катехизис» — изложение главных

---

34 Архив Санкт-Петербургского института истории. Колл. 2. № 139. Л. 143; № 141. Л. 148.

35 См. биографию Иринарха — Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 402.

36 Экземпляр издания с записью об этом находится в отделе редких книг РГБ. Приношу глубокую благодарность за эти сведения А.А. Гусевой.

37 РГАДА. Ф. 52, 1626 г. № 15. Л. 5.

38 *Ботвинник М.Б.* Лаврентий Зизаний. Минск, 1963. С. 88–97.

39 *Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв. Становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. С. 292.

40 РГАДА. Ф. 52, 1626 г. № 15. Л. 6.

41 Там же. Л. 7.

положений православного вероучения для массового читателя. Вероятно, митрополит рекомендовал Зизания и его произведение царю и патриарху. Само изготовление таких грамот показывает, что поездке Зизания в Киеве придавалось большое значение. Грамоты в деле, к сожалению, не сохранились. В нем имеется лишь перевод письма Иова Борецкого претенденту на турецкий трон Александру Ахии, который находился в это время в Москве. В письме говорилось, что его передаст «презвитер и учитель епископской первой во днях»[42]. Это дает некоторое представление о тех рекомендациях, которые содержались в не дошедших до нас грамотах[43].

24 мая 1626 г. Лаврентий Зизаний выехал из Путивля в Москву[44]. Исследователи, писавшие о пребывании Зизания в Москве на основании записей в Записной книге Московского стола Разрядного приказа 1626–1627 г., отмечали оказанный ему любезный прием. Из материалов дела о приезде это становится еще более очевидным. В июле 1626 г. Зизаний выразил желание поклониться мощам Сергия Радонежского в Троице-Сергиевом монастыре[45]. В Москве не только удовлетворили его желание, глава Ямского приказа кн. Д.М. Пожарский получил указ доставить для путешествия подводы[46], архимандриту Дионисию были направлены предписания об организации для гостя самого почетного приема. Так, казначей монастыря с 5 старцами должны были его встретить у ворот монастыря, гостя следовало «кормить и покоить», а перед отъездом поднести ему дары[47]. Все так и было

---

42 Там же. Л. 13.

43 Лаврентий Зизаний имел еще поручение от митрополита — передать «вести», о которых он отказался говорить с путивльскими воеводами (Там же. Л. 6–7). В деле сохранилась челобитная Зизания царю с просьбой о приеме, чтобы «сказати себе тайну царскую» (Там же. Л. 45).

44 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Денежного стола. № 81. Л. 228.

45 РГАДА. Ф. 52, 1626 г. № 15. Л. 57.

46 Там же. Л. 58.

47 Там же. Л. 60–64.

сделано[48]. Подобная картина наблюдалась и в последующее время. Для понимания дальнейших событий важно отметить, что по сложившейся в Москве практике царская казна брала на себя содержание приезжавших иноземных дипломатов и гостей, а содержание это зависело от отношения в Москве к приезжему и к тем, кто его направил. Неоднократно ухудшение отношений с той или иной державой вело к тому, что размер корма для ее представителей в Москве сокращался. Материалы дела о приезде Зизания рисуют достаточно ясную, однозначную картину. Челобитья, подававшиеся им неоднократно на протяжении осени 1626 г., постоянно удовлетворялись — ему стали выдавать 6 ведер пива и меда на неделю, отпускали для отопления «по два воза дров», перевели в «доброй двор», когда он выразил недовольство своим помещением[49]. Как следует из записной книги, Зизанию оказывались и особые знаки внимания[50]. Так, ему был послан особый «корм» из дворца на день св. Михаила Малеина, небесного покровителя царя, и к Рождеству, а на Богоявление кроме жалованья протопопу было послано от царя блюдо «яблок свежих»[51]. Удовлетворялись также просьбы украинского книжника об увеличении «корма»[52]. И свидетельства дела о приезде Зизания, и записи, внесенные в книгу, фиксировавшую важные пожалования (как, например, пожалования важных придворных чинов), говорят о том, что Лаврентий в глазах московских властей вряд ли был простым священником, явившимся в Москву печатать собственный текст. Записи эти дают основание полагать, что он являлся для них посланцем

---

48 См. отчет Дионисия о выполнении поручений. По его словам, Лаврентий говорил, что «нигде таковые красоты церковные и милосердия Божия у образов, утвари и церковного устава, пения и урядства не видал» (Там же. Л. 107).

49 РГАДА. Ф. 52, 1626 г. № 15. Л. 96–99. Дело о приезде обрывается распоряжением от 18 ноября о выдаче Зизанию дров и свечей (Там же. Л. 107).

50 На это справедливо указывал его биограф (*Ботвинник М.Б.* Указ. соч. С. 93–94).

51 РИБ. СПб., 1884. Т. 9. Стб. 439, 444.

52 Там же. Стб. 439, 448, 455.

Киевской митрополии (и знаки внимания относились к нему именно как к таковому), а привезенный им «Катехизис», который предполагалось напечатать, был одобрен в Киеве. Как указывается в Записной книге, 31 декабря 1626 г. «тетради» с текстом «Катехизиса» патриарх Филарет передал «для переводу» игумену московского Богоявленского монастыря Илье[53] — одному из близких патриарху людей, с 1622 г. пребывавшему «у книжной у печатной справки». Текст был переведен на церковнославянский язык и отпечатан в московской типографии к концу января 1627 г.[54] Как показала М.А. Корзо[55], представленный «Катехизис» был подвергнут существенной правке. Проделанная работа и распечатка переработанного текста говорят о весьма серьезном отношении к представленному Зизанием труду.

15 февраля 1627 г., судя по Записной книге, Зизаний получил щедрые дары «на дорогу» — 1,5 пуда икры разных сортов, 2 пуда меду, большое количество рыбы (в том числе 2 осетра и 2 семги) и другие продукты, а также деньги на наем подвод. Кроме того, протопоп получил и 44 аршина багреца[56]. Полученное им имущество разместилось на 14 подводах[57]. Ему были даны также книги с Печатного двора — «Потребник» и «Чюдеса ризы Господни», а также 150 рублей для «книжново печатново дела» — сумма значительно бóльшая, чем милостыня, которая посылалась Киево-Печерской обители. Трудно предположить иное объяснение кроме того, что все это было вознаграждением за проделанную работу, которую предполагали напечатать в Москве.

---

53 О нем см.: *Буланин Д.М.* Илья, игумен Богоявленского монастыря в Москве // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. С. 429–435.

54 *Корзо М.А.* Указ. соч. С. 297. В конце 1626 г. в Посольском приказе в «ящике» его заведующего дьяка Ивана Грамотина находилась «книга, 5 тетрадей корецкого протопопа Лаврентия, новый перевод, писана белорусским писмом» (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1971. Ч. 1. С. 365).

55 *Корзо М.А.* Указ. соч. С. 324 и сл.

56 РИБ. Т. 9. Стб. 456–457.

57 Там же. Стб. 458.

18 февраля Зизаний был «на отпуске» у царя и патриарха[58]. О последующих событиях сохранилась запись, сделанная богоявленским игуменом Ильей[59]. В записи отмечено, что патриарх велел ему (и другому справщику — Григорию) говорить с автором о «исправленных статьях» напечатанного текста, при этом следовало беседовать с ним о внесенных исправлениях «любовным обычаем и смирением нрава». Заседание состоялось 18 февраля на Казенном дворе, на нем присутствовали князь И.Б. Черкасский, двоюродный брат царя и глава правительства, и думный дьяк Федор Лихачев[60]. Эти детали указывают на то, что встреча рассматривалась как важное государственное событие. По-видимому, на встрече справщики должны были объяснить Лаврентию его ошибки, а тот — поблагодарить за науку, и было бы принято окончательное решение об издании Катехизиса.

Вопрос о том, чем текст Зизания не удовлетворил Филарета и его окружение, неоднократно рассматривался в научной литературе. Причины разногласий были разные. Переводчики не очень хорошо понимали текст Зизания, написанный на «простой мове», и он подвергался ряду искажений при переводе на церковнославянский язык. Были и объективные причины для недовольства. Речь шла о большом и сложном, не характерном по форме для православной традиции произведении, которое пришлось создавать с использованием протестантских и католических катехизисов, и Зизанию не во всем удалось успешно справиться со своей задачей[61].

Кроме того, стремясь как можно более доходчиво объяснить необразованному читателю богословские понятия, он приводил аналогии из обыденной жизни, что оскорбляло

---

58 Там же. Стб. 457.

59 О характере источника см.: *Буланин Д.М.* Указ. соч. С. 431.

60 Прения литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Зизанием Катехизиса // Летописи русской литературы и древностей, изданные Н. Тихонравовым. М., 1859. Т. 2. С. 80–81.

61 Подробный разбор Катехизиса с этой точки зрения см.: *Корзо М.А.* Указ. соч.

пуризм справщиков. Так, им решительно не нравился текст: «Отец Сына роди, как рожает орел орла»[62], и они удаляли из текста «простые прилоги». Имелись и более глубокие причины для разногласий. Эти разногласия нельзя рассматривать как противостояние реакционных невежественных справщиков и просвещенного мыслителя, как это иногда делалось в советской литературе[63]. Правда, такую точку зрения можно подтвердить ссылкой на то, что из «Катехизиса» изъяли раздел о движениях небесных тел, в котором справщики увидели влияние астрологии, и разъяснения Зизания о различии между астрологией и астрономией их не убедили[64]. Однако этим «невежество» справщиков и ограничилось. Главная причина разногласий лежала в иной плоскости. Обе стороны стремились укрепить и усилить позиции православия, но пытались решить эту проблему разными путями. Справщики, следуя политике патриарха Филарета, стремились оградить православную традицию от внешних влияний, а Зизаний в условиях борьбы между сторонниками разных христианских исповеданий стремился создать текст, способный быть оружием в этой борьбе[65], и для этого готов был черпать аргументы и свидетельства из иных традиций.

Расхождение позиций проявилось и в вопросе о том, кто является авторитетом. Справщики заняли в этом вопросе строгую позицию, отвергая всё, что отсутствовало в современной православной традиции: неприемлемы греческие сочинения отцов церкви, напечатанные на Западе, и сочинения древних западных отцов церкви, сохранившиеся только в латинской традиции, так как и те, и другие искажены католиками. Ссылки Зизания на использование александрийским патриархом Мелетием Пигасом сочинений Августина не помогли[66].

---

62 Прения... С. 90.

63 См., например: *Ботвинник М.Б.* Указ. соч.

64 Прения... С. 94–95.

65 О полемичности Катехизиса см.: *Корзо М.А.* Указ. соч. С. 349 и сл.

66 См. подробнее: *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 160 и сл.

Зизаний, следуя выбранному им методу работы, в ряде случаев попадал под влияние взглядов современных ему католических теологов (заимствование учения о чистилище, представления, что в случае нужды крещение может совершать мирянин и в неосвященной воде, что некрещеный младенец не может спастись) и даже антитринитариев (утверждение, что на кресте страдала не только плоть, но и божество Спасителя), и эти утверждения вызывали возражения справщиков[67].

Однако не следует преувеличивать этих разногласий. Итог работы справщиков означал, что после проделанной правки Катехизис мог служить пособием для наставления новообразованного читателя в христианской вере. Кроме того, следует иметь в виду, как убедительно показала М.А. Корзо, что на деле справщики не были такими пуристами, какими они себя считали. После их работы в тексте осталось много заимствований из протестантских и католических текстов[68]. Представляется, что в целом разногласия не рассматривались как принципиальные и неразрешимые, иначе и печатание текста, и прения вообще не имели бы места. Решение об отказе от издания Катехизиса определило, как представляется, поведение Зизания во время прений.

Когда справщики стали говорить Зизанию об исправлениях, внесенных в Катехизис, Зизаний, вместо того чтобы кланяться и «благодарить за науку», стал оспаривать их утверждения. Жаркая дискуссия началась уже по вопросу о том, пострадал ли Христос на кресте только плотью или же плотью и божеством. Как отметил игумен Илия, справщики «по ревности веры с яростию глаголаху»[69]. Когда начался спор о посмертной судьбе душ, высказывания Зизания стали вызывающими. Он припомнил слова некоего «князя», который «у нас в Литве» предупреждал его: «Увидишь, де, Лаврентий, как московские люди о душах мудрствуют, а и не ведают, что о них истинна»[70]. Аргументы противной стороны на него

---

67 *Корзо М.А.* Указ. соч. С. 305–315.
68 Там же. С. 340 и сл.
69 Прения... С. 82.
70 Там же. С. 84.

не действовали, и спор завершился словами Зизания, обращенными к Илье: «А то ныне дошел ты меня, а потом и я тебя дойду»[71]. Илье пришлось разъяснить, что «и те все статьи святейший кир Филарет ... сам исправил и, изправя, нам велел напечатать»[72]. Свидетельство это еще раз показывает, какое значение придавали в Москве привезенному Зизанием тексту. Вместе с тем очевидно, что Зизанию давали понять, что он спорит не со справщиками, а с самим патриархом.

Начавшись 18 февраля, беседа продолжалась 19, а затем — 20 февраля, но уже у Зизания на подворье и без участия высокопоставленных лиц[73]. Зизаний продолжал оспаривать внесенные в его текст изменения. Споры принимали порой весьма острый характер и касались важных вопросов, например вопроса о «самовластии». Зизаний утверждал, что «самовластием человек обращается к добродетелем, яко же и к злобам». Справщики с ним не согласились: «Падает человек самовластием, восстает же властию и исправлением Божием»[74]. Лишь в конце заседания 20 февраля в ответ на вопрос справщиков, обращенный к Лаврентию, что бы он хотел «еще с нами о сей книге договорится», последовало его заявление, что он «много просвещения душе ... обрет» и дивится «великой премудрости» Филарета[75].

Вся эта история показывает, что первоначально патриарх и его окружение проявили большое внимание и к посланцу Киевской митрополии, и к привезенному им тексту. Очевидно, на рубеже 1626–1627 гг. в Москве не было однозначно отрицательного отношения ко всей «литовской» книжности и были даже определенные надежды на идейное сотрудничество с Киевом, но надежды эти не оправдались. В тексте, одобренном в Киеве, обнаружились «еретические» мнения, и посланец митрополита упорно их отстаивал. Как представляется, все это способствовало не только тому, что «Большой

---

71 Там же. С. 86.
72 Там же. С. 88.
73 Там же. С. 100.
74 Там же. С. 96.
75 Там же. С. 99.

катехизис» не был напечатан, хотя из отпечатанных листов составили несколько экземпляров, один из которых был положен в «келейную» библиотеку Филарета.

Именно потому, что разногласия выявились в связи с текстом, написанным видным киевским деятелем и одобренным в Киеве, это событие стало толчком к установлению запрета на ввоз в Россию «литовских» «печатных и письменных книг». Соответствующее распоряжение пришло в пограничный город Великие Луки 23 октября 1627 г.[76] Распоряжение мотивировалось тем, что «в ... Московском государстве всяких книг много московские печати». Указ содержал запрет населению приобретать, а торговым людям продавать «литовские» книги, но никакого их осуждения в указе не было.

Обострению ситуации способствовала история с «Учительным Евангелием» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, изданным в 1619 г. Как уже отмечалось при рассмотрении вопроса о распространении западнорусских изданий в Русском государстве рубежа XVI–XVII вв., такой жанр письменности, как собрание поучений на воскресные и праздничные дни, был здесь хорошо известен, и так называемые «толковые Евангелия», напечатанные в западнорусских типографиях, уже в то время получили определенное распространение в России. Речь шла о собрании текстов традиционного состава, связанном с именем константинопольского патриарха Каллиста. В западнорусской и великорусской традициях состав этого сборника различался незначительно (так, например, в день Вознесения вместо слова Кирилла Туровского западнорусских изданий читался иной текст)[77]. В «Учительном Евангелии» Кирилла Транквиллиона и подбор текстов, и комментарии к ним были плодом его собственного творчества. Вопрос о судьбе этого произведения на русской почве был

---

[76] *Булычев А.А.* История... С. 112–113 (публ. воеводской отписки о исполнении распоряжения).

[77] *Маслов С.И.* Кирилл Транквиллион и его литературная деятельность. Опыт историко-литературной монографии. Киев, 1984. С. 82 и сл.

внимательно изучен в исследовании Т.А. Опариной[78]. Остается неясным, кто и почему обратил внимание на эту давно напечатанную и известную в России книгу. В изданных Т.А. Опариной текстах говорится, что в Москву были привезены сочинения Кирилла Транквиллиона и одно из них — «Учительное евангелие» — было дано для изучения Афанасию Китайчичу, и 1 октября 1627 г. он сообщил патриарху, что «тое книгу Кирилова Евангелия Учительново в домех держати ни чести не достоит»[79]. Он сообщил также, что книга была осуждена собором епископов Киевской митрополии во главе с Иовом Борецким. Решения эти, по словам Китайчича, предписывали этой книги «ни в церквах, ни в домех не держати, ни чести, ни покупати» под угрозой церковного проклятия.

Тогда патриарх приказал Афанасию Китайчичу перечислить конкретно «погрешительные статьи», которые содержатся в этом произведении. Работу Афанасия продолжили игумен Илья и близкий к Филарету соборный священник Иван Наседка им следовало «кром Афанасьева писма погрешения и ереси снискати». По-видимому, работа была закончена к 3 ноября[80].

Проделанная работа выявила и прямое воздействие на Кирилла Транквиллиона католической догматики (filioque, провозглашение апостола Петра главой церкви, причащение под одним видом), символики и образности, характерной для католической традиции[81]. Кроме того, царю и патриарху «ведомо учинилось, что за рубежом черниговский архимандрит Кирилл пристал к латинской вере и впал во многие латынские ереси»[82]. Транквиллион действительно к этому времени стал униатом.

Реакцией на происшедшее стал указ от 25 ноября 1627 г., в котором предписывалось изъять «во всех городех»

---

78 *Опарина Т.А.* Иван Наседка и политическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 162 и сл.

79 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 369.

80 Там же. С. 370–371.

81 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 165–166.

82 Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. № 201.

«Учительное Евангелие» Кирилла Транквиллиона «и на пожарех зжечи, чтоб та ересь и смута в мире не была». Одновременно в указе предписывалось, чтобы «вперед нихто никаких книг литовской печати и писменных литовских книг не покупали». Тем, кто станет хранить книги Транквиллиона или покупать «литовские» книги, угрожало светское «наказание» и церковное «наказание и проклятие»[83]. Как показал А.А. Булычев, тогда же были приняты меры для проведения этого распоряжения в жизнь, в частности, в Москве были куплены государством «литовские» книги, привезенные в Москву[84].

Разбирая эти установления, А.А. Булычев резонно заметил, что отрицательная оценка книги, появившейся в Речи Посполитой и к тому же осужденной собором епископов Киевской митрополии, не должна была бы служить основанием для запрета ввоза в Россию любых печатных или рукописных книг с территории Речи Посполитой[85]. Представляется всё же, что определенная связь здесь может быть намечена. Важную роль здесь сыграло сообщение Аф. Китайчича о суровом осуждении «Учительного евангелия» собором епископов Киевской митрополии. Ведь оказывалось, что все эти суровые меры не могли помешать распространению книги по землям Речи Посполитой и ее проникновению в Россию. Это несомненно способствовало утверждению решения о запрете ввоза «литовских» книг в Россию, тем более что запрет, установленный осенью 1626 г., явно не соблюдался.

Можно высказать некоторые соображения о том, почему «Евангелие учительное» Кирилла Транквиллиона вызвало столь резкую реакцию церковных кругов в Москве. Знакомство с составом церковных библиотек 20-х гг. XVII в., насколько о них можно судить по писцовым описаниям городов этого времени, показывает, что «Евангелие толковое, печать литовская» (если не считать богослужебных книг) было книгой, часто входившей в книжные собрания монастырей

---

83 *Булычев А.А.* История... С. 113–115.
84 Там же. С. 17 и сл.
85 Там же. С. 15–16.

и церквей. Так, в Нижнем Новгороде «Евангелие толковое» имелось в женском монастыре Происхождения Честного Креста и в Печерском монастыре[86]. В Устюге такая книга имелась в Архангельском и Ивановском монастырях[87]. В Вологде «Евангелие толковое» имелось в церкви Ризоположения[88]. Печатное «Евангелие толковое» имелось в целом ряде церквей Тобольска и в Знаменском монастыре[89]. В кафедральном Софийском соборе находились «два Евангелия воскресные толковые печатные в десть»[90]. Сходную картину рисует и описание Соли Камской и прилегающего уезда. Хотя здесь «литовских книг» в церковных учреждениях почти не было, «Евангелие толковое, печать литовская» присутствовало во многих из них: в некоторых церквях Соли Камской, в Вознесенском монастыре, в Введенском монастыре на Верхотурской дороге («строение» И.Н. Романова) и даже в церквях на погостах[91].

С этим есть смысл сопоставить описание Соли Вычегодской с уездом «133» — 1624/5 г. Здесь в самом городе «евангелие толковое печатное» имелось в двух монастырях, Благовещенском соборе — «строении» Строгановых — и в пяти церквях[92]. Имелась такая книга и во многих погостских церквях и в церкви Николы в селе Никольском — вотчине вологодского архиепископа[93].

---

86 РИБ. Т. 17. Стб. 27, 339.

87 Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 40.

88 Источники по истории г. Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904. т I. С. 19.

89 Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 1–2, 4, 9–10.

90 Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.И. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 52 (переписная книга 1625 г.).

91 *Шишонко В.Н.* Соликамские писцовые книги письма и меры Михаила Кайсарова. 1623–1624. Пермь, 1872. С. 4, 14, 17, 65, 98, 116.

92 РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 446. Л. 66, 68, 70, 71об., 72, 75, 86, 862.

93 Там же. Л. 157, 198об., 258, 262об., 314, 509, 578об., 634об., 722об., 778, 947.

Широкое распространение книги такого жанра, появление ее даже в сельских центрах говорит о том, что общество испытывало потребность в таких сочинениях. Книги эти, очевидно, использовались священниками для просвещения паствы, когда либо тексты зачитывались во время службы, либо (что, вероятно, случалось реже) служили пособием для их собственных проповедей.

В окружении патриарха Филарета, для которого все указанные источники были, конечно, доступны, а сверх того были и другие источники информации, не могли не знать о широком распространении таких «учительных» книг в России 20-х гг. XVII в. Поэтому, конечно, для патриарха и его окружения было небезразлично, что именно в одном из «толковых Евангелий» были обнаружены «еретические» мнения. Представляется неслучайным, что вскоре после осуждения сочинения Транквиллиона, в 1629 г., на московском Печатном дворе было впервые отпечатано «Евангелие учительное», а в 1633 г. это издание было повторено. В Москве явно налицо было намерение снабдить церковные учреждения проверенными текстами таких книг, которые должны были заменить неблагонадежные. Такие действия дали определенные результаты. В описи Соловецкого монастыря сентября 1632 г. значилось 4 «Евангелия толковые воскресные литовской печати» и «пять книг Евангелий толковых воскресных печатных московских»[94].

Во исполнение принятых решений в декабре 1628 г. в Москве было публично сожжено 60 экземпляров «Евангелия учительного». Есть и сведения о сожжении этих книг в таких далеких восточных городах России, как Верхотурье и Тобольск[95]. Эти данные на одном конкретном примере показывают масштаб культурных контактов двух обществ в 20-е гг. XVII в.

Именно насыщенность общества сомнительными по своему происхождению «литовскими» книгами толкала

---

[94] Архив Санкт-Петербургского института истории. Колл. 2. № 137. Л. 139–139об.

[95] *Булычев А.А.* История... С. 20.

правящие церковные и светские круги России ко всё более жестким решениям. Думается, патриарх и его окружение понимали, что не все «литовские» книги заслуживают осуждения. Заслуживает внимания, что в то самое время, когда готовились царские указы, в 1627/8 г., Евангелие учительное, изданное в Вильно М. Гарабурдой около 1580 г., было отправлено как царский вклад в церковь Введения Богородицы в одном из сибирских городков (его название, к сожалению, было утрачено при реставрировании книги)[96].

Вместе с тем у патриарха и его советников, конечно, не было ни сил, ни возможностей рассматривать каждую пришедшую с запада книгу так, так это было сделано по отношению к «Евангелию учительному». Радикальное решение было принято в конце 1627 г. Как оно складывалось, внимательно проследил А.А. Булычев[97]. Первоначально речь шла о запрете привозить в Россию «литовские» печатные и рукописные книги и покупать их у приезжих людей «из литовских городов»[98]. Тогда же были конфискованы такие книги у «торговых людей» в Москве[99]. Затем было решено этим не ограничиваться. Новый царский указ (известный по тексту грамот, направлявшихся в порубежные с Речью Посполитой города) предписывал переписать все «литовские» рукописные и печатные книги, находящиеся по дворам и в церквях, и выслать соответствующие росписи в Москву. За этим, очевидно, должна была последовать их конфискация и доставка в Москву. Предполагалось забрать даже богослужебные книги «литовской печати», когда их удастся заменить московскими изданиями[100]. Как установил А.А. Булычев, в Путивле дело не ограничилось составлением росписи книг, находившихся у населения, но была и проведена их конфискация.

---

96 Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей лаборатории археографических исследований. Свердловск, 1990. С. 65.

97 *Булычев А.А.* История... С. 19 и сл.

98 Там же. С. 112–117.

99 Там же. С. 117–118.

100 Там же. С. 122–123 (указная грамота в Путивль 26 февраля 1628 г.).

Из путивльского Молченского монастыря были изъяты даже богослужебные книги и заменены московскими изданиями[101]. Под 23 июня 1628 г. в приходно-расходной книге путивльской воеводской избы отмечено, что «куплено ... три бочки для литовских книг, что по государеву указу литовские всякие книги посланы к Москве в Разряд»[102]. На патриаршем дворе была поставлена палатка, где должны были храниться отобранные у населения «литовские» книги[103].

В описи архива Разрядного приказа 1668 г. сохранилось описание дела, содержавшего сведения о аналогичных мерах, принятых в другом южном пограничном городе — Рыльске. В состав дела входили «две книги переписные» московских изданий, присланных в храмы Рыльска. В деле имелся и перечень «литовских книг», отправленных в Москву. Оно содержало и сведения о том, «какие книги литовской печати и писменные сысканы и оставлены у церквей и у мирских людей»[104]. Таким образом, часть «литовских книг» была оставлена у населения, но чем руководствовались сыщики, установить нельзя. Как показал А.А. Булычев, установленные запреты продолжали соблюдаться в порубежных южных городах в 1630–1631 гг.[105]

Этим сведения о выполнении наиболее радикальных царских указов и ограничиваются. В отличие от указов о сожжении сочинений Кирилла Транквиллиона, не сохранилось ни указных грамот, адресованных в иные районы России, ни каких-либо сведений о выполнении этих указов.

Сохранился ряд свидетельств о судьбе книг «литовской печати», находившихся в России в годы установления запрета. Это, во-первых, записи о продаже. На экземпляре «Евангелия учительного», напечатанного В.М. Гарабурдой в Вильно около

---

101 Там же. С. 22–23.

102 РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Кн. 40. Л. 222.

103 *Опарина Т.А.* Книги «литовской печати» в «спецхране» Московского Кремля // Славяноведение. 2002. № 2. С. 140–148.

104 Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подг. К.В. Петров. СПб., 2006. С. 358; *Булычев А.А.* История... С. 27.

105 Там же. С. 26 и сл.

1580 г., сохранилась продажная запись 25 мая 1628 г. калужского попа Тимофея[106]. На экземпляре Нового Завета с псалтырью, отпечатанном в Вильно в 1596 г., сохранилась запродажная запись попа Ивана Макарова 1632 г.[107] На экземпляре Номоканона, изданного в Киеве в 1624 г., имеется запись о продаже книги одним священником другому 10 сентября 1631 г.[108] К этому же времени относится и ряд записей о вкладах «литовских книг» в различные храмы. Так, экземпляр учительного Евангелия, напечатанного В.М. Гарабурдой, был дан 25 ноября 1628 г. «в дом Воскресенью Христову да Илье Пророку и Николе Чудотворцу на Турью»[109]. Евангелие, напечатанное Мамоничами в Вильно в 1606 г., было дано вкладом в 1628/9 г. в Троицкую церковь села Кузьминского Ярославского уезда[110]. Евангелие Мамоничей издания 1595 г. 4 марта 1631 г. было дано вкладом в Пятницкий монастырь в Дмитрове[111].

Среди вкладчиков были лица достаточно высокого положения. Так, Евангелие, напечатанное Мамоничами в 1575 г. в Вильно, 17 августа 1630 г. дал вкладом в собор Соли Вычегодской Иван Максим. Строганов с семьей[112]. Особый интерес представляет запись на Апостоле, изданном Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. Апостол был дан вкладом в храм Симеона Иерусалимского в одном из владений

---

106 *Голенченко Г.Я.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. Минск, 1989. С. 267.

107 *Поздеева И.В.* Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова. М., 1981. С. 43.

108 Библиотека Академии наук в Петербурге. Отдел редкой книги. № 6761 сп.

109 Издания кириллической печати XV–XVI вв. (1491–1600 гг.). Каталог книг из собрания ГПБ / Сост. Т.А. Афанасьева; ред. В.И. Лукьяненко. СПб., 1993. С. 166.

110 Кириллические издания Ростово-Ярославской земли 1493–1652 гг. / Каталог под ред. д.и.н. И.В. Поздеевой. Ярославль; Ростов, 2004. С. 72.

111 Там же. С. 62.

112 *Асафов К.М., Протасьева Т.М., Тихомиров М.Н.* Записи на книгах старой печати XVI–XVII веков // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 288.

Троице-Сергиева монастыря «при архимандрите Дионисье, при келаре старце Александре»[113].

Все эти факты показывают, что на руках у разных людей продолжали находиться книги «литовской печати». Их, по-видимому, не изымали даже в такой близкой к Москве и ко двору обители, как Троице-Сергиев монастырь. Эти факты следует сопоставить с описаниями монастырских книжных собраний 20-х — 30-х гг. XVII в.

Сохранились две описи имущества Кириллова монастыря, 1621 г. и 1635 г. В описи 1635 г. отмечены все те книги «литовской печати», которые имелись в монастыре в 1621 г. (Новый Завет, Библия, две книги Василия Великого, «Маргарит»). Выше неоднократно упоминалась опись имущества Соловецкого монастыря сентября 1632 г. В это время в книжном собрании монастыря были книги и старых острожских изданий, как книга Василия Великого «О постничестве» или «Маргарит» Иоанна Златоуста, но и ряд киевских изданий 20-х гг. XVII в. В описи нет каких-либо помет об изъятии этих книг, а все отмеченные в нем книги «литовской печати» фиксируются описью имущества монастыря 1640 г. Книги «литовской печати» (в их числе и киевские издания 20-х гг.) продолжали находиться и в книжном собрании новгородского митрополита Киприана.

Все эти наблюдения позволяют с серьезным основанием утверждать, что никакого повсеместного изъятия книг «литовской печати» у населения не было. Книги эти продолжали находиться в России и читаться. По-видимому, были предприняты отдельные показательные акции в пограничных городах. Их целью, как представляется, было добиться, чтобы их население не пыталось содействовать попыткам заграничных книготорговцев проникнуть в Россию. Все это означало возникновение серьезного препятствия на пути развития культурных связей между Россией и «русскими» землями Речи Посполитой. Позднее дополнительным препятствием стали события Смоленской войны 1632–1634 гг.

---

[113] Издания кириллической печати XV–XVI вв. (1491–1600 гг.). Каталог книг из собрания ГПБ... С. 144.

В течение ряда лет новые западнорусские издания не могли попасть в Россию. Примером может послужить киевское издание «Поучений» аввы Дорофея 1628 г. — книги, весьма авторитетной в кругу русского монашества. Книги этой не было в книжных собраниях Соловецкого монастыря в 1632 г. и Кирилло-Белозерского в 1635 г. Лишь в описи имущества Соловецкого монастыря 1640 г. отмечена «Книга авва Дорофеи печатная в пол десть»[114].

Принятие такого отрицательного курса по отношению к книгам «литовской печати» имело еще один важный отрицательный результат. Окончились неудачей попытки киевских книжников привлечь внимание русских властей к своим изданиям и даже, вероятно, получить для них материальную поддержку из Москвы. Очевиден и ущерб, который наносила такая консервативно-ограничительная политика Филарета русскому обществу, терявшему возможность знакомства со всем тем новым и важным, что создавала западнорусская книжность в 20-х гг. XVII в., а как видно из приведенных выше сведений, такой интерес в русском обществе в 20-е гг. XVII в. несомненно существовал.

Политика Филарета, как справедливо отмечалось, была во многом реакцией на события Смуты, когда в русском обществе формировалось убеждение об опасности, которая исходит от мира, который хочет уничтожить Русское государство и навязать русским свою «латинскую» веру. В одном из самых известных и распространенных памятников о Смуте, «Сказании» Авраамия Палицына, поляки выступают как орудие «змия», восседающего на римских холмах[115]. И так рассуждали далеко не только представители верхушки духовенства. Так, у составителя «Бельской летописи», возникшей в кругу помещиков Смоленщины, указывалось, что поляки хотели «завладеть московским государством по своему злому умыслу и по совету папы римского»[116]. При таких настроениях и духовенства, и части светского

---

114 Архив Санкт-Петербургского института истории. Колл. 2. № 139. Л. 142.
115 Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 115.
116 ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 251, 258.

общества ограждение населения страны от идущих из этого враждебного мира идейных влияний должно было восприниматься как особо важная и ответственная задача. В таких условиях попадали под подозрение и жители «русских» земель Речи Посполитой, как находившиеся в постоянном контакте с носителями враждебных начал и способные заразиться от них «многими ересями», которые они могли передать православным жителям России.

Вместе с тем, как показала в своих исследованиях Т.А. Опарина, и в 20-е гг. XVII в. сохранился активный интерес к полемическим памятникам западнорусской книжности, которые пришли в Россию перед и во время Смуты. В таком памятнике, как «Изложение на люторы» Ивана Наседки, произведении первой половины 20-х гг., поднесенном автором Филарету, были широко использованы виленская «Книга о образех» (в русском переводе) для полемики с взглядами протестантов, отвергавших таинства и традиционную обрядность[117], и «Книжица в шести отделах», изданная в Остроге в 1588 г. для разоблачения догматических заблуждений католиков и опровержения примата папы[118]. При этом Иван Наседка активно усвоил ту часть взглядов западнорусских полемистов, что истинной церковью может быть только гонимая церковь.

К 20-м гг. XVII в. относится и создание сборника, получившего условное название «Просветитель Литовский I». В 20-е гг. XVII в. было написано 8 списков сборника[119]. Сборник открывался переводом на русский язык (возможно, выполненным для данного издания) «Книги о образех», изданной в Вильно в 1596 г., и «Книги о Троице» — сочинений, посвященных полемике с протестантами[120]. Позднее, но еще в 20-е гг. XVII в., сборник пополнило «Казанье об антихристе» Стефана Зизания[121]. В процессе хождения сборника в него стали включаться и другие тексты. Так, в рукописи 30-х гг. XVII в.

---

117 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 79–84.
118 Там же. С. 86–90.
119 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 102–103.
120 Там же. С. 107–109.
121 Там же. С. 115.

он был дополнен такими текстами, как «Отпись на лист отца володимирского Ипатия Потея» Клирика Острожского (Острог, 1599 г.) и «История о листрикийском синоде», написанная тем же лицом и напечатанная в Остроге в 1599 г., — тексты, разоблачавшие планы церковной унии[122].

Как показано в исследовании Т.А. Опариной, переводы западнорусских изданий воспроизводились отнюдь не механически. Составители неоднократно вмешивались в текст, дополняя аргументацию авторов материалом, почерпнутым из местной традиции. Особенно свободно обращался со своими источниками составитель компиляции второй половины 20-х гг. XVII в.[123] В этот сборник вошли и памятники, ранее не включавшиеся в состав полемических сборников. Так, в него вошло такое неизданное антипротестантское сочинение, как «Списание на лютеры», основанное на посланиях старца Артемия[124]. В сборник был включен и ряд фрагментов такого памятника, как «Книжица в десяти отделах», напечатанного в Остроге в 1598 г. сборника посланий александрийского патриарха Мелетия Пигаса, Константина Острожского и Ивана Вишенского, направленного против планов церковной унии. Как показала Т.А. Опарина, некоторые из этих текстов подверглись существенной переделке. Так, под именем Константина Острожского были помещены фрагменты сочинений псевдо-Филофея, Максима Грека и Курбского[125]. Эта деталь показывает, насколько авторитетно было в глазах составителя имя Константина Острожского.

Исследования Т.А. Опариной рисуют картину продолжающегося активного усвоения русскими книжниками из духовных кругов полемической литературы, созданной в Киевской митрополии во второй половине XVI в. В этой литературе закономерно искали обоснования особого места в мире русского православия в его противостоянии католикам и протестантам вместе с патриархами Ближнего Востока.

---

122 Там же. С. 140.
123 О времени составления сборника см.: Там же. С. 174–175.
124 Там же. С. 176.
125 Там же. С. 184–185.

Заслуживают внимания наблюдения Т.А. Опариной над характером передачи текста полемических памятников в составе «Просветителя Литовского I». Исследовательница отмечает дословный характер перевода «Книги об образех», сделанные вставки способствовали, по мысли составителя, усилению аргументации автора[126]. Имел место и пословный перевод такого достаточно сложного и противоречивого произведения, как «Казанье» Стефана Зизания. Хотя терминология источника в ряде случаев при переводе изменена, нет оснований говорить о какой-либо систематической правке текста с целью удалить из него какие-то неудобные положения[127]. Таким образом, среда, в которой сборники создавались, принимала эти памятники без какого-либо идейного сопротивления. Очевидно, не все были настроены так, как справщики, изучавшие «Катехизис» Лаврентия Зизания.

Распоряжения патриарха Филарета создали во многом парадоксальную ситуацию. Важнейшей задачей провозглашалось утверждение особого места русского православия в мире в борьбе с враждебными внешними влияниями, и в то же время налагался запрет на использование памятников западнорусской книжности, которые могли бы вооружить русских книжников необходимыми для такой борьбы знаниями. Как представляется, ненормальность такого положения стала всё более осознаваться, когда с исторической сцены стало сходить поколение людей, чьи взгляды сформировались в годы Смуты. Сыграло свою роль, как увидим далее, и авторитетное суждение восточных патриархов, одобривших создание в Киевской митрополии изложения православной догматики.

---

[126] Там же. С. 108–109.
[127] Там же. С. 134–135.

ГЛАВА 9

Россия и запорожское казачество во второй половине 20-х гг. XVII в.

Вторая половина 20-х гг. XVII в. — время установления прямых контактов между русскими властями и Войском Запорожским. Как выше отмечалось, посол Иова Борецкого Исаакий Борискович ходатайствовал в Москве, чтобы запорожцам были прощены их «вины» — действия, совершенные ими в годы Смуты. Он получил ответ, что царь прощает запорожцев, а «они за то царскому величеству служити будут»[1]. Такой ответ открывал возможность для прямых контактов между русским правительством и Войском Запорожским. В то время, когда епископ Исаакий получил ответ на свою просьбу, в феврале 1625 г., в Путивль прибыло посольство от гетмана Каленика и Войска Запорожского во главе с Иваном Гирей[2]. Из отписки о их приезде следует, что вместе с ними приехали посланцы нашедшего приют на Запорожье претендента на османский трон Александра Ахии. Посланцы сообщили о союзе запорожцев с Шагин-Гиреем, чтобы «турского земли воевать заодно», и об их намерениях поддержать Александра Ахию и вместе с ним «доставать ... Турсково государства»[3]. К сожалению, этим сведения о поездке запорожских послов в Москву почти и ограничиваются. Из дела о пребывании в Москве претендента на османский трон Александра Ахии известно, что 7 апреля 1625 г.

---

1 РГАДА. Ф. 124, 1625 г. № 1. Л. 1–2.

2 Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1954. Т. I. № 24. С. 50.

3 Там же. С. 51–52.

Михаил Федорович принял запорожских послов[4]. В том же деле отмечено, что запорожцы просили оказать помощь претенденту людьми и деньгами[5]. Сохранились известия (о них речь пойдет далее), что запорожским послам было выдано «жалованье» для Войска Запорожского. Так как «жалованье» давалось обычно за прошлую или будущую службу, то следует сделать вывод, что весной 1625 г. была достигнута договоренность о приеме Войска Запорожского на царскую службу. О какой «службе» могла идти речь? Традиционная практика отношений в конце XVI — начале XVII в. предусматривала участие запорожцев в защите южных границ Русского государства от нападений османов и татар. Очевидно, запорожские посланцы рассматривали помощь Шагин-Гирею и Александру Ахии как свою «службу» царю и в Москве с этим согласились.

Было бы, однако, неверно считать, что в Москве одобряли внешнеполитические планы запорожцев. Конфликт с Османской империей явно не входил в русские внешнеполитические планы. Характерно, что Александру Ахии не разрешили, как известно, вернуться на Запорожье, и он был отправлен к своим европейским союзникам кружным путем через Архангельск. В Москве скорее готовы были видеть в султане возможного союзника в будущей войне с Речью Посполитой. Если, несмотря на это, запорожцам было выдано жалованье за поддержку, оказанную Шагин-Гирею, то объяснения, как представляется, следует искать в событиях 1625 г. В отличие от посланцев Сагайдачного посланцы гетмана Каленика прямо говорили о том, что православная вера подвергается гонениям и Войско Запорожское защищает ее приверженцев. Посланцы рассказывали в Путивле, что гетман послал в Киев полковников, которые «церкви, де, крестьянские роспечатали» и «переимали» мещан — сторонников унии[6]. В этих условиях русское «жалованье» могло

---

4 *Кулиш П.А.* Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. I. С. 172.

5 Там же. Т. I. С. 171.

6 Воссоединение... Т. 1. № 24. С. 52.

пойти не на помощь Шагин-Гирею, а на снаряжение войска для борьбы с коронной армией. В Москве, как представляется, учитывали и эту возможность, и важность поддержания контактов с Войском Запорожским в таких условиях.

В 1625 г. «жалованье» было послано, так как упоминания об этом находятся в королевской инструкции, разосланной на сеймики осенью 1625 г.[7] В следующем, 1626 г. гетман М. Дорошенко в письме гетману С. Конецпольскому настаивал на праве запорожцев «служить», как и раньше, царю и получать за это жалованье[8].

Сведения о сношениях гетмана М. Дорошенко с Москвой сохранились в приходно-расходной книге воеводской избы в Путивле за сентябрь 1626 г. — август 1627 г. Под 4 сентября 1626 г. здесь помещена запись о выдаче корма трем посланцам, которых прислал «с листы» гетман из Пирятина[9]. К сожалению, содержание «листов» в записи не раскрывается, и неясно даже, кому эти «листы» адресованы — царю, главе Посольского приказа И. Грамотину или путивльским воеводам.

5 февраля 1627 г. в Путивль прибыли старцы находившегося под патронатом Запорожского войска Терехтемирова монастыря[10]. Описание привезенной ими, ныне утраченной, грамоты сохранилось в описи архива Посольского приказа 1626 г. — начала 30-х гг. XVII в. — гетман М. Дорошенко просил дать старцам «милостыню»[11]. Неделю спустя, 12 февраля, из Переяслава в Путивль приехало большое запорожское посольство во главе с Семеном Самко. Посланцы приехали «с языком с татарином ото всех запорожских казаков» «бить челом государю о жалованье»[12]. Описание привезенных по-

---

7 *Жукович П.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). СПб., 1910. Вып. 5. С. 11–12.

8 *Грушевський М.С.* Історія... Т. 8. Ч. 1. С. 30.

9 РГАДА. Ф. 210. Книги денежного стола. Кн. 83. Л. 16.

10 Там же. Л. 98–99об.

11 РГАДА. Ф. 138. Кн. 3. Л. 164об.

12 РГАДА. Ф. 210. Книги денежного стола. Кн. 83. Л. 104–104об. В посольстве участвовали Иван Туровец (один из участников соглашения казаков с Конецпольским в 1630 г.), Матвей Горохович, Прохор Бредерович, Роман Киселев, Лагода Каневец.

сланцами грамот сохранилось в описи архива Посольского приказа 1632 г. Грамот было две, они были адресованы царю и патриарху. В них также говорилось, что посланцы отправлены «бить челом на государеве жалованье, что к ним прислано наперед сего и ныне б также к ним прислать»[13]. Запись эта, подтверждая сообщения приходно-расходной книги, дополняет их в том отношении, что содержит определенное подтверждение королевской инструкции о посылке казакам «царского» жалованья. Очевидно, что договоренность имела место и казаки привезли «языка» как свидетельство своих трудов и добивались дальнейшего выполнения этой договоренности.

Судя по записям приходно-расходной книги, казацкие посланцы и старцы Терехтемирова монастыря задержались в Путивле до середины марта 1627 г. 13 марта старцам было выдано 19 руб., а запорожским посланцам —45 руб.[14] В этих действиях проявилось, как представляется, и желание продолжать контакты с Войском Запорожским, и нежелание рассматривать сделанное запорожцами как важную для русского государства «службу». Имеющиеся материалы не позволяют выяснить, преследовало ли запорожское посольство какие-либо другие цели, кроме получения «жалованья».

Существенно иначе обстоит дело с запорожским посольством, приехавшим в Путивль 22 февраля 1629 г. В состав посольства входили также 6 казаков во главе с Антоном Аврамовым и «писарь» митрополита Иова Борецкого. Посланцы были отправлены «от гетмана запорозского от Ивана Сулима от всего Войска Запорозского к государю в Москве в посланникех»[15]. Цель запорожского посольства в записи не указана, но она вполне выясняется, так как вместе с запорожскими посланцами в Москву направлялись Сарвошемет-мурза и Осман-мурза «от крымского Шин-Гирея в посланникех»[16]. Очевидно, речь шла о том, чтобы

---

13 РГАДА. Ф. 138. Кн. 3. Л. 227.
14 РГАДА. Ф. 210. Книги денежного стола. Кн. 83. Л. 135–135об.
15 Там же. Кн. 178. Л. 130об.–131.
16 Там же. Л. 131об.

получить поддержку для похода запорожцев и сторонников Шагин-Гирея на Крым. В 1628 г. запорожцы уже дважды предпринимали такие походы в Крым и намерены были продолжать борьбу. Сохранилось письмо гетмана Сулима К. Радзивиллу с просьбой поддержать казацких послов, которые направились в начале 1629 г. на сейм просить помощи для Шагин-Гирея[17]. Из записей приходно-расходной книги следует, что посланцы получали корм 1, а затем 8 марта[18], и на этом сведения о них обрываются. Очевидно, посланцы не получили разрешения ехать в Москву и вынуждены были покинуть Путивль.

События, происходившие на юге, несомненно, интересовали русское правительство. Так, еще 30 ноября 1628 г. Г. Гладкий был послан в Киев «для вестей»[19]. Как следует из его челобитной, он должен был «проведывать ... про Войско Запорозское и о Шин-Гирее и о брате его хане»[20]. Незадолго до приезда запорожских послов в Путивль приехал игумен Воздвиженского монастыря «из-за Винницы» Исаакий, он сообщил, что весной запорожцы готовят поход на Крым вместе с Шагин-Гиреем, а его мурзы живут «в Черкасех да в Крылове да в Чигирине», а послы султана требуют от Сигизмунда III прекращения нападений запорожцев и выдачи Шагин-Гирея[21].

К этому времени, к концу 20-х гг. XVII в., как уже отмечалось выше, полным ходом шли переговоры о создании обширной антипольской коалиции, важными членами которой должны были стать Османская империя и Крым. Для русского правительства, главной целью которого было возвращение земель, утраченных Русским государством в годы Смуты, создание такой коалиции было важной задачей. В этих условиях оно не могло поддерживать действия запорожцев,

---

17 Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно, 1870. Т. 7. С. 87.

18 РГАДА. Ф. 210. Книги денежного стола. Кн. 178. Л. 139, 143.

19 Там же. Л. 43–43об.

20 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 244–245.

21 Там же. Л. 71–72.

направленные против Османской империи и Крыма. Поэтому запорожские посланцы вынуждены были покинуть Путивль, ничего не добившись.

1630 г. ознаменовался важными событиями в южной части «русских земель» Речи Посполитой. К сожалению, информация об этих событиях остается до сих пор недостаточной. Главными источниками остаются официальный отчет, представленный сейму гетманом С. Конецпольским (тенденциозность которого очевидна) и Львовская летопись, отражающая представления о восстании, существовавшие в среде киевского духовенства, но записанные, по-видимому, значительно позднее. В данном случае пробелы не могут восстановить свидетельства современных событиям русских источников. Соответствующий комплекс документов погиб, сохранились лишь небольшие фрагменты сгоревших текстов[22].

Однако уже изучение этих источников позволило М.С. Грушевскому выявить наиболее важные черты происходивших событий[23]. Причиной происходивших столкновений, переросших весной 1630 г. в новое восстание, стали попытки властей Речи Посполитой восстановить на среднем Поднепровье традиционные порядки, перебросив туда армию, освободившуюся после заключения в 1629 г. в Альтмарке перемирия со Швецией. Размещение на постой не получавшего своевременно жалованья войска, сопровождавшееся грабежами и насилиями, само по себе вело к росту напряженности. Положение усугубили усилия комиссаров и казацкой верхушки составить новый реестр, что означало ухудшение положения не попавших в реестр казаков. Начавшееся восстание в отличие от событий 1625 г. сопровождалось расколом в среде казачества, который в 1625 г. только обозначался. Гетман реестрового казачества

---

[22] РГАДА. Ф. 155 (Приказные дела новой разборки). Оп. 2. № 354–355. Сохранившиеся фрагменты опубликованы: *Bohun T., Malow A., Smirnowa O.* Materiały wywiadu moskiewskiego o wojskowo-politycznej sytuacji w Rzeczypospolitej w pierwszej polowie 1630 r. // Klio. Czasopismo, poświęcone dziejom Polski i powszechnym. 2013. T. 25 (2).

[23] *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. С. 100–119.

Грицко Черный был казнен казаками, часть реестровых казаков бежала в лагерь С. Конецпольского, а затем участвовала в военных действиях на стороне коронной армии[24].

Другой особенностью восстания 1630 г. стало выдвижение его участниками на первый план лозунга борьбы за веру. На эту особенность специально обратил внимание С. Конецпольский в своей реляции сейму. По его словам, восстание приобрело широкий размах, когда к казакам пришли «листы от некоторых особ духовных и светских греческой религии, где оповещали их, что их веру уничтожают, церкви забирают, и просили, чтобы за веру стали»[25].

Представляет интерес вопрос, от кого из «духовных особ» исходили обращенные к казакам призывы к защите веры. Этот вопрос привлекал внимание исследователей[26]. Из сведений, собранных П.Н. Жуковичем, определенно следует, что речь в них шла о насилиях, совершавшихся коронными солдатами на территории Киева. Здесь они препятствовали богослужению, убивали людей в церкви Братства, разграбили Никольский Пустынский монастырь, уничтожили предметы культа, книги выбросили в Днепр[27]. Все эти факты указывают, что обращения к казацкому войску должны были выйти из кругов киевского духовенства. Важное значение имеет сообщение Львовской летописи, что «Русь жолніри» рассказали о коварных планах «поляков», направленных против «русского народа» и его веры, «отцу митрополиту»[28]. Очевидно, от митрополита, получившего такие сообщения, и исходили те обращения к казачеству, о которых упоминал С. Конецпольский в своей реляции.

---

24 Помимо реляции С. Конецпольского см. и сообщение Г. Гладкого, что с гетманом были «поляки, немцы» и много «черкас лутчих людей, которые пристали к ним, поляком» (*Кулиш П.А.* Материалы... Т. I. С. 316).

25 Цит. по: *Грушевський М.С.* Історія... Т. 8. Ч. 1. С. 72–73.

26 *Грушевський М.С.* Історія... Т. 8. Ч. 1. С. 73; *Жукович П.Н.* Религиозный элемент в казацком восстании 1630 года (под предводительством Тараса) // Христианское чтение. 1912. Т. 236. С. 785–786.

27 *Жукович П.Н.* Религиозный элемент... С. 786–790.

28 *Бевзо О.А.* Львівський літопис і Острозький літописець. Київ, 1971. С. 106.

В пользу такого понимания говорят и относящиеся к этому времени сведения о связях Иова Борецкого с казацким войском. В июне 1630 г. выехавшие в Россию монахи Киево-Печерского монастыря рассказывали, что во время восстания митрополит уехал из Киева в казацкий Терехтемиров монастырь[29]. Старший сын митрополита погиб в боях с поляками под Переяславом[30]. После восстания митрополит участвовал в казацкой раде в Черкасах, где было принято решение отправить послов в Варшаву с жалобами на Конецпольского[31].

Сохранившиеся фрагменты «расспросных речей» подтверждают реляцию Конецпольского о том, что происходившие события воспринимались участниками восстания как война за веру. В одном из фрагментов так и читается, что Конецпольский требовал, «чтоб, де, запорожские казаки вступили в их ляцкую веру, а крестьянскую б, де, веру отставили», а казаки ответили, что «их, де, лятцкой веры не примают»[32]. Как и в ситуации вооруженного конфликта 1625 г., в казацкой среде снова начались размышления о том, что следует делать, если возникнет критическое положение. О настроениях казаков один из выходцев (или лазутчиков) говорил, что если казаки «не осилеют ... поляков, и они, де, хотят бить челом ... государю и приложитца к Московскому государству»[33]. Однако до возникновения такой критической ситуации дело не дошло. По свидетельствам разных источников, военная кампания сложилась не слишком удачно для коронной армии[34], и гетман был вынужден заключить

---

29 *Кулиш П.А.* Материалы... Т. I. С. 298.

30 *Бевзо О.А.* Львівський летопис... С. 107.

31 *Кулиш П.А.* Материалы... Т. I. С. 317.

32 *Bohun T., Malow A., Smirnowa O.* Materiały wywiadu moskiewskiego... S. 237–238.

33 Там же. С. 246. См. и в другом фрагменте: если «поляки учнут у них веру нарушать, и они, де, хотят приложитца к Московскому государству» (Там же. С. 248).

34 Фрагменты «расспросных речей» дают дополнительные подтверждения этого вывода. В одном из них читаем, что «казаки, де, запорозкие гетмана Конецпольского обили и ляхов много побили, и Конец, де, полскои ныне в табуре стоит с невеликими

договор, предусматривающий увеличение «реестра» и амнистию участникам восстания. Стоит отметить, что, хотя борьба за веру была одним из главных лозунгов восставших, заключенное соглашение положения православных в Речи Посполитой никак не затрагивало.

Какое же впечатление произвели сообщения о восстании, выдержанные в отмеченной выше тональности, на русские правящие круги. На этот счет мы располагаем таким важным свидетельством, как высказывания самого Филарета в беседах с османским послом Фомой Кантакузином, который летом 1630 г. прибыл в Москву для переговоров о союзе России и Османской империи против Речи Посполитой.

В этой связи стороны обменивались сведениями о положении в стране будущего противника. Уже на встрече 8 июня патриарх говорил послу, что «ныне у поляков с черкасы бои великие за веру, поляки черкас хотят привесть в латинскую веру, а черкасы не хотят отстать от своеи хрестьянскои веры»[35]. Уже это свидетельство показывает, что патриарх отнесся с полным доверием к той интерпретации событий восстания, которая давалась в расспросных речах лазутчиков и выходцев. Еще более в этом убеждают высказывания патриарха на беседе, состоявшейся 14 июня. На этой встрече патриарх снова говорил послу, что восстание вызвано тем, «что король полской хотел у них веру греческую нарушить и церкви разорить и привесть в свою папежскую веру». В многих «жестоких боях» черкасы разбили противостоявшее им войско гетмана Конецпольского. К нему пришли известия из Путивля, что казаки взяли в плен гетмана Конецпольского и епископа, «и у гетмана опалили бороду, а у бискупа резали ременье ис хребта». Рассказал он послу и о том, что король прислал казацкому гетману Тарасу в подарок аргамака и «две сумки золотых», «чтоб казаков уговаривал, чтоб они против короля не стояли». Гетман «золотые» раздал казакам, а аргамака «велел иссечь», а королю послал «саблю»[36].

людми» (Там же. С. 241), а в другом, что «казаки ляхов одолели, осадили на поли у в окопе» (Там же. С. 226).

35 РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией), 1630 г. № 1. Л. 91–92.

36 Там же. Л. 183–184.

Разумеется, ни известие о плене Конецпольского и наказании католического епископа, ни известие о надругательстве гетмана Тараса над королевскими дарами какими-либо другими источниками не подтверждаются. Однако эти высказывания патриарха, воспроизводящие содержание утраченных «расспросных речей» (на них, впрочем, патриарх прямо и ссылался), позволяют судить об идущем в сознании социальных низов процессе их «отчуждения» от Польско-Литовского государства и его институтов. Нетрудно видеть, что в «расспросных речах» конфликт, и так сам по себе серьезный, принял характер резкого, непримиримого противостояния.

Для темы данного исследования важно, что эти известия были восприняты в Москве с полным доверием, вероятно, потому, что отвечали ожиданиям русских политиков. В то время, когда происходили переговоры патриарха Филарета с Фомой Кантакузином, на роль неформального советника патриарха выдвинулся приехавший в Москву с поручениями от трансильванского князя Бетлена Габора французский протестант Жак Руссель[37]. Побуждая Филарета к войне с Речью Посполитой, Жак Руссель ссылался на то, что в Польше существует серьезная оппозиция религиозной политике Сигизмунда III и с началом войны между Россией с ее союзниками и Речью Посполитой эти противоречия выступят наружу и недовольные присоединятся к войскам союзников. Приходившие к патриарху известия о восстании несомненно воспринимались в Москве как подтверждение правильности расчетов Ж. Русселя и, как представляется, повлияли на принятие окончательного решения о войне.

---

[37] См. о нем: *Флоря Б.Н.* Жак Руссель, патриарх Филарет и Густав Адольф // Россия и Швеция в XVII в.: Архивное и музейное наследие. М., 2002.

ГЛАВА 10

Россия и шляхта Речи Посполитой на русской службе (10-е — 20-е годы XVII в.)

Духовные лица из разных православных обителей были не единственными людьми, приходившими «на житье» в Россию. Как показывает обращение к приходно-расходным книгам Путивльской воеводской избы, в Путивль приходили простые люди — «трудники», запорожские казаки и шляхтичи.

Некоторые из выходцев занимали столь видное положение, что привлекали к себе внимание царя и его окружения. Наибольшее количество имеющихся сведений относится к выезду в Россию Андрея Бермацкого, волынского шляхтича, брата жены Иосифа Курцевича. Он приехал в Путивль 27 сентября 1626 г. с женой и пятью слугами[1]. Как отмечено в записной книге Московского стола 1626–1627 гг., в Москве А. Бермацкий был принят 8 ноября — царем, 15-го — патриархом Филаретом. «За выход» ему было пожаловано 70 руб.[2] 1 марта 1627 г. А. Бермацкий был назначен «приказным человеком» — представителем царя при архиепископе Иосифе Курцевиче в Суздале[3], что было актом особой милости и по отношению к А. Бермацкому и по отношению к его высокопоставленному родственнику. Это показывает, какое значение придавали в Москве выезду достаточно знатного лица из Речи Посполитой. Об обстоятельствах выезда А. Бермацкого в Россию можно узнать из писем самого А. Бермацкого матери архиепископа старице Домникее

---

1 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 24.
2 РИБ. СПб., 1884. Т. 9. Стб. 427–429.
3 Там же. Стб. 462–463.

и из писем А. Бермацкого его брату Юрию[4]. Из них следует, что отъезд Курцевича в Россию вызвал в среде волынских князей и панов резкую враждебную реакцию. А. Бермацкий, которого подозревали в организации отъезда, подвергся нападкам со стороны князей Жеславских, особенно пана воеводы волынского. Опасаясь ареста и заточения в Мальборке, А. Бермацкий был вынужден бежать, оставив имущество и даже собственного сына. Его двор воевода отдал одному из своих слуг. Эти факты показывают, почему такому выезду придавалось значение и почему он оставался редким явлением. Однако выезд А. Бермацкого был хотя и редким, но не уникальным явлением.

Так, 12 июля 1627 г. в Путивль «на государево имя» приехал князь А.К. Лукомский, а 24 июля «города Горбка Познанского повету шляхтич Василей Александров сын Горбков»[5]. Уже в августе знатные выходцы прибыли в Москву. 15 августа их принял царь. 19 августа Вас. Кгоржбок был принят патриархом и ему был установлен поместный оклад 800 ч. 28 августа более низкий оклад — 500 ч. был установлен А. Лукомскому[6].

Более поздние документы позволяют составить более точное представление о социальном статусе Кгоржбока, обстоятельствах его выезда и его жизни в России. Сохранилась его грамота Иову Борецкому начала 1629 г. Грамота имела подпись «Василеи Кгоржбок Столпина воеводич земли Поморские, старостич Лимборский и Сховский»[7]. Как сын поморского воеводы В. Кгоржбок занимал достаточно высокое общественное положение в Речи Посполитой. Из той же грамоты следует, что он был обращен в православие Иовом Борецким, который и стал его крестным отцом[8]. Борецкий,

---

4 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 47–49, 201–204.

5 РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 83. Л. 191–192, 202.

6 РИБ. Т. 9. Стб. 512–513.

7 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 119.

8 Там же. Л. 110, 113. Возможно, именно его имел в виду А. Кальнофойский, рассказывая о крещении Иовом Борецким кальвиниста Мартина из «Поморской земли» (*Кальнофойский А.* Тератургима. Киев, 1638. С. 216).

очевидно, был причастен и к его выезду в Россию. О том, как устроился В. Кгоржбок на новом месте, красноречиво говорит тот факт, что вместе с грамотой В. Кгоржбок отправил митрополиту в Киев и ряд икон в дорогих окладах[9]. В августе 1629 г. В. Кгоржбок занимал пост воеводы Свияжска[10].

Как следует из «расспросных речей» кн. Александра Лукомского от 26 июля 1627 г., он — шляхтич Оршанского повета, жил четыре года «для науки» у Иова Борецкого. Очевидно, после этой «науки» и решил поехать в Россию[11].

Таким образом, знатных выходцев из Речи Посполитой в Москве 20-х гг. XVII в. было мало, и их появление было связано каждый раз с особыми обстоятельствами. И это неудивительно, так как интересы высших слоев дворянского сословия общественный строй Речи Посполитой защищал в максимальной степени, и отказываться от такого статуса и переселяться в другую страну, где дворянство вовсе не обладало подобными правами, люди, принадлежавшие к верхам этого сословия, не могли и не хотели.

Ситуация была, правда, не столь однозначной для тех шляхтичей, кто исповедовал православие и жил на землях, где пытались утвердить унию. В этом плане несомненный интерес представляет письмо А. Бермацкому от его оставшегося на Волыни брата Юрия. Он сожалел, что родственники его живут «на чюждеи земли», но зато там «вера наша христьянская, православная ... в целости стоит». А в Речи Посполитой «есть нужно отступителей и враг наших, творят себе собор про унею ... а поволил то им делать король». В этих условиях Ю. Бермацкий желал «чужой земле», «дабы на долгие лета царство их утвержало»[12].

Представляет в этом плане интерес и эпизод с переговорами о выезде в Россию кн. Григория Четвертинского. Григорий Четвертинский, член княжеского волынского рода, не занимавший какой-либо значительной должности, был

---

9 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 107.
10 Там же. Л. 215.
11 АМГ. Т. I. № 196. С. 215–216.
12 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 202–204.

видной фигурой в рядах волынской шляхты — в 1626–1628 гг. его постоянно выбирали послом на сейм[13]. В августе 1628 г. в Путивль приехал Илья, строитель Преображенского монастыря в Четвертне — родовом владении Четвертинских, — с сообщением, что князь Григорий собирается ехать в Россию и просит мнения архиепископа Иосифа, стоит ли ему идти на такой шаг[14]. Побуждаемый царем и патриархом, архиепископ написал послание, в котором горячо призывал князя ехать в Россию. В начале 1629 г. с этим письмом в Четвертню выехал Г. Гладкий[15]. С ним были присланы ответные письма Иосифу Курцевичу и Афанасию Китайчичу. В письмах Г. Четвертинский, объясняя, что «обтяжел и вольным быти не возмогу», писал, что он сейчас не может поехать в Россию. Однако в тех же письмах он называл Москву «новым Иерусалимом», в письме А. Китайчичу он выражал радость за него, что тот «может под православным царем жити и таких свобод получити...». Одновременно в письме Иосифу Курцевичу он писал: «Верно желаю под государскою рукою в Московском государстве быти». Причины появления таких мыслей раскрывает пассаж письма, где говорится, что епископ покинул страну «гонения ради еретик, а ныне и ноипаче гонение прибывает»[16]. Круг таких людей серьезно волновала судьба их религии.

Однако взгляды этого круга людей нельзя считать типичными даже для православной шляхты Волыни. Так, известно, что православные послы волынской шляхты во главе с Лаврентием Древинским активно участвовали в переговорах о созыве совместного собора православных и униатов — против чего был активно Г. Четвертинский. Впрочем, когда преследования ослабли и в 30-е гг. XVII в. для Григория

---

13 *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną. Sejmiki Wolynia i Ukrainy w latach 1569–1648. Warszawa, 2001. S. 416.

14 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 3–4.

15 *Флоря Б.Н.* Послание Иосифа Курцевича князю Григорию Четвертинскому // Славяне и их соседи. М., 1991. Вып. 3. С. 141.

16 Письмо Г. Четвертинского И. Курцевичу см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 29. Л. 147–153; письмо его Аф. Китайчичу — Там же. Л. 156–157.

и других Четвертинских открылись возможности успешной карьеры, никакого стремления установить связи с Россией они больше не обнаруживали.

События Смуты не привели, как теоретически можно было бы ожидать, ни к прекращению выездов шляхты в Россию, ни к уходу шляхты с русской службы, так как глубинные факторы, побуждавшие шляхтичей к отъезду из страны, продолжали действовать. Разрядные книги первых лет правления царя Михаила Федоровича говорят о такой шляхте на русской службе и в те годы, когда шла война между Россией и Речью Посполитой. В расходных книгах Казенного приказа, где выплачивалось жалованье «за выезд», за 1613–1614 гг. зафиксированы 63 выходца из Речи Посполитой — 11 «черкас», 27 «литвинов», 6 «поляков» и 1 мазур[17]. Ряд таких выходцев были «пахолками» — панскими слугами, лицами, занимавшими достаточно низкое общественное положение, но среди них были и лица, именовавшиеся «панами» и «шляхтичами», и начальники военных отрядов — ротмистры Савва Бахмет и Станислав Граевский[18]. К этому же времени относятся и упоминания об отрядах таких выходцев в составе русской армии.

В разрядной книге 1613–1614 гг. в составе армии, стоявшей в Туле для обороны южных границ от татар, отмечено «иноземцов литвы и немец, которых ведают в Панском приказе, разных городов 350 ч.»[19]. В ней же отмечено, что «по ногайским вестям» было отправлено «с ротмистром Иваном Ворыпаевым литвы 21 ч.»[20]. Судя по последнему свидетельству, «литовские люди» имели свою организацию, разделялись на отряды во главе с ротмистрами из своей среды.

---

17 *Малов А.В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Федоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой. Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 221–222.

18 Там же. С. 219–222.

19 Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 278.

20 Там же. С. 289.

К 1615 г. относятся распоряжения собрать для похода против Лисовского «иноземцев литвы и немец прежнего выезду 602 ч.». Далее указывалось, что эти распоряжения относятся к «литве и немцом старого выезду поместным и кормовым, которые ныне в городех в Ярославле, на Костроме, в Галиче» (перечисляется и ряд других городов)[21]. Упоминания о «старом» или «прежнем» выезде имеют в виду людей, выехавших на службу в Россию еще до начала Смуты. Несмотря на все сложные перипетии этих лет, на русской службе продолжала оставаться достаточно большая группа таких людей. Часть из них имела поместья, другая получала «корм». К тому же 1615 г. относятся упоминания об отряде «литовских людей» из 87 чел., которым командовал ротмистр Миколай Любомирский[22]. Осенью 1617 г. в составе войска Дм. Мамстр. Черкасского упоминается «с ротмистром Миколаем Любомирским его роты литвы 98 ч.»[23]. Это свидетельство подтверждает наличие у «литовских людей» своей особой организации.

Упоминаются эти «иноземцы» — «литовские люди» и в сообщениях разрядов о военных действиях 1617–1618 гг. Осенью 1617 г. кн. М. Лыков был послан в Можайск, чтобы остановить армию Владислава. К его войску предписывалось присоединиться «литве и немцом старого и нового выезду»[24]. Когда в 1618 г. армия Владислава подошла к Москве, в обороне столицы на Яузе должен был участвовать отряд «иноземцев литвы и немец старого выезду 112 чел.»[25]. Тем «иноземцем литве и немцом, которые в городех», было приказано присоединиться к войску, которое И.Б. Черкасский собирал, чтобы помочь столице в Ярославле[26]. Весной 1619 г.

---

21 Книги разрядные. СПб., 1853. Т. I. Стб. 101.

22 *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 114. В 1617 г. он снова упоминается как начальник «литвы и немец старого выезду» в походе на Ржеву (Книги разрядные. Т. I. Стб. 339).

23 Книги разрядные. Т. I. Стб. 449.

24 Там же. Стб. 440.

25 Там же. Стб. 566.

26 Там же. Стб. 578.

эти иноземцы, «которым в Ярославле деньги даны», были отправлены на юг участвовать в обороне страны от татарских набегов. Для этой части «литовских людей» «тульская служба» стала с этого времени постоянным занятием. Упоминания разрядов осени 1617 г. о «литовских людех» «старого и нового выезду» еще раз говорят о том, что ряды этого слоя пополнялись людьми, выезжавшими на русскую службу, когда шла война между Россией и Польско-Литовским государством.

Известно мнение крупного знатока истории Речи Посполитой первой половины XVII в. Х. Виснера, что случаи перехода шляхтича на враждебную сторону «stanowiły ewenement, który odnotowywano w listach i pamiętnikach»[27]. Целый ряд свидетельств русских источников заставляет сомневаться в правильности этого вывода. Правда, наиболее известный и ранний случай такого выезда в известной мере отвечает картине, обрисованной Х. Виснером. В 1612 г., поругавшись с А. Госевским, выехал из польского гарнизона в Москве ротмистр Бальцер (в русском источнике — Павел) Хмелевский. Позднее, по компетентному свидетельству «Нового летописца», в августе 1612 г., Хмелевский участвовал вместе с Кузьмой Мининым в смелой атаке, которая привела к отступлению армии Яна Ходкевича от Москвы[28]. Позднее «за выезд и за службу» ему был определен оклад 1000 четвертей (равный окладу членов боярской думы) и жалованье из четверти — 150 руб.[29] Ему были выделены поместья в разных уездах, в одном Вологодском — около 2000 ч. земли. Это показывает, как сильно русские власти были заинтересованы в привлечении на русскую службу опытных иностранных офицеров. По-видимому, «измена» Хмелевского была действительно своеобразным evenement. Как позже рассказывал Хмелевский, вопрос о его измене обсуждало «коло» в войске

---

27 *Wisner H.* Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z dziejów Polski szlacheckiej XVI–XVII wieku. Warszawa, 1978. S. 236.

28 Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 14. С. 125–126.

29 *Бахрушин С.В.* Павел Хмелевский // *Бахрушин С.В.* Научные труды... М., 1955. Т. III. С. 162–163.

гетмана Ходкевича, а король «положил на его ... отца и на все племя опалу»[30]. К тому же уже в январе 1614 г. Хмелевский был уличен в попытке бежать в Литву, его имущество было конфисковано, и он был сослан в Сибирь[31].

Выезд Хмелевского был, однако, не первым и далеко не единственным. В столбце делопроизводства патриаршего двора 1623–1625 гг., содержавшем запись об обращении в православие приходивших на патриарший двор шляхтичей, сохранился ряд свидетельств о выезде таких шляхтичей на русскую службу. Так, Ерофей Семенов выехал на службу в Старицу, когда Д.М. Пожарский еще стоял в Ярославле[32]. Литвин Григорий Конишевский Виленского повета выехал, когда войско Д. Черкаского в конце 1613 г. подошло к Смоленску[33]. Шляхтич Иван Бонишевский Перемышльского повета выехал из армии королевича Владислава, когда она еще находилась в Вязьме[34]. Некоторые из выезжавших оказывали при этом ценные услуги русским властям. Так, в 1613 г. ротмистр Ян Синявский был отправлен с отрядом «литовских людей» и королевской грамотой к Ивану Заруцкому, за что ему было обещано, по словам ротмистра, «староство Закрочимское». Однако ротмистр, покинув свой отряд, 12 июня выехал к воеводам в Болхов и «с собой привез литовские листы, что посланы были к Зарутцкому». Затем он участвовал в нападении на собственный отряд[35].

В одном из столбцов Приказного стола Разряда сохранился целый ряд сведений от лета — осени 1618 г. о выезде военных из армии королевича Владислава на русскую сторону. Такие люди выходили сначала в различные русские крепости (главным образом в Можайск), а затем во время

---

30 Там же.

31 *Бахрушин С.В.* Павел Хмелевский... С. 164–167.

32 РИБ. Т. II. СПб., 1875. Стб. 637.

33 Архив Санкт-Петербургского института истории. Собрание рукописей Имп. Археографической комиссии. Ркп. 84. Л. 154об.

34 Там же. Л. 122–122об.

35 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. Стб. 7. Л. 547–557 (челобитная Я. Синявского и справки о нем, составленные в Разрядном приказе).

осады Москвы — прямо к городским воротам[36]. Шляхтич Перемышльского повета Ян Криковский, выехав в декабре 1618 г. в Суздаль, предупредил о нападении на город Лисовчиков[37]. О некоторых из выходцев сохранились сведения, что соответствующее лицо «переехал з бою». Так поступил «литвин» Александр Ив. Муровинский во время боя с полком «Устьяна» Лисовского около Пафнутьева Боровского монастыря[38]. 21 июня 1618 г. переехал в Рузу Иван Мамлеев «с бою» с полком Чаплинского[39]. «Поляк» Александр Яблицкий в челобитной царю ставил себе в заслугу, что, выехав в русскую крепость Белую, «служил на вылосках ... и на вылосках ... взял пана жива»[40].

Выход «литовских людей» принял массовый характер после заключения Деулинского перемирия. Так, 27 декабря перешло на русскую службу 10 гайдуков «королевича полку Кохановского роты», 29 декабря за ними последовало «немец и литвы 19 человек» и 10 гайдуков из той же роты, а 2 января — еще 11 гайдуков из той же войсковой единицы[41]. В записях столбцов Разрядного приказа достаточно редко встречаются записи о происхождении шляхтичей, но и они рисуют достаточно пеструю картину. Наряду с шляхтичами Житомирского или Шкловского поветов[42] упоминаются шляхтичи Львовского и Перемышльского поветов[43].

Вместе с тем записи часто фиксировали служебное положение перебежчиков. Значительную часть среди них

---

36 Там же. Л. 2–3, 24–29, 43 и др.

37 *Малов А.В.* Выходцы... С. 230; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. Стб. 7. Л. 121.

38 Там же. Л. 91.

39 Там же. Л. 185.

40 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 1. Л. 48. См. также в челобитной «новокрещена» Ивашка, «что был Адамко Миколаев», что он «на Углече в осаде сидел от литовских людей, и на выло-ску ходил и бился ... убил поляка и лошедь взял» (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 7. Л. 195; *Малов А.В.* Выходцы... С. 232).

41 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 7. Л. 157–159.

42 Там же. Л. 60–62.

43 Там же. Л. 116, 118.

составляли «пахолки» — панские слуги[44]. Более высокое положение занимали шляхтичи, которые «служили казацкую службу на своих конех»[45]. Если «пахолкам» выплачивалось за «выход» 5–6 руб., то такие шляхтичи получали по 7–8 руб.[46] Такие выплаты давались только шляхтичам — «пахолку», который «бывал крестьянский сын», было дано 3 руб.[47] Вместе с тем шляхтичи, более обеспеченные для несения службы, получали и более высокое жалованье за «выход» — Матвей Пухальский, который «служил рейтарскую службу» на 4 конях, получил 10 руб.[48]

Однако выезжали на русскую службу и люди гораздо более высокого общественного положения. Сохранился ряд документов о выезде на царскую службу поручика Павла Голубовского и его устройстве в Москве. Их изучение позволяет составить представление о круге людей, образовавших верхушку военного сообщества «литовских людей» в Москве, и об условиях их пребывания в России. 2 октября поручик Павел Голубовский выехал к Тверским воротам Белого города. По его словам, он был «порутчиком над пешими людьми». Как свидетельство своего высокого положения он подал грамоту Сигизмунда III на проезд в Италию и Испанию[49]. Он получил «за выезд» — 25 руб., камку, 40 соболей, но был этим недоволен и просил прибавить жалованье, чтобы он «перед своею братьею вконец не погиб»[50].

Причины недовольства позволяет выяснить справка, составленная в Разрядном приказе. Правда, ротмистр Станислав Граевский, который «был в полку Захарьяша Зарутцково», получил такое же жалованье, как и Павел Голубовский, но другие выходцы-офицеры получили более значительные суммы. Так, приехавший в 1616–1617 гг.

---

44 Там же. Л. 24, 26–27, 31 и др.
45 Там же. Л. 32.
46 Там же. Л. 33, 35, 39, 43 и др.
47 Там же. Л. 37.
48 Там же. Л. 39.
49 Там же. Л. 124–126.
50 Там же. Л. 122.

из Углича Степан Рышкеев, «ротмистр Лисовского полку», получил 35 руб., бархат, камку, тафту, сукно. 35 рублей вместе с комплектом тканей получил ротмистр Миколай Мировецкий, выехавший из осажденного русскими войсками Смоленска, а у выехавшего в Можайск в 1618 г. «королева дворянина» Кшиштофа Мневского жалованье «за выход» составило 45 руб.[51] Эти данные показывают, что к ротмистрам «старого выезду» присоединился в 1617–1618 гг. целый ряд офицеров из Речи Посполитой, которым оказывался любезный прием. Против имени некоторых из «выходцев» (Мировицкого, Рышкеева) отмечено, что каждому из них выдано по 20 руб. на покупку двора в Москве. О получении таких денег хлопотал и Павел Голубовский[52]. 22 ноября 1618 г. Голубовский был отдан «под начал» в Чудов монастырь[53] для подготовки к крещению в православную веру. Подготовка длилась недолго, так как уже 28 декабря после крещения он получил новое щедрое «жалованье» — «крест серебром з жемчюги» и многочисленные изделия из тканей — всего на 33 руб.[54]

Еще до своего крещения Голубовский стал хлопотать о назначении ему поместного и денежного оклада. Эта просьба вызвала появление новой справки, составленной в Разрядном приказе. Согласно этой справке, Вас. Рышкеев, Мик. Мировицкий, Станислав Граевский и также недавно выехавший на русскую службу ротмистр Михаил Желиборский[55] имели поместные оклады по 600 четв. и разные денежные оклады — В. Рышкеев получал 70 руб., Мировицкий — 50 руб., С. Раевский и М. Желиборский — по 40 руб.[56] Голубовский добился для себя такого же поместного оклада и 60 руб. жалованья[57]. Приняв православие под именем

---

51 Там же. Л. 127–129.
52 Там же. Л. 134.
53 Там же. Л. 137.
54 Там же. Л. 145, 204–205.
55 В одной из справок о родстве «выходцев» назван «новокрещеным» вместе с Голубовским. — Там же. Л. 208.
56 Там же. Л. 140–143.
57 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 1. Л. 95.

Андрея, Голубовский стал добиваться выплаты жалованья слугам, которых он нанял в Москве взамен тех, кого пришлось бросить в лагере королевича[58]. Внимание русских властей к нуждам знатных выходцев побуждало их добиваться признания высокого престижного положения. Так, тот же Голубовский добивался для себя такого же поместного оклада, как у «московских дворян» — членов наиболее высокопоставленной группы «государева двора».

Заключенное в самом конце 1618 г. Деулинское перемирие предусматривало проведение «размена». Речь шла при этом о возвращении в Речь Посполитую не только пленных, захваченных во время военных действий, но и вообще жителей Речи Посполитой, задержанных на русских землях бурными событиями Смутного времени. Не в последнюю очередь это касалось польских шляхтичей, приехавших на свадьбу Лжедмитрия и Марины Мнишек и не имевших потом возможности вернуться.

Русские власти готовы были выполнить это соглашение, но целый ряд этих людей отказался вернуться в Речь Посполитую. Показательна в этом плане история Станислава Тарновского. Это был человек, претендовавший на то, что он член магнатского польского рода. Притязания подтверждались свидетельствами «знатцов», что его брат, Мартин Гратус Тарновский, «против турского стаивал полковником»[59]. Приехав на свадьбу Лжедмитрия с Мариной, он затем задержался в России. К сожалению, в его челобитных 1606–1612 гг. никак не затронуты, и его жизненные судьбы можно прослеживать лишь с 1612 г. Находясь в Коломне, он отказался присоединиться к Ивану Заруцкому и был сослан в Арзамас. Когда Арзамас присоединился ко Второму ополчению, он был отправлен в Нижний Новгород к Д.М. Пожарскому. Вместе с несколькими другими «поляками» он был отправлен оттуда в ссылку на р. Унжу[60]. Сохранился текст письма, которое он с товарищами по несчастью отправил 17 мая 1613 г. «на

---

58 Там же. Стб. 7. Л. 162.
59 Там же. Стб. 1. Л. 98.
60 Там же. Л. 85, 91–92.

Унже из тюрмы» Павлу Хмелевскому с просьбой ходатайствовать за них, обещая, что от них будет «служба ... верная, праведная и статочная»[61]. Письмо не помогло, возможно, из-за ссылки Хмелевского, и Станислав Тарновский пробыл на Унже до заключения Деулинского перемирия[62]. Эти данные ясно показывают, что жизнь Тарновского в России не была усеяна розами. С Унжи ссыльных вернули в Москву для производства размена. И здесь Тарновский подал челобитную о взятии его на царскую службу[63]. Он принял православие, получив новое имя — Остафий и 21 июня 1619 г. поместный оклад — 600 четв. и денежный — 50 руб.[64]

Так же поступил и еще один шляхтич, приехавший на свадьбу Лжедмитрия, его товарищ по ссылке Степан Бартошевский, который получил такой же оклад[65]. Не хотел вернуться и еще один шляхтич, приехавший на свадьбу сын «полковника» Кшиштофа Сандецкого, Станислав, который «у Маринки ... ходил в казне». Ему был назначен оклад — 550 четей и 30 руб. Не вернулся в Речь Посполитую и попавший в плен Станислав Руцкий (в православии — Василий), племянник полковника Павла Руцкого, стоявшего с войском в Иосифо-Волоколамском монастыре. В ответ на его просьбу царь «указал его ... написать в московский список и поверстать своим государевым жалованьем, поместным и денежным окладом против иных иноземцов»[66].

Справки, составленные в Разрядном приказе, в связи с назначением окладов этим людям позволяют пополнить наши представления о составе верхушки «литовских выходцев» и положении некоторых из них. По-видимому, наиболее высокое положение с окладом 700 четей и 70 руб. занимал

---

61 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 3. Л. 67–69.

62 В его челобитной говорится, что он «мучился» 8 лет (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 1. Л. 83). См.: Там же. Л. 91.

63 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 1. Л. 85–86.

64 Там же. Л. 87.

65 Там же. Л. 85–87, 93: Стб. 7. Л. 319–321.

66 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 7. Л. 232–237, 316–317. О К. Сандецком см.: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 7. Л. 357–361; см. подробнее: *Малов А.В.* Выходцы... С. 215–216.

ротмистр Григорий Врославский. Вероятно, он был ротмистром еще «старого выезду» и выслужил свой оклад долголетней службой. Более низкий оклад — 600 четей и 50 руб. — получил служивший уже к этому времени несколько лет ротмистр Миколай Любомирский[67]. Это сопоставление показывает, что полякам, пожелавшим остаться в России, были даны достаточно высокие оклады.

Обращает на себя внимание, что в составленной справке только Григорий Рославский и Миколай Любомирский были названы «ротмистрами» отдельных отрядов — «рот». К ним следует добавить упоминание ротмистра Андрея Свидницкого, участвовавшего в установлении денежных окладов «литовским людям»[68]. Это позволяет полагать, что к этому времени (учитывая приведенные выше упоминания ротмистров Василия Рышкеева, Станислава Граевского, Миколая Желиборского) в составе русской армии могло насчитываться 6 отрядов «литовских людей». Захотели остаться в России не только шляхтичи, приехавшие на свадьбу Лжедмитрия I. Так, целая группа пленных, «которые были взяты в языцех», которая была доставлена в Вязьму «для размены», «воротились на государево имя»[69].

Так расширялось и увеличивалось возникшее еще до Смуты содружество «литовских людей» в Русском государстве.

В этом обществе существовала ступенчатая иерархия. Наверху находились ротмистры и знатные выходцы, наделенные поместными и денежными окладами. Не столь видные участники делились на 5 статей по опросу «окладчиков ротмистра Андрея Свидницкого и рядовых иноземцев». Из сохранившегося списка видно, что в одних и тех же статьях иноземцы «старого выезду» имели гораздо более высокие оклады, чем иноземцы «нового выезду». Так, в 1-й статье оклады иноземцев «старого выезду» составили 21 руб. и 18 руб., а «нового выезду» — 12 и 10 руб. Во второй статье

---

67 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 7. Л. 241–242.

68 Там же. Л. 441. В мае 1619 г. ему был выдан корм «за прошлые месяцы» (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 1. Л. 71).

69 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 7. Л. 244–245.

соответственно 17–12 руб. и 8–5 руб.[70] По-видимому, кроме принадлежности к определенной «статье» имели значение и выслуга лет и заслуги, что вело к повышению оклада и делало служилого человека заинтересованным в исправном несении службы. В последних статьях оклад — 5 руб. — ничем не отличался от жалованья, которое выплачивалось «черкасам», — 5 руб.[71]

Ряд записей в столбце делопроизводства Разрядного приказа говорит о том, что и в 1620 г. продолжался выезд шляхтичей на русскую службу. Так, 20 января выехали Мартин Луневский и Януш Варпоговский, 25 января Лукьян Огинский[72], в июле 1620 г. Ян Петровский, «Мозырского повету шляхтич»[73]. О размерах пополнения содружества «литовских людей» в этом году позволяют судить два списка в делопроизводстве Разрядного приказа. Один список имеет заголовок «Поляки не верстаны, а выходного им жалованья дано»[74]. Таким образом, это список людей, поступивших на русскую службу, но еще не устроенных. В списке насчитывается 19 чел. разного социального положения, так как размеры жалованья «за выход» колеблются от 12 до 2,5 руб.

Другой список имеет заголовок — «Иноземцы, которые розданы под начало для крещенья»[75]. Приведенные выше данные о приеме на русскую службу ротмистров и знатных выходцев наглядно говорят о том, что при приеме на службу от выходца добивались его перехода в православие. Для русских властей это было определенной гарантией благонадежности, а для выходца открывало возможности для успешной карьеры в русском обществе. Перед актом крещения выходец должен был пробыть определенное время «под началом» в каком-либо монастыре. Перед нами список таких людей. В нем 27 человек. Люди в списке поделены на три группы.

---

70 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 7. Л. 441–442.
71 Там же. Л. 444.
72 Там же. Л. 376, 380–381.
73 Там же. Л. 535.
74 Там же. Л. 577 и сл.
75 Там же. Л. 562.

В первой из них под заголовком «поляки» перечислены все «поляки» первого списка (кроме трех последних имен) и несколько новых людей — Мартин Луневский, Ян Слоничевский, Ян Слободцкой. Во второй группе под заголовком «Лисовщики» перечислены люди, отсутствующие в первом списке, — 9 человек. Вероятно, уже после составления первого списка на русскую службу перешла группа «лисовчиков». Наконец, в третьей части помещены последние три имени списка под заголовком «Белорусцы» — к 1620 г. таким словом называли «русских» жителей Речи Посполитой. Для выдачи жалованья «за выход» религиозная принадлежность пришельцев значения не имела. Иначе дело обстояло с посылкой в монастыри «под начал». Здесь важно было отделить католиков от православных, относительно которых были какие-то сомнения. Сопоставляя между собой оба списка, можно сделать вывод, что в 1620 г. были зачислены на русскую службу десятки выходцев из Речи Посполитой.

О положении сообщества «литовских людей» в последующие годы говорят записи в столбце делопроизводства патриаршего двора 1623–1625 гг. о «литвинах» и «поляках», которых приводили в эти годы на патриарший двор. В записях за 1623–1624 гг. перечисляется таких 13 человек, в записях за 1624–1625 гг. — четырнадцать[76]. Встречающиеся в записях постоянно указания на происхождение этих людей позволяют говорить, что и в 20-е гг. XVII в. на русскую службу приходили шляхтичи из самых разных земель Речи Посполитой, не только из разных поветов Великого княжества Литовского и «русских» земель Короны (Львова, Перемышля)[77], но из Польши, в ряде записей как место происхождения указана Познань[78].

---

76 РИБ. Т. II. Стб. 630–740. Архив Санкт-Петербургского института истории. Собрание рукописей Имп. Археографической комиссии. Ркп. 84. Л. 109–227.

77 РИБ. Т. II. Стб. 738. Архив Санкт-Петербургского института истории. Собрание рукописей Имп. Археографической комиссии. Ркп. 84. Л. 122.

78 РИБ. Т. II. Стб. 669, 738.

Об общих размерах сообщества «литовских людей» и характере их обеспечения во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XVII в. позволяет судить исследование О.В. Скобелкина.

О.В. Скобелкин, анализируя списки «кормовых иноземцев» в составе армии, стоявшей на южной границе России в 20-х гг. XVII в., показал, что и в это время «литовские люди» составляли заметную группу в составе этих «иноземных» войск[79]. Подготовка к военной кампании начиналась с распоряжений что следует вызвать на службу «литву, немец и всяких иноземцев, поместных и кормовых»[80]. Уже такой характер распоряжений говорит о том. что «литовцы» (т. е. бывшие жители Речи Посполитой) составляли значительную часть иноземных отрядов в русской армии. О.В. Скобелкин выявил четыре списка служилых иноземцев, составленных на протяжении второй половины 20-х гг. XVII в.[81] Наиболее ранний из этих списков содержал сведения о иноземцах, половина которых несла службу на границе летом 1624 г., а другая (первая часть списка) должна была явиться на службу летом 1625 г.[82] В 1624 г. из шести рот, на которые делились несшие службу иноземцы, в трех несли службу «литовские люди». В двух из этих рот (роте Матвея Халаима и роте Миколая Любомирского) служили «поляки и литва старого выезду», то есть пришедшие на царскую службу еще до Смуты. Все состоявшие в этих ротах имели поместья. Кроме того, «литва» служила и в роте «кормовых иноземцев старого выезду», которую возглавлял ротмистр Григорий Врославский[83]. В 1627 г. в списках иноземцев появилась новая рота Прокофия Кремского, в которую входили греки и поляки «нового выезду»[84].

---

79 *Скобелкин О.В.* Тульская служба: участие иностранцев в обороне южных границ России в 20-х гг. XVII в. // Commentarii de Historia [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http//www.maiu.usru~

80 Там же. С. 8.

81 Там же. С. 16.

82 Там же.

83 Там же. С. 18.

84 Там же. С. 20.

В 1630 г. была проведена определенная реформа. Было определено, чтобы в ротах было по 100 человек и чтобы в каждой из них служили люди одной этнической принадлежности («литва к литве»). По списку, составленному весной 1630 г., службу должны были нести три роты «старого выезда», две из них возглавляли ротмистры М. Желиборский (вместо М. Халаима) и Я. Рогановский (вместо М. Любомирского), в третьей роте ротмистр был еще не выбран. Кроме того, в списке фигурирует рота Прокофия Кремского, а также еще две роты — рота Михаила Барышевского и рота, где ротмистром позже был избран Христофор Рыльский[85]. Учитывая распоряжение о численности новых рот, можно сделать вывод, что к 1630 г. на русской службе в южной армии состояло около 600 уроженцев Речи Посполитой.

Сведения, собранные и рассмотренные О.В. Скобелкиным, позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, на протяжении 20-х гг. XVII в. численность «литовцев» на русской службе заметно увеличилась, во-вторых, значительная часть этих людей получила в России не только кормы, но и поместья. Накануне Смоленской войны осенью 1631 г. на Туле несли службу «иноземцы» «литва» и поляки во главе с ротмистрами Прокофием Кремским, Христофором Рыльским и Юрием Кулаковским — всего 306 человек, а весной 1632 г. здесь несли службу роты Михаила Желиборского, Григория Враславского и Лаврентия Красовского[86].

Ко времени Смоленской войны относится свидетельство, позволяющее судить о том, насколько был действительно велик удельный вес «литовских людей» в этих ротах после реформы 1630 г. В это время из находившихся на русской службе 7 рот (среди них упоминаются роты Григория Врасловского, Юрия Кулаковского, Михаила Желиборского, Лаврентия Красовского) выбрали «гречан, и сербян и волошан», чтобы отправить их в лагерь Д.М. Пожарского под Можайском[87]. Таких людей в каждой роте оказалось

---

85 Там же. С. 25–26, 28.

86 Книги разрядные... СПб., 1855. Т. II. Стб. 638, 640.

87 Книги разрядные... Т. II. Стб. 551.

не более 30 чел, а в роте Л. Красовского их было всего 8. Таким образом, «чистые» в этническом плане подразделения в 1630 г. создать не удалось, но подавляющую часть в ротах во главе с «литовскими» ротмистрами составляли действительно «литовские люди».

Обращение к русским документам второго десятилетия XVII в. показывает, что «литовские люди» уже в это время несли службу не только на южной границе. В документах 1614 г., а затем 1616 г. упоминаются пожалования «нижегородской литве» за участие в походе против Заруцкого. В документах Казенного приказа упоминается и «литва», служившая в Казани[88]. Целое сообщество «литовских людей» действовало к этому времени и в Сибири. Книги Казенного приказа фиксируют пожалования за «сибирский проезд» служивым людям, привозившим из Сибири «мягкую рухлядь». За 1613–1619 гг. зафиксированы пожалования 47 служилым «литвинам», приехавшим из Сибири, которые несли службу в самых разных сибирских острогах[89].

Картину размещения литовских служилых людей в восточных регионах Русского государства позволяет представить разрядная роспись 1625 г. Знакомство с росписью показывает, что в целом ряде городов Поволжья находились небольшие группы «литовских людей»[90]. Довольно значительные по размерам их группы находились в таких центрах, как Свияжск и Казань. В Свияжске было «литвы, и черкас, и пахолков 48 ч.»[91]. В Казани роспись отметила присутствие «иноземцов литвы и поляков 81 чел.»[92]. Судя по этой росписи, «литовские люди» несли службу также в целом ряде городов Сибири. Даже в Березове таких людей было 13 чел., «служат пешую службу»[93]. Особенно много «литовских людей» было в таких центрах края, как Тюмень и Тобольск.

---

88 *Малов А.В.* Выходцы... С. 233–235.
89 Там же. С. 236–243.
90 Книги разрядные... Т. I. Стб. 1145.
91 Там же.
92 Там же. Стб. 1143.
93 Там же. Стб. 1150.

В Тюмени было «литвы и черкас конных 93 ч.»[94]. В Тобольске несло службу «102 ч. литвы конные»[95].

Таким образом, на русской службе находились в 20-х гг. XVII в. сотни выходцев из Речи Посполитой. «Служилый литвин» был, очевидно, заметной фигурой в жизни целого ряда русских земель. Конечно, какую-то часть таких людей, особенно живущих в Сибири, русские власти могли удерживать, несмотря на заключение Деулинского мира, но, с другой стороны, состав этой группы со временем расширялся за счет притока новых выходцев. Значительная часть «литовских людей» была наделена поместьями, следовательно, их рассматривали как людей, принадлежавших к дворянскому сословию. Сохранившиеся разного рода списки «служилых иноземцев», показывая масштаб явления, не содержат сведений о мотивах, побуждавших представителей дворянского сословия Речи Посполитой направляться на службу в Россию.

Некоторые соображения на этот счет дают возможность высказать записи о времени и обстоятельствах выезда ряда таких людей, содержавшиеся в столбце 1623–1625 гг. Так, «поляк» Андрей И. Ольшевский из Брянска, протестант, выехал на русскую службу из «Лисовского полку»[96], из сообщества воинов, не имевшего регулярных источников снабжения и живших за счет грабежа. «Поляк» Зиновий Ив. Кулябин из Каменца-Подольского «сшол в Запороги» и выехал на русскую службу из войска Петра Сагайдачного. Вместе с ним выехал на русскую службу из этого войска шляхтич Андрей Емельянов из Кременца[97]. Пребывание в рядах казацкого войска также не обещало постоянного содержания.

Эти примеры позволяют предположить, что на службу в Россию выезжали те представители дворянского сословия

---

94 Там же. Стб. 1149.

95 Там же.

96 Архив Санкт-Петербургского института истории. Собрание рукописей Имп. Археографической комиссии. Ркп. 84. Л. 175об.–176.

97 Там же. Л. 211–211об.

Речи Посполитой, которые уже утратили земельную собственность и вынуждены были добывать средства к существованию, вступая в состав различных военных формирований, живших за счет захвата добычи. Появление в составе дворянства Речи Посполитой таких людей, как уже отмечалось, было связано с особенностями развития социальных процессов в Польско-Литовском государстве, где при полной свободе распоряжения землей крупное магнатское землевладение формировалось за счет поглощения земель более мелких собственников. Образовывался слой людей, которых не могли поглотить ни ограниченных размеров государственный аппарат, ни небольшая регулярная армия. Именно лица, принадлежавшие к этому слою, и могли искать для себя службы в России.

Такое предположение подтверждает обращение к материалам сохранившегося в Приказном столе Разрядного приказа столбца второй половины 20-х гг. XVII в. В составе столбца сохранился ряд дел, связанных с выплатой таким людям жалованья «за выход». Эта процедура предполагала показания свидетелей, которые бы сообщали о статусе выходца в Речи Посполитой. Фигурирующие в делах списки таких свидетелей и их подписи позволяют составить некоторое общее представление о сообществе «кормовых литовских людей», находившихся в Москве. О сравнительно невысоком социальном уровне этих людей говорит, как представляется, тот факт, что значительная часть этих людей не владела грамотой и за них расписывались их коллеги. Среди грамотных бóльшая часть пользовалась латинским алфавитом, и лишь некоторые писали украинской скорописью[98]. Среди «знавцов» фигурирует и Сава Савитцкий — некогда гонец митрополита Иова Борецкого[99].

Целый ряд выходцев — это шляхтичи разных поветов Речи Посполитой — не только Киева или Винницкого

---

[98] См. образцы подписей: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 35. Л. 87об., 146 и др.

[99] Там же. Л. 395.

повета, но даже Минского или Люблинского[100], но все их биографии объединяет одна общая особенность. Ко времени выезда все эти люди уже не обладали имениями, а несли, по выражению архивных дел, «казацкую службу» либо прямо в Сечи («на Запорогах»), либо в разных местностях Восточной Украины. Так, например, Степан Кузмин, сын шляхтича Хмельниковского повета, «служил в Запорогах в полку у Филоненка казацкую службу лет з 9»[101].

К сожалению, в сохранившихся справках, как правило, не говорится об обстоятельствах, которые привели к превращению этих сыновей шляхтичей в казаков. Известно только, что у шляхтича Подтелицкого повета Игнатия Немировского имение «разорели и выжгли татаровя»[102], а у шляхтича Остафия Каменского, служившего «князю Збороскому» (Збаражскому?), когда он находился на войне под Мальборком, имение было отнято и передано «пятигорцу» — служившему князю черкесу[103]. Причины могли быть различными, но ясен итог — в ряды казачества вливалась обширная группа разоренной мелкой шляхты, которую ожидала не только не безопасная, но и необеспеченная жизнь, так как вряд ли всех представителей этого слоя могло вместить в свои ряды «реестровое» казачество, получавшее жалованье за службу. Понятно, что в этих условиях у этих недовольных своим социальным статусом людей могло появиться желание пойти на царскую службу.

Эти выезды были отражением протекавшего в восточных областях Речи Посполитой процесса размывания, деклассации низших слоев дворянского сословия, что стало одной из важных предпосылок социального взрыва, произошедшего здесь в середине XVII в.

Выезды шляхты на русскую службу продолжались до самого начала Смоленской войны. Так, в конце марта 1632 г.

---

100 Там же. Л. 91, 144, 356, 609.
101 Там же. Л. 85.
102 Там же. Л. 490.
103 Там же. Л. 145.

выехал шляхтич Оршанского повета К. Круковский[104], в том же месяце выехал и шляхтич Ян Заблоцкий, служивший в Новгород-Северском у старосты Я. Куницкого[105].

Столбец делопроизводства патриаршего двора 1623–1625 гг. позволяет выявить важную сторону в отношениях «литовских кормовых иноземцев» с русской властью. Шляхтичи, приходившие на патриарший двор в сентябре 1623 — сентябре 1625 г., приходили сюда (неоднократно вместе с женами), чтобы перейти в православие и получить при этом новое имя. Бóльшая часть этих людей, судя по их заявлениям, были ранее католиками. Власть, таким образом, прилагала усилия, чтобы выходцы приняли веру той страны, где они поселились. Крестились не только рядовые солдаты, но и люди более высокого статуса. Так, в ноябре 1624 г., вскоре после выезда в Россию, принял православие ротмистр Прокопий (в православии — Матвей) Кремский из Каменца[106]. Пример этот интересен не только как факт крещения достаточно значительного лица (в записи упоминаются его слуги — «пахолки»). Он показывает, что принятие православия вовсе не вело к выходу такого человека из сообщества «литовских кормовых иноземцев». Как отмечено выше, Кремский с 1627 г. командовал одной из рот таких «иноземцев» и в соответствующих списках фигурирует под своим прежним именем.

Таким образом, есть основания полагать, что усилия, предпринимавшиеся патриаршими служащими, не вели к разрушению сообщества «литовских кормовых иноземцев». Присутствие шляхтичей — выходцев из Речи Посполитой не только в русской действительности, но и в составе русского дворянского сословия, как служилых землевладельцев, —

---

104 АМГ. Т. I. № 330.

105 Там же. № 332.

106 Архив Санкт-Петербургского института истории. Собрание рукописей Имп. Археографической комиссии. Ркп. 84. Л. 121об.–122. О его русской жене Марье Львовой, которую венчал с ним «ксенж в Вязьме» и которая вместе с мужем «веру держала католицкую», см.: Там же. Л. 131об.

важное историческое явление, которое следует учитывать при изучении истории контактов между обществами. В России, очевидно, получали какие-то знания о жизни в Речи Посполитой, а от выходцев их родственники и знакомые могли узнавать о условиях их жизни в России, и это, как будет видно при изучении событий 30-х гг. XVII в., имело определенные последствия.

ГЛАВА 11

Россия, Киевская митрополия и запорожское казачество накануне Смоленской войны

В сложной международной обстановке, в обстановке назревающего большого международного конфликта с участием самых разных сил наблюдается вспышка контактов между Киевом и Москвой.

27 марта 1630 г. в Путивль приехали протосинкелл Иосиф и брат митрополита Андрей с грамотами от Иова Борецкого и Петра Могилы[1]. Протосинкелл и А. Борецкий сообщили, что под Переяславом собирается казацкое войско «выгонять из Киева изо всех городов после Великодня поляков»[2]. Грамота, присланная Иовом Борецким, была посвящена вполне нейтральным сюжетам — он просил средств на сооружение приделов в соборе Михайлово-Златоверхого монастыря и прислать к нему из Путивля врача[3]. Однако, как сообщали путивльские воеводы, у протосинкелла был и «изустный приказ» от Борецкого, который он мог сообщить только царю и патриарху. Вряд ли можно сомневаться, что «изустный приказ» касался событий, происходивших на Украине. Очевидно, он был изложен на встрече протосинкелла Иосифа с патриархом 15 апреля[4]. Запись беседы, как и записи бесед патриарха с Ж. Русселем, хранилась, вероятно, в личном архиве патриарха и до нас не дошла.

---

1 Воссоединение... Т. I. № 46. С. 82. Текст грамоты Петра Могилы — РГАДА. Ф. 124, 1630 г. № 1. Л. 30.

2 Воссоединение... Т. I. № 46. С. 82.

3 РГАДА. Ф. 124, 1630 г. № 1. Л. 26–29.

4 Запись о встрече см.: РГАДА. Ф. 124, 1630 г. № 1. Л. 21.

Перед Пасхой с жалованьем Иову Борецкому (200 руб.) и П. Могиле (100 руб.)[5] вместе с А. Борецким в Киев был послан Г. Гладкий. Оказавшись в Киевской земле в самый разгар военных действий, Г. Гладкий и А. Борецкий сидели 3 недели в осаде в Переяславе, пока между польскими властями и казаками не был заключен мир. После заключения мира Г. Гладкий и А. Борецкий встретились с митрополитом в Черкассах, где собралась казацкая рада. На раде были выбраны послы, направленные в Варшаву с жалобами на действия Конецпольского, разорившего казацкие поселения, одновременно были отправлены посланцы «доведываться» о замыслах поляков. Иов Борецкий сообщил Г. Гладкому, что король «лежит в расслабленье» и на сейме будут выбирать его преемника — Владислава или Яна Казимира, которого хочет «духовный чин»[6]. От выбора Яна Казимира казаки не ожидали ничего хорошего. Митрополит вручил Г. Гладкому грамоту с записью «вестей»[7]. Запись о несохранившейся грамоте имеется в описи архива Посольского приказа 1632 г. В грамоте митрополит сообщал, «что им учинилось от полских людей многое разоренье и сына митрополича убили»[8]. Митрополит сообщил, что, когда станет известен итог работы сейма, он пришлет в Москву брата Андрея, «и с тем, де, братом ево, будут в Путивле посланцы от гетмана черкаского и от всего Войска Запорожского бить челом тебе, государю, и о своих нужах»[9].

Этому сообщению о возможной поездке запорожских послов в Москву предшествовало важное событие. В мае 1630 г. был предпринят важный шаг, чтобы побудить казачество выступить против властей Речи Посполитой и присоединиться к Русскому государству. В это время в казацкий лагерь под Переяславом приехал «служебник» иерусалимского

---

5 О выдаче жалованья см.: Там же. Л. 55.

6 *Кулиш П.А.* Материалы... Т. I. С. 316–318; *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Київ; Львів, 1922. Т. 8. Ч. 1. С. 123–124.

7 Воссоединение... Т. I. № 49. С. 87.

8 РГАДА. Ф. 138. Оп. 3. № 3. Л. 167–167об.

9 *Кулиш П.А.* Материалы... Т. I. С. 318.

патриарха Феофана. В Москве «служебник» сообщил, что передал гетману и «всему Войску Запорожскому» «патриархов лист», где говорилось, что патриарх казаков «благословил стоять за веру христианскую и быть под вашею государевою державою»[10]. Понятно, что в ситуации войны стал обсуждаться вопрос о возможном переходе казацкого войска под русскую власть. На сейме 1631 г. гетман С. Конецпольский сообщал, что казаки собрались на Левобережье, чтобы вступить в сношения с Москвой и отдать этот край под русскую власть[11]. По-видимому, переговоры с посланцем патриарха привели к тому, что на переговорах при заключении мира гетман требовал выдачи Тараса как изменника, который имел предательские замыслы, неизвестные войску[12].

Вопрос об отношениях с Россией продолжал обсуждаться и в дальнейшем. После приезда Гладкого в начале августа 1630 г. путивльские воеводы сообщали, что «говорят, де, государь, черкасы: будет опять на них придут польские люди войною, а их, де, не будет мочи против поляков стоять и они, де, хотят бить челом тебе, государю»[13].

По-видимому, Иов Борецкий полагал, что если новые выборы закончатся избранием Яна Казимира или казацких послов встретит враждебный прием, то в Москву может направиться запорожское посольство, и, вероятно, в ожидании войны предпринял важный шаг. 9 августа 1630 г. в Путивль приехали на службу к царю его сын Андрей и племянник (сын сестры) Павел[14]. Они приехали в Москву 21 августа и получили назначения — Андрей стал стольником патриарха, Павел — царским стольником[15]. Так родственники выходца из среды мелкой шляхты, чье шляхетское происхождение в Речи Посполитой оспаривалось, оказались

---

10 РГАДА. Ф. 52, 1630 г. № 24. Л. 1–2.

11 *Жукович П.Н.* Религиозно-церковный элемент в казацком восстании 1630 года (под предводительством Тараса) // Христианское чтение. 1912. Т. 236. С. 988.

12 Жерела до історії України — Руси. Львів, 1908. Т. VIII. № 216.

13 Воссоединение... Т. I. № 49. С. 87.

14 Там же.

15 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 27.

причислены к высшему слою царского двора. Это показывает, какое значение придавали в Москве укреплению связей с киевской кафедрой.

Тревожные ожидания казаков не оправдались. До выборов нового монарха дело не дошло. В Варшаве казацких послов встретил любезный прием. Особое внимание уделил им королевич Владислав, дававший одежды и деньги[16]. Поэтому запорожское посольство в Москву не поехало.

К осени 1630 г. относится новая серьезная попытка воздействовать на казачество. Теперь речь шла об использовании авторитета не только Феофана иерусалимского, но и константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, которого православные в Речи Посполитой традиционно считали своим верховным пастырем. Патриархи написали грамоты, адресованные Войску Запорожскому. Грамоты не сохранились, но о их содержании можно судить по авторитетному свидетельству Андрея (в монашестве Анатолия) Мужиловского: «чтоб монарху московскому поклонилися, а войны под клятвою заказуючи»[17]. Таким образом, патриархи, угрожая церковным отлучением, запрещали казачеству вести войну с православным Русским государством и предлагали ему перейти под власть русского государя.

По весьма вероятному предположению И. Крипьякевича, грамоты патриархов были доставлены в Москву в июне 1630 г. архимандритом Амфилохием — посланцем Кирилла Лукариса[18]. 9 июня состоялась беседа Филарета с архимандритом о «тайном деле», которое поручил ему Лукарис[19], но запись беседы не сохранилась.

---

16 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Т. 8. Ч. 1. С. 123–124.

17 *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из документов по истории русско-украинских взаимоотношений начала 30-х годов XVII века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные отношения в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках. М., 1999. С. 170.

18 *Крип'якевич И.* Козаччина в політичних комбінаціях 1620–1630 гг. // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1913. Т. 117–118. С. 95.

19 РГАДА. Ф. 40, 1630 г. № 1. Л. 179.

По-видимому, уже в начале сентября 1630 г. начали готовить новую поездку в Киев, так как в описи архива Посольского приказа за 1673 г. упоминался черновик грамоты патриарха Филарета к Иову Борецкому от 6 сентября 1630 г.[20] В октябре 1630 г. путивльским воеводам было приказано срочно отправить Григория Гладкого в Киев, «хотя будет у вас и про мировое поветрие вести не миновались»[21]. Этим, разумеется, подчеркивалась особая важность поездки. Г. Гладкий должен был доставить в Киев «государево жалованье» — 300 руб. Иову Борецкому и 70 руб. Петру Могиле. Г. Гладкий вез грамоты веррийского митрополита Аверкия, архиепископа Иосифа Курцевича и протосинкелла Иосифа их знакомым в Киеве, с ним были посланы грамоты царя и патриарха Петру Могиле и две грамоты без какого-либо определения, которые следовало передать Иову Борецкому[22]. В этих двух никак не определенных документах есть основание видеть грамоты восточных патриархов[23]. Во всяком случае, в начале 1631 г. грамоты патриархов находились в Киеве, а доставить их туда мог в описанный период времени только Г. Гладкий. Такое предположение подтверждается предписанием посланцам (Г. Гладкому и путивльским торговым людям) отдать «те денги и грамоты митрополиту Иову и архимариту Петру Могиле ... таино, чтоб про то в Киеве нихто не сведал, и никому б было не знатно»[24].

В октябре, еще до получения в Путивле 18 октября царской грамоты, Г. Гладкий и другие посланцы выехали в Киев[25]. К сожалению, отчета Г. Гладкого о поездке обнаружить не удалось. Известно только, что в январе 1631 г. Г. Гладкий вернулся в Путивль и воеводы прислали в Москву запись услышанных

---

20 *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из документов... С. 157.

21 Там же. С. 158.

22 Там же. С. 157–158.

23 Из последующей отписки путивльских воевод выясняется, что Иову Борецкому была отправлена царская грамота и две грамоты от Филарета (Там же. С. 160).

24 Там же. С. 158.

25 Там же. С. 160.

от него «вестей» и «лист» Борецкого, адресованный царю и патриарху[26]. Содержание и «листа» и «вестей» нам неизвестно, однако в том же месяце Г. Гладкому было приказано снова ехать в Киев. На этот раз он повез не только деньги (80 руб.) и грамоту Борецкому, но и грамоту царя и патриарха, скрепленную «государевою ж печатью» — «к запорожским черкасом». Грамоту следовало «тайно» передать митрополиту, а тот должен был отослать ее казакам[27].

Срочность посылки понятна. Перспектива войны России с Речью Посполитой становилась всё более близкой и реальной, а позиция казацкого войска приобретала всё бóльшее значение. В Москве, по-видимому, полагали, что грамоты восточных патриархов подготовили почву для того, чтобы русские власти уже прямо могли обратиться к Войску Запорожскому с призывом перейти на русскую службу.

К сожалению, отчета Г. Гладкого и об этой поездке в Киев в нашем распоряжении нет. Мы можем лишь утверждать, что, по-видимому, Г. Гладкий выяснил, что грамоты патриархов не были отосланы к казакам. В августе 1631 г. Г. Гладкому перед его новой поездкой на Украину предписывалось выяснить, «государева грамота» и грамоты восточных патриархов «отданы ли Запорозскому воиску и што о том говорили»[28]. Поскольку о содержании патриарших грамот было известно Андрею Мужиловскому, очевидно, в окружении Иова Борецкого обсуждался вопрос, что с ними делать. Ведь речь шла об очень серьезном и опасном для православной иерархии шаге, если бы соответствующие документы попали в руки властей Речи Посполитой. Решение, вероятно, так и не было принято, когда в марте 1631 г. умер Иов Борецкий.

К началу 1631 г. явно обозначились разногласия в среде киевского духовенства, наметившиеся уже во время восстания 1630 г. Если Иов Борецкий, как уже отмечалось, ушел во время восстания в Терехтемиров под защиту казаков, то Петр Могила дал приют в монастыре шляхтичам,

---

26 Там же. С. 161.
27 Там же. С. 161–162.
28 Там же. С. 164.

спасавшимся от восставших, и жаловался на притеснения, которые архимандрит и монахи терпят от казаков[29].

Яркое внешнее выражение эти разногласия нашли уже при провокационном посещении униатским митрополитом Иосифом Рутским Киева в январе 1631 г. Из письма Рутского следует, что «pseudo-mitropolita» находился постоянно под охраной 60 вооруженных казаков. Встречаться с ним Иосиф Рутской и не пытался. Он хотел встретиться с Петром Могилой. Встреча не состоялась, но от имени Могилы митрополита посетили двое киевских шляхтичей, Проскура и Воронич, и извинялись, что встреча не может состояться из-за болезни архимандрита. А при его отъезде один из учеников «школы схизматиков» прочел посвященные митрополиту польские стихи[30].

Для настроений, сложившихся в Киеве после смерти митрополита, характерно, что главным кандидатом на митрополичий стол на первых порах стал не Петр Могила, а слуцкий протопоп Андрей Мужиловский, постригшийся в монахи в Киево-Печерском монастыре под именем Анатолия. Очевидно, он имел достаточно много сторонников, так как слухи об этом дошли до короля Сигизмунда и вызвали его беспокойство.

А. Мужиловский был видной фигурой в жизни православного общества «русских» земель Речи Посполитой. Уже в 1616 г. увидело свет его полемическое сочинение «Odpowiedź na list wileńskich unitów». В 1622 г. Иов Борецкий с санкции владельца Слуцкого княжества К. Радзивилла сделал его протопопом слуцким — одним из руководителей православного духовенства в этом княжестве. В 1628 г. на соборе, созванном в Киеве, он был одним из главных обличителей проуниатских взглядов Мелетия Смотрицкого. Эти обвинения получили в дальнейшем и письменное оформление в сочинении «Antidotum»[31].

---

29 *Жукович П.Н.* Религиозный элемент... С. 785–786.

30 Epistolae Josephi Velamin Rutskyj metropolitae Kioviensis catholici. (1613–1637). Romae, 1956. № 118. S. 243–244.

31 *Dęgiel R.* Protestanci i prawosławni. Patronat wyznaniowy Radziwiłłów birżańskich nad Cerkwią prawosławną w księstwie słuckim w XVII w. Warszawa, 2000. S. 74; *Грушевський М.С.* Історія... Т. 8. Ч. 1. С. 77 и сл.

Такой кандидат на митрополию Сигизмунду III был не нужен. 23 июня нового стиля он писал киевскому воеводе Я. Тышкевичу, что нельзя допустить, чтобы этот «buntownik» был на «to miejsce przez kozaki wsadzony». Одновременно воевода должен был занять Михаило-Архангельский монастырь, где ранее жил Борецкий, и передать его родственнику воеводы, уже упоминавшемуся базилианину Герману[32] — очевидно, для того, чтобы будущий митрополит не мог сделать монастырь своей резиденцией.

О взглядах кандидата на митрополию ясно и определенно говорит его письмо патриарху Филарету от 20 сентября 1631 г. Называя патриарха подобно Борецкому «своим пастырем» и представляя себя исполнителем «повелений» покойного митрополита, он предостерегал Филарета о враждебных планах политиков Речи Посполитой по отношению к Русскому государству. Он призывал в России «мужественно и безо всякого страху вооружатися». «А силы полские некрепки ... только они страшны Войском Запорожским», и Мужиловский заверял, что приложит усилия, чтобы грамоты восточных патриархов были переданы казакам[33]. Очевидно, он полагал, что после этого Войско Запорожское перестало бы поддерживать Речь Посполитую. Таковы были взгляды человека, серьезно претендовавшего на занятие митрополичьей кафедры.

Письмо А. Мужиловского представляет большой интерес и в другом отношении. Польские исследователи, писавшие о Иове Борецком, постоянно указывали на тесные контакты митрополита с одним из главных лидеров протестантов К. Радзивиллом[34]. Контакты эти нашли отражение в целом ряде писем Борецкого, часть которых была опубликована еще в XIX в.[35] Ряд писем был опубликован уже недавно украинским

---

32 Воссоединение... Т. I. № 64. С. 111–112.

33 *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из документов... С. 169–170.

34 *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. 1370–1632. Warszawa, 1934. S. 445, 516–517, 544; *Hodana T.* Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów — obywateli Rzeczypospolitej. Kraków, 2008. S. 85–87.

35 Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно, 1870. Т. VII. С. 81–83, 87–88.

исследователем Ю. Мыциком[36]. Ссылаясь на эти материалы, исследователи ставили под сомнение искренность обращений Иова Борецкого в Москву и цель этих обращений. В этой связи следует отметить, что А. Мужиловский был человеком, гораздо более близким к К. Радзивиллу, чем Иов Борецкий. Именно от К. Радзивилла он получил свой пост слуцкого протопопа, а позднее в течение ряда лет неоднократно посещал Киев, выступая как посредник в отношениях гетмана с православной иерархией и Войском Запорожским[37]. Это, однако, не помешало А. Мужиловскому призывать патриарха Филарета к войне и обещать ему содействие. Более того, он полагал, что к сотрудничеству с Россией можно было привлечь и К. Радзивилла. «А по сем надобно промыслити, — писал он патриарху, — чтоб благочестивой царь присвоил к себе приятеля Христофа Радзивилла слутцкого, гетмана княжества Литовского, от которого бы и таиные думы могли ся объявить», «у которого я милость великую имею, и то мною сстатися может»[38]. Конечно, К. Радзивилл вряд ли вступил бы в какие-либо тайные контакты с Москвой, но важно, что для видного представителя верхушки духовенства Киевской митрополии это представлялось возможным, и он не видел никакого противоречия между своей «промосковской» ориентацией и связями с Радзивиллом, о чем Мужиловский прямо писал патриарху.

Митрополитом Мужиловский не стал. Митрополичий стол занял перемышльский епископ Исайя Копинский, зарекомендовавший себя в прежние годы как последовательный противник унии и человек, пользующийся симпатиями казачества. Именно при поддержке казаков митрополит Исайя мог утвердиться в прежней резиденции Иова Борецкого — Михайловом Златоверхом монастыре[39].

---

[36] *Мицик Ю.* Із листування українських письменників–полемістів 1621–1624 років // Записки Наукового товариства им. Т. Шевченка. Львів, 1993. Т. 225.

[37] Ряд таких писем издан Ю. Мыциком — Із листування... № 8. С. 335, № 12. С. 344. См. также: AGAD. Archiwum Radziwiłłów. II. № 860.

[38] *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из документов... С. 170.

[39] *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. С. 134.

Об обстоятельствах утверждения Исайи на митрополичьем столе известно достаточно мало. Ясно только, что это сопровождалось явным столкновением между Исайей и его сторонниками и сторонниками Петра Могилы. К окружению Петра Могилы принадлежал Филофей Кизаревич, не допускавший Копинского в Михаило-Архангельский монастырь. В сентябре 1631 г. севскому воеводе старцы из Спасского монастыря в Новгороде-Северском, захваченном униатами, рассказывали, что «в Киеве только за крестьянскую веру стоит владыка Исайя и казаков запорожских наговаривает, чтоб они стояли крепко за крестьянскую веру, в Печерском, де, монастыре архимарит Киевской, и тот поддается к ляхом, в ляцкую же веру, и стоит против казаков с ляхами»[40]. Это свидетельство показывает, что определенный раскол в среде духовенства Киевской митрополии, постепенно назревавший, к 1631 г. стал фактом. Для настроений, господствовавших в то время, по крайней мере в Киевской земле можно считать характерным, что митрополичий стол занял Исайя Копинский.

После обращения его в конце 1622 г. к царю и Филарету Исайя не снаряжал особых посольств в Москву, но находившиеся под его патронатом заднепровские монастыри, как показано выше, поддерживали самые широкие связи с Москвой, и именно из них выходили старцы, постоянно направлявшиеся в Россию на «житье» в русских монастырях. И это определенное свидетельство о ориентации Копинского и тех кругов, на поддержку которых он опирался. Предпринятые им позднее действия показывают, что Копинский придерживался той же линии, что и Мужиловский.

Как складывались отношения с Москвой в первые месяцы после смерти Иова Борецкого?

По-видимому, сразу после известия о смерти митрополита в Киев был послан Г. Гладкий, вернувшийся в Путивль 1 апреля 1631 г. Здесь он встречался с братьями покойного митрополита Порфирием и Андреем Борецкими и игуменьей Домникеей, то есть, очевидно, с тем кругом лиц, с которыми

---

[40] Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. № 315. С. 335.

он встречался в предшествующие годы[41]. В Москве, судя по отчету Гладкого, интересовались прежде всего не столько борьбой за митрополичий стол, сколько отношениями властей Речи Посполитой с казачеством, что было важно в условиях надвигавшейся войны.

С точки зрения русских политиков сообщения эти были неутешительными. Хотя в районе Нежина произошли какие-то столкновения между польскими войсками и казаками, в целом выяснилось, что это — локальный инцидент, и даже в самом Нежине «лутчие люди мещане и черкасы, и те, де, с поляки не бьютца»[42]. Вопрос, видимо, был важным, так как вскоре Г. Гладкий был снова послан в Киев. Из его «расспросных речей» следует, что ему вручены были грамоты царя и патриарха, которые он передал, «х кому были посланы»[43]. К сожалению, в записи ничего не говорится о том, каково было содержание грамот и кому они были адресованы. Однако обращает на себя внимание, что Гладкий привез адресованные царю и патриарху письма епископа Исаакия Борисковича и Андрея Борецкого[44]. Это позволяет думать, что именно Исаакию Борисковичу были адресованы грамоты, которые повез в Киев Г. Гладкий. По-видимому, под впечатлением переговоров 1625 г. в Москве считали Исаакия Борисковича ближайшим соратником Борецкого. Здесь в то время не знали, что Исаакий Борискович присоединился к сторонникам Петра Могилы. Он содействовал захвату Михаило-Архангельского монастыря ставленником Могилы Филофеем Кизаревичем и забрал к себе находившиеся у Борецкого грамоты восточных патриархов[45]. Вряд ли его грамоты содержали какие-либо важные для царя и патриарха обещания.

Сообщения Г. Гладкого на этот раз были еще менее утешительными. Г. Гладкий сообщал, что «черкасы ... все подались в королевскую волю». Они даже обязались не предпринимать

---

41 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 40. Л. 114.
42 Там же. Л. 115–116.
43 Там же. Л. 318.
44 Там же. Л. 320.
45 *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из документов... С. 168.

морских походов, суда, находившиеся в Сечи, «приговорили зжечь и королю, де, в том присегали»[46]. В этих условиях была предпринята новая серьезная попытка направить запорожское казачество на путь войны с Речью Посполитой. Попытка эта связана с именем уже упоминавшегося Жака Русселя.

Об этой акции, связанной с Ж. Русселем, писал И. Крипьякевич, опубликовавший в приложении к своему исследованию текст обращения Ж. Русселя к казакам[47]. Позднее об этом, используя русские архивные материалы, писал Б.Ф. Поршнев[48]. К этому времени в основных чертах сложился план русско-шведского соглашения, направленного против Речи Посполитой. Частью этого плана должно было стать выдвижение кандидатуры Густава Адольфа на польский трон, что по расчетам Ж. Русселя должно было привести к серьезному внутриполитическому кризису в Польско-Литовском государстве[49]. Частью этого кризиса должно было стать выступление запорожских казаков в поддержку кандидатуры Густава Адольфа.

С написанным им обращением к запорожцам Ж. Руссель отправил из Риги в Москву в июне 1631 г. своих агентов капитана П. л'Адмирала и прапорщика Ж. де Грева. Ж. Руссель просил отправить его агентов к казакам и обеспечить в случае успеха их миссии проезд запорожских послов через русские земли к Густаву Адольфу[50]. Ж. Руссель также просил, «чтоб как-нибудь киевского архимандрита Петра Могилу к себе закупити для помочи» при выборах Густава Адольфа[51]. Перевод обращения Русселя к казакам был сделан для И.Б. Черкасского, который затем был им показан царю и патриарху[52].

---

46 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 40. Л. 319–320.

47 *Крип'якевич Ј.* Козачиина... Т. 117–118.

48 *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 300–306.

49 См. подробнее об этом: *Флоря Б.Н.* Жак Руссель, патриарх Филарет и Густав Адольф // Россия и Швеция в XVII в.: Архивное и музейное наследие. М., 2002.

50 РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией), 1631 г. № 9. Л. 6–8.

51 Там же. Л. 14.

52 Там же. Л. 28, 39.

Русские политики оказались перед сложной задачей. Отказывать союзнику в сложившейся ситуации было невозможно, но в Москве, конечно, хотели, чтобы казачество действовало в соответствии с русскими, а не шведскими интересами. Всё же было принято решение посланцев Русселя «отпустить ... до Путивля з Григорием Гладким».

В связи с этим Г. Гладкий 4 августа 1631 г. был вызван в Посольский приказ[53]. Г. Гладкий объяснял, что в Запорожье живут казаки, которые «королевского повеления ни в чем не слушают и судов жечь не дали». Именно там посланцы могли бы встретить благоприятный прием. Поэтому он предлагал отправить «немец» степью из Белгорода или Курска прямо в Запорожье[54]. Было принято решение, чтобы посланцам «у Тимохи б у гетмана и у казаков, которые служат королю, им не быть»[55].

Несмотря на это, посланцы Русселя отправились с Г. Гладким через Путивль в Киев, а оттуда в Канев[56] к гетману «реестровых» казаков Ивану Кулаге, где на раде по настоянию «лучших людей» было принято решение их задержать и передать гетману Конецпольскому[57]. Все эти обстоятельства вызывают подозрение, что в Москве были не очень заинтересованы в успехе миссии Русселя.

Эти подозрения подтверждает содержание наказа Г. Гладкому. Г. Гладкий должен был выяснить судьбу грамот, царской и патриархов, «отданы ли Запорозскому Войску и што о том говорили». Кроме того, Гладкому была вручена новая царская грамота, которую, смотря по обстоятельствам, следовало отдать братьям митрополита Борецкого, Андрею и Порфирию, епископу Исаакию или прямо запорожским казакам[58]. Этот текст делает очевидным, что в Москве продолжали пытаться установить связи с запорожскими казаками, преследуя свои

---

53 *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из документов... С. 164.
54 РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией), 1631 г. № 9. Л. 45–47.
55 Там же. Л. 43.
56 *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из документов... С. 165.
57 Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. № 328.
58 *Заборовский Л.В., Захарьина Н.С.* Из документов... С. 164.

интересы, а не интересы Густава Адольфа. Из наказа следует, что по воспоминаниям 1624 г. в Москве считали именно епископа Исаакия Борисковича ближайшим соратником Иова Борецкого и продолжателем его политики.

Это было, как вскоре выяснилось, ошибкой. Хотя Исаакий Борискович был решительным противником унии (он выступал против созыва общего собора православных и униатов), к 1631 г. произошло его сближение с Петром Могилой. Как видно из присланной в Москву грамоты Андрея Борецкого, Исаакий Борискович приложил руку к занятию Филофеем Кизаревичем Михаило-Архангельского монастыря. Это событие сопровождалось изгнанием из монастыря братьев митрополита, и при этом в руки епископа Исаакия попали грамоты царя и патриархов, которые епископ передал Петру Могиле[59]. Попытка Андрея Борецкого взять у архимандрита эти грамоты и передать их приехавшему в Киев «запорожскому гетману» (по-видимому, гетману реестровых казаков Тимофею Арандаренко) оказалась безрезультатной. В своей грамоте А. Борецкий привел и слова, сказанные архимандритом: «За такое, де, дело у короля посадят на кол»[60].

Сам А. Борецкий обещал поехать с грамотой, которую привез Г. Гладкий, к новому гетману Ивану Кулаге, которого он характеризовал как «богобоязлива и искусна мужа»[61]. Обещал свое содействие, как отмечалось выше, и Мужиловский, но перспективы оставались здесь неясными. Вероятно, более обнадеживающие результаты принесла бы встреча Г. Гладкого с Исайей Копинским, но его Гладкий не посетил, не имея к нему «приказу никакова»[62].

К тому времени, когда в начале октября 1631 г. Г. Гладкий приехал в Москву, Исайя Копинский стал уже законным киевским митрополитом. Его посвятил в сан веррийский митрополит Кирилл[63], который ехал в Москву с рекомендациями

---

59 Там же. С. 168.
60 Там же. С. 169.
61 Там же.
62 Там же. С. 165.
63 РГАДА. Ф. 124, 1631 г. № 3. Л. 1.

Лукариса и его гонцом А. Ивановым[64]. Так как 3 сентября 1631 г. митрополит получил в Путивле разрешение на выезд в Москву[65], ясно, что поставление Исайи состоялось уже летом.

В начале сентября 1631 г. в Путивль пришли монахи из Лубен, из монастыря, в котором ранее жил епископ Исайя, но никаких грамот или поручений от него они не привезли[66]. По-видимому, силы Копинского уходили в то время на борьбу с противниками, пытавшимися не допустить его в резиденцию Иова Борецкого — Михаило-Архангельский монастырь. Как известно, не допущенный в Перемышль Исайя Копинский стал в православной иерархии Киевской митрополии «архиепископом Смоленским, Черниговским и всего Сивера»[67]. На территории его епархии в 1631 г. развернулись события, которые не могли не вызвать беспокойства Исайи. В этом году униатскому епископу Смоленскому Льву Кревзе был передан главный храм Чернигова — Спасский собор. В сентябре 1631 г., получив королевский привилей, Лев Кревза силой выгнал монахов из Спасского монастыря в Новгороде-Северском. Еще раньше, летом 1631 г., были «запечатаны» православные церкви в Стародубе[68].

Неудивительно, что в таких условиях Исайя Копинский принял решение возобновить свои связи с Москвой. 13 января 1632 г. в Путивль прибыло такое близкое к митрополиту лицо, как игумен Густынского монастыря Иов[69] с его грамотами к царю от 31 декабря 1631 г.[70] Сообщив о разорении митрополичьей резиденции после смерти Иова Борецкого, он просил прислать ему святительские ризы, мощи святых

---

64 РГАДА. Ф. 52, 1631 г. № 10. Л. 15, 29.

65 Там же. Л. 1.

66 РГАДА. Ф. 124, 1631 г. № 3. Л. 1.

67 *Голубев С.Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. I. Прил. С. 312.

68 *Куракин Ю.Н.* Распространение католичества и униатства на землях Черниговского воеводства Речи Посполитой в первой половине XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 3. Католицизм и православие в Средние века. М., 1991. С. 100–101.

69 РГАДА. Ф. 124, 1632 г. № 6. Л. 1.

70 Там же. Л. 6 и сл.

для антиминсов, все необходимое для освящения мира. Но главной темой было бедственное положение и православия, и самой митрополичьей кафедры, которая страдает не только «от сопостатов» и «гонителей», но и от «своих завистию и рвением томимых» (очевидно, имеются в виду Петр Могила и его сторонники). Но митрополит не собирался сдаваться. «Противу злочестию их, — писал он, — опираемся и вооружаемся». Если бы дальше бороться оказалось невозможно, он выражал намерение «в благочестивой православной восточной державе приклонить главу». В грамоте указывалось, что игумен получил и устный приказ к патриарху Филарету, «понеже ... не вся чрез хартию изъявлятися могут». К сожалению, в деле не сохранилось не только записи этого устного поручения, но и вообще каких-либо материалов о пребывании игумена Иова в Москве. Лишь незначительно дополняют имеющиеся сведения данные описи архива Посольского приказа 1632 г., где наряду с грамотами царю и патриарху упоминается грамота Иосифу Курцевичу, «чтоб тот за него государю был челобитчик»[71].

Последующие известия о действиях митрополита позволяют с достаточно высокой степенью достоверности судить о том, какие вопросы обсуждались и какая была достигнута договоренность и как митрополит пытался ее осуществить. Документы, содержащие соответствующие сообщения, были опубликованы уже в XIX в. и неоднократно анализировались исследователями.

Несколько сообщений говорят о казацкой раде, собравшейся в Черняховской дубраве около 15 августа 1632 г.[72] На эту раду приехали митрополит Исайя, луцкий епископ Исаакий Борискович и старцы[73]. Сопоставление двух разных

---

71 РГАДА. Ф. 138. Оп. 3. Кн. 3. Л. 172.

72 Акты Московского государства. Т. I. № 424, 427.

73 По сведениям папского нунция, на раде присутствовало 300 священников (Theiner A. Vetera monumenta. Polonia et Lithuaniae. Romae, 1865. T. III. P. 397). Важно отметить, что Исаакий Борискович на этот раз присоединился к Исайе Копинскому. Как представляется, это говорит о настроениях его паствы.

сообщений позволяет реконструировать возможное содержание их выступления. Митрополит и другие духовные лица призывали казацкое войско стоять за веру, так как «поляки, де, хотят християнскую веру разорить», если они не станут бороться, то духовные лица («духовный их чин») говорили им, что тогда они поедут в Россию. Речь, по-видимому, содержала и утверждение, что «вашие лутчие люди старшины хотят быть в ляцкой вере».

После этого выступления духовных лиц на раде произошел переворот. Гетман Кулага и полковники были смещены. Новый гетман Андрей Деденко и полковники были выбраны «из черных людей, которые, де, преж сего бились с поляки в прошлом во 138 году под Переяславлем». На раде говорили, что следует сражаться за веру, «а будет их мочи не будет, и они, де, хотят итить» служить царю.

Следующая рада была созвана в Корсуни уже новым гетманом А. Деденко. Подробное сообщение о ней сделал в Путивле казак Иван Павлов, который сам присутствовал на раде[74]. В раде участвовали полковники из Белой Церкви, Чигирина, Корсуни, Лубен и войсковые судьи из Черкасс и из Жолнина. «А унейщиков черкас, которые отступили в ляцкую веру, в ту раду черкасы не пустили ни одного человека». Учитывая особенности терминологии источника, следует сделать вывод, что на раду не пустили тех реестровых казаков, которые присоединились к армии С. Конецпольского во время восстания 1630 г. На раде, как рассказывал И. Павлов, решили «от своей веры не отступить», а «будет на них ляхи наступят, а их мочи не будет, то они станут бить челом» царю и «учнут за свою веру стоять по Днепр», то есть речь шла о переходе казацкого войска на царскую службу вместе с «городами». И. Павлов сообщил и о том, что на раде митрополит Исайя обещал казакам, что он за них «учнет бить челом и писать ко государю» и к патриарху, чтобы они их «велели принять под свою государскую руку». В итоге «в раде и приговорили, что бить челом государю».

---

74 Акты Московского государства. Т. I. № 436.

Сопоставляя сообщения о казацких радах 1625 г. и 1632 г., можно сделать некоторые важные выводы. Напряженность отношений между казачеством и органами власти Речи Посполитой заметно возросла, в связи с этим усилился и интерес к сотрудничеству с Россией. В 1632 г. Исайя Копинский добился решения рады, которого не смог добиться в 1625 г. Иов Борецкий. В 1625 г. принятию решения смогла помешать казацкая верхушка, в 1632 г. она оказалась не в состоянии это сделать.

И. Павлов приехал в Путивль 23 октября 1632 г., его сообщения были доставлены в Москву еще позже. К этому времени уже началась Смоленская война (18 октября русские войска заняли Дорогобуж). Располагая такими сообщениями, главный инициатор войны, патриарх Филарет, серьезно рассчитывал на то, что Запорожское войско в начавшейся войне выступит на русской стороне. Война, еще до выступления в поход регулярных вооруженных сил, начиналась с грабительских нападений местного населения на вражеские территории. В начале 1633 г. по приказу патриарха было запрещено предпринимать такие нападения на «черкаские городки», так как «черкасы стоят за веру против еретиков ... и у них с польскими людьми за веру бои были великие, да и ныне есть»[75].

События, однако, стали развиваться совсем в ином направлении, чем предполагали в Москве. Объяснение разного рода решений, принимавшихся запорожским казачеством накануне и в начале Смоленской войны, следует искать в представлениях казаков о положении, сложившемся к этому времени в Речи Посполитой, где после смерти Сигизмунда III в апреле 1632 г. наступило «бескоролевье». Реконструкция этих представлений на основе анализа большого количества «расспросных речей» 1631–1632 гг. была предпринята автором в специальном исследовании[76]. В данной работе

---

[75] Акты Московского государства. Т. I. № 486; *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947. С. 179–180.

[76] *Floria B.N.* Konflikt między zwolennikami unii i prawosławia w Rzeczypospolitej (w świetle źródeł rosyjskich) // Barok. Historia — Literatura — Sztuka. III/2(6). Warszawa, 1996.

результаты этого исследования будут использованы в той мере, в какой это необходимо для понимания поведения и действий казачества.

Знакомство с этим «речами» показывает, что отрицательное отношение к Польско-Литовскому государству и его политическим институтам в среде казаков продолжало сохраняться. По их убеждению, власть в государстве находилась в руках «ляхов», которые хотят уничтожить казачество, подчинить «русский народ» и навязать ему «ляцкую веру». Как лица, которым предстояло выполнить подобные планы, в «расспросных речах» фигурировали гетман С. Конецпольский и назначенный киевским воеводой Я. Тышкевич. Вместе с тем, по их представлениям, в политических верхах Речи Посполитой существовали силы, враждебные этим планам, готовые защищать «русский народ» и его веру. Эти силы отождествлялись с уже неоднократно упоминавшимся королевичем Владиславом и уже упоминавшимся также литовским магнатом К. Радзивиллом, известным противником религиозной политики короля Сигизмунда III. Вопрос о борьбе между этими силами стал особенно актуальным для казачества, когда весной 1632 г. умер Сигизмунд III и встал вопрос, кто займет польский трон. Рассуждая по-своему логично, казаки пришли к выводу, что Владислава как защитника «русского народа» и «русской веры» «поляки» и в особенности «ксенжа» (католическое духовенство) избирать не захотят, отдав предпочтение кандидатуре его младшего брата Яна Казимира.

На казацкой раде, собравшейся в Росаве в мае 1632 г., было принято решение попытаться повлиять на ход выборов в пользу Владислава. Казацкая рада обратилась к сеймикам Киевского и Брацлавского воеводств. В своем письме казаки настаивали на том, что будущий монарх должен еще перед вступлением на трон подтвердить «prawa i swobody narodu naszego rosyjskiego», и в частности ликвидировать унию и признать православную иерархию. «Żadnego za pana, — говорилось в документе, — mieć nie chcemy ... póki nam y duchownym naszym praw, swobód i wolności K. Jego M. nie stwierdzi i nie poprzisięże». В том же обращении, называя

себя «ludźmi rycerskiemi», они требовали, чтобы будущий король «bez danie i zezwolienia naszego obierany być nie miał»[77].

С аналогичными требованиями казацкие послы отправились на конвокационный сейм. Для казаков было ясно, что их условия может одобрить только Владислав, но, не ограничиваясь выдвижением этих требований, послы должны были прямо требовать от участников сейма выбора Владислава[78]. Конвокационный сейм не должен был заниматься вопросом выбора монарха, он лишь устанавливал время и место таких выборов. Но для казаков было важно, что сейм не выбрал Владислава. К тому же кандидатуру будущего монарха с ними не обсуждали, их предложений не рассматривали, а в участии в выборах казацкому войску было прямо отказано[79].

Для понимания хода последующих событий важно остановиться на вопросе об отношениях между разными частями казачества.

Раскол в среде казачества, обозначившийся во время восстания 1630 г., продолжал сохраняться. В «расспросных речах» «выходцев» постоянно встречаются резкие выпады по адресу реестровых казаков. «Черкас письменных 6000 целовали крест королю и те с ляхами заодно», — говорил в августе 1631 г. казак из Ромен Гаврила Федоров[80]. «А им, черкасом, — говорил о реестровых казаках другой «выходец», — до тех достальных дела нет, и не вступятца»[81]. Раз «реестровые» казаки «переписались к ляхом в казачий список» и проявляли готовность сотрудничать с властью, то из этого следовал вывод, что они «обляшилися», «в ляцкую веру передались»[82]. В этой среде ожидали новых карательных походов и готовились к вооруженной борьбе. В этой связи возникали планы

---

77 Текст письма см.: Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V. Teka 261. N 11546.

78 Тексты казацких писем участникам сейма см.: *Голубев С.Т.* Киевский митрополит... Т. 1. Прил. С. 401–406.

79 *Грушевський М.С.* Історія. Т. VIII. Ч. 1. С. 150–151.

80 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 40. Л. 436.

81 Там же. Л. 401.

82 Там же. Л. 401. Воссоединение... Т. I. № 63. С. 110.

ухода казаков в Россию. Участник восстания 1630 г. Григорий Рубчинский в июне 1631 г. рассказывал, что «неписьменные» казаки во главе с гетманом Тарасом собираются в Черкассах и говорят о том, что если «их сила не возьмет против ляхов стоять за веру», то следует, собрав пушки и «запасы», идти на Дон, а оттуда просить, чтобы царь принял их на службу[83]. В августе 1631 г. уже упоминавшийся Гаврила Федоров говорил, что осенью ждут карательного похода войск гетмана Конецпольского, которые будут насаждать «ляцкую веру» и «в черкаских городкех жон и детей побивати». В этой связи он выражал убеждение, что если бы царь их «пожаловал», прислал свою грамоту, казаки бы во главе с Тарасом «з женами и детми пошли к государю к Москве»[84].

В этих условиях, при таких ожиданиях исход переговоров на сейме, как представляется, стал свидетельством того, что переговоры не принесут успеха и следует готовиться к вооруженной борьбе. Инициировавшая переговоры казацкая верхушка утратила авторитет и была отстранена, а во главе войска встали люди, готовые к вооруженной борьбе.

По мере того как приближался срок созыва элекционного сейма, в среде казачества распространялись все более тревожные слухи. Говорили о опасных планах поляков «посадить на королевство Кизимера (!) и хрестьянская вера разорить»[85]. О силе подозрений и остроте реакции на них красноречиво говорит следующая деталь: когда гетман Конецпольский прислал очередное «жалованье» реестровым казакам, то это было понято так, что он желает «затягать» казаков, «чтоб они шли к нему в Польшу и стояли бы против Владислава»[86]. Когда стали распространяться слухи, что магнаты направляются на выборы с большими вооруженными отрядами, то это было понято как намерения «поляков» силой посадить на трон Яна Казимира[87].

---

83 Воссоединение... Т. I. № 63. С. 110.
84 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 40. Л. 435.
85 Акты Московского государства. Т. I. № 436. С. 410, 411.
86 Там же. № 427. С. 402–403.
87 Там же. № 436. С. 409, 411.

Именно в ситуации этих тревожных ожиданий казацкая рада в Корсуни под влиянием советов митрополита Исайи Копинского приняла решение перейти под власть царя, чтобы он их «полякам не выдал». Однако это было решение на случай возникновения критической, экстремальной ситуации — «будет, де, поляки посадят на королевство Казимера и хрестьянскую веру начнут разорять»[88]. При этом одновременно Войско Запорожское предложило Владиславу вооруженную помощь в борьбе с его противниками[89]. Казаки все же надеялись на победу дружественных по отношению к казачеству сил в Польско-Литовском государстве, олицетворением которых был для казаков Владислав.

Представления казаков о глубоком расколе политической элиты Речи Посполитой, где резко сталкивались друзья казаков во главе с Владиславом и их враги во главе с Яном Казимиром, совсем не соответствовали действительности. Конечно, некоторые разногласия в этой среде существовали. В среде католического духовенства были люди, недовольные легкомысленным отношением Владислава к религиозным практикам и его контактами с протестантами, но разногласия эти не были сколько-нибудь принципиальными. Напротив, возникшая опасность войны с Россией привела к консолидации политической элиты Речи Посполитой, что привело к быстрому единодушному выбору Владислава польским королем. Таким образом, для казаков выборы завершились победой их кандидата.

Весьма существенно, что с избранием Владислава оказался связан поворот в политике властей Речи Посполитой по отношению к православию и православной церкви.

Определенные симптомы такого поворота обозначились уже на сеймах 1631 и 1632 гг.[90] Причины этого поворота по-

---

88 Там же. № 436.

89 *Голубев С.Т.* Киевский митрополит... Т. I. С. 452–453.

90 *Жукович П.Н.* Православно-церковный вопрос на предпоследнем сейме царствования Сигизмунда III // Христианские чтения. 1912. Т. 237; *Жукович П.Н.* Последний польский сейм в царствование Сигизмунда III // Там же; *Chodynicki K.* Kościół prawosławny... S. 536–540.

нятны. Уже в королевских предложениях на сейме 1631 г. говорилось об угрозе войны с Россией, которая с течением времени становилась всё более реальной. В таких условиях становилось важным, чтобы с началом войны запорожские казаки не подняли восстания, а приняли участие в войне на стороне Речи Посполитой. Имело, вероятно, значение и то, что недовольное политикой властей православное духовенство могло привлечь казаков на сторону России.

Уже на сейме 1631 г. о необходимости «успокоения греческой религии» говорили и гетман С. Конецпольский, и такой фанатичный католик, как канцлер литовский А. Радзивилл[91]. Были даны какие-то обещания на будущем сейме сделать так, чтобы «duchowni» православные было «uspokoieni» и могли спокойно «przy Eparsyach swoich zostawac»[92]. Однако в дальнейшем на такой шаг Сигизмунд III не пошел. В ответ на жалобы казацких послов на притеснения православных в разных землях он отвечал 6 апреля 1632 г., что ему неизвестно, чтобы кто-либо из его подданных испытал «ubliźenie z przyczyny religii»[93]. Продолжать, однако, такую политику было невозможно.

Этот поворот осуществил Владислав, гораздо более практичный политик, чем его отец, лишенный предрассудков Сигизмунда III. Необходимость в поддержке Запорожского Войска становилась очевидной, а реально привлечь казачество власти Речи Посполитой могли только уступками по вопросу о положении православной церкви.

На сейме, избравшем Владислава, в октябре — ноябре 1632 г. были приняты так называемые «Пункты успокоения», которые предусматривали право православных иметь свою иерархию, свои школы и типографии, при этом им должны были быть переданы часть епископских кафедр и церквей, находившихся в руках униатов[94]. 7 ноября при приня-

---

91 *Chodynicki K.* Kościół prawosławny... S. 536.

92 Ibid. S. 537 — об этом вспоминали запорожские послы при обращении на сейм 1632 г.

93 Ibid. S. 540.

94 *Голубев С.Т.* Киевский митрополит... Т. I. Приложения... С. 522–528.

тии «pacta conwenta» нового монарха в них было внесено его обязательство осуществить успокоение православных в соответствии с «Пунктами»[95]. В конце 1632 г. король обратился в посланием к казацкому войску, сообщая о «успокоении» православных и призывая выступить на войну[96]. Понятно, что такие решения должны были наложить свой отпечаток на отношение духовенства православной Киевской митрополии к Речи Посполитой.

Еще более сильное впечатление эти шаги должны были произвести на казачество, в среде которого сложилась и функционировала «легенда о Владиславе». Оказывалось, что избранник казаков не только вступил на трон, но и начал принимать меры для защиты «русского» народа и его веры. Всё это не могло не оказать воздействия на последующие поступки казаков.

---

95 *Dzięgielewski J.* O tolerancję dla zdominowanych. Polityka wyznaniowa Rzeczypospolitej w latach panowania Władysława IV. Warszawa, 1986. S. 55.

96 *Голубев С.Т.* Киевский митрополит... Т. I. Прил. № 82.

ГЛАВА 12

Смоленская война

Война между Россией и Польско-Литовским государством в 1632–1634 гг. стала важным событием в истории Восточной Европы. Военно-политические аспекты этой войны неоднократно изучались в работах русских, польских, украинских исследователей. В данном исследовании в соответствии с его темой будут рассмотрены два вопроса.

Первый — каково было отношение населения на территориях, ставших ареной военных действий, к происходившим событиям. Второй, более важный, — как реагировали на происходившие события православное духовенство на белорусских и украинских землях Речи Посполитой и казачество — те силы, которые ранее в разных ситуациях обсуждали вопрос о возможном сотрудничестве с Русским государством. Разумеется, то или иное поведение этих сил в годы войны имело значение для их будущих взаимоотношений с русской властью и русской церковью.

Ответ на первый вопрос представляется более простым. Речь шла о землях, долгое время входивших в состав Русского государства и оторванных от него совсем недавно в результате долгой и тяжелой войны. В Москве имели основания рассчитывать, что в сознании населения этих земель сохранилось чувство принадлежности к России и в начавшейся войне оно не станет на сторону Польско-Литовского государства. Дополнительные основания для таких надежд давали приходившие в русскую столицу сообщения о реакции населения на попытки смоленского униатского епископа Льва Кревзы принудить священников, монахов и простых людей на этих землях принять унию. Так, осенью 1631 г. его посланцы

«запечатали» церкви в Стародубе, требуя от священников подчиниться его власти, выгнали монахов из Спасского монастыря в Новгороде-Северском. Выходцы на русскую территорию, рассказывая об этих событиях, одновременно сообщали, что «русские люди в Стародубе» «в лятцкой вере быть не хотят» и имеют намерение уйти в Россию «по зимнему пути», когда замерзает Десна[1].

Как справедливо отметил украинский исследователь П. Кулаковский[2], о наличии в этих высказываниях определенного элемента истины говорит эпизод осени 1632 г., когда в г. Рыльск пришло для поселения в России из разных сел Новгород-Северского уезда 103 крестьянина с семьями и с ними два священника[3]. В конце 1631 г. в Москву пришло сообщение, свидетельствовавшее о том, что и сами власти в пограничных районах Речи Посполитой не уверены в лояльности населения. В сообщении говорилось, что у «русских людей», горожан и крестьян, в Смоленском, Дорогобужском и Серпейском уездах «самопалы все поотнимали»[4].

Надежды на сотрудничество с местным населением и его поддержку нашли яркое выражение в наказах воеводам, составленных в августе 1632 г., накануне начала военных действий.

Так, в наказе командующим армией на главном смоленском направлении — М.Б. Шеину и А.В. Измайлову — предписывалось при осаде Дорогобужа «руским людем в город посылать им грамоты тайно, чтоб они попомнили православную христианскую веру и государево крестное целованье, государю послужили, над литовскими людми промыслили и город сдали». Такие же переговоры следовало вести и с «русскими людьми» в Смоленске[5]. Одновременно воеводы долж-

---

1 Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. М., 1954. Т. I. № 67. С. 117; № 68. С. 119.

2 *Кулаковський П.* Чернігово-Северщина у складі Речи Посполитої. 1618–1648. Київ, 2006. С. 72.

3 Воссоединение... Т. I. № 75.

4 Акты Московского государства (далее — АМГ). СПб., 1890. Т. I. № 320. С. 339.

5 Акты, собранные в архивах и библиотеках Археографической экспедицией (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. III. № 206. С. 297–298.

ны были следить за тем, чтобы войско не брало даром корм и не грабило население[6]. Такие же предписания были включены и в другие воеводские наказы[7].

На протяжении осени 1632 г. — начала 1633 г. русские войска заняли целый ряд городов на Смоленщине и в Северской земле — Серпейск, Дорогобуж, Невель, Белую, Рославль, Себеж, Почеп, Трубчевск, Стародуб, Новгород-Северский. Кроме взятого штурмом Новгорода-Северского, все остальные города капитулировали[8]. Все они, однако, сдались после более или менее продолжительной осады[9], и роль «русских людей» в решении о сдаче остается во многом неясной. Вместе с тем в нашем распоряжении есть ряд сообщений о поведении после сдачи находившихся в городах «польских и литовских людей». Так, известно, что после сдачи Серпейска из его гарнизона 36 человек отправились в Речь Посполитую, а 26 перешло на русскую службу[10]. При сдаче Невеля принесли присягу не только русские, но и «польские и литовские люди»[11]. При сдаче Трубчевска «многие поляки и литовские люди, и гайдуки — Богдан Нетицкий да Сеницкой с товарыщи остались на государево имя»[12]. Эти свидетельства заставляют думать, что при сдаче городов играла свою роль готовность солдат, для которых служба была главным источником пропитания, сменить эту службу при наличии благоприятных условий. Они поступали так, как те достаточно многочисленные люди, которые выезжали на царскую службу в 20-х гг. XVII в.

Ряд сообщений о участии и роли «русских людей» выявил П. Кулаковский при реконструкции событий, связанных

---

6 Там же. С. 300.

7 См., например, наказ воеводам, посланным к Белой (Там же. № 207. С. 304).

8 См.: Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 380–381, 384.

9 Так, Дорогобуж сдался после того, как Александр Лесли «учал подкоп весть» (АМГ. Т. I. № 443. С. 420).

10 АМГ. Т. I. № 425. С. 403.

11 Там же. № 489. С. 465.

12 Там же. С. 452.

с осадой и взятием Новгорода-Северского[13]. Так, исследователь установил, что при подготовке города к осаде там получили убежище крестьяне, пришедшие сюда из соседних воеводств Речи Посполитой, а местные крестьяне (152 чел.) не были допущены в крепость, а размещены около нее в костеле и рву около него «вместе с сотней казаков». Начав осаду крепости в ноябре 1632 г., воевода Б. Болтин сумел вступить с ними в сношения, предлагая, чтобы они «от литовских людей отстали и с государевыми людьми не бились и из костела изо рва вышли на государево имя». «Русские люди» отвечали, что не могут выйти, боясь «черкас», «но если государевы люди придут к костелу, и они с государевыми ратными людьми биться не станут». Затем посланный Б. Болтиным отряд вывел их из костела[14]. Когда осада затянулась, начались осложнения между представителем власти — капитаном Яном Куницким и находившимися в городе «русскими людьми». По сообщениям перебежчиков, капитан обещал, что, если в течение 4 недель не придет помощь, он выпустит «русских людей» из города. Таким образом, если «русские люди» в Новгороде-Северском и не предприняли активных действий, которых от них ожидали в Москве, то они не проявили и желания сражаться до конца за интересы Польско-Литовского государства.

Более определенны данные, которые говорят о поведении крестьян, прежде всего на Смоленщине. Так, в отписке М.Б. Шеина от 1 ноября 1632 г. указывалось, что «Смоленского, де, уезду всякие уездные люди государю добра хотят и примят, которые литовские люди к ним приезжают в села и деревни, и они тех литовских людей, имав, проводят в полки к боярину»[15]. Это общее высказывание может быть подкреплено конкретными сообщениями, как «мужики» хватали и приводили «в полки» людей, посланных в их села за «запасами»[16]. 14 ноября гонец воеводы сообщал в Разрядном приказе,

---

13 *Кулаковский П.* Чернігово-Сіверщина... С. 108–110.
14 АМГ. Т. I. № 512. С. 484.
15 Там же. № 439. С. 413.
16 Там же. № 440. С. 413; № 443. С. 415.

что «из Смоленского уезду приходят в полки к боярину всякие люди и говорят, чтоб он шел под Смоленеск, а в Смоленску, де, немногие люди»[17]. Там же гонец сообщил, что к М.Б. Шеину обратились крестьяне Дорогобужского и Смоленского уездов во главе с Иваном Балашом, «чтоб им поволил быть в шишах»[18], то есть вести партизанские действия на землях Речи Посполитой. Уже в 20-х числах ноября отряд Балаша, в котором насчитывалось 500 человек, «почасту» присылал воеводе «языков»[19]. В декабре 1632 г. эти «охочие люди» вместе с русским отрядом ходили к Кричеву «и большой острог взяли»[20]. В Москве предпринятый опыт явно сочли удачным, так как в воеводском наказе Б. Болтину и И. Еропкину, посланным в Северскую землю, от 27 ноября 1632 г. им были даны полномочия набирать на службу «волных охочих людей северских городов»[21]. Когда позднее в отношениях между русскими властями и балашовцами возникли осложнения и дело дошло до вооруженных столкновений, балашовцы пытались уйти не на земли Речи Посполитой, а на Дон[22].

Сходную картину рисуют и факты, относящиеся к Северской земле. Так, в отписках, поступавших в Разрядный приказ в начале декабря 1632 г., указывалось, что если г. Трубчевск сдался после двухнедельной осады, то «Трубчевского уезда крестьяне государю крест целуют» без какого-либо сопротивления[23]. Когда Баим Болтин осаждал Новгород-Северский, 28 ноября 1632 г. к нему пришел поп Захарий и 30 чел. «лучших людей» из сел Рыботина и Мезина, чтобы принести присягу[24]. В то же время в пограничный Путивль вышло «на государево имя» 550 жителей Новгород-Северского уезда с семьями[25].

---

17 Там же. № 442. С. 414–415.
18 Там же. № 442. С. 414.
19 Там же. № 447. С. 418.
20 Там же. № 483. С. 446.
21 Книги разрядные... Т. 2. Стб. 432.
22 *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина... С. 117–118.
23 АМГ. Т. I. № 489. С. 450–451.
24 Там же. № 512. С. 484.
25 *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина... С. 108.

Группой населения, которая перед войной подвергалась гонениям и больше всего могла выиграть от установления новой власти, было православное духовенство. К сожалению, об этой стороне дела сведений почти нет. Между тем в нашем распоряжении есть свидетельство самого короля Владислава, что враждебные по отношению к властям Речи Посполитой действия местных духовных лиц имели место. Предписывая властям не пропускать через Смоленщину в Россию православных духовных лиц, король разъяснял, что издал такое распоряжение, «забегаючи тому, штоб в местах и замках наших пограничъных бунтов яких не было, которые ся звыкли ставати през бегунов духовных, жебы ся таким дорога до Москвы для розмов с неприятелем нашим также и оказия до здрады панства нашего, чого мы в многих дознали, не отворена»[26]. Таким образом, по утверждению самого короля, многие православные духовные лица содействовали возникновению бунтов на пограничных землях Речи Посполитой. Некоторый комментарий к этому свидетельству позволяет дать сообщение о судьбе братии Спасского монастыря в Новгороде-Северском. Как отмечалось выше, накануне Смоленской войны монахи были изгнаны из монастыря униатами и бежали в Россию, спасаясь от гонений, то есть были одними из тех «бегунов духовных», об опасной роли которых писал король. 17 января 1633 г., уже после перехода Новгорода-Северского под русскую власть, к городу «приходили в Спасской монастырь литовские люди и архимарита Спасского изсекли и старцев и крестьян побили»[27]. Таким образом, изгнанные властями Речи Посполитой монахи с приходом русской власти вернулись в свою обитель. Конечно, они не могли быть настроены дружелюбно по отношению к этим властям. Одновременно обращает на себя внимание, что на монастырь было предпринято нападение, которое привело к физическому истреблению братии. Если ограбление храмов во время военных

---

[26] Акты Виленской Археографической комиссии. Вильно, 1865. Т. I. № XXI. С. 72.

[27] АМГ. Т. I. № 512. С. 485.

действий в XVII в. не было редкостью (о некоторых примерах такого рода речь пойдет ниже), то коллективное убийство священнослужителей никак не может считаться чем-то обычным. Так, попадавшие в русский плен католические и униатские духовные лица подвергались заточению и ссылке, но их не убивали[28]. Очевидно, присутствие в Спасском монастыре православных монахов воспринималось как особая опасность. Это позволяет думать, что монахи призывали население к борьбе с Речью Посполитой, и отсюда появилось стремление эту деятельность прекратить.

Для исхода войны важное значение имела позиция Войска Запорожского. В Москве, опираясь на сообщения, поступавшие в русскую столицу осенью 1632 г., рассчитывали, что Войско Запорожское не примет участия в войне, а возможно, и перейдет под русскую власть. С начала военных действий русское правительство поэтому стремилось не осложнять свои отношения с казачеством. Неоднократно провозглашался запрет «охочим людям» совершать нападения на земли «черкасских городов»[29].

Первые месяцы войны как будто подтверждали правильность расчетов московских политиков. В развернувшихся военных действиях Войско Запорожское участия не принимало. Обращения «урядников» из пограничных крепостей с просьбой о помощи оставались безрезультатными. Так, по сведениям, поступившим в Москву, командовавший гарнизоном в Новгороде-Северском капитан Ян Куницкий «посылал ... в черкаские городы к черкасом в Нежин и в ыные городы не поодинова, чтоб оне к нему прислали в Новгородок людей и ... черкасы в Новгородок не были»[30]. По сообщениям, поступавшим от путивльских воевод, отказал «урядникам» в помощи сам глава Войска Запорожского А. Деденко, сделав

---

28 *Куракин Ю.Н.* Новые данные о деятельности католической церкви в Северской земле в конце 20-х — начале 30-х гг. XVII в. // Славяне и их соседи. М.. 1991. Вып. 3. С. 156–157.

29 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Новгородский стол. Стб. 27. Л. 75 (13 декабря 1632 г.); АМГ. Т. I. № 481. С. 448 (январь 1633 г.).

30 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 95. Л. 341.

это в очень резкой форме: «Преж, де, сево, вы нас, поляки, выписывали (из реестра) и побивали заодно, и ныне, де, вы сами себя обороняйте»[31]. В делах Разряда сохранилась грамота лубенского полковника Лаврина Харченко «уряднику» К. Сеножатцкому в Ромны от января 1633 г., в которой говорилось, что ранее он, «не имеючи повеления всего войска ... не смел к вам послать людей на помочь»[32].

В грамоте января 1633 г., содержавшей очередной запрет «охочим людям» нападать на «черкасские города», русские власти с удовлетворением констатировали, что «из черкаских городов черкасы против наших ратных людей нигде на боях не объявливались». В той же грамоте утверждалось, что «черкасы стоят за веру против еретиков, что польские люди у них православную веру нарушают, и за то, де, у них польскими людьми бои были великие, да и ныне есть»[33]. В Москве ожидали скорого перехода Войска Запорожского на русскую сторону. В том же январе 1633 г. патриарх Филарет говорил османскому послу Фоме Кантакузину, что «запорожские черкасы все хотят служити и впред быти под их государскою высокою рукою вовеки неотступни, а от литовских людей отложились»[34].

С начала 1633 г. положение стало меняться, но совсем не так, как ожидали в Москве. Наступившие перемены нашли отражение уже в упоминавшемся выше письме лубенского полковника. 28 января 1633 г. он извещал К. Сеножатского, что посылает в Ромны ему на помощь три сотни казаков. 3 февраля и в Нежин пришло триста казаков[35]. В январе 1633 г. от захваченных пленных стали поступать сведения, что в Нежине соберутся казаки из Переяслава и Чигирина для похода на Новгород-Северский[36]. 27 февраля 1633 г.

---

31 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 27. Л. 8, 35.

32 *Флоря Б.Н.* Начало Смоленской войны и запорожское казачество // Mappa mundi / Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1991. С. 449–450.

33 АМГ. Т. I. № 486. С. 448.

34 РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией), 1632 г. № 6. Л. 38.

35 РГАДА. Ф. 219. Севский стол. Стб. 99. Л. 104.

36 *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина... С. 114.

казаки участвовали в ночном нападении польского войска на Путивль[37].

Зная охарактеризованные в предшествующем разделе представления запорожских казаков о внутриполитическом положении в Речи Посполитой и сформировавшиеся под влиянием этих представлений политические планы, можно ответить на вопрос, почему в начале Смоленской войны Войско Запорожское заняло позицию своеобразного нейтралитета, а затем приняло решение участвовать в войне на стороне Речи Посполитой. Осень 1632 г. стала временем выборов на королевский трон, опустевший после смерти Сигизмунда III. По представлениям запорожцев, на выборах должна была происходить борьба между защитником прав «русского народа» королевичем Владиславом и поддерживавшим его литовским гетманом К. Радзивиллом и его «злым» братом Яном-Казимиром, которого поддерживают «ксендзы» и поляки. Запорожцы серьезно опасались, что именно эти силы возьмут верх и станут истреблять казаков, и было принято решение в этой критической ситуации искать помощи и защиты в Москве.

Разногласия в политической элите Речи Посполитой не были столь серьезными, как думали казаки, а рост внешней опасности с началом Смоленской войны способствовал консолидации правящего сословия, и элекционный сейм уже в начале ноября 1632 г. завершился избранием Владислава. Однако лишь в конце 1632 г. достоверные известия об этом дошли до восточных областей Украины. Важную роль при этом должно было сыграть послание Владислава, которое повезли находившиеся на сейме казацкие послы. В этом послании король сообщал не только о своем вступлении на трон, но и принятых решениях о прекращении преследований и легализации положения православной церкви в Речи Посполитой. В том же послании он призывал казацкое войско готовиться к войне с Россией, чтобы выступить в ответ на первое обращение[38]. Очевидно, для обсуждения этого по-

---

[37] Там же. С. 115.

[38] *Голубев С.Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его

слания в Чигирине в декабре 1632 г. собиралась казацкая рада, о чем сообщали пленные, приведенные в Путивль 13 декабря[39].

Очевидно, пока не был точно известен исход выборов, Войско Запорожское не принимало участия в войне, так как ему могла понадобиться поддержка и помощь Москвы, но положение изменилось. Когда выборы завершились избранием Владислава, он сразу же предпринял шаги для защиты прав «русского народа», признав законным существование в Речи Посполитой православной церкви. Тем самым, по представлениям казаков, открывалась возможность решительного улучшения их положения в Речи Посполитой, чему должна была способствовать усердная служба новому королю во время войны. Отсюда — перелом в поведении казаков в начале 1633 г.

Участие казаков в событиях Смоленской войны было предметом специального изучения в целом ряде работ. Это позволяет в данном исследовании ограничиться общей характеристикой событий, обратив внимание, главным образом, на масштаб и характер участия казаков в военных операциях.

В мае 1633 г. большое казацкое войско во главе с гетманами Дорошем Куцковичем (одним из казацких послов на сейм 1632 г.) и Тимофеем Арандаренко участвовали в походе на Путивль и осаде этой крепости. Осада продолжалась с 14 мая по 9 июня. Осаждающие неоднократно штурмовали крепость, понеся при этом серьезные потери. Как сообщали в Москву путивльские воеводы, на приступах погибло два казацких полковника, «письменных черкас и охочих всяких людей побито тысячи с четыре и больше да раненых тысячи с полтретьи»[40]. Очевидно, что не войско во главе с Александром Пясечинским и Яремой Вишневецким, а отряды казаков играли главную роль при осаде Путивля. Большие

сподвижники. Киев, 1883. Т. I. Прил. № 82.

39 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 27. Л. 131.

40 АМГ. Т. I. № 529. С. 503. Об осаде Путивля см.: *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина... С. 119–120; *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI — первая половина XVII века. Белгород, 2004. С. 153–154.

потери, понесенные при этом войском, вероятно, и привели к тому, что «гетмана, де, Дороша черкасы от гетманства отставили, а выбрали гетмана Рандоренка»[41].

Из-под Путивля отдельные отряды казаков ходили в окрестности Севска, Рыльска и Новгорода-Северского[42]. Одновременно отряд казаков во главе с Яцко Остряниным неожиданным нападением захватил и разорил Валуйку[43]. В находившейся в городе церкви Св. Николая казаки забрали церковные книги, сосуды, колокола[44]. В июне 1633 г. отряд Острянина подошел к Белгороду и около месяца осаждал его, 20 июля имел место безуспешный штурм крепости. Потеряв несколько сотен человек, отряд Острянина ушел на запад[45]. В августе 1633 г. большой отряд казаков предпринял поход на Курск. Во главе войска встали «отставленный гетман» Яков Острянин, полковники Пырский и Ловерко. Так как и Пырский, и Ловерко (Лаврин) Харченко известны как предводители Лубенского полка, очевидно, его силами и был предпринят набег. Штурм крепости, предпринятый 26 августа, оказался безуспешным. Потери исчислялись сотнями убитых[46].

Июль — начало августа 1633 г. отмечены усилиями властей Речи Посполитой добиться решения о походе главных сил Войска Запорожского на помощь королевской армии под Смоленск. Договоренность об этом была достигнута в казацком лагере под Переяславом[47]. По сообщениям пленных казаков, войско во главе с гетманом Тимофеем Арендаренко выступило в поход «за неделю до Оспожина дни» (то есть около 8 августа) и пришло под Смоленск «за

---

41 РГАДА. Ф. 219. Севский стол. Стб. 99. Л. 262. Этим, вероятно, объясняется упоминание в отписке воевод сразу двух гетманов как начальников казацкого войска.

42 *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина... С. 120.

43 *Папков А.И.* Южное порубежье... С. 154–155.

44 АМГ. Т. I. № 704. С. 643.

45 *Папков А.И.* Южное порубежье... С. 155–157.

46 Там же. С. 157; АМГ. Т. I. № 538. С. 511.

47 *Sysyn F.* Between Poland and the Ukraine. The Dilemma of Adam Kysil. 1600–1653. Cambr. Mass., 1985. P. 72–73.

неделю до Покрова»[48]. Уже 11 сентября казацкое войско участвовало в нападении королевской армии на русские укрепления на Покровской горе[49]. Польский наблюдатель характеризовал казаков как людей смелых и предприимчивых, но плохо одетых и плохо вооруженных[50]. Отзывы эти находят определенное подтверждение в сообщениях перебежчиков и пленных. Побывавший в казацком войске «немчин» сообщил, что войско делилось на 6 полков, а полки на роты, но при этом «лучших людей всего две роты, те, де, все в латах»[51]. Очевидно, другие казаки доспехов не носили. Значительная часть войска не имела коней[52].

Из лагеря под Смоленском войско Арендаренко было послано «дороги отняти»[53] и перерезало пути, связывавшие армию М.Б. Шеина с тыловыми складами и войсками, стоявшими в Дорогобуже и Вязьме. Важную роль сыграло казацкое войско и на последующем этапе военной кампании, когда войскам Владислава IV удалось окружить армию Шеина в укрепленном лагере. Гетман польный М. Казановский был отправлен с большим отрядом на восток, чтобы помешать русским войскам прийти на помощь Шеину. Вместе с ним пошло на восток казацкое войско. Уже в ноябре 1633 г. казацкое войско предприняло набег в район Дорогобужа[54], нападение повторилось 20 декабря[55]. Подверглась нападению и Вязьма, главный русский опорный пункт на смоленском направлении. Из справки о службах вяземского воеводы М. Вельяминова видно, что 7 января по ржевской дороге к Вязьме приходили «польские и литовские люди многие и черкасы», нападение повторилось и 27 января[56]. 12 янва-

---

48 Там же. № 657. С. 611.
49 Книги разрядные... Т. 2. Стб. 530.
50 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Київ; Львів, 1922. Т. VIII. Ч. 1. С. 205.
51 АМГ. Т. I. № 651. С. 608.
52 В 7-тысячном войске весной 1634 г. насчитывалось 4000 конных.
53 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 75. Л. 55.
54 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 75. Л. 151.
55 АМГ. Т. I. № 668. С. 635.
56 Там же. № 705. С. 647–648.

ря пришедшее от Вязьмы казацкое войско осаждало Ржеву[57]. 16 февраля черкасы снова приходили к Вязьме[58]. В марте в Москву поступили сообщения от пленных, что казацкое войско ушло на юг, остановившись в селе Щелканове Мещовского уезда — вотчине А.В. Измайлова[59]. После отдыха и пополнения сил войска должны были вернуться к Вязьме[60]. Во время военных действий войска понесли серьезные потери. Из 10-тысячного войска осталось 7000 чел., из которых многие были больны[61]. На месте стоянки к войску подошли подкрепления, которые привел «из-за Путивля черкаской гетман Тарас»[62].

Одновременно в первые месяцы 1634 г. развернулись наступательные действия казацких войск на территории Северской земли. Когда было принято решение об уходе Войска Запорожского под Смоленск, на левобережье Днепра был оставлен лубенский полковник Лаврин Харченко[63]. В январе 1634 г. этот полк принял участие в походе Я. Вишневецкого на Курск, но штурм крепости не привел к успеху[64]. В конце февраля 1634 г. в походе Я. Вишневецкого на Севск участвовали гораздо более значительные казацкие силы. По сведениям пленных, в казацком войске насчитывалось 6 тыс. чел. В походе участвовал гетман Ильяш Караимович, полковники Григорий Черкасский, Данила Каневский, Юрко Латыш Чигиринский, Филоненок Корсунский и Яцко Острянин (по-видимому, полковник полтавский)[65]. Таким образом, для участия в походе собирались казаки со всего среднего Поднепровья. С 1 по 7 марта

---

57 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 75. Л. 201.
58 АМГ. Т. I. № 705. С. 649.
59 Там же. № 649. С. 604.
60 Там же. № 651. С. 608.
61 Там же. № 649. С. 605.
62 Там же. № 645. С. 595.
63 *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина... С. 124.
64 Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1963. С. 89; *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина... С. 132; *Папков А.И.* Южное порубежье... С. 158.
65 АМГ. Т. I. № 636. С. 587.

войска штурмовали Севск, но приступы были отбиты[66].

Когда пришли известия об угрозе татарского набега, польское войско ушло на южную границу Речи Посполитой, а казаки, разорявшие пограничную Комарицкую волость, остались на территории Северской земли[67]. Какая-то часть этих казаков 26 марта осаждала Стародуб[68]. В начале апреля 1634 г. войско во главе с Ильяшем Караимовичем, полковниками Данилом Даниловым и Яцко Остряниным подошло к Курску и с 4 по 16 апреля осаждало крепость, но «черкасам» удалось только выжечь слободы[69].

Вернувшись из-под Курска в Полтаву, Яцко Острянин стал готовить поход на Белгород, предлагая принять в нем участие казакам из Переяслава и других городов. Войско в походе возглавили Яцко Острянин и полковники Пырский и Лавринко из Лубен. Внезапное нападение, предпринятое ранним утром 8 июня 1634 г., позволило нападавшим захватить и сжечь большой острог, но штурмы крепости были отбиты[70]. Еще раньше, в мае 1634 г., 4-тысячный отряд казаков из Щелканова предпринял нападение на Калугу[71].

Эта по необходимости краткая справка о действиях украинского казачества в годы Смоленской войны позволяет сделать некоторые определенные заключения, Обращает на себя внимание активное участие широких кругов казачества в военных операциях, «реестровые» казаки несомненно составляли лишь часть казацких войск. Во главе казацких войск действовали вместе люди, которые через несколько лет окажутся во враждебных лагерях. С одной стороны — Ильяш Караимович, глава казацкой старшины, сотрудничавший с властями Речи Посполитой, убитый казаками во время восстания Хмельницкого, с другой — такие участники казацкого

---

66 Об осаде Севска см.: *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина... С. 132–133; *Папков А.И.* Южное порубежье... С. 158–159.

67 АМГ. Т. I. № 664. С. 616–617.

68 Там же. № 595. С. ...

69 *Папков А.И.* Южное порубежье... С. 159.

70 Там же. С. 160–162.

71 АМГ. Т. I. № 668. С. 619.

восстания 1637–1638 гг., как один из его главных предводителей Яцко Острянин и участник похода на Курск в феврале 1634 г. Филоненко. Особый интерес представляет фигура Яцко Острянина, который сначала был одним из главных инициаторов казацких нападений на русские земли, а затем — одним из главных руководителей казацкого восстания, который, потерпев поражение, нашел прибежище в России. Этот пример наиболее ясно показывает, что участие в войне получило активную поддержку и тех кругов казачества, которые находились в достаточно напряженных отношениях с властями Речи Посполитой.

Некоторые данные показывают, что участие в войне не сопровождалось улучшением отношения казачества к тем институтам государственной власти, с которыми оно сталкивалось. Характерно, что, когда на совещании в Переяславе посланец гетмана С. Конецпольского предложил в связи с уходом запорожцев под Смоленск послать в Поднепровье часть коронного войска, казаки это предложение категорически отвергли[72].

Что же побуждало разные слои казачества так активно участвовать в войне с Россией? Ясно, что казачеству, для которого главным источником была военная добыча, всякая война была выгодна и казаки в своих походах захватывали добычу (не брезгуя и церковными ценностями) и пленных. Однако не все особенности поведения казаков во время войны можно объяснить таким образом. В источниках казаки выступают постоянно как люди, которые штурмуют вражеские крепости, неся подчас при этом серьезные потери. Это показывает, что казаки явно смотрели на свои действия во время Смоленской войны как на важную государственную службу, требующую жертв с их стороны. Все это позволяет сделать вывод, что подобно казакам гетмана Петра Сагайдачного казаки времен Смоленской войны рассчитывали, что их важная служба принесет им в Польско-Литовском государстве признание «свобод» и «вольностей». Оснований для таких надежд было гораздо больше,

---

72 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. С. 204.

чем в 1618 г. На престол вступил правитель, давно известный казакам как защитник и их, и всего «русского народа» в целом, который уже начал о нем заботиться, прекратив гонения на православных. Отсюда и самое активное участие в войне самых широких кругов казачества. Дальнейший ход событий должен был показать, насколько основательны такие надежды. Вместе с тем очевидно, что такое поведение казачества во время Смоленской войны должно было наложить свой отпечаток на отношение русской власти к казачеству.

Годы Смоленской войны стали одновременно временем больших перемен в отношениях между властями Речи Посполитой и православным духовенством. Накануне войны в рядах духовенства, как отмечалось выше, произошел раскол. Раскол этот нашел свое выражение в словах старцев, изгнанных из Спасского монастыря в Новгороде-Северском, что «в Киеве только за крестьянскую веру стоит один лубенской владыка Исайя ... а в Печерском, де, монастыре архимарит киевский поддаетца к ляхом, в лядскую ж веру»[73]. Духовенство Северской земли, выразителем взглядов которого был Исайя Копинский, под влиянием преследований со стороны униатского смоленского епископа расценивало положение, создавшееся в Речи Посполитой, как критическое и хотело вместе с казацким войском искать поддержки и защиты в Москве. Иначе оценивали положение влиятельные круги духовенства, объединившиеся вокруг архимандрита Киево-Печерского монастыря Петра Могилы, тесно связанные с православной шляхтой. По-видимому, благодаря своим контактам с многими представителями правящей элиты Петр Могила гораздо лучше представлял реальные настроения в этой среде. Хорошо известно, что уже в правление Сигизмунда III более проницательные представители политической верхушки, как, например, каштелян краковский Е. Збаражский, приходили к выводу, что религиозная политика короля способствует не укреплению, а ослаблению единства государства. В ожидании близкой войны с Россией возникла также необходимость принятия мер, которые

---

[73] Воссоединение... Т. I. № 68. С. 119.

обеспечили бы лояльность православных подданных. Между тем и шляхта восточных областей Украины требовала «успокоения греческой религии», то есть легализации положения православной церкви. В инструкциях сеймика Волынского воеводства указывалось, что если соответствующие меры не будут приняты, то волынская шляхта откажется участвовать в выборах короля[74]. Аналогичные решения приняли сеймики Киевского и, по-видимому, Брацлавского воеводств[75]. Такое же требование выдвигало и Войско Запорожское[76].

Если Исайя Копинский не поехал на сейм, то Петр Могила направился туда как главный представитель православного духовенства. На собравшемся в июне 1632 г. конвокационном сейме послы православной шляхты выдвинули свои требования, из которых главным было признание законности существования православной киевской митрополии[77]. 13 июня н. ст. православным послам шляхты был вручен проект документа о разделе между униатами и православными кафедр и церковных имуществ[78]. Хотя православные отклонили предложенные условия как невыгодные, значение имело само составление и обсуждение такого документа, что означало фактическое признание права на существование православной церкви в Речи Посполитой. Открывались перспективы добиться установления признанной властями православной киевской митрополии с помощью легальных средств.

О том, как оценивали положение дел в кругу Петра Могилы, позволяет судить его пастырское послание, разосланное верующим[79] после того, как конвокационный сейм в середине июля 1632 г. по н. ст. закончил свою работу. В этом послании

---

74 Архив Юго-Западной России. Киев, 1864. Ч. 1. Т. II. С. 189.

75 *Dzięgielewski J.* O tolerancję dla zdominowanych. Polityka wyznaniowa Rzeczypospolitej w latach panowania Władysława IV. Warszawa, 1986. S. 49.

76 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. С. 150; Księcia Krzysztofa Radziwiłła hetmana polnego Wielkiego Xięstwa sprawy wojenne i polityczne. Paryż, 1859. S. 630–631.

77 Изложение общих требований православных и протестантов см.: *Голубев С.Т.* Киевский митрополит... Т. I. Прил. № 75.

78 *Голубев С.Т.* Киевский митрополит... Т. I. Прил. С. 424–426.

79 *Голубев С.Т.* Киевский митрополит... Т. I. Прил. С. 518–519.

он призывал как можно более активно участвовать в элекционном сейме, где при содействии королевича Владислава можно будет добиться поставленных целей. Не рассматривая сложных перипетий развернувшейся на сейме борьбы, следует отметить ее главный итог — внесение 1 ноября н. ст. в варшавские гродские книги так называемых «Пунктов успокоения», определявших положение православных и униатских церквей в Речи Посполитой. В соответствии с этим документом восстанавливалась православная киевская митрополия и православным передавались 4 епископские кафедры (одна из них — в Великом княжестве Литовском). Власти не признавали епископов, поставленных патриархом Феофаном, поэтому православная шляхта и духовенство должны были предложить королю новых кандидатов на митрополичий стол и на кафедры. Статьи обеспечивали православным право свободно отправлять богослужение, строить храмы, иметь семинарии, школы, типографии[80]. Хотя в текст документа в дальнейшем при его утверждении сеймом были внесены неблагоприятные для православных изменения, главные его положения сохранили свою силу.

Православная шляхта и ранее не предполагала какие-либо нелегальные выступления в защиту православного духовенства. Теперь ее предложения были удовлетворены. Она получила признание своего традиционного права влиять на жизнь православного общества, права, которое было поставлено под вопрос с заключением Брестской унии. Православное духовенство также получило достаточно широкие возможности для своей деятельности, особенно на Украине, где православному митрополиту был передан Софийский собор в Киеве. При поддержке православной шляхты новым киевским митрополитом стал Петр Могила, епископские кафедры заняли люди его круга.

Таким образом, в то самое время, когда начались военные действия между Россией и Речью Посполитой, произошла легализация православной церкви в Польско-Литовском государстве, и тем самым для православного духовенства

---

80 Там же. С. 522–528.

в значительной мере отпадали стимулы искать помощи и поддержки в Москве, а тем более помогать ей в борьбе с Речью Посполитой. Исайя Копинский, опиравшийся на поддержку казацкого войска, утратил почву под ногами, так как критическая ситуация, которой он ожидал, не наступила. В лагере под Переяславом летом 1633 г. казацкое войско признало Петра Могилу законным киевским митрополитом, а Исайе был передан на содержание Михайловский монастырь в Киеве. При имевших место спорах Петр Могила обвинил Исайю в измене, в поисках соглашения с Москвой и благословил Войско Запорожское на войну с Россией[81]. Известно также, что такой близкий к Петру Могиле человек, как мстиславский епископ Иосиф Бобрикович, в августе 1633 г. был отправлен как посол Владислава IV к запорожцам, что, конечно, было связано с идущей войной[82]. Таким образом, ставшие во главе православного духовенства новый киевский митрополит Петр Могила и люди его круга готовы были помогать Речи Посполитой в ее войне с Русским государством.

Начиная Смоленскую войну, русское правительство рассчитывало, что такие части общества Речи Посполитой, как казачество, сильно недовольное положением в обществе и ожидавшее острых репрессий со стороны властей, и страдавшее от гонений православное духовенство, встанут в этой войне на русскую сторону. Расчеты эти, как было показано выше, не осуществились, и это не могло не отложить отпечатка на отношения русской власти и с казачеством, и с православным духовенством в последующие годы.

Вместе с тем выигрыш властей Речи Посполитой был, по существу, выигрышем тактическим. Власти Польско-Литовского государства не могли обеспечить православным в своей стране действительного равноправия, намерены были продолжать политику распространения католической религии, и со временем это должно было снова побудить православное духовенство искать помощи и поддержки в Москве. В условиях войны острые конфликты властей

---

81 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 1. С. 186–187.

82 *Sysyn F.* Between Poland and the Ukraine... S. 281.

Речи Посполитой и казачества были отодвинуты на задний план, но, поскольку власти Речи Посполитой вовсе не собирались (как и в 1618 г.) наделять казаков какими-либо «вольностями», новый конфликт уже в близком будущем был неизбежен, и вопрос об отношениях с Россией, поисках поддержки с ее стороны снова должен был стать для казачества актуальным.

ГЛАВА 13

Православное духовенство Киевской митрополии и Россия (середина 30-х — 40-е годы XVII в.)

Вторая половина 30-х гг. XVII в. стала временем упадка церковных связей между духовенством Киевской митрополии и Россией. В первые годы после Смоленской войны начали покидать русские монастыри и возвращаться на родину старцы, некогда нашедшие здесь приют[1]. Редким явлением стали и поездки духовных лиц в Россию за «милостыней». Из людей, ранее активно поддерживавших связи с Россией, лишь Порфирий Борецкий, ставший настоятелем Терехтемирова монастыря, в 1639 г. побывал в Москве[2]. Прекращению (во всяком случае сильному сокращению) этих связей способствовал, как представляется, ряд факторов — прекращение преследований (или, во всяком случае, ослабление их) уменьшало необходимость в поисках помощи и поддержки; усилился контроль со стороны властей Речи Посполитой за такими поездками. «Диариуш» Афанасия Филипповича наглядно показывает, с какими трудностями сталкивался человек, не получивший разрешения на поездку у властей. Афанасий Филиппович собирался в Москву, чтобы получить средства на строительство храма в Купятицком монастыре. Так как у него не было такого разрешения, ни игумен монастыря Иларион Денисович, ни игумен Кутейнского Оршанского монастыря Иоиль Трусевич не нашли возможным дать ему рекомендательные грамоты[3]. Пересечь границу на смоленском направлении ему не удалось, на южном направлении

---

1 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 48 и сл.
2 Там же. С. 87–88.
3 РИБ. Т. IV. СПб., 1878. Стб. 53–54.

в Трубчевске ему запретил проезд кн. Петр Трубецкой, и он с трудом попал на русскую территорию, где «дивовалися, як страж минулисмо»[4]. Характерно, что он не пытался обратиться к епископу, очевидно, зная, что они такие поездки не приветствуют: ни один из архиереев в 30-е — 40-е гг. XVII в. не пытался направить в Москву своих посланцев. Как увидим далее, не приветствовали такие поездки и русские власти.

По отношению к новому главе митрополии в Москве сразу заняли отрицательную позицию. Русские послы в Стамбуле пытались добиться того, чтобы константинопольский патриарх Кирилл Лукарис не давал Петру Могиле «благословения», так как от него «царскому величеству добра никоторого не будет ни в чем», ибо он выбран «по королевскому росказанью»[5]. Отрицательное отношение к митрополиту распространялось и на духовенство его митрополии.

Инициатива по возобновлению связей исходила от Петра Могилы. В начале 1635 г. в Варшаву выехали из Москвы «великие» послы во главе с кн. А.М. Львовым. В своем статейном списке послы отметили, что на обратном пути в Вильно (там послы находились 9–11 мая) их посетил Могила, объезжавший в это время северную часть своей епархии. Митрополит сообщил послам, что «по его прошенью» король отобрал у униатов и отдал ему Софийский собор, где «лежат великие князи киевские». Он выражал надежду, что «для своего многолетного здоровья» царь Михаил Федорович пошлет «милостыню», «как ему, государю, Бог известит», а «он ... Бога молит» за царя и его «природных чад»[6]. Митрополит так демонстрировал свою преданность православию и заботу о киевских святынях и явно выражал желание возобновить прерванные связи. В Москве на это обращение не реагировали.

Новая попытка была предпринята осенью 1637 г. В это время такой близкий к киевскому митрополиту человек, как Леонтий Шитик Залесский, наместник Виленского

---

4 Там же. Стб. 55–58.

5 РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией), 1632 г. № 3. Л. 378–380.

6 РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 49. Л. 894.

братства Св. Духа, направился в Москву за милостыней на построение в братстве каменной церкви[7]. С собой Леонтий Шитик вез грамоты Петра Могилы, адресованные царю и патриарху Иоасафу[8]. Отношение к посольству оказалось достаточно сдержанным. Послы Виленского братства не были допущены в Москву, и жалованье (правда, довольно значительное — 200 руб.) было послано им в Вязьму[9]. Характерно при этом, что когда послы, узнав, что их не допустят в Москву, хотели передать грамоты Петра Могилы вяземским воеводам, те отказались их принять «без государева указу»[10]. Тогда Л. Шитик обратился к царю с письмом, в котором просил вернуть проезжую грамоту Владислава IV, чтобы избежать возможных преследований, а также обратился с просьбой: «Усердно молим, дабы царское твое величество хотел восприяти писания помененные» — адресованные ему грамоты Петра Могилы и Виленского братства[11]. В ответной грамоте царя говорилось лишь о возвращении старцам проезжей грамоты[12]. Таким образом, грамоты Петра Могилы царь и патриарх не приняли.

Известия, поступавшие с Украины во время восстания 1637–1638 гг., вряд ли могли улучшить отношение в Москве к носителю митрополичьего сана. Казаки, которых митрополит не хотел «благословить» на восстание против власти «поляков» — католиков, выражали недовольство его пассивностью в таком важном для православия деле. 20 января 1638 г. выехавший в Россию есаул Черкасского полка Федор Щербина говорил, что, когда летом 1637 г. казаки «изо всех черкаских городков» собрались на раду, они посылали к Петру Могиле, чтобы он «был с ними в православной крестьянской вере и в соединении», но митрополит «к черкасам не поехал и никово к ним не прислал». Позднее пришедший

---

7 Грамота Владислава IV с разрешением на поездку датируется 27 сентября н. ст. 1637 г. (РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией), 1638 г. № 2. Л. 5–7).

8 Там же. Л. 20.

9 Там же. Л. 10.

10 Там же. Л. 20.

11 Там же. Л. 22.

12 Там же. Л. 23.

из Киева «белоруской поп» объяснил участникам рады, «что киевской митрополит православные крестьянские веры отступил и принял папежскую веру»[13].

Летом 1638 г. в Путивль приехали монахи и монахини Густынского и Ладинского девичьего монастырей, сообщившие, что ищут убежища в России, так как живущий в Полесье их духовный наставник Исайя Копинский известил их, что Петр Могила «веры хрестьянской ныне отпал и благословлен, де, митрополит Петр Могила от папы Римского ныне в Великой пост ... в патриархи». Он, якобы, принес присягу «хрестьянскую веру ученьем своим попрать и уставить всее службу церковную по повеленью папы Римьского»[14]. Именно эти сообщения заставили монахов искать убежища в России.

Разумеется, в архивных делах нет прямых свидетельств того, как в Москве реагировали на подобные известия, тем более что одновременно в Москву поступали и известия другого рода. Так, монахи третьего из основанных Исайей Копинским монастырей, Мгарского, не присоединились с своим собратьям, а его игумен Калистрат просил ушедших в Россию собратьев, чтобы они «униятами их, игумена и братью, и киевского митрополита ложно не называли, а они по старому живут в благочестивой вере»[15]. Письмо это было доставлено в Москву, как и рассказы беглецов.

Вместе с тем свидетельство, относящееся к весне 1639 г., позволяет всё же установить, какие из этих сведений в Москве склонны были считать достоверными. В апреле 1639 г. на русскую границу прибыл известный издатель Спиридон Соболь, который привез с собой и печатные книги для продажи, и готовые формы для печатания. Он представился как слуга «кир Петра Могилы»[16].

---

13 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Белгородский стол. Стб. 82. Л. 49–50.

14 Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России (далее — АЮЗР). СПб., 1861. Т. III. № 2. С. 5.

15 Там же. № 7. С. 14.

16 Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963. № 136. С. 158.

21 апреля московского издателя Василия Бурцева запросили о том, кто таков Соболь. В. Бурцев сказал, что Петр Могила, которому служит Соболь, «православные крестьянские веры отпал и приступил к римской вере, и ныне он унеят»[17]. Предполагают, что В. Бурцев хотел очернить нежелательного конкурента. Для нас, однако, важна реакция в Москве на это сообщение. Здесь было принято решение «Спиридона Соболя отпустить назад в Литву, чтоб в ево ученье и в книгах смуты не было», так как он служит Могиле, «а Петр Могила от православные крестьянские веры отпал»[18].

Правда, начиная с того же 1639 г. в отношениях между Киевом и Москвой наметились определенные перемены, что было в известной мере связано с установлением к этому времени достаточно тесных связей между русскими политиками и молдавским воеводой Василием Лупу. Связи эти получили развитие в годы так наз. «азовского сидения». Их установлению содействовал сам верховный сюзерен Молдавского княжества — султан, рассчитывавший на содействие господаря в своих усилиях по возвращению Азова. Это обстоятельство Василий Лупу использовал для налаживания разнообразных связей с Россией (он, в частности, просил прислать из Москвы мастеров для росписи собора Трех святителей в Яссах). О развитии этих связей был, конечно, осведомлен Петр Могила, поддерживавший тесные контакты с господарем. Это дало ему возможность оказать русским властям важную услугу.

В августе 1639 г. Лупу известил царя о появлении в Молдавии ехавшего к султану самозванца, выдававшего себя за сына Василия Шуйского, которого господарь приказал арестовать[19]. Для проведения расследования и наказания преступника в Молдавию был послан дьяк Богдан Дубровский. Ввиду секретности дела дьяк ехал под видом иконника,

---

17 Там же. С. 160.

18 Там же.

19 Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. М., 1968. Т. II (1633–1673 гг.). № 10. С. 39.

приглашенного для росписи храма[20]. Благополучно проехать в Молдавию через земли Речи Посполитой Б. Дубровскому помогли по указаниям Петра Могилы. Позднее в Москве отмечали, что митрополит «радел и берег ... государева посланника»[21]. Очевидно, что такой шаг Петр Могила предпринял, чтобы создать о себе благоприятное впечатление в Москве.

Представляется неслучайным, что вскоре после этого, в октябре 1639 г.[22], в Москву было направлено большое посольство во главе с наместником Киево-Печерского монастыря Игнатием Старушичем. В состав посольства вошли келарь Николо-Пустынского монастыря, игумены Братского и Выдубицкого монастырей[23]. Грамота Петра Могилы царю[24] и обращение его посла уже в Москве позволяют судить, с какими предложениями обращался к царю глава Киевской митрополии. Грамота начиналась с извинений, что из-за «молв и мятежей» он до сих пор не обратился к царю. Это высказывание служит бесспорным доказательством того, что в предшествующие годы никаких контактов между Москвой и киевской кафедрой не было.

Петр Могила просил прежде всего о подтверждении прежних пожалований Киево-Печерскому монастырю (он продолжал им управлять, будучи митрополитом). Просьба обосновывалась тем, что монастырь «прародители твоего всесветлого царского величества великие князи Российстии ... создаша и розличными изобилии украсиша». Таким образом, правители Киева, патроны монастыря, были названы предками царя Михаила Федоровича. Далее читалось, что разоренный Батыем монастырь был восстановлен «во утешение всему православному российскому роду», к которому, судя по контексту, принадлежали и жители Московской Руси. Предлагая

---

20 РГАДА. Ф. 68 (Сношения России с Молдавией и Валахией). Оп. 1, 1639 г. № 1.

21 АЮЗР. Т. III. № 44. С. 50.

22 29 октября 1639 г. датирована его грамота царю.

23 О составе посольства см. АЮЗР. Т. III. С. 28.

24 АЮЗР. Т. III. №. 48.

в дальнейшем царю содействовать восстановлению св. Софии, отобранной у униатов, митрополит призывал его «святым твоим прародителем, создателем церкви святыя Софеи свято поревновати ... утехи ради всего российского православного рода». Здесь «предком» Михаила Федоровича прямо назван строитель Софии Ярослав Мудрый. Митрополит послал также царю часть останков Владимира, «прадеда пресветлого величества твоего».

Такие мотивы обнаруживаются и в обращениях послов киевских обителей. Так, в челобитной Выдубицкого монастыря также говорилось об основании обители «прародителями» царя[25]. В челобитной Братского монастыря также говорилось, что монастырский храм Трех святителей основан «прародителем» царя Владимиром[26].

Такие заявления в обращениях киевских обителей к царю не были новостью. В 20-х гг. XVII в. представления о преемственной связи между киевскими и московскими правителями были зафиксированы не только в грамотах, посылавшихся в Москву, но и в сочинениях Захарии Копыстенского. Таким образом, это представление, активно распространявшееся царской властью с самого конца XV в., было хорошо известно духовенству Киевской митрополии, и, думается, в этой среде понимали, что признание такой связи служит основанием для претензий московских правителей на «русские» земли в Речи Посполитой. К тому же вело в конце концов признание единства «православного российского рода», естественным главой которого должен быть православный правитель «русского» происхождения. В 20-е гг. XVII в., когда православное духовенство находилось в открытой оппозиции к властям Речи Посполитой, появление таких заявлений в грамотах, посылавшихся в Москву, не вызывает удивления. Появление же таких заявлений в грамотах лояльных к Речи Посполитой Петра Могилы и людей его круга требует объяснения. К этому вопросу есть смысл вернуться после рассмотрения во всем объеме предложений митрополита и киевских обителей, адресованных царю.

---

[25] АЮЗР. Т. III. № 19. С. 30.
[26] Там же. № 40. С. 44.

В своей грамоте Петр Могила выразил пожелание, чтобы царь захотел «оскуденье и разоренье святых и чудотворных мест киевских обновити и укрепити». Конкретно речь шла о том, что Св. София нуждается в иконах, священных сосудах, облачениях, нужны и средства на «верхов воздвижение». Печерской лавре нужен «новый покров и стен живописным мастерством украшение». В крупных строительных работах нуждается и Выдубицкий монастырь, где должен быть построен «верх весь и ограда». Братия Братского монастыря просила прислать иконы, церковные сосуды, облачения, книги — Евангелие, Устав, минеи на 12 месяцев, а также «жалованье на строенье»[27]. Игумен Никольского Пустынского монастыря Исайя Трофимович просил прислать минеи на 12 месяцев, Евангелие напрестольное, Устав церковный[28]. Кроме того, Игнатий Старушич просил передать для Киево-Печерского монастыря минеи на июль — ноябрь[29].

Таким образом, речь шла о всесторонней серьезной помощи Софийскому собору и главным киевским монастырям. Особо следует здесь выделить просьбы о присылке московских изданий, несмотря на существование в Киевской митрополии целого ряда своих типографий. Вероятно, издание месячных миней было трудным делом для типографий, не имевших государственной поддержки. Характер всех этих просьб показывает, что легализация православной церкви в Речи Посполитой не означала решения стоявших перед ней проблем. С переходом в католичество православной знати и переходом главных военно-административных должностей в Киевской земле в руки представителей польской знати не стало патронов, которые могли бы финансировать обширные планы Петра Могилы и людей его круга. Многочисленная православная шляхта не была в состоянии это делать. Реальную поддержку в сложившемся положении могла оказать только Россия. В этом одна из причин, почему Петр Могила настойчиво добивался восстановления связей с Русским государством.

---

27 АЮЗР. Т. III. № 20. С. 31; № 40. С. 44.
28 АЮЗР. Т. III. № 41. С. 45.
29 Там же. № 46. С. 50–51.

Хорошо известно, что просьбами о помощи предложения Петра Могилы не ограничивались. 3 апреля 1640 г. его посол Игнатий Старушич обратился к царю с важным предложением. Он советовал организовать в Москве монастырь, в котором бы старцы и братия из киевского Братского монастыря «детей боярских и простого чину грамоте греческой и славянской учили». В своем обращении к царю посол писал: Михаил Федорович «яко милосердый царь и светило всему православному роду росийскому, по воле своей государской сотвори, а отец митрополит Киевский государскую волю вскоре исполнит и старцов со учителми пришлет»[30]. В обращении упомянуто, что с просьбой о присылке таких учителей обратился к митрополиту молдавский воевода Василий Лупу. Действительно, по просьбе молдавского воеводы в 1640 г. в Молдавию была послана группа учителей во главе с Софронием Почапским и его учеником Игнатием Иевлевичем. В училище, организованном при соборе Трех святителей в Яссах, преподавателимонахи обучали грамматике, риторике, арифметике, латинскому и греческому языкам[31].

Что стояло за всеми этими предложениями? Нет, конечно, никаких оснований сомневаться в лояльности Петра Могилы по отношению к властям Речи Посполитой. Киевский митрополит был человеком не только лояльным, но и готовым сотрудничать с королем Владиславом IV и его советниками при решении разных вопросов. Он не только совместно с Адамом Киселем пытался прекратить выступления казаков против Польско-Литовского государства. Хорошо известна и его роль в заключении брака между Янушем Радзивиллом и дочерью Василия Лупу, что было важно для возникавших в окружении Владислава IV планов «турецкой войны», и его готовность содействовать важному для польского короля браку датского королевича Вальдемара с дочерью Михаила Федоровича. Последние факты относятся к самому концу правления Петра Могилы.

---

30 АЮЗР. Т. III. № 33. С. 39.

31 *Panaitescu P.P.* L'influence de l'oeuvre de Pierre Mogila archeveque de Kiev, dans les Principautes roumaines // Mélanges de l'Ecole roumaine en France. Paris, 1926. № 1.

Вместе с тем следует принять во внимание, что характер отношений между Россией и Речью Посполитой к концу 30-х гг. XVII в. стал серьезно меняться. Направленное в Варшаву в 1638 г. посольство С.М. Проестева и имевшие место переговоры о совместных действиях против «бусурман» положили начало сближению обоих государств для борьбы с общей опасностью с Юга. Была достигнута договоренность об обмене информацией о действиях татар и османов, и эта договоренность вскоре воплотилась в жизнь[32]. Россия постепенно становилась важным союзником, мнение которого, чем дальше, тем больше, Владислав IV стал бы принимать во внимание. В этих условиях хорошие связи с Москвой содействовали бы укреплению положения киевской кафедры в Речи Посполитой и повышению ее престижа. Конечно, речь не шла о каком-либо вмешательстве царя в споры киевской кафедры с униатами и католиками (такое вмешательство могло бы только повредить), но уже сама масштабная помощь Москвы в восстановлении киевских святынь дала бы возможность занять по разным вопросам более твердую позицию. Это могло иметь значение и в ситуации, когда правительство Владислава IV снова попыталось бы поднять вопрос об унии с Римом.

Предложение о создании в Москве училища, как представляется, по мнению Могилы, должно было заинтересовать русские власти в установлении контактов с Киевом и побудить их пойти навстречу его планам восстановления киевских святынь. Он, вероятно, знал о том, что в начале 30-х гг. в Москве искали (в частности, в Константинополе) преподавателя для такого училища, и ему, несомненно, было известно о попытке создания в Москве такого училища, во главе с приехавшим из Киева протосинкеллом Иосифом[33]. Всё это давало основания надеяться, что предложение будет благоприятно принято в Москве. Создание же такого училища

---

32 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения в годы борьбы за Азов (1637–1642 гг.) // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 6. С. 119–120.

33 *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 11–12, 24, 49–50.

в перспективе могло обеспечить киевскому митрополиту определенное влияние на церковную жизнь в России.

Какова же была реакция царя и его советников на приезд посольства и предложения Петра Могилы? Посольство из Киева, как известно, было допущено в Москву. 9 апреля послы были приняты царем и получили от него подарки (наместник Игнатий Старушич — камку, сорок соболей, 20 руб.; игумены — по камке, сороку соболей и по 15 руб.)[34]. Тем самым Москва практически признала легальность новой киевской иерархии. Расчеты Могилы, которые выше предположительно реконструируются на основании исходивших от него предложений, однако, не осуществились.

Правда, по распоряжению царя Петру Могиле было послано соболей «на 150 рублев», то есть довольно значительная сумма, но в записи царского решения было прямо отмечено, что соболя даны «за его службу» — за содействие поездке Богдана Дубровского в Молдавию[35]. Таким образом, о какой-либо помощи митрополии в восстановлении и украшении киевских святынь речи не было. Сама сумма также не выглядит чрезмерной, если учесть, что в 1642 г. за содействие поездкам русских гонцов в Молдавию в Густынский монастырь было послано соболей на 200 руб., а также церковные сосуды, облачения, печатные книги[36]. На целый ряд конкретных просьб митрополита (о посылке икон, церковных сосудов и облачений для Св. Софии, о изготовлении раки для останков св. Владимира[37]) в Москве не реагировали, как и на его предложения о создании училища.

Достаточно сдержанным оказалось и отношение к просьбам киевских обителей. По решению царя каждой обители было дано соболей «на всякое церковное и монастырское строенье по сту рублев в монастырь»[38]. Просьбы о присылке сосудов, облачений, книг в основном не были удовлетворены.

---

34 АЮЗР. Т. III. № 34. С. 40–41.
35 Там же. № 44. С. 50.
36 См.: АЮЗР. Т. III. № 56. С. 60–61; № 93. С. 87.
37 Об этом было специальное ходатайство — АЮЗР. Т. III. № 39. С. 44.
38 Там же. № 44. С. 50.

Лишь относительно месячных миней было дано распоряжение выдать их «безденежно» посланцам Братского[39] и Киево-Печерского[40] монастырей, если соответствующие экземпляры есть на Печатном дворе. Не была удовлетворена и выдвигавшаяся просьба, чтобы было разрешено ежегодно приезжать в Москву «для вымены икон святых и для покупки нужных вещей к поделке и писму святых церквей святое Софеи и Печерские лавры и Выдубицкого монастыря»[41].

В нашем распоряжении имеется свидетельство, которое позволяет в известной мере объяснить причины сдержанности, проявленной русской властью по отношению к предложениям из Киева. В августе 1641 г. на Свенскую ярмарку приехали за «милостыней» старцы из Виленского Духова монастыря строитель Иов Константинов и Игнатий Черляков. Старцев отправили в Москву[42]. Здесь решался вопрос, как с ними поступить. Было решено выдать старцам небольшое жалованье: строителю — 10 руб., старцу — 6 руб., но при этом Михаил Федорович «у своей царской руки быти не велел для того, что они в унее»[43]. Очевидно, полной уверенности в том, что духовенство Киевской митрополии подчинилось власти папы, всё же не было, иначе старцев вообще не допустили бы в Москву и не дали им «жалованья», но сомнения в «православии» этого духовенства и в 1641 г. продолжали сохраняться, и это, конечно, накладывало свой отпечаток на отношение к Петру Могиле и его окружению.

Весной 1644 г. в Москве побывали новые посланцы из Киева — уставщик Киево-Печерского монастыря Иринарх и архидьякон Амвросий. Дело о приезде посольства не сохранилось. Остались лишь отписки путивльского воеводы об отпуске посланцев из Путивля в Речь Посполитую в июне 1644 г.[44] Но ряд важных записей о посольстве сохранился в книге,

---

39 Там же. № 43. С. 46.
40 Там же. № 46. С. 50–51; № 48. С. 52.
41 АЮЗР. Т. III. № 34. С. 44.
42 РГАДА. Ф. 52. 1641 г. № 18. Л. 1–4.
43 Там же. Л. 11.
44 АЮЗР. Т. III. № 63. С. 66.

содержавшей записи о жалованье духовным лицам, приезжавшим в Москву в 1645–1647 гг.[45] Записи сопровождались справками о более ранних выплатах представителям тех же духовных центров. Так, в книге был помещен ряд справок о жалованье, выданном посольству Петра Могилы в 1644 г. Поскольку в ряде случаев жалованье было ответом на присланные дары, то в книге фиксировались и сведения о них. Из этих справок выясняется, что в числе подарков царю были «книги печатные в десть, одна — Беседы Апостольские, другое — Деяния Апостольские с Апокалипсисом»[46]. Подобные книги в годы правления Могилы в Киеве не печатались. Одна из них достаточно надежно отождествляется с киевским изданием 1623 г. «Бесед» Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла, а другая — конволют Бесед Иоанна Златоуста на Деяния апостолов (1624) и Толкований на Апокалипсис Андрея Кесарийского(1625). Отправлять собственные издания Могила не решился. Однако и сама посылка таких книг заслуживает внимания.

Участники посольства получили такое же жалованье, как участники посольства 1640 г.[47], однако иным оказалось жалованье Петру Могиле. Ему было отправлено «на милостину и на церковное строенье 20 сороков соболей по цене на 1000 рублев»[48]. Посылка такой крупной суммы, очевидно, в ответ на просьбы митрополита о помощи киевским «святыням», явно говорит об изменении характера отношений. Неслучайно вместе с посланцами был отправлен «сусальник» Яким Тимофеев для работы в Софийском соборе[49].

Одновременно с соболями Петру Могиле в ответ на его дар были отправлены московские издания — «2 книги Пологи на весь год, да 2 ж книги Кирилла патриарха Иерусалимского печатные»[50]. «Книга Кирилла патриарха

---

45 РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Кн. 5.
46 Там же. Л. 179.
47 Там же. Л. 133, 179об.–180.
48 Там же. Л. 180.
49 Там же. Л. 181.
50 Там же. Л. 180об.

Иерусалимского» — это только что напечатанная в типографии Печатного двора «Кириллова книга» — сборник, содержавший, по оценке его исследователя Т.А. Опариной, «основной репертуар бытующих в русской рукописной традиции первой половины XVII в. полемических сочинений Киевской митрополии»[51]. Характерно, что экземпляры книги были не только посланы митрополиту, ни и вручены членам посольства — не только Иринарху и Амвросию, но и сопровождавшему их «приказному человеку Ивану Передмирскому»[52]. Такими демонстративными жестами правящие круги в Москве показывали свое уважение к «киевской» учености. В помещенном в книге индексе «истинных» книг, как отметила Т.А. Опарина, фигурировал целый ряд сочинений отцов церкви, знакомых русскому читателю по западнорусским изданиям[53].

При отъезде посланцам Петра Могилы было предоставлено 20 подвод для перевозки их имущества, а Путивльский воевода должен был дать еще 20 для их переезда в Густынский монастырь[54].

Эти очевидные перемены в характере отношений следует, как представляется, поставить в связь с тем, что приезду посольства предшествовал созыв в 1643 г. церковного собора в Яссах, на котором подготовленное в Киеве «Исповедание веры» было одобрено после исправлений, внесенных в него греческим теологом Мелетием Сиригом, затем в мае 1643 г. оно было одобрено восточными патриархами[55]. Об этих событиях сообщал в Москву сам Мелетий Сириг. В письме от 15 декабря 1644 г. он сообщал о книге, составленной им в Яссах вместе с киевским митрополитом, в которой «выписаны все церковные догматы», и просил средств на ее издание. Письмо

---

51 *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 226.

52 РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 180об.

53 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 224–225.

54 РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 181.

55 *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 561, 689 (комм. М.В. Дмитриева).

было доставлено в Москву в марте 1645 г.[56] В письме содержалось упоминание о письме более раннем с аналогичными сообщениями, отправленном из Молдавии, то есть, очевидно, вскоре после завершения работы собора в Яссах. Мелетий Сириг был известен в Москве как лицо очень авторитетное в православном мире. Один из главных русских агентов на Ближнем Востоке Иван Петров писал о нем в Москву, что «такова учителя второго не обретаетца во всей вселенной ни в котором месте»[57]. Сообщение такого авторитетного лица о одобрении подготовленного в Киеве «Исповедания» устраняло всякие сомнения в правоверности Петра Могилы. Так создавались благоприятные условия для развития связей между Москвой и митрополичьей кафедрой.

Новое посольство Петра Могилы прибыло в Путивль 10 февраля 1646 г.[58] Для отправки посольства была важная причина — необходимо было добиться подтверждения жалованных грамот Печерской лавре и другим киевским монастырям. Сохранившееся большое дело о приезде этого посольства[59] позволяет судить о характере отношений Москвы и Киева в середине 40-х гг. XVII в. В грамоте от 13 января 1646 г.[60] Петр Могила, выражая соболезнования в связи со смертью Михаила Федоровича, сообщал новому монарху, что он устроил заупокойные службы по его родителям, которым «с прадеды, великим князем Владимиром и святою княгинею с Олгою... в небесных селениих успокоение буди». Таким образом, и в этом обращении Могилы в Москву отмечается преемственность между русскими государями и древними правителями Киева.

В грамоте также говорилось, хотя и кратко, что он станет молиться, чтобы Бог привел к «разширению же

---

56 [*Муравьев А.А.*] Сношение России с Востоком по делам церковным. СПб., 1860. Ч. 2. С. 305–306; *Николаевский П.Ф.* Из истории сношений России с Востоком в половине XVII в. СПб., 1882. С. 2, 5.

57 РГАДА. Ф. 52, 1649. № 24. Л. 22.

58 АЮЗР. Т. III. № 73. С. 78.

59 РГАДА. Ф. 124. 1646 г. № 2. Ряд документов этого дела опубликован в т. III АЮЗР. Значительная часть остается неопубликованной.

60 АЮЗР. Т. III. № 66. С. 68.

православного царствия и утвержению православныя веры». Однако этот мотив не получил в его послании никакого развития.

Обращают на себя внимание слова Могилы в грамоте, что о помощи просит «нищетный архиепископ и православия ради восточного от сопротивных супостат всегда многи беды претерпеваяи». Здесь появляется тема «гонимой церкви», которая совсем отсутствовала в документах посольства 1640 г. — упоминавшиеся в них гонения со стороны униатов явно относились в них к прошлому.

В деле о посольстве сохранились и обращения к царю таких близких сподвижников Петра Могилы, как уже упоминавшийся Игнатий Старушич, ставший к этому времени игуменом Выдубицкого монастыря, и Исайя Трофимович, игумен Николо-Пустынского монастыря. Игнатий Старушич обращался к царю как «браздодержателю Словенского языка и о благочестии истинному поборнику»[61]. Выраженное здесь представление об особой роли царя в славянском мире в предшествующих обращениях в Москву отсутствовало. Как и в грамоте Могилы, царь выступал как «истинное исщадие великодержавного единовладетеля руского святого Владимира».

Помимо констатации преемственной связи обращает на себя внимание наименование Владимира — предка русского монарха — «единовладетелем», которому подчинялись все «русские» земли.

Гораздо бóльший интерес представляет челобитная Исайи Трофимовича[62]. Обращаясь к Алексею Михайловичу, он писал: «Царствуй, благоверия зерцало и столпе неколебимый благочестия, апостольского же учения твердый поборниче; царствуй, о светозарная российская десница, светящая правоверия лучами от восток даже до запад». Челобитная Исайи Трофимовича показывает, что и представления об особом месте царской власти московских правителей в православном мире, об их особой роли в утверждении

---

61 АЮЗР. Т. III. № 71.

62 АЮЗР. Т. II. № 68. С. 71.

и распространении православия были хорошо знакомы книжникам киево-могилянского круга.

Стоит отметить, что и Исайя Трофимович в своей челобитной высказал отрицательные суждения о порядках в Речи Посполитой. О братии своего монастыря, для которой он просил милостыни, Исайя отозвался как о людях, «люте от врагов наших страждущих и весьма скорби терпящих». Видный член окружении Петра Могилы был явно недоволен положением приверженцев православия в Польско-Литовском государстве.

Помимо подтверждения жалованных грамот посланцы ходатайствовали о посылке в киевские монастыри напрестольных Евангелий и месячных миней[63]. После посылки митрополиту Прологов в Киеве явно усилился интерес к продукции Московского печатного двора, появилось желание приобрести книги, которые не печатали типографии на территории киевской митрополии.

Посланцы поднесли царю многочисленные дары — «миро» от глав печерских отцов, янтарный крест, «лицевые» книги — Триодь Цветная и Акафист, ковры, «сосуды склянишные розного мастерства». Молодому монарху были посланы из Киева даже лошади[64].

Каково же было отношение в Москве к высказанным просьбам?

20 июня 1646 г. царь подтвердил жалованную грамоту отца Киево-Печерскому монастырю[65]. В особом письме царь просил митрополита, чтобы он помолился о здоровье царских сестер «и о наших царских делех радел и промышлял»[66].

В ответ на его дары митрополиту было послано соболей на 300 руб.[67] Были удовлетворены и просьбы о посылке книг. Митрополиту было послано 10 напрестольных евангелий

---

63 РГАДА. Ф. 124, 1646. № 2. Л. 84.

64 РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 132.

65 РГАДА. Ф. 124, 1646. № 2. Л. 132 и сл.

66 Там же. Л. 139 и сл.

67 Там же. Л. 108. Митрополиту были также посланы для его «кельи» образы Троицы и Богородицы с серебряными окладами (Там же. Л. 116, 119).

и полный комплект миней. Полный комплект миней был отправлен и в Печерский монастырь[68].

Посланцы просили и о помощи Печерскому «больницкому» монастырю, и эта просьба также была удовлетворена — «на церковное строение» туда было направлено 50 руб.[69]

Посланцы получили возможность посетить Симонов и Новоспасский монастырь, а затем совершить поездку в Троице-Сергиев монастырь[70]. На обратном пути из Москвы посланцы просили разрешения привезти из Киева на продажу «книг печатных Бесед Апостольских и Деяний с Апокалипсисом и аввы Дорофея», чтобы на приобретенные деньги «купити б им книг печатных московских». 21 июня 1646 г. такое разрешение было дано[71]. Все эти факты говорят о дружественном характере контактов между Москвой и Киевом в середине 40-х гг. XVII в.

Такому сближению содействовал ряд факторов. Вместо подозрительного отношения к «киевскому» православию пришел интерес к тому, что делается в Киеве. Характерно, что поднесенные посольством «лицевые книги» были «взяты ... в Верх к государю того ж числа, которого числа поданы»[72]. Проявившийся на переговорах интерес к «московским печатным книгам» свидетельствовал и о появлении в Киеве внимания к тому, что делалось в Москве.

Сближению содействовали и некоторые международные факторы. Ко времени приезда в Москву послов из Киева в русской внешней политике на первый план вышел вопрос о сближении с Речью Посполитой для совместной борьбы с Османской империей и Крымом. Весной 1646 г. в Москве заседал земский собор, принявший решение о войне с этими государствами в союзе с Речью Посполитой[73]. В таких усло-

---

68 Там же. Л. 110.

69 Там же. Л. 105–105об.; 111.

70 Там же. Л. 112, 121 и сл.

71 РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 267–267об.

72 РГАДА. Ф. 124, 1646. № 2. Л. 90.

73 *Флоря Б.Н.* Земские соборы и внешняя политика Русского государства в первой половине XVII века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. М., 2010. С. 642–643.

виях приобретали значение молдавские связи Петра Могилы и его готовность содействовать планам войны с османами[74]. На протяжении 1646 г. имела место переписка между воеводой Путивля Ю.А. Долгоруким и Петром Могилой — митрополит предупреждал о опасности со стороны татар, а воевода просил сведений об этом неприятеле и о положении в Речи Посполитой[75].

Для Петра Могилы в такой ситуации поддержание контактов с Москвой также не противоречило добрым отношениям с властями, напротив, такой шаг находился в определенном соответствии с планами Владислава IV. Правда, к 1646 г. достаточно далеко продвинулись переговоры о «новой унии» Киевской митрополии с Римом[76]. Но митрополит, вероятно, отдавал себе отчет, что уже не в первый раз такие проекты выдвигались и не реализовывались, а в условиях русско-польского сближения поддержка из Москвы могла оказаться полезной при решении разных вопросов, касавшихся положения православных в Польско-Литовском государстве.

Контакты между Киевом и Москвой в последующие годы не получили продолжения. Проекты русско-польского союза не реализовались, а переговоры об унии с Римом резко активизировались в 1647–1648 гг.[77] Преемник умершего в январе 1647 г. Петра Могилы Сильвестр Косов не был такой выдающейся личностью, как его предшественник, и не обладал его престижем и связями. Под давлением короля и лидера православной шляхты Адама Киселя он даже не стал обращаться за «посвящением» к константинопольскому патриарху[78]. Контакты между Москвой и митрополичьей ка-

---

74 Петр Могила сам сообщил царю о своем участии в заключении брака сторонника военных планов гетмана Я. Радзивилла с дочерью Василия Лупу (АЮЗР. Т. III. № 60. С. 65).

75 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 204. Л. 296–305; Белгородский стол. Стб. 235. Л. 181, 254.

76 *Плохий С.Н.* Папство и Украина. Политика римской курии на украинских землях в XVI–XVII вв. Киев, 1989. С. 150 и сл.

77 *Плохий С.Н.* Указ. соч. С. 154–155, 171–173.

78 *Sysyn F.* Between Poland and The Ukraine. The dilemma of Adam Kysil. 1600–1653. Cambr. Massachusets, 1985. P. 125–126.

федрой возобновились в качественно иной ситуации после победы Хмельницкого.

Как ясно следует из приведенных выше фактов, установление контактов между митрополичьей кафедрой и Москвой содействовало и возобновлению связей с киевскими обителями, во главе которых стояли сподвижники Могилы. Так, в посольстве 1640 г. участвовали келарь Никольского Пустынского монастыря, настоятели Братского и Выдубицкого монастырей[79], которые получили «на вся церковное и монастырское строение по сту рублев в монастырь»[80]. В феврале 1646 г. в Москву приехали строитель Никольского Пустынского монастыря Митрофан и старец Иов[81]. Старцы, присоединившиеся к посольству митрополита, просили о присылке книг — «Устав большой, Евангелие запрестольное, дванадесять миней, Прологи, сентябрь и март, и Кирилла иерусалимского книгу, Маргарит и житие и чюдеса Николы чудотворца»[82]. Перечень показывает, как велика была заинтересованность братии этой обители в получении самых разных печатных книг из Москвы. Просьбы эти были удовлетворены лишь частично. В монастырь были посланы Евангелие, Устав, житие Николы[83]. Вместе с послами Петра Могилы приезжал в Москву и келарь Выдубицкого монастыря Иоиль[84]. На просьбы о «милостыне»[85] в монастырь было послано 20 руб.[86]

В первой половине 40-х гг. тесные связи с Москвой поддерживал Густынский монастырь. Монастырь этот после бегства в Россию монахов — сторонников Исайи Копинского также вошел в сферу влияния Петра Могилы. Он прислал настоятелем в монастырь своего ученика Илью Торского. Сам посетив обитель, митрополит дал благословение на строительство монастырского собора. В круге Петра Могилы

---

79 АЮЗР. Т. III. № 17. С. 28.
80 Там же. № 44. С. 50.
81 РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 15–15об.
82 РГАДА. Ф. 124, 1646. № 2. Л. 106.
83 Там же. Л. 110.
84 АЮЗР. Т. III. № 73.
85 Там же. № 71.
86 РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 202.

обитель заняла особое место, благодаря установлению связей между монастырской братией и молдавским господарем Василием Лупу, который помог обители «не токмо пенязми, но и аппаратами»[87].

Расходы на строительство храма побудили братию искать поддержки в Москве. Первая (неудачная) попытка была предпринята в апреле 1641 г., она была повторена в июне 1641 г., когда строитель Сильвестр и келарь Антоний привезли в Путивль копию грамоты «133» года, дававшей разрешение монахам монастыря ездить за милостыней в Россию. Монахов встретил достаточно холодный прием. В Москву их не допустили, а «жалованье» совсем не соответствовало их ожиданиям: строитель получил 5 руб., а келарь — 3 руб.[88] Положение изменилось, когда за монахов стал ходатайствовать советник Василия Лупу боярин Исай Остафьев. Исай Остафьев находился в Москве с важной дипломатической миссией с 19 декабря 1641 г. по 22 февраля 1642 г. Господарь и его представитель в Москве выступали как неофициальные посредники в деле решения вопроса о судьбе занятого донскими казаками Азова[89]. Именно в это время Исай Остафьев просил царя Михаила Федоровича разрешить приезжать в Москву монахам Густынского монастыря, которые содействовали его поездке в Москву через земли Речи Посполитой[90]. Выданную по просьбе И. Остафьева проезжую грамоту густынские старцы — строитель Евфимий и келарь Антоний привезли в Путивль 26 марта 1642 г.[91] Учитывая наличие влиятельного заступника, старцы выдвинули целый перечень пожеланий — просили дать церковные сосуды, ризы и книги: Евангелие напрестольное, Устав, 12 месячных миней и Пролог[92].

---

87 ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 162–163.

88 АЮЗР. Т. III. № 49. С. 52–55.

89 *Семенова Л.Е.* Политические контакты между Россией и Дунайскими княжествами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 75–76.

90 Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. М., 1968. Т. II (1633–1673). С. 362, 365.

91 АЮЗР. Т. III. № 52.

92 АЮЗР. Т. III. № 54. С. 57.

О тяжелом положении обители писал в своей грамоте игумен Илья Торский: ушедшая в Россию братия унесла с собой всё необходимое для совершения служб, а имения отобрал у монастыря перешедший в католицизм кн. Иеремия Вышневецкий. «В нынешней Лядской земле, — писал он, — все непотребни суть: князи велеможные и паны иноверными гонители святого благочестия обретошася»[93]. Стоит отметить, что в этой грамоте, исходящей от сподвижника Петра Могилы, Речь Посполитая, как и в ряде более ранних грамот, была названа «Ляшской землей», т. е. страной, где власть принадлежит полякам, а представители правящей элиты, князья и паны названы «гонителями святого благочестия», т. е. порядкам в этой стране дана очевидно отрицательная оценка. Главной просьбой монахов была просьба о помощи для строительства храма. Пожелания эти были в значительной мере удовлетворены. «На церковное строение» было послано на 200 руб. соболей, ризы, покров на престол, «крест и кадило и блюдо серебряное», а также напрестольное Евангелие и печатные книги — Устав и 3 минеи месячные[94]. 23 июля 1642 г. старцам была выдана проезжая грамота[95], а в декабре 1642 г. в монастырь были отправлены еще 4 минеи[96]. Из справки, составленной в приказе, видно, что старцы активно пользовались грамотой, дававшей им право на поездки в Москву. Так, в 1643 г. старец Галактион увез три сорока соболей ценой в 100 руб. «на церковное строение», паникадило, краски. В следующем 1644 г. келарь Антоний получил 1000 листов золота и большое количество красок для росписи собора[97]. В феврале 1646 г. густынские монахи снова обратились в Москву. На присланные краски «пять больших верхов церковных пописали зело благолепно», теперь нужны краски, чтобы написать иконы для храмов[98].

---

93 Там же. № 55. С. 58.
94 Там же. № 56; № 93. С. 87.
95 Там же. № 58.
96 Там же. № 59. С. 63.
97 АЮЗР. Т. III. № 93. С. 88.
98 Там же. № 69. С. 74.

Тексты книги о выплатах духовным лицам 1645–1647 гг. сохранили записи о поездке строителя Густынского монастыря Ионы и других монастырских старцев в апреле 1646 г. в Троице-Сергиев монастырь[99], текст новой жалованной грамоты монастырю от 13 мая 1646 г.[100] Сохранилась и запись «указа» царя от 14 июня 1646 г. о посылке в монастырь печатных книг. Туда были отправлены 5 месячных миней (январь — апрель, июнь), книга Кирилла Иерусалимского, Евангелие напрестольное, Евангелие толковое[101]. Таким образом, и эта обитель испытывала нужду в «московских» книгах.

Щедрые пожалования были, несомненно, связаны с участием обители в установлении связей между Россией и Молдавским княжеством. Так, в декабре 1642 г. вместе с минеями в монастырь была послана царская грамота, которую следовало переслать в Яссы[102]. В 1645 г. старец Галактион провожал в Москву молдавского гонца Петра Михайлова[103]. 23 сентября 1643 г. протопоп Дмитрий из Конотопа привез в Путивль письмо игумена Ильи, адресованное Богдану Дубровскому, а в октябре 1643 г. игумен Илья прислал вместе с грамотой Василия Лупу отписку русского посла И.Д. Милославского из Стамбула[104]. В 1644 г. келарь Густынского монастыря Антоний также привез в Москву грамоту Василия Лупу[105]. Эти примеры показывают, как готовы были русские власти вознаграждать монахов, готовых оказывать им услуги.

К середине 40-х гг. попытались восстановить свои связи с Россией и ряд других обителей. Так, 11 марта 1646 г. приехали строитель и келарь Мгарского монастыря[106], которые в апреле участвовали в поездке в Троице-Сергиев монастырь[107]. Братия монастыря просила средств на ремонт собора Спаса («близко

---

99 РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 150об.
100 Там же. Л. 188об.–189.
101 Там же Л. 203.
102 АЮЗР. Т. III. № 59. С. 63.
103 Ср.: Исторические связи... Т. II. № 28. С. 97–98; АЮЗР. Т. III. № 93. С. 88.
104 РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией), 1643 г. № 1-а. Л. 25, 52–54.
105 Исторические связи... Т. II. № 32. С. 121.
106 РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 142об.
107 Там же. Л. 150об.

есть к розвалению»), просила «риз и книг» — «Евангелия напрестольного апостола Петра, 2 минеи генваря — февраля, Пролога с марта с 1-го числа, Потребника в десть»[108]. И здесь потребность в получении «московских» книг — очевидна. В книге, фиксирующей выдачи и выплаты, отмечена только посылка в монастырь Евангелия напрестольного и двух миней. В монастырь было дано 20 руб. милостыни[109].

10 июня 1646 г. приехали старцы из Терехтемирова монастыря[110]. Они были приняты царем уже через три дня после приезда[111]. И их обители был оказан целый ряд милостей. В монастырь было направлено 40 руб. «милостыни», «образ всех святых, писано на золоте» и «кадило серебряное», ризы и снова печатные книги: 12 месячных миней, Триодь Постная и Цветная, Псалтырь. Была подтверждена и жалованная грамота царя Михаила[112]. Стоит отметить, что 22 июня старцы были отпущены «вместе с запорожскими черкасы с есаулом Леском Мокеевым с товарищи»[113]. Так как Терехтемиров монастырь традиционно находился под патронатом Войска Запорожского, то возможно, что запорожские послы хлопотали в Москве об интересах своего монастыря и царские милости были связаны с надеждами на участие казаков в планировавшейся войне с Крымом.

Попыталась вступить в контакты с Россией и еще одна обитель киевского круга — Межигорский монастырь. Его игумен Варнава прибыл в Москву в августе 1647 г. с «великим» посольством Адама Киселя. Из сохранившейся справки видно, что игумен получил соболей на 50 руб., сопровождавшим его старцам было дано соболей на 39 и 20 руб. В монастырь было послано на 100 руб. «милостыни» и, как отмечено в справке, — «дано в монастырь книги, о которых они били челом»[114].

---

[108] Там же. Л. 203об.–204.
[109] Там же. Л. 202–203.
[110] Там же. Л. 189.
[111] Там же. Л. 196об.
[112] РГАДА. Ф. 52. Кн. 5. Л. 194–198.
[113] Там же. Л. 198об.
[114] РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела), 1648 г. № 4. Л. 20.

Даже эти скудные данные говорят о любезном приеме, о явном желании русских властей поддерживать связи с духовенством Киевской митрополии. Очевиден и на этом примере интерес западнорусского духовенства к напечатанным в Москве книгам.

Православные духовные лица появлялись на русской территории и в результате разного рода экстраординарных ситуаций. Примером может служить бегство монахов из Густынского монастыря в 1638 г. Такая неординарная ситуация сложилась, в частности, во время казацкого восстания 1637–1638 гг. Уже с началом восстания, как это бывало в предшествующие годы, стали распространяться слухи, что коронная армия направляется на Украину, чтобы заставить население принять католическую веру[115]. Позднее к этим слухам присоединились рассказы о разорении польским войском православных храмов. Так, рассказывали, что в Мошнах — месте сбора войска восставших — солдаты «церкви русские веры пожгли»[116]. В другом рассказе говорилось о сожжении церквей в Черкассах, сохранилась только церковь Богородицы, хотя ее поляки «зажигали трижды»[117]. Рассказывали, что в Терехтемировом монастыре гетман М. Потоцкий «чернецов всех велел побить и разорить без остатку»[118]. Достоверность последнего сообщения подтверждал пришедший в Путивль 21 февраля 1638 г. монастырский старец Иов[119]. Неудивительно, что в таких условиях православные служители спасались бегством на русскую территорию. Так, 14 апреля в Белгород приехал священник Мартин Ерофеев из Лубен, которого перед этим «ляхи пограбили животы и статки все поимали»[120]. Вместе с казацким

---

115 См., например, сообщение от ноября 1637 г. о намерениях королевича Казимира с войском и татарами «идти подлинно на запорозских казаков и учинить ... одну римскую веру» (РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 105. Л. 13).

116 Там же. Л. 118.

117 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 82. Л. 196.

118 Там же. Л. 56.

119 Там же. Л. 229–230.

120 Там же. Л. 451.

войском Я. Острянина выехал в Белгород в августе 1638 г. священник Михаил Гаврилов[121]. Такими же чрезвычайными обстоятельствами был вызван и приход в Россию летом 1639 г. монахов из Троицкого Маркова монастыря под Витебском. По их словам, приехавший в Витебск воевода «разорил» монастырь. Игумен поехал в Киев к митрополиту, а старцы направились в Россию, так как слышали, что «около, де, Киева ляхи монастыри и церкви божии пожгли»[122].

Эти события позволяют поставить вопрос об особенностях связей между Россией и православными обителями на территории Великого княжества Литовского. В отличие от положения на Украине положение православного духовенства на землях Великого княжества Литовского было особенно тяжелым, оно часто подвергалось здесь гонениям.

В мир представлений и настроений этой части духовенства Киевской митрополии позволяет войти такой своеобразный источник, как «Диариуш» Афанасия Филипповича. Афанасий Филиппович сам испытал на себе гонения. Он был наместником Дубойского монастыря в окрестностях Пинска, когда он вместе с братией был изгнан из обители, переданной иезуитам. В этих обстоятельствах Афанасию Филипповичу явилось видение: он увидел в столбах адского пламени короля Сигизмунда III, гетмана Льва Сапегу и папского нунция, наказанных Богом за преследования православных[123]. Это «видение» еще раз показывает, как в обстановке репрессий со стороны власти (из Дубойского монастыря монахов выгнал канцлер А. Радзивилл) утверждается враждебное отношение к этой власти. В этом плане можно отметить нечто общее между «видением» Филипповича и высказываниями казаков — участников восстания 1637–1638 гг. о людях, в руках которых находится власть в Речи Посполитой.

Как и казаки, Афанасий Филиппович желал расправы над своими гонителями. В видении ему являлась небесная

---

121 Воссоединение... Т. I. № 145. С. 248.

122 Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963. № 139. С. 161.

123 РИБ. Т. IV. Стб. 85–86.

рать, спешащая на помощь братии. В 1638 г., как уже отмечалось выше, он предпринял путешествие в Москву просить помощи для Купятицкого монастыря, где он нашел себе приют. Но это была не единственная цель его путешествия. Как записано в «Диариуше», на дороге в Москву Афанасию Филипповичу явилась Богородица, которая велела ему идти к царю Михаилу и предложить царю выступить против «неприятелей», так как время для этого уже пришло[124]. Таким образом, вместо небесной рати с гонителями должно было расправиться русское войско. Это еще раз говорит об отрицательном отношении Афанасия Филипповича к носителям власти в Речи Посполитой.

Как и казаки, Афанасий Филиппович был решительным противником унии и требовал ее ликвидации. «Диариуш» содержал его горькие упреки духовным иерархам, поглощенным поисками личных выгод («приватами»), и православным послам на сейме, что они этого не добиваются[125].

Вместе с тем, как и казаки, Афанасий Филиппович связывал свои надежды с королем Владиславом IV. Ему он адресовал свои обращения с призывом упразднить унию. «Рач быть ей судьей сам, — писал Филиппович, — не спушчаючися ни на кого»[126]. Пребывание в Москве в 1638 г. почти совсем не освещено в «Диариуше» Филипповича, всё же в нем могут быть обнаружены следы его контактов с московскими книжниками. Так, здесь читается, что московский патриарх занял в православном мире то место, которое ранее принадлежало римскому папе[127]. Надежды на Владислава IV не находились в противоречии с симпатиями Филипповича по отношению к России. Обращаясь к королю, он хвалил его за то, что тот ищет «згоды» с Москвой, и выражал надежду на заключение «сповиновачення святого»[128]. Вероятно, в представлении Филипповича союз с Россией должен был способствовать достижению той цели, которую он ставил перед королем.

---

124 РИБ. Т. IV. Стб. 59.
125 Там же. Стб. 88–89.
126 Там же. С. 112.
127 Там же.
128 РИБ. Т. IV. Стб. 118.

Высказывания Афанасия Филипповича позволяют лучше понять ту атмосферу, в которой стали снова завязываться контакты между Москвой и православными обителями на «русских» землях Великого княжества Литовского. Здесь следует назвать прежде всего такую обитель, как оршанский Кутеин монастырь. Какие-то связи стали завязываться в середине 40-х гг. В этой связи привлекает внимание тот факт, что в мае 1646 г. глава «великого» посольства в Речь Посполитую В.И. Стрешнев дал Триодь Цветную московского издания 1630 г. в женский оршанский Кутеин монастырь[129]. Стали завязываться связи и с такой недавно возникшей на Смоленщине православной обителью, как Бизюков монастырь, основанный сыном русского эмигранта времен Смуты Федора Салтыкова. В мае 1642 г. в Вязьму пришли служки из Бизюкова монастыря, сообщившие, что «хотят по обещанию своему» жить в Соловецком монастыре[130].

В октябре 1647 г. в Москву прибыли посланцы Кутеина женского и мужского монастырей келарь Варнава и эконом Акакий[131]. Вместе с ними в октябре приехал игумен Бизюкова монастыря Гедеон с целой группой старцев[132]. Из сохранившегося дела о приезде видно, что посланцы Кутеина и Бизюкова монастырей пробыли в Москве до декабря 1647 г.[133] По-видимому, в начале декабря духовенство обоих обителей совершило поездку в Троице-Сергиев

---

[129] Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI в. — 1725 г.) / Каталог сост Г.С. Гадалова, Б.В. Перелевская, Т.В. Цветкова. Тверь, 2002. С. 44–45. Сообщение К.В. Харламповича о посылке в 1640 г. в Кутеин монастырь риз из Москвы (*Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 88) является ошибкой. В тексте, на который ссылается автор (РГАДА. Ф. 125, 1648 г. № 4. Л. 17а), говорится о посылке риз в Терехтемиров монастырь.

[130] Русско-белорусские связи... № 159. С. 180–181.

[131] Грамота игумена Иоиля Трупевича и братии к царю датирована 28 сентября 1647 г. (РГАДА. Ф. 125, 1648 г. № 4. Л. 14).

[132] На челобитной игумена Гедеона и старцев Кутеина монастыря о выдаче корма имеется помета от 26 октября (Там же. Л. 1об.; о составе посольства из Бизюкова монастыря см.: Там же. Л. 2).

[133] 14 декабря датировано распоряжение давать им корм, «покаместа на Москве побудут» (Там же. Л. 25).

монастырь[134]. Как и другие посольства духовных лиц Киевской митрополии, посланцы Кутеина и Бизюкова монастырей просили милостыни и книг. Просьбы их были одинаковы и содержали наиболее обширный в делах этого времени перечень книг. Стоит отметить, что такой обширный перечень книг просил Кутеинский монастырь, располагавший с 30-х гг. XVII в. собственной типографией. Монастырь просил прислать по одному экземпляру в мужской и женский монастырь напрестольного Евангелия, Апостола, Часослова, Устава церковного, Октоиха на 8 гласов, Триодей Постной и Цветной, миней месячных и Пролога «на все лето». Кроме этих книг был нужен «Потребник большой и малый», Маргарит Иоанна Златоуста, сочинения Ефрема Сирина, «Лествица» Иоанна Лествичника и житие Сергия Радонежского[135]. Перечень говорит о хорошей ориентации в московских изданиях, так как житие Сергия было напечатано в 1646 г., а «Лествица» — в 1647 г. Вместе с тем обширность перечня, включающего в себя книги, необходимые просто для совершения богослужения, говорит, как представляется, о трудностях, с которыми сталкивались православные обители в Великом княжестве Литовском.

В деле о приезде сохранились предписания царя передать в обители Потребник, Часослов, минею общую и минеи месячные на весь год, Пролог, сочинения отцов церкви и житие Сергия[136]. Это еще одно свидетельство заинтересованности русских властей в укреплении связей с духовенством Киевской митрополии.

К сожалению, заключительная часть дела не сохранилась, и поэтому нельзя установить, в каком объеме были удовлетворены эти просьбы[137].

В целом рассмотренные источники позволяют сделать ряд вполне определенных выводов. Очевидно, что к середине 40-х гг.

---

134 Разрешение на поездку было дано 30 ноября (Там же. Л. 10).

135 РГАДА. Ф. 125, 1648 г. № 4. Л. 15.

136 Там же. Л. 8, 13.

137 Сохранилась лишь запись о закупке ряда нужных монахам книг у книготорговцев в Овощном ряду (Там же. Л. 26).

XVII в. произошло явное оживление связей между Москвой и разными центрами церковной жизни Киевской митрополии. Очевидно и стремление русского правительства сохранять и поддерживать эти связи. Все контакты этого времени фиксируют заинтересованность западнорусского духовенства в приобретении изданий московского Печатного двора. Очевидно, и рост тиражей этих изданий, и расширение их тематики не прошли мимо внимания западнорусского читателя.

Для того чтобы составить полное представление о картине духовного общения между русским обществом и обществом «русских» земель Речи Посполитой в 30-е — 40-е гг. XVII в., следует остановиться на отношении русского общества к западнорусской книжности, и особенно к книжности киево-могилянского круга. Эти десятилетия, как известно, отмечены большим размахом деятельности книжников, объединившихся вокруг Петра Могилы. Эта деятельность должна была снабдить православных Киевской митрополии целым комплексом пособий, которые позволили бы упорядочить и организовать церковную жизнь и одновременно вооружили бы местное духовенство таким запасом знаний, и знаний так организованных, чтобы это духовенство могло активно отстаивать свои позиции в спорах с представителями других конфессий, прежде всего с католиками и протестантами. Для новой организации традиционного материала использовались западные образцы, которые пытались пересматривать в нужном духе. Ряд важных фактов указывает на то, что деятельность киевского кружка уже в 40-е гг. XVII в. стала привлекать к себе все большее внимание образованной части русского общества.

Хорошо известно, что в жизни западнорусского духовенства 40-х гг. XVII в. важным событием стал спор киевских книжников, объединившихся вокруг Могилы, с отступником Кассианом Саковичем, выступившим в изданной в 1642 г. «Перспективе или изображении заблуждений, ересей и суеверий Греко-русской дезунитской церкви, находящихся как в догматах веры, так и в совершении таинств и в других обрядах и церемониях» с резкой критикой и всей традиционной православной обрядности, и практики совершения

обрядов православными священниками. Порицая также проповедническую деятельность и созданные православными училища, он обвинял их в том, что они находятся под протестантским влиянием, и призывал соединиться с католической церковью. Одновременно резкой критике подвергались и униаты за сохранение у них православной обрядности.

Ответом на книгу Кассиана Саковича стал напечатанный в 1644 г. в типографии Киево-Печерской Лавры «Лифос или Камень, брошенный с пращи истины святой православной русской церкви» — объемистый труд (424 л.), написанный, как полагают исследователи, под руководством Петра Могилы целым коллективом его сотрудников. Отвергая обвинения Саковича, киевские книжники предложили развернутые обоснования правильности православной обрядности, обращаясь к самому широкому кругу свидетельств. Опровергая обвинения Саковича в склонности к протестантизму, киевские книжники поместили в заключительной части «Лифоса» обоснование точки зрения православных в спорах о Исхождении Св. Духа и о примате папы.

Как установила Т.А. Опарина, экземпляр издания «Лифоса» (1644) принадлежал видному представителю русского монашества середины XVII в. троицкому старцу Симону Азарьину[138]. Более того, в принадлежавших Симону Азарьину рукописях МДА 83 и 223 помещены и переводы и «Перспективы» Кассиана Саковича, и «Лифоса» (последний перевод был переписан Симоном Азарьиным собственноручно[139]). Перевод такого большого труда, как «Лифос», несомненно потребовал значительного объема работы и говорит об очевидном внимании к очень значимой части киево-могилянского наследия. Учитывая направленность интересов русского духовенства середины XVII в., понятно, почему спор о характере православной обрядности, о правильном отправлении богослужения и совершении таинств привлек к себе внимание в России. Однако для этого нужно было знать о таком споре и специально искать отразившие его памятники. Очевидно,

---

138 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 196.
139 Там же. С. 202–203.

что о внутренней жизни Киевской митрополии в 40-е гг. XVII в. в Москве знали больше, чем ранее.

Вместе с тем наблюдения над библиотекой Симона Азарьина показали, что внимание привлекала и та часть традиции киево-могилянского круга, которая была связана с систематизацией и обоснованием православной догматики. Так, ему принадлежал экземпляр львовского издания 1646 г. такого произведения киевских книжников, как «Зобрание короткое науки о артикулах віри»[140]. Эти данные показывают особое место Троице-Сергиева монастыря в культурных связях двух обществ не только в 20-х, но и в 40-х гг. XVII в. По-видимому, эту особую роль учитывал Петр Могила, стремившийся укрепить связи с этой обителью. Его посланцы в 1646 г. привезли в монастырь образцы киевских изданий[141].

В рядах великорусского духовенства Симон Азарьин был не последним человеком — в 1645–1653 гг. он был келарем самой почитаемой русской обители.

Наблюдения за изданиями московского Печатного двора (государственной типографии) конца 30-х — 40-х гг. XVII в. позволяют проследить отношение высшей церковной и светской власти к западнорусской книжности. Следует отметить, что перепечатки украинских изданий начались на Печатном дворе еще до установления контактов между русской властью и Петром Могилой. В текст изданного Печатным двором в 1639 г. Требника был включен текст Номоканона, напечатанного в Киеве в 1624 г. В киевском издании имелось предисловие Захарии Копыстенского, где пояснялось, что традиционный текст дополнен рядом установлений из авторитетных сборников канонического права[142]. В московском издании предисловие Копыстенского было дополнено словами, что «сих книг не вемы известно, еже в нашей Велицеи России

---

140 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 195.

141 *Белоброва О.А.* Троице-Сергиевские рукописи XVI–XVII вв. в Пушкинском доме // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1986. Т. 23. С. 318.

142 *Павлов А.С.* Номоканон при большом Требнике. Одесса, 1872. С. 11–12.

обретаются ли или ни». Далее, однако, отмечалось, что после изучения «приемше тех правила»[143]. При подготовке издания в двух главах, 19 и 134, были внесены дополнения со ссылкой на обычаи, существующие в «Великой России»[144], и лишь в двух случаях текст был изменен в соответствии с принятыми в России нормами[145].

В 1641 г. была предпринята перепечатка острожского издания «Маргарита» Иоанна Златоуста 1595 г. Был использован экземпляр острожского издания, принадлежавший справщику Печатного двора Захарию Подосенову. Текст «Маргарита» был дополнен в московском издании житием Иоанна Златоуста, но сам текст «Маргарита» подвергался лишь некоторой орфографической и стилистической правке[146].

Особенно заметным событием стало издание в 1644 «Кирилловой книги». Впервые в практике Печатного двора было напечатано, как уже отмечалось выше, целое собрание полемических западнорусских памятников. Сам факт их издания означал их одобрение высшей русской светской и церковной властью. Важно, что, положив в основу рукописный сборник «Просветитель Литовский I с дополнениями», справщики Печатного двора дополнили его рядом других текстов, явно стремясь представить западнорусскую полемическую книжность в возможно более широком объеме[147]. Как показано выше, экземпляры «Кирилловой книги» сразу после издания стали вручать духовным лицам, приезжавшим из Киевской митрополии. Это была полная реабилитация западнорусской книжности[148], но, как верно отметила Т.А. Опарина[149], эта реабилитация прямо не касалась книжности киево-могилянского круга.

---

143 Там же. С. 14–15.

144 Там же. С. 49–50, 130.

145 Там же. С. 84, 203–204.

146 *Исаевич Я.Д.* Преемники первопечатника... С. 150–151.

147 О работе справщиков см.: *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 224–226.

148 В 1644 г. сам патриарх Иосиф дал вкладом Евангелие учительное, напечатанное В.М. Гарабурдой, в патриаршее село Пушкино (*Голенченко Г.Я.* Идейные и культурные связи... С. 267).

149 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 226.

В этом плане переломным событием стало издание в 1648 г. «Книги о вере»[150]. «Книга о вере» представляла собой компиляцию, в которой широко использовался целый ряд памятников киевской книжности (прежде всего сочинения Захарии Копыстенского)[151], но в тексте сочинения в ряде разделов источники даны в свободном изложении, некоторые разделы явно написаны автором[152], завершившим свою работу в 40-х гг. XVII в.[153] Таким образом, было принято решение об издании произведения, созданного в то время, когда на киевской кафедре находился Петр Могила.

Ряд обстоятельств, установленных Н.В. Савельевой, позволяет еще сильнее подчеркнуть значение этого события. Как показала исследовательница, автором «Книги о вере» был Гедеон, игумен монастыря Воздвижения Честного креста, который основал в своем имении Бизюкове на Смоленщине эмигрировавший из России в годы Смуты Федор Салтыков[154]. Собранные Н.В. Савельевой биографические данные о Гедеоне[155] не позволяют считать его сколько-нибудь видной фигурой в духовной жизни Киевской митрополии. Когда он не позднее сентября 1647 г. прибыл в Москву и поднес царю Алексею написанные им книги[156], он не представил рекомендаций ни от киевского митрополита, ни от могилевского епископа. Правда, судя по сентябрьской челобитной, игумен прибыл в Москву с «великим» посольством, которое возглавлял сам светский глава

---

150 Там же. С. 243.

151 Об источниках «Книги о вере» см.: *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 249–251.

152 *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 251, 261.

153 Там же. С. 248.

154 *Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский книжник Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание в середине XVII в. // Книжная старина. Сборник научных трудов. СПб., 2011. Вып. 2. С. 108.

155 *Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский книжник... С. 85–86.

156 Сентябрем 1647 г. датирована его первая челобитная царю, о поднесении книг (в прошлом времени) говорится в челобитной, поданной в ноябре 1647 г. (*Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский книжник... С. 115; с. 117 — воспроизведение челобитных).

православных Киевской митрополии Адам Кисель[157], но нет оснований полагать, чтобы А. Кисель выступал каким-то ходатаем за игумена Гедеона. Обширное дело о его пребывании в Москве не содержит каких-либо сведений на этот счет.

Тем более заслуживает внимания, что, несмотря на отсутствие влиятельных ходатаев, к ноябрю 1647 г. вопрос об издании привезенных книг был решен положительно. В челобитной, поданной царю в ноябре 1647 г., содержалось обещание игумена внести в книги стихотворные предисловия[158]. И обещание это было выполнено. При содействии влиятельного духовника Алексея Михайловича Стефана Вонифатьева «Книга о вере» была прислана на Печатный двор «с Верху»[159]. Печатание книги было начато 1 марта 1648 г.[160] Нельзя не согласиться с Н.В. Савельевой, что «сам факт публикации авторского печатного труда, книги неизвестного богослова из Киевской митрополии, не получившей признания и распространения в рукописных списках, был прецедентом, не имевшим аналогов»[161]. Значение этого факта станет тем более показательным, если принять во внимание серьезные аргументы Н.В. Савельевой в пользу того, что на Печатном дворе велись работы по подготовке к изданию и другого привезенного игуменом Гедеоном сочинения — «Альфы и омеги»[162].

Есть возможность, как представляется, ответить на вопрос, из каких кругов исходила инициатива издания «Книги веры». Из записей о продаже книги видно, что ее приобрел отец царского воспитателя боярин И.В. Морозов[163],

---

[157] В сентябрьской челобитной содержалась просьба выделить церковь, где он мог бы служить для людей, приехавших с «паном послом великим» (*Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский книжник... С. 117).

[158] *Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский книжник... С. 114–116.

[159] *Опарина Т.А.* Иван Наседка... С. 267; *Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский книжник... С. 128.

[160] *Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский книжник... С. 85.

[161] *Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский книжник... С. 90.

[162] Там же. С. 97 и сл.

[163] Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / Публ. документов и исследование С.П. Луппова. Л., 1983. С. 90.

постельничий царя М.А. Ртищев, его преемник и близкий друг Алексея Михайловича Ф.М. Ртищев[164], дворецкий царицы П.Ф. Соковнин[165]. Все эти люди принадлежали придворному клану во главе с Б.И. Морозовым, который пришел к власти с вступлением на русский трон Алексея Михайловича[166]. Эти данные дают основание полагать, что киевская «ученость» вызывала большой интерес в образованных светских кругах, находившихся у власти в Русском государстве середины XVII в.

Издание в Москве «Книги о вере» исследователи справедливо сопоставляют с осуществленным в том же году изданием «Грамматики» Мелетия Смотрицкого. Это издание позволяет точнее судить о характере интереса русских людей середины XVII в. к западнорусской книжности. «Книга о вере» представляла собой полемическое сочинение, направленное против догматических заблуждений католиков и протестантов. Кроме того, опровергая утверждения униатов, игумен Гедеон, опираясь на «Палинодию», доказывал древнюю связь русской церкви не с Римом, а с Константинополем. Издание книги явно мотивировалось интересом к содержавшимся в ней богословским и историческим доводам.

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого прямо и непосредственно с этими конфликтами не была связана. Ее переиздание (с определенной обработкой текста справщиками Печатного двора), несмотря на переход в унию ее автора, говорит о том, что, обращаясь к западнорусской книжности, в ней искали и возможности повышения общего уровня гуманитарных знаний.

В сопоставлении с этими важными свидетельствами о обозначившихся важных переменах в отношении к западнорусским духовным традициям приобретают значение и некоторые, сами по себе, может быть, и не очень показательные,

---

164 Там же. С. 89.

165 Там же. С. 90.

166 См.: *Седов П.В.* Закат Московского царства. СПб., 2006. С. 97–99. Из духовных иерархов купил «Книгу о вере» только рязанский архиепископ Мисаил (Читатели изданий... С. 91).

детали. Выше уже приводились данные о Спиридоне Соболе, которого не допустили в Москву. Его сын Иван приехал в 1646 г. в Москву как переводчик, сопровождавший греческого архимандрита Венедикта. В Москве Иван Соболь получил корм и жалованье за участие в переводе книги «о Индийском царстве», а 20 марта 1647 г. он получил грамоту с разрешением приезжать в Москву. В поданной при отъезде челобитной, благодаря за «жалованье», Иван Соболь выражал желание поехать в Могилев, чтобы привезти оттуда в Москву «книги отца моего»[167]. Очевидно, у него были основания рассчитывать, что эти книги вызовут интерес в Москве.

19 июля 1648 г. в Путивль приехали старцы из Иосифо-Волоколамского и Кириллова монастырей, ездившие в Киев на богомолье[168]. Этот факт приобретает определенное значение, если учесть, что речь идет о старцах самых известных русских обителей и что более ранние поездки на богомолье в Киев наши источники не фиксируют. Разбор всех этих свидетельств позволяет сделать один важный вывод. Позитивное отношение к духовным традициям Киевской митрополии стало утверждаться в сознании образованной части русского общества еще до того, как восстание Хмельницкого положило начало новому этапу в истории отношений России с «русскими» землями Речи Посполитой.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что в 30-е — 40-е гг. XVII в., в отличие от 20-х гг. XVII в. нет оснований говорить о политических связях между Москвой и духовенством Киевской митрополии, но к концу рассматриваемого периода наметилось возвращение к некоторым нормам отношений, характерных для более раннего времени. Православное духовенство не было довольно своим положением в Речи Посполитой (о чем говорят высказывания и «радикала» Афанасия Филипповича, но и лояльного Петру Могиле настоятеля Густынского монастыря), и это побуждало искать помощи и поддержки в России. И к концу 40-х гг. во всё большей мере духовенство Киевской митрополии могло

---

167 РГАДА. Ф. 52, 1646 г. № 15. Л. 33, 59–60об.,71 и сл., 83.
168 РГАДА. Ф. 79, 1648 г. № 1а. Л. 290.

рассчитывать на благоприятный прием и помощь. Круг контактов не был так широк, как ранее, но они имели место и о них знали. Польский исследователь Т. Ходана, подробно характеризуя церковные реформы Петра Могилы, пришел к выводу, что они привели к росту различий между московским и киевским православием[169]. По отношению ко второй половине 30-х гг. такой вывод можно признать справедливым, но в 40-х гг. XVII в. стали складываться благоприятные условия для ликвидации этих различий. Целый ряд препятствий для общения духовенства двух обществ пропал, складывались благоприятные условия для творческого диалога между ними, для экспансии киевской «учености». В таких условиях возможный поворот общества к «про-московской» ориентации не должен был встретиться в этой среде с организованным сопротивлением. Что же касается до идейных оснований для такого поворота, то знакомство с официальными обращениями, направлявшимися из Киева в Москву в конце 30-х — 40-х гг. XVII в., показывает, что западнорусским книжникам были хорошо известны представления и о единстве «всего российского рода», и о преемственной связи между правителями Великороссии и правителями Древней Руси. Посылка Петром Могилой в Москву части останков «прадеда» царя Михаила Федоровича — Владимира — лучше, чем что-либо другое, показывает, что соответствующие представления, воспринятые западнорусским обществом в 20-е гг. XVII в., продолжали сохраняться в его сознании и в 40-е гг. XVII в.

169 *Hodana T.* Op. cit. S. 196.

ГЛАВА 14

Россия и запорожское казачество в 30-х — 40-х годах XVII в.

Если православное духовенство (в особенности в Восточной Украине) приобрело ряд важных преимуществ в соответствии с «Пунктами успокоения» и опасалось их утратить, рассматривая установившийся порядок, как более или менее приемлемый, то совсем иначе сложились во второй половине 30-х гг. XVII в. отношения между властями Речи Посполитой и казачеством. В отличие от православного духовенства казачеству власти Речи Посполитой ничего предложить не могли, а интенсивный рост магнатского землепользования на украинских землях вел к необходимости подчинить власти землевладельцев всю массу жившего на этих землях населения, а для этого нужно было ослабить здесь силу и влияние казачества.

М.С. Грушевский, анализируя источники, созданные на территории Речи Посполитой, показал, что после окончания войны с Россией и исчезновения угрозы войны с Турцией, в 1634–1635 гг. власти приступили к составлению «реестра», что должно было лишить казацкого статуса бóльшую часть казацких участников недавно закончившейся Смоленской войны. Одновременно в Поднепровье были размещены коронные войска. Люди, исключенные из реестра, жаловались на притеснения со стороны старост. Все это вело к росту массового недовольства[1].

О резком росте такого недовольства говорили рассказы выходцев, приходивших в пограничные русские города. Ряд таких сообщений от людей, приходивших в Путивль в декабре 1634 — январе 1635 г., рисуют достаточно определенную

---

1 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси... Т. VIII. Ч. 1. С. 210–213.

картину. Здесь прямо говорилось, что власти хотят «уменьшить» численность казаков, чтобы их бóльшая часть жила «в подданных под панскою справою»[2]. Казаки, пришедшие в Белгород из Миргорода, говорили, что многих людей «из козацкого списка выписали в мещане и заставливают козаков ляхи на себя работать»[3]. На всё это накладывались действия размещавшегося на постой коронного войска: «И в тех, де, выписных черкас ставятся поляки и немци и стацеи и всякие королевские поборы с них берут»[4]. Уже в январе 1635 г. распространялись слухи, что «на Масленой неделе» состоится поход коронного войска и реестровых («жалованных») казаков на Запорожье, чтобы «казаков из Запорог свесть, и чалны пожечь и наряд вывесть». К казакам, собравшимся в Сечи, «мелкие казаки», которым «королевского жалованья не дано», постоянно обращаются с призывами, «чтоб они в Запорогах крепилися»[5].

Зимой 1634/5 гг. стал обсуждаться и вопрос о новой войне с «ляхами». Тарас, бывший руководитель восстания 1630 г., недавно водивший подкрепления к Тимофею Арендаренко и ставший после этого гетманом, на раде в Каневе предложил «стоять за крестьянскую веру против ляхов». Когда участники рады его не поддержали, он отказался от гетманства и ушел со своими сторонниками в степь на реку Самару[6]. Призыв Тараса «стоять за веру» не был случайным. Выходцы в своих речах довольно единодушно выражали убеждение, что вслед за перечисленными мерами их станут принуждать принять и «ляцкую» веру.

Уход Тараса с гетманства Владислав IV воспринял с удовлетворением[7], но это, разумеется, не привело к спаду напряженности. Судя по сведениям, приходившим в русские пограничные крепости, весной — в начале лета 1635 г. напряженность

---

2 РГАДА. Ф. 210 (Рарядный приказ). Белгородский стол. Стб. 54. Л. 214.
3 Там же. Л. 297.
4 Там же. Л. 227.
5 Воссоединение... Т. I. № 84. С. 149.
6 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 99. Л. 6.
7 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси... Т. VIII. Ч. 1. С. 213.

продолжала нарастать. Появились слухи, что гетман Конецпольский «прислал от себя из Полши пана Желковского во все козацкие городки, чтоб козаков запорозских во всех козацких городкех перевесть»[8]. Казаки, выехавшие из Лубен, рассказывали в Москве, что Л. Жолкевский «прислал в Лубны и во все черкасские городки ляхов и велел у них ... крестьянскую веру отнять», а если кто не захочет, «и гетман Желковской велел их побивать и животы их грабити»[9].

Постройка властями крепости Кодак в районе днепровских порогов была, вероятно, воспринята как подтверждение подобных слухов. В августе 1635 г. известный казацкий предводитель, гетман конца 20-х гг. Иван Сулим напал на Кодак и уничтожил его гарнизон[10]. Рассказы выходцев позволяют внести ряд уточнений в эту общую картину. Рассказы эти отразили своеобразную ситуацию, когда, не желая вступать в конфликт с властями Речи Посполитой, запрещавшими морские походы, казаки стали уходить на Дон, чтобы оттуда вместе с донцами нападать на земли Османской империи. В апреле 1636 г. «литовские земли хохлачи», выехавшие с Дона на Валуйку, говорили, что «запорожские казаки с донскими в соединении за един человек... и безпрестани, де, на Дон черкасы идут станицами»[11]. К числу этих казаков принадлежал и «полковник» Сулим, который ходил с донцами на Азов, а затем «зимовал» на Дону. Туда приходили к нему и собирались вокруг него «выписные» казаки. Отсюда с войском из запорожских и донских казаков Сулим предпринял нападение на Кодак[12].

Для понимания того, как отдельные участники событий воспринимали всю глубину назревавшего конфликта, представляются важными высказывания каневского выписанного

---

8 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 54. Л. 395.

9 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 99. Л. 9–10.

10 *Nagielski M.* Kozaczyzna czasów Władysława IV (1632–1648) // Przegląd wschodni. 1991. Z. 4. S. 798–799.

11 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 64. Л. 46.

12 Воссоединение... Т. I. № 92. С. 159; РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 99. Л. 75; Белгородский стол. Стб. 64. Л. 102, 139; *Миненков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 376.

из реестра казака Лаврина Лепляева. На «расспросе» в Москве он говорил, что на Украину идет войско во главе с гетманом Конецпольским, «чтоб им черкас побить и свою ляцкую веру учинить, а те б черкаские городки поимать к себе в-ымение»[13]. Поход на казаков, — объяснял он, — предпринят потому, «что, де, от них, от поляков, из Польши выбегли все подданные их крестьяне и хлопцы, бегают в украинные городы и ставятца в казаки»[14]. Таких четких характеристик социальной стороны конфликта в более ранних записях рассказов выходцев не встречалось.

В этой обстановке резко возросшей напряженности в отношениях между властями и казачеством снова появились слухи о намерениях отдельных групп казачества отъехать в Россию и связанных с этим планах. Судя по рассказам выходцев уже зимой 1634/1635 г., жители Полтавы во главе со своим полковником Яцком Острянином, в недавнем прошлом одним из героев Смоленской войны, вместе с семьями оставили город и ушли в степь. По слухам, они хотели поселиться «в Московской земле на Борисове городище»[15]. Другая волна слухов связана была с войском, собравшимся на р. Самаре вокруг Тараса Федоровича. Приехавшие из Лубен в июне 1635 г. казаки рассказывали, что об отъезде Тараса в степь думают, что Тарас поехал в Москву просить у царя разрешения «селитца на государеве земле». Казаки «изо многих городков» хотели бы поселиться «ниже Белогорода на Чюгуеве городище, на Донце или в Цареве Борисове городище»[16]. Белгородские станичники, говорившие с казаками из войска Тараса, стоявшего на р. Самаре у Черленых буераков, передавали их слова, что те «не хотели бы у государя ни жалованья, ни чево, только б, де, государь их пожаловал, велел селитца по реке по Донцу»[17]. Перспектива такого массового перехода «черкас»

---

13 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 64. Л. 102.

14 Воссоединение... Т. I. № 92. С. 159.

15 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 54. Л. 401; Приказной стол. Стб. 99. Л. 6.

16 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 99. Л. 8–11.

17 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 54. Л. 519–520.

на русскую территорию вызвала весьма сдержанную реакцию властей в Москве. 23 июля 1635 г. белгородскому воеводе было передано, что «бояре наши приговорили к черкасам для перезыванья в нашу сторону не посылать и не звать»[18]. Все эти планы не были реализованы. Что касается Яцко Острянина и полтавцев, то «ляхи, де, приехав, разговорили их добром»[19], и они отказались от своих намерений. Сохранились свидетельства, относящиеся к следующему, 1636 году, где воспроизводятся разговоры Острянина с белгородскими детьми боярскими на пиру в Полтаве. Полковник говорил, что весной следующего, 1637 г. ожидается «с турским царем битва» и теперь «запороским казакам велено быть беспечна ... учинили им волю быть попрежнему казаством»[20]. Далее будет предложено объяснение того, что давало Острянину и другим казакам надежды на лучшее.

Но не все были такими оптимистами. В сентябре 1636 г. стало известно, что Тарас с атаманами Щербаком и Сорокой «пошли ... к донским казакам»[21].

Конечно, отдельные группы казаков переселялись на русскую территорию. Так, осенью 1636 г. в Белгороде служило 36 «черкас»[22], но массового переселения «черкас» на русские земли, несмотря на рост напряженности в их отношениях с властями Речи Посполитой, не произошло.

Связано это, весьма вероятно, с особенностями представлений казаков о внутреннем положении в Речи Посполитой. М.С. Грушевский, анализируя неприятные для казачества перемены, наступившие по окончании Смоленской войны, полагал, что они должны были привести к полному разочарованию казаков в новом монархе: «Козаки мусїлі розчарувати се в своїм вибранцю, за котрим так розбивали ся на елекції»[23].

---

18 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 99. Л. 23 и сл.

19 Там же. Л. 6.

20 Там же. Л. 514.

21 РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей), 1635 г. № 1. Л. 167. О Тарасе на Дону см. также: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 64. Л. 102, 278.

22 *Папков А.И.* Южное порубежье... С. 225.

23 *Грушевський М.С.* Історія .... Т. VIII. Ч. 1. С. 210.

Записи рассказов выходцев, сделанные в пограничных русских крепостях или в Москве, куда их иногда затем доставляли, показывают, что М.С. Грушевский ошибался в своей оценке настроений казачества.

Записи этих рассказов показывают убеждение казаков, что Владислав IV стоит за них и держится православной веры, а по другим сведениям — намерен вскоре ее принять[24]. Одновременно распространялись слухи, что польские «паны», недовольные этим, хотят отстранить монарха от власти, и он, спасаясь от них, нашел убежище в Смоленске[25]. В начале мая 1635 г. атаман Демьян в Миргороде говорил станичникам из Белгорода, что «король из Польши от лехов ... ушол» и они «всем запороским войском» «проведывают», где он находится — «а как, де, у них будет про короля весть или от него будут листы, и им, де, всем запорозским войском тотчас идти к нему со всякими запасы и с пушками». Демьян спрашивал станичников, даст ли царь Владиславу IV войска «против лехов и немец»[26]. Из другого рассказа, записанного в апреле 1635 г., следовало, что Владислав собирает своих сторонников в Польше, а гетман С. Конецпольский стоит с войском под Варшавой, «чтоб не пропустить запороских казаков в сход к королю»[27]. В мае следующего, 1636 года «листровых казаков полковник Федка Кузминской» рассказывал, что по приказу королевича Яна Казимира гетман Конецпольский собирает войско, чтобы отстранить короля от власти, так как «поляки» узнали, что он «хочет креститца в православную крестьянскую веру в Киеве об Ильин день». И вот теперь король «пишет по городом с прошеньем, чтоб ево русские всякие люди не подали от Казимера и поляков»[28]. Разумеется, никакой реальности за этими рассказами не стояло, но казаки, конечно, были уверены в их правдивости.

---

24 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 54. Л. 297, 395, 497.
25 Там же. Л. 297, 497.
26 Там же. Л. 518.
27 Там же. Л. 395.
28 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 64. Л. 606–607.

Таким образом, враждебность к существующим порядкам, главным воплощением которых был, как и ранее, гетман С. Конецпольский, не распространялась у казачества ни на монарха, ни на Польско-Литовское государство в целом. Рассказы отражают убеждение казаков, что в государстве есть силы во главе с самим королем, которые хотят поддерживать казаков в их борьбе с «ляхами». Казаки, по-видимому, надеялись, что, если казаки и сторонники Владислава IV в Польше соединят свои силы, им удастся одержать победу. Существование таких сил было иллюзией, но в эту иллюзию верили. В условиях, когда возможность переворота в Польско-Литовском государстве представлялась реальной, у казаков не было веских мотивов для эмиграции.

Как известно, в 1637–1638 гг. восточные области Украины были снова охвачены восстанием. Его сложная драматическая история не является предметом данного исследования, но важно отметить ряд выявленных исследователями особенностей, отличающих события 1637–1638 гг. от событий 1625 и 1630 гг. Намечавшийся уже в 1625 г. раскол в среде казачества в 1637–1638 гг. стал фактом. Уже начало восстания было отмечено расправой с целым рядом представителей казацкой верхушки по приказу главы повстанцев Павлюка, а значительное количество реестровых во главе с Ильяшем Караимовичем присоединилось к коронной армии и участвовало в военных действиях против повстанцев. Уходившие на русскую территорию казаки называли таких людей предателями своего народа и своей веры. Характер действий самих повстанцев заметно изменился. Вожди восстания Павлюк и Скидан призвали к восстанию не только казачество, но и «чернь». Действия казацких войск против коронной армии сопровождались массовыми волнениями, когда восставшие убивали представителей администрации — «урядников», управляющих имений — «державцев» и евреев-арендаторов. Эти особенности позволяют говорить о восстании как своеобразной репетиции событий 1648 г. В соответствии с этим для событий 1637–1638 гг. стали характерны не только военные действия коронной армии против казацких войск, но и массовые репрессии по отношению к непокорным

подданным. Все эти факты говорят об усилении социального антагонизма между властями Речи Посполитой и населением восточных областей Украины.

В этой связи заслуживает внимания вопрос, как оценивало казачество (и население восточной Украины в целом) внутриполитическое положение в Польско-Литовском государстве, изменились ли оценки этого положения по сравнению с 1635–1636 гг. Сохранившиеся в достаточно большом количестве записи «речей» выходцев позволяют дать определенный ответ на этот вопрос. Казаки, вышедшие в феврале 1638 г. в пограничный Севск, рассказывая о том, как казаков «сыскивая везде побивают», одновременно сообщали, что король «прислал лист к гетману к Якубу Потоцкому, чтоб, де, он казаков не побивал и шел бы, де, к нему, королю, в Польшу тотчас»[29]. Таким образом, к этим жестоким репрессиям король не имел отношения и старался их прекратить. 13 марта 1638 г. выехавшие в Путивль казаки рассказывали о столкновениях на сейме, связанных с тем, что поляки «самовольством запорожских казаков всех побили и городы пожгли без королевского ведома». «Поляки» поддерживают Яна Казимира, а гетман К. Радзивилл «с литовскими людми стоят за короля Владислава». По их словам, по просьбе Владислава император («цесарь») прислал ему на помощь войска, очевидно, для борьбы с «поляками»[30]. 16-го марта того же года в Курск пришли мещане из Гадяча. Они рассказывали, что Владислав находится у гетмана Радзивилла в Вильно, «а поляки на королевство короновали королевича Казимира», и скоро между братьями начнется война[31]. По другим рассказам получалось, что эта война уже началась. Казак из Прилук, выехавший в январе 1638 г. из казацкого войска, рассказывал, что Владислав и Радзивилл «польских многих людей побили», которые поддерживают Яна Казимира. Владислав также «послал было Радивила гетмана, а с ним ратных людей, литву, белорусцев тысечь

---

29 Воссоединение... Т. I. № 113. С. 185.
30 Там же. Т. I. № 116. С. 195.
31 Там же. Т. I. № 118. С. 197–198.

с восьм к запорожским казаком на помочь». Как он слышал, гетман писал к запорожцам, «чтоб ... шли бы к нему, гетману к Радивилу, в сход»[32]. Таким образом, оказывалось, что король не только не одобряет карательных действий «поляков», но и вступил с ними в открытый конфликт и высылает войско на помощь казакам. Количество таких свидетельств нетрудно увеличить. Так, 11 ноября 1637 г. выходец из турецкого плена, возвращавшийся в Россию через украинские земли, рассказывал в Путивле, что, как он слышал от казаков, «король, де, велит и пишет к ним, чтобы, де, черкасы за веру стояли и с поляки бились»[33].

Рассказы о войне между братьями обрастали конкретными деталями. Так, в апреле 1638 г. рассказывали, что «Каменец, де, Подолской отложился от короля к Казимеру, а бьются, де, оне промеж себя в Литовской земле». При этом «король ... стоит за веру крестьянскую, а коралевич Казимер бьетца с королем, чтоб веру крестьянскую вывести»[34]. Вопрос о том, почему подобные представления, не имевшие никакой опоры в реальной действительности, прочно сохранялись в сознании казачества на протяжении целого ряда лет, обогащаясь все новыми подробностями, заслуживает специального исследования. Для целей данной работы важно отметить, что у казаков продолжало сохраняться представление, что в Польско-Литовском государстве действуют влиятельные могущественные силы, связанные с монархом и «литвой», которые выступают против враждебных замыслов «поляков», призывают казаков к борьбе и готовы оказать им помощь. Возможно, с надеждами на такую помощь следует связывать особую длительность восстания, растянувшегося на много месяцев. Надежды казаков на достижение своих целей на почве Речи Посполитой должны были накладывать свой отпечаток на отношение казаков к Русскому государству.

В лагере гетмана М. Потоцкого располагали сведениями, что казаки «myślą dońskich ku sobie zaciągnąć, z Tatary się

---

32 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 82. Л. 59.
33 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 105. Л. 13–14.
34 РГАДА. Ф. 79. 1638 г. № 2. Л. 121.

złączyć, Moskiewskigo za pana mianować»[35]. Сведения о попытках казаков добиться союза с татарами (и в этом отношении восстание оказалось репетицией событий 1648 г.), частично оказавшихся успешными, отразились в целом ряде разных источников[36]. В достаточно обширной документации русских воевод пограничных городов не обнаруживается сведений о каких-либо контактах такого рода с населением Украины.

Записи слухов, зафиксированные в рассказах выходивших на русскую территорию казаков, позволяют говорить о том, что после первых неудач казацкого войска стали обсуждаться планы массового ухода казаков с территории Речи Посполитой. В одном из слухов, записанных в мае 1638 г., говорилось, что «из Запорог» отправляли к султану посланцев с предложением перейти к нему на службу[37]. Первые сведения о планах массового ухода на русскую территорию относятся к началу 1638 г. В одном из таких рассказов говорилось, что «черкасы пошли тысечь семь з женами и детми на Царев город», т. е. очевидно, к Цареву-Борисову на Северском Донце[38] — очевидно, возродились планы более раннего времени. В другом слухе того же времени говорилось о намерениях собравшегося на Левобережье войска, которое не смогло перейти Днепр, чтобы присоединиться к армии Павлюка, идти мимо Полтавы к Белгороду, чтобы поступить на царскую службу[39]. Планы эти, судя по всему, не были осуществлены.

С марта 1638 г. началось стихийное бегство отдельных групп казаков в пограничные русские города, чтобы спастись от преследований властей. Многие уходили, «пометав жены и дети»[40]. К лету 1638 г. дело дошло до ухода

---

35 *Okolski S.* Dyaryusz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem i zaporoskiem w 1637 r. Kraków, 1858. S. 14.

36 *Флоря Б.Н.* Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 53–54.

37 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 98. Л. 97.

38 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 105. Л. 118.

39 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 82. Л. 195.

40 Целый ряд документов этого времени см.: Воссоединение... Т. I. № 113, 114, 116 и др.

на русскую территорию крупных военных отрядов. Так, с Яцком Острянином ушло в Россию 2,5 тыс. казаков. Но такой выезд не был результатом продуманного плана. Острянин потерпел поражение в бою с коронной армией под Жолнином и ушел на русскую территорию, собирая по дороге рассеянные отряды[41]. Сохранились сведения и о уходе к Белгороду в июне 1638 г. и другого казацкого войска во главе с Горянкой и Стенькой Коневым, в нем были и казаки, и мещане с женами и с детьми. На Ворскле в 60 верстах от Белгорода их «табор» подвергся нападению татар и был разгромлен[42]. Стоит отметить, что отъезд Я. Острянина и с ним большого отряда в Россию вызвал враждебную реакцию той части войска, которая осталась на месте и выбрала гетманом Дм. Тим. Гуню.

Начавшееся массовое переселение жителей Левобережья в Россию стало важной гранью в истории отношений России с «русскими» землями Речи Посполитой. Как отмечалось выше, выходцы из этих земель уже в конце XVI в. проживали в целом ряде центров Русского государства как «служилые черкасы», люди, находившиеся на службе (военной) у русских властей. Теперь численность людей такого рода на русской государственной территории резко выросла[43]. Вместе с тем сам факт такого массового переселения показывает, что казаки и простые люди смотрели на Россию как на дружественную страну, где можно найти помощь и поддержку.

В истории взаимоотношений между запорожским казачеством и Русским государством следует особо выделить время «азовского осадного сидения». С середины 30-х гг. XVII в. между запорожскими и донскими казаками существовали уже достаточно длительные связи. Хорошо известно, что запорожцы достаточно часто приезжали на Дон и неоднократно вместе с донцами предпринимали морские походы на земли Османской империи. Как уже отмечалось выше, приток запорожских казаков на Дон усилился после того, как польские власти поставили на Днепре крепости, чтобы препятствовать

---

41 Воссоединение... Т. I. № 135. Ср. № 145.

42 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 98. Л. 299.

43 О их жизни на русских землях см. главу 18 монографии.

морским походам запорожцев. Неслучайно весной 1636 г. один из выходцев сопроводил свое сообщение путивльскому воеводе о строительстве крепостей словами — «черкасы, де, многие пошли на Дон»[44]. В апреле 1636 г. запорожские казаки, выехавшие с Дона на Валуйку, рассказывали воеводе, что «черкас ... запороских на Дону с тысечю человек и больши, и безпрестани, де, на Дон черкасы идут станицеми». Донцы и запорожцы «советовали в кругу, что идти, де, им на море за един человек». В условиях заметного роста находившейся на Дону военной силы стали появляться и другие важные планы. Выходцы сообщали, что казаки намерены, когда татары уйдут на войну, «приступать к Азову в те поры, што им безвестно Озов взять»[45].

Уже эти сообщения позволяют полагать, что предпринятый в следующем, 1637 г. поход на Азов, закончившийся взятием этого города, был общим делом донских и запорожских казаков. И такое предположение подтверждается свидетельством находившегося на Дону во время взятия города Степана Чирикова, присланного встречать убитого казаками османского посла. По его сообщениям, донцы и запорожцы делили между собой взятую добычу на 4400 человек (в том числе на 1000 убитых)[46]. В апреле 1638 г. послы Войска Донского во главе Михаилом Татариновым сообщили дьякам Посольского приказа, что на Дону находится 10 тыс. донцев и 10 тыс. запорожцев[47]. На точность этих цифр, конечно, нельзя полагаться, но ясно, что по общему впечатлению и тех других было примерно равное количество. По словам послов, осенью 1637 г. между донцами и запорожцами возникли трения. Часть казаков во главе с атаманом Матьяшем стала добиваться «города в Азове особнова и наряду», чтобы «владеть и жить особно», но по приговору войска атамана Матьяша «вкинули в Дон», и конфликт остался в прошлом[48]. Послы сообщали

---

44 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 64. Л. 556.

45 Там же. Л. 46–47.

46 *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 259.

47 Воссоединение... Т. I. № 121. С. 203.

48 Там же. С. 204.

о твердом намерении донцев и запорожцев удерживать Азов[49]. От них дьяки узнали, что «и ныне к ним в Азов запорозские черкасы идут безпрестанно, многие люди». Один из таких отрядов посланцы встретили на Северском Донце на пути в Москву. В русскую столицу приходили и другие известия о движении на Дон новых отрядов запорожцев. Возвратившийся из османского плена в ноябре 1637 г. астраханец Андрей Давыдов сообщал о двух попытках запорожцев пройти на Дон через татарские заслоны. «И черкасы, де, на весну изо всех черкасских городков хотят итти на Дон»[50]. В марте 1638 г. миргородский казак Трофим Иванов рассказал, что «черкасы из городов тысячи три пошли на Дон и в Озов»[51].

Некоторые свидетельства позволяют судить о том, каково было отношение русских властей к этим действиям запорожцев. Очевидно, сразу по получении известий от С. Чирикова 26 ноября 1637 г. на Дон была послана царская грамота, в которой казакам предлагалось, чтобы они «к запороским бы черкасом ... от себя писали накрепко, чтобы они с вами заодно на крымских и на ногайских воинских людей стояли и нашему Московскому государству от войны помочь чинили»[52]. Позднее такое предложение повторялось в царских грамотах на Дон неоднократно[53]. К началу 1638 г. относится черновик царской грамоты, по которой «черкасам» разрешался проезд через русскую территорию, если они, заготовив к весне запасы, захотят пойти на Дон или в Азов[54]. Русская власть явно готова была способствовать приходу запорожцев в Азов. Об этом говорит и другой шаг, предпринятый в Москве весной 1638 г. В направленной туда в конце мая челобитной Донского войска сохранился пересказ царской грамоты, присланной на Дон 2 мая. Царь снова предписывал

---

[49] Об этом говорили и выходцы с Дона — Воссоединение... Т. I. № 130. С. 218.

[50] РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 105. Л. 23.

[51] РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 82. Л. 449.

[52] Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 18. (Донские дела. Кн. I). СПб., 1898. Стб. 615.

[53] Там же. Стб. 596–597, 663.

[54] РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 82. Л. 449.

донцам «писать от себя» к запорожцам, чтобы они вместе с донскими казаками «заодно на крымских и на ногайских воинских людей стояли» и препятствовали их нападениям на южные уезды Русского государства[55].

Еще более важный шаг был предпринят, когда в том же 1638 г. в Польшу было направлено посольство во главе с С.М. Проестевым. Послы должны были просить, что если бы царь Михаил Федорович предложил запорожцам, «чтоб они стояли на поганых бесермен, на крымских людей», то чтобы король «по братцкой дружбе и любви на то запороским черкасам поволил»[56]. Запорожское казачество в Москве в 1637–1638 гг. явно рассматривали как важную военную силу, которая может помочь защитить южные границы Русского государства и отобранный у османов Азов.

Когда весной 1638 г. началось массовое переселение «черкас» на южные земли Русского государства, в марте 1638 г. белгородскому воеводе кн. П.Д. Пожарскому предписывалось отпустить тех «черкас», которые «похотят идти на Дон и в Азов» «безо всякие зацепки», якобы по собственной инициативе[57]. Осенью 1638 г. аналогичные предписания были направлены воеводам и других южных городов (Курска, Воронежа)[58]. Такой линии по отношению к поселившимся на русской территории «черкасам» русские власти продолжали придерживаться и позднее[59]. В 1640 г. из «черкас», поселившихся в Чугуеве, ушло на Дон 127 чел.[60] В 1640–1641 гг. в Азов пришли новые отряды запорожцев, потому что «им, де, жить негде, где они живали по Днепру, и им тут жить нельзя»[61]. В Азов стали уходить «из государевых новых из украинских городов»[62] люди,

---

55 Воссоединение... Т. I. № 131. С. 219.
56 РГАДА. Ф. 79. Кн. 60. Л. 470–473.
57 Воссоединение... Т. I. № 117. С. 197.
58 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 15, 22, 28.
59 См. такие предписания в наказах воеводам Чугуева — П.И. Щетинину (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 397), Г.И. Кокореву (Там же. Стб. 133. Л. 103).
60 Воссоединение... Т. I. № 190. С. 314.
61 *Новосельский А.А.* Борьба... С. 260.
62 РИБ. Т. 18. Стб. 935 (ноябрь 1639 г.).

нашедшие приют в России. Об этом было хорошо известно властям Речи Посполитой. В апреле 1640 г. королевские послы добивались возвращения ушедших из Речи Посполитой людей, упоминались в этой связи «Яцко Остряница да Ондрюшко Гуня», которые «с ыными в Азове многими старшинами засели и живут»[63]. Указание на Остряницу было ошибочным, но «атаман Гунка черкашенин» действительно летом 1640 г. возглавил эскадру из 23 стругов, которая ходила с Дона на Черное море[64]. Неудивительно, что, готовясь к походу на Азов, власти Османской империи потребовали от Владислава IV вывести запорожцев из Азова. В апреле 1641 г. в Варшаве было принято решение послать запорожцам «универсалы» с обещанием амнистии участникам восстания 1637–1638 гг., если они оставят Азов[65]. Накануне осады города османской армией приехавший в Москву в июле 1641 г. атаман Беляй Лукьянов говорил, что находящиеся здесь атаманы и казаки и пришедшие из Литвы и Запорог «черкасы» — «хотят, де, все в Азове сидеть крепко»[66]. В июне 1641 г., незадолго до начала осады, осажденные обратились «к запорожским черкасом» с просьбой о помощи[67]. Очевидно, в ответ на эту просьбу в сентябре 1641 г. «многие люди» из Речи Посполитой прорвались через Перекоп и взяли в Крыму «полон мног»[68].

В течение этих лет, как известно, русское правительство постоянно направляло в Азов продовольствие, порох, военные запасы и жалованье. Сохранился рассказ о трениях, возникших в связи с этим между донцами и запорожцами. Обидевшись на то, что «государь им жалованье не присылает», запорожцы даже было «пустили турских людей» в Азов,

---

63 РГАДА. Ф. 79. Кн. 63. Л. 185об.

64 РИБ. Т. 18. Стб. 43.

65 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения в годы борьбы за Азов (1637–1642) // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 125–126.

66 РИБ. СПб., 1906. Т. 24. Стб. 219.

67 *Куц О.Ю.* Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 135.

68 Там же. С. 171.

но донцы «дали им великое жалованье и всю свою казну, что имели», и тем обеспечили их поддержку[69]. Даже если бы такого рассказа не сохранилось, ясно, что в сложившейся ситуации донцы должны были делиться с запорожцами тем, что они получали из Москвы. Так складывались определенные связи между русскими властями и той частью запорожского казачества, которая ушла на Дон, вступив в конфликт с властями Речи Посполитой.

Однако устанавливавшаяся было система связей оказалась разорвана, когда русское правительство отказалось от борьбы за Азов, и в 1642 г. он был передан османам. Вслед за сдачей Азова началось наступление османских войск на донские казачьи городки. Дело не ограничилось восстановлением азовской крепости и строительством новых укреплений, которые должны были закрыть выход в море казацким судам[70]. Весной 1643 г. османские войска разорили главный центр донского казачества — Черкасск, летом 1643 г. они осаждали другой важный центр донских казаков — Раздоры[71]. Нападения, сопровождавшиеся разорением на Дону казачьих городков, продолжались и в следующем, 1644 г.[72] В этих условиях у запорожских казаков отпадали стимулы приходить на Дон и находиться там, и к середине 40-х гг. XVII в. обозначилось явное обострение отношений между русскими властями и казачеством.

Возникший конфликт вытекал из того тяжелого положения, в котором оказалось к этому времени казачество, для которого важным источником существования была добыча, захваченная во время набегов. К середине 40-х гг. XVII в. путь по Днепру для походов на земли Османской империи оказался для казаков закрыт. Закрытым оказался (о чем в иной связи говорилось выше) и путь на море по Дону. Конечно, запорожские казаки предпринимали набеги на близлежащие крымские

---

69 РГАДА. Ф. 79, 1641 г. № 8. Л. 138–139 (сообщение получено в Москве в ноябре 1641 г.).

70 *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. II. М., 1946. С. 85–86.

71 Там же. С. 87–88.

72 Там же. С. 90.

улусы, угоняя татарский скот[73]. По-видимому, такие локальные нападения не обеспечивали нужд казачества, и объектом их нападений стали пограничные русские территории. Уже в 1643 г. русские послы И.Д. Милославский и Л. Лазорев жаловались в Стамбуле на нападения запорожских казаков «на государевы украйные городы»[74]. Летом 1644 г. Войско Донское отправило послов к коронному гетману С. Конецпольскому добиваться, «чтобы черкасы по Донцу и Днепру не воровали», в противном случае «донским казакам не терпеть, литовских людей побивать»[75]. Летом 1644 г. «писмо» о «черкаском воровстве» подали сенаторам Речи Посполитой русские послы А.М. Львов и Г.Г. Пушкин[76]. Обращения такого рода продолжались и в последующие годы[77]. Большой материал об имевших место нападениях собран и проанализирован в неоднократно упоминавшейся выше книге А.И. Папкова[78]. Хотелось бы только выделить некоторые особенности этих событий. Нападения приобретали широкий размах, казацкие отряды появлялись в округе таких достаточно далеко отстоявших от границы городов, как Козлов и Тамбов, при этом казацкие отряды во время набегов неоднократно соединялись с татарскими «загонами». Казаки брали добычу, а татары «полон»[79]. Набеги эти неоднократно проводились крупными силами. Под Козловом, как известно, дело дошло до настоящего сражения участников набега с ратью во главе с воеводой Козлова[80]. К середине 40-х гг. относятся и свидетельства о «черкасах», которые живут

---

73 *Флоря Б.Н.* Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 54–55.

74 Статейный список посольства Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазорева в Царьград в 7150 г. // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8. С. 90, 102.

75 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 189. Л. 354–355, 447–448.

76 РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 67. Л. 729об.–739.

77 См., например, грамоту Алексея Михайловича королю Владиславу IV от октября 1646 г. (РГАДА. Ф. 79, 1646 г. № 20. Л. 106 и сл.).

78 *Папков А.И.* Порубежье... С. 175 и сл.

79 *Флоря Б.Н.* Запорожское казачество и Крым... С. 56–58.

80 *Новосельский А.А.* Борьба... С. 317–318.

в Крыму и обучают татар стрельбе из огнестрельного оружия[81]. Всё это создавало условия для союза казаков с Крымом, как он сложился на начальном этапе восстания Хмельницкого, но, несомненно, одновременно способствовало формированию негативных представлений о запорожском казачестве в сознании русской политической элиты.

Однако и в этих условиях в Москве видели в запорожском казачестве важную силу, которая могла бы сыграть свою роль в выполнении больших внешнеполитических планов, выдвигавшихся в Москве. В начале 1646 г. в Москве возникли планы большой наступательной войны против Крыма. Когда в январе 1646 г. в Варшаву было направлено посольство во главе с В.И. Стрешневым для ведения переговоров о союзе и совместных действиях против татар, послы должны были добиваться, чтобы король «велел отпереть Днепр и поволил днепровским казакам ... с донскими казаками вместе крымские улусы воевать»[82]. В Варшаве послы «многими речми и широкими разговоры» убеждали сенаторов принять это предложение[83]. Предложение это, однако, принято не было. Часть магнатов выступала против активных военных планов на юге. Другая часть, к которой принадлежали владельцы крупных имений на Украине, выступала за активные действия против Крыма, но была решительно против самостоятельных акций казачества. Как говорили русскому гонцу С. Черепову в резиденции одного из таких магнатов А. Конецпольского: «А только, де, Днепр отпереть, и казаки, де, все выдут, и им от тех казаков и самим будет тесно»[84].

Как известно, в начале 1646 г. в Москве было принято решение направить на Дон войска во главе с Жданом Кондыревым, и в южных уездах России начался набор «вольных людей» для пополнения этого войска. Эти события вызвали очень живую реакцию украинского казачества. Уже в апреле 1646 г. подканцлер коронный А. Лещинский говорил

---

81 *Флоря Б.Н.* Запорожское казачество и Крым... С. 59.
82 РГАДА. Ф. 79, 1646 г. № 6. Л. 202.
83 Там же. № 5. Л. 735.
84 Там же. 1646 г. № 1. Л. 156.

русским послам, что, по его сведениям, «запорожские черкасы сослались с донскими казаками и идут на Дон многие люди, а на Дону ... готовят им донские казаки две сто стругов, а з Дону хотят те черкасы идти на Крым войною морем»[85]. В том же месяце путивльский воевода кн. Ю.А. Долгорукий сообщал, что «вольные литовские охочие люди» хотят идти через Путивль на Дон[86]. К следующему месяцу, маю 1646 г., относятся отписки воевод о приходе в Белгород и Воронеж «черкас» «из розных городков», выражавших желание идти «на Дон к донским казаком или на Воронеж к Ждану Кондыреву». Их принимали на службу, выплачивали «жалованье», давали муку и пищали тем, у кого их не было. «Черкасы» давали по себе поручные записи жалованья «не проворовать» и «без отпуску з государевой службы з Дону из войска не съехать»[87]. Выходцы говорили, что «на литовской стороне» собралось около 5 тыс. «черкас» готовых идти на эту царскую службу[88]. Казачество явно обнаружило стремление обновить связи, завязавшиеся в годы «азовского сидения».

Если начавшееся движение не получило значительного развития, то потому, что к лету 1644 г. перед казачеством стали как будто обнаруживаться благоприятные перспективы на почве Речи Посполитой. В отличие от многих сенаторов — владельцев имений на Украине, король Владислав и его окружение были заинтересованы в том, чтобы казаки предприняли походы на крымские владения. Эти походы должны были способствовать вовлечению Речи Посполитой в войну с Османской империей и Крымом даже против воли магнатов и шляхты. Побывавший в начале лета 1646 г. в Варшаве русский гонец Иван Плакидин так и писал, что король, видя, «что сенаторы тое войны против турка ему не поволили», приказал казакам напасть на земли Османской империи, «чтоб турской

---

85 РГАДА. Ф. 79, 1646 г. № 5. Л. 170.

86 РИБ. Т. 24. Стб. 785.

87 Воссоединение... Т. I. № 253, 256–258, 261. См. также: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 209. Л. 128, 288–289 (отписки июня 1646 г.).

88 Там же. № 253. С. 422.

царь сам учинил к войне какую причину»[89]. Уже 11 мая н. ст. Владислав IV уведомил Москву о своем намерении «зараз отпереть Днепр» для запорожских казаков[90]. Еще раньше, в апреле 1646 г., состоялась встреча короля с вызванными им в Варшаву «старшими» реестрового войска. Король передал им 18 тыс. талеров на строительство судов для морского похода. Одновременно старшине были вручены два королевских привилея, которые давали им полномочия для организации похода и разрешали увеличить «реестр» с 6 до 12 тыс. чел. Так как это были личные распоряжения, не одобренные сословиями, «привилеи» были скреплены не государственной, а его личной печатью[91]. Летом 1646 г. на Днепре началось строительство судов для морского похода[92]. В сообщениях, приходивших в Москву, говорилось, что суда должны выйти в поход 1 июля или на «Оспожин день» — 15 августа[93]. Одновременно, как известно, король без какого-либо одобрения сословий приступил к сбору войск для похода на земли Османской империи и выехал для этого во Львов. Действия короля привели к его резкому конфликту с магнатами и шляхтой. Ареной столкновения стал собравшийся осенью 1646 г. сейм, на котором король отказался от своих планов и был вынужден объявить о роспуске собранных войск. Не состоялся и морской поход запорожцев на османские земли. Старец Иов, пришедший в декабре 1646 г. в Севск из Киева, рассказывал, что «у запорожских казаков Вишневецкой с товарищи наряд поотнимали и воли им не дали и поворотили опять под свою власть»[94].

---

89 РГАДА. Ф. 79, 1646 г. № 12. Л. 197.

90 РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Кн. 597. Л. 314.

91 *Czermak W.* Plany wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895. S. 110–112, 391–395.

92 *Флоря Б.Н.* Запорозьке козацтво і плани турецкої війни Владислава IV (политіка верхів і суспільна свідомість низів // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Київ, 1992. Вип. 1. С. 88–89.

93 РГАДА. Ф. 79, 1646 г. № 13. Л. 11; Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 209. Л. 288.

94 Запись «речей» Иова см.: РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 131. Л. 239–240.

Рассказы старца Иова о положении в Речи Посполитой и другие записи слухов, относящиеся к 1646–1647 гг., позволяют судить о том, как осмысливались происходящие события казачеством и простыми людьми юго-восточных воеводств Речи Посполитой. Целый ряд сообщений, поступивших от разных людей, объясняли происшедший конфликт тем, что король пытался вернуть себе власть, так как он «в государстве своем не владетелен, а владеют и сильны во всем паны — рада»[95]. Это вызвало недовольство магнатов — таких «ляхов» и врагов казачества, как гетман М. Потоцкий, Я. Вишневецкий, киевский воевода Я. Тышкевич. На сейме они пытались добиться низложения короля, но его спас, «разорвав сейм», литовский гетман Я. Радзивилл. Однако на этом все не кончилось. По словам старца Иова, вскоре «от панства на короля будет великой рокош». В этом тяжелом положении король искал поддержки у казачества, поставил гетмана из их среды, «дал волю по прежнему и пушки и наряд». Сам Владислав IV намерен был ехать в Киев, а оттуда — в «казацкие городы», но «князь, де, Вишневецкой с товарищи короля в казацкие городы не пустили», и он вынужден был вернуться в Варшаву[96].

Несложно установить, что на сейме вопрос о детронизации короля не обсуждался, да и о поездке Владислава IV в Киев речи не было. Однако рассказ представляет очень яркое свидетельство того, как были восприняты и истолкованы в казацкой среде происходившие осенью 1646 г. события. Для темы данного исследования важно, что шаги, предпринятые Владиславом IV по отношению к казачеству, вновь оживили сложившиеся в предшествующие годы представления о короле как «добром» монархе, который дал казакам «волю», а ее у них отнимают злые «ляхи» — магнаты. Действия «ляхов», не позволивших королю поехать в Киев, ставили людей перед вопросом, что нужно сделать, чтобы сохранить «волю», полученную от короля. В этой связи обращает на себя внимание такая деталь рассказа старца, что низложению короля воспрепятствовал светский глава Литвы

---

95 *Флоря Б.Н.* Запорозьке козацтво... С. 91.

96 См. запись речей старца Иова.

Я. Радзивилл. Это показывает, что в сознании людей продолжало сохраняться представление о «литве» как силе, готовой поддержать монарха в его борьбе с «ляхами». При таком представлении о положении дел в Речи Посполитой выступление против «злых» магнатов в союзе с королем и его сторонниками сулило определенные шансы на успех.

Таково было представление о положении в Речи Посполитой и своем месте в нем в низах украинского общества к тому времени, когда началось восстание Хмельницкого.

Подводя итоги, следует констатировать, что в 30-х — 40-х гг. XVII в. в отношениях между казачеством и Русским государством каких-либо значительных перемен не произошло. Сдвиги, намечавшиеся было в 20-х гг., не получили развития, а отношения дополнительно осложнились попытками казаков захватывать добычу на соседних русских территориях. Отсутствие сдвигов, несмотря на обострение социальных конфликтов на украинских землях, было несомненно связано с тем, что в сознании казаков устойчиво сохранялось представление, что в Речи Посполитой имеются могущественные силы, заинтересованные в сотрудничестве с казачеством, и что в союзе с ними казачество может добиться «воли» и поражения враждебных ему магнатов.

Вместе с тем в эти годы развиваются появившиеся уже в 20-е гг. XVII в. представления, что в России — соседней дружественной стране — можно найти убежище от враждебных действий властей Речи Посполитой. Именно сюда направилось в поисках спасения большое количество участников восстания 1637–1638 гг.

Говорить о каком-либо антагонизме в отношениях между русскими властями и казачеством, несмотря на возникшие достаточно серьезные осложнения, нет оснований. Напротив, когда возникали реальные возможности для сотрудничества, обе стороны активно стремились их использовать. Отношения казачества к России во многом определялись представлениями, на деле не имевшими опоры в реальной действительности. Рано или поздно несоответствие должно было обнаружиться, и это поставило бы казачество перед необходимостью пересмотреть свое отношение к России.

ГЛАВА 15

Шляхта Речи Посполитой на русской службе (30-е — 40-е годы XVII в.)

После заключения Поляновского мира «Тульская служба» «литовских людей» возобновилась. В ноябре 1634 г. из Москвы пришло распоряжение отпустить из Тулы со службы «иноземцов Литвы и поляков 623 ч.»[1].

Сопоставление с разрядными записями кануна Смоленской войны показывает, что осенью 1631 г. здесь несло службу в два раза меньше «литовских людей»[2]. Весной 1635 г. в Туле находилось «с ротмистром Христофором Рыльским иноземцов литвы и поляков, и гречан, и сербян и волошан и всяких иноземцов старого и нового выезду с ротмистры и порутчики 1411 чел.»[3]. Передача командования этим войском Х. Рыльскому и упоминание в перечне «литвы и поляков» на первом месте говорит о том, что бóльшая часть этих «иноземцев» была «литовскими людьми». В этом случае придется сделать вывод о значительном увеличении количества «литовских людей» в русской полевой армии на Юге, вероятно, за счет притока по окончании войны шляхтичей, желающих служить в России. В пользу этого говорят употребленные в разрядной записи слова о иноземцах «старого и нового выезду».

---

1 Книги разрядные. Т. II. Стб. 753–754.

2 Ср.: Там же. Стб. 533.

3 Там же. Стб. 758. О Христофоре Рыльском см.: *Малов А.В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Федоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой. Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 235.

Обращение к разрядным записям 1635 г. позволяет установить, что, как и ранее, «литовские люди» продолжали нести службу в разных центрах и в европейской части России, и в Сибири. К сожалению, точные цифры в данном случае не могут быть названы, так как в этих записях неоднократно приводятся общие цифры количества «литвы и черкас» в том или ином городе: в Астрахани — 84 ч.[4], в Казани — 133 ч. (отмечено, что по переменам они должны нести службу в Уфе)[5], в Тобольске было 97 человек «литвы, и черкас, и немец», на Таре представителей этих трех групп было 127 ч.[6]

О положении «литовских людей» на царской службе и некоторых сторонах их жизни позволяют судить сохранившиеся книги раздачи жалованья этому «литовскому войску». Само существование таких книг показывает, что в составе русской армии это войско образовывало особую величину. К сожалению, не по всем интересующим исследователя вопросам книги могут дать нужную информацию. Лиц, которые выплачивали жалованье, не особенно интересовал вопрос о происхождении тех, кому они платят, и такие данные встречаются в книгах скорее как исключение. В подзаголовках названий рот фигурируют «поляки и литва»[7]. В названиях двух рот значатся еще и «черкасы»[8].

Место, откуда пришел человек на царскую службу, указывается иногда, но эти случаи довольно редки — упоминаются Переяслав, Белая Церковь (неоднократно), Лукомль, но и Михаил Тарнопольцов[9]. Последний пример показывает, что среди выходцев, как и ранее, могли быть люди с территорий, достаточно далеких от русской границы.

Известно, что наряду с ротами «литовских людей» в составе русской армии имелась «греческая рота», в которую входили выходцы с Балкан — греки, сербы, венгры («угрене»). У «литовских людей» была возможность перейти на службу

---

4 Книги разрядные. Т. II. Стб. 818.
5 Там же. Стб. 820–821.
6 Там же. Стб. 828–829.
7 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 50. Л. 71, 143, 199 и др.
8 Там же. Л. 71, 143.
9 Там же. Л. 106–106об., 112, 131, 246об., 309.

в эту роту[10]. Таким же правом, по-видимому, пользовались и выходцы с Балкан. Отсюда и появление в «литовских» ротах таких выходцев с Балкан, как порутчик Кузма «Гречин», «Угренин», «Сербенин», «Греченин», к ним, вероятно, должен быть присоединен «Фрязенин»[11]. Обозначение «литвин» встретилось в списках лишь один раз[12]. В росписи одной из рот ряд лиц обозначен как «поляки»[13], но в других росписях этот термин вообще не используется. Выделяется перечень роты Вас. Обруцкого, где и сам ротмистр, и порутчик, и прапорщик обозначены как «белорусцы»[14], то есть в соответствии с терминологией русских источников (православные восточные славяне — жители Речи Посполитой).

Отсутствие в употреблении «этнических» терминов какой-либо последовательности, проведенной через текст той или иной книги, не позволяет производить, опираясь на сделанные наблюдения, какие-либо подсчеты.

Книга выдачи жалованья «150», т. е. 1641–1642 гг., фиксирует существование на русской службе девяти рот «литовских людей», получавших жалованье в Иноземском приказе. В заголовках перечней трех рот — Василия Веселовского, Лаврентия Красовского и Елизария Жураковского — отмечено, что в них служат иноземцы «старого выезду»[15]. Во главе рот стояли ротмистры. Двое из них — Лаврентий Красовский и Прокофий Кремский — командовали такими ротами еще до Смоленской войны. Ротмистрам подчинялись порутчики и прапорщики[16]. Кроме того, в ротах имелись свои музыканты — трубачи, литаврщики, сурначей[17].

Ряд записей говорит о том, что роты пользовались известной автономией. Во всяком случае, назначения на должности производились по ходатайству офицеров и солдат

---

10 См. записи в тексте книги — «писан в греческой роте по челобитью» (Там же. Л. 91, 151).
11 Там же. Л. 104, 108, 118, 266.
12 Там же. Л. 212.
13 Там же. Л. 289, 294, 298–299, 303, 305, 311.
14 Там же. Л. 407–410.
15 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 50. Л. 71, 143, 199.
16 Там же. Л. 71–72, 104–105, 143–144 и др.
17 Там же. Л. 336, 354, 362, 371, 470 и др.

роты. Так, после смерти ротмистра Степана Козловского поручик Адам Комаровский был назначен ротмистром «по выбору Степановские роты Козловского иноземцов прапорщика Михаила Ивановского с товарыщи»[18]. Позднее по ходатайству ротмистра Вас. Яновского, поручика Павла Грушевского «да их роты товарищей старого выезду» был назначен в эту роту прапорщиком Павел Ефремов[19].

Офицеры и солдаты роты следили за поведением своих товарищей и ходатайствовали о лишении жалованья тех, кто растрачивал выданные за службу деньги[20].

Росписи содержат разнообразную информацию о материальном обеспечении «литовских людей» за их службу. В перечнях солдат и офицеров отдельных рот иноземцы делились на «поместных» и «кормовых».

«Поместные» иноземцы, которым устанавливались поместные и денежные оклады и выделялись поместья, по условиям службы, по-видимому, мало отличались от обычных детей боярских. В росписях не указывается (за редким исключением) размер поместья, но отмечается, в каком уезде оно находится, — свидетельство того, что поместье реально выделялось.

Поместья выделялись в самых разных уездах европейской части России (кроме Поволжья и пограничных с Речью Посполитой территорий). Передача поместий подчинялась действовавшим в России нормам поместного права. Так, когда вологодский помещик Федор Михалевской был «отставлен за старостью», вместо него стал нести службу его зять Иван Данилов Венгерской[21]. Когда из-за слепоты был отставлен углицкий помещик Борис Фед. Черкашенин, то было отдано распоряжение «с того поместья ... написать сына ево Борисова Трофимка, а сын ево 6 лет и впред ево писать с прожитку в недорослях»[22].

---

18 Там же. Л. 477.

19 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 51. Л. 123об.

20 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 50. Л. 185 — жалованье не дано, так как «ротмистр Лаврентей Красовской с товарищи сказали, что он — зерщик и бражник». См.: Там же. Л. 186, 211об., 222 и др. (сходные заявления).

21 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 50. Л. 79.

22 Там же. Л. 149.

В росписи кн. 50 неоднократно упоминаются владельцы таких «прожиточных» поместий[23]. Все это показывает, что служба «иноземцев» становилась наследственной, на смену отцам постепенно приходили дети.

Июнем 1642 г. датирован царский указ о «верстании» «старого выезду иноземских детей». Верстание проводил такой влиятельный человек, как боярин Ф.И. Шереметев. Верстанию подлежали двое сыновей ротмистра Е. Жураковского и трое сыновей порутчика Матвея Климашевского и 50 человек «рядовых иноземцов»[24].

В росписях лишь в «прожиточных» поместьях иногда указывался их размер, а, как правило, для людей этой категории указывались поместные оклады. Хорошо известно, что между поместным окладом и реальным размером поместья не было соответствия, но величина оклада давала возможность претендовать на получение соответствующего поместья, а само его наличие означало приобретение определенного положения на лестнице социальной иерархии.

Поместные оклады были разными, более высокими у офицеров, более низкими у рядовых людей. Рассмотрим в качестве примера оклады «поместных» иноземцев «старого выезда» в роте Лаврентия Красовского, где они составляли значительную часть ее состава. Оклады ротмистра и порутчика равнялись 600 четв., прапорщика — 400 четв. Из рядовых «товарищей» оклад одного составлял 500 четв., одного — 350 четв.; у 13 человек оклад был равен 300 четв., у 8 — 250 четв.; у 19 человек — 200 четв.[25] Эти оклады нельзя считать очень высокими, но если учесть, что кроме выделенных поместий «иноземцы» имели денежные оклады, по которым им выплачивалось жалованье, то следует признать, что для этой части «иноземцев», утративших свою земельную собственность в Речи Посполитой, новый общественный статус означал серьезный социальный аванс, превращение в полноправных членов дворянского сословия, и неудивительно, что они держались за царскую службу.

---

[23] Там же. Кн. 50. Л. 89об.–91, 116–116об., 151, 203об.
[24] Там же. Л. 263–275.
[25] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 50. Л. 143–150об.

Однако далеко не все «литовские люди» обладали таким статусом. Наряду с «поместными» существовала значительная группа «кормовых» иноземцев. Хотя часть из них имела поместные оклады, поместья им не были выделены, и они получали только «корм» — жалованье за службу. Соотношение между двумя категориями иноземцев в разных ротах было различным. «Служилых» иноземцев было больше в ротах «старого выезду». Так, в роте Василия Веселовского насчитывалось 106 «служилых» иноземцев и 12 «кормовых», в роте Андрея Фанмедина было 53 «служилых» иноземца и 46 «кормовых», в роте Лаврентия Красовского было 40 «служилых» иноземцев и 85 «кормовых», в роте Прокофия Кремского было 12 служилых и 67 «кормовых». В ротах Андрея Ловзина и Василия Обруцкого даже офицеры не имели поместий. Эти данные показывают, что «служилые» иноземцы представляли в ротах своего рода привилегированное меньшинство. Положение «кормовых» иноземцев было менее благоприятным, чем положение «служилых». Следует, однако, отметить, что постоянное получение жалованья было также важным стимулом для того, чтобы находиться на царской службе. К этому следует добавить, что «кормовые» иноземцы также имели поместные оклады, и это открывало перед ними возможность добиваться получения поместья, что, очевидно, побуждало их хорошо исполнять служебные обязанности.

Вместе с тем изучение росписей рот, помещенных в заключительной части перечня, позволяет выявить еще один слой людей с особыми условиями службы. Так, уже в роте ротмистра Василия Обруцкого наряду с помещиками и обладателями поместных и денежных окладов выделяется группа людей, которые «поместными и денежными оклады не верстаны»[26]. Этим людям давался только месячный корм. В роте Василия Обруцкого было 8 человек, обладавших поместьями и денежными окладами, и 69 «неверстаных». В роте ротмистра Остафия Роговского только он и поручик Александр Лехновский имели поместные и денежные оклады, все солдаты роты (44 чел.), один из поручиков и прапорщик получали месячный корм[27]. В роте Степана Козловского, которого

[26] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 50. Л. 415об.
[27] Там же. Л. 438 и сл.

сменил порутчик Адам Коморовский, поместный и денежный оклады были только у порутчика и прапорщика, а солдаты роты (37 чел.) были неверстаны[28]. Особенности положения этой группы людей позволяет выяснить запись в следующей книге выплат жалованья, где О. Роговский и А. Коморовский названы ротмистрами «нового выезду кормовых иноземцев»[29]. Очевидно, перед нами довольно большая группа «литовских людей», которая недавно оказалась на русской службе и усердной службой должна была заработать свое право на получение денежных и поместных окладов, а затем и поместья[30].

Выезжали на русскую службу не только рядовые солдаты, но и офицеры. В конце книги выплаты жалованья 1641/1642 гг. помещен перечень офицеров, которые еще «в роты не расписаны»[31]. Среди них порутчик Корнило Кроковский, получивший поместья в Нижегородском и Белозерском уездах, «ротмистры нового выезду» Иван Свидницкий и Исаак Герасимов сын Дубитцкий, которым были пока назначены поместный и денежный оклады.

Таким образом, особая общность «литовских людей», уже в 1635 г. гораздо более многочисленная, чем перед Смоленской войной, в начале 40-х гг. XVII в. продолжала активно пополняться выходцами из Речи Посполитой разного положения. Московская служба была связана с выполнением ряда довольно строгих требований, но их успешное выполнение приносило очевидный социальный аванс, и это должно было привлекать людей, чей традиционный сословный статус в Речи Посполитой оказывался под угрозой[32].

Роспись выдачи жалованья позволяет судить, какова была примерная численность «литовских людей» в южной русской

---

28 Там же. Л. 477 и сл.

29 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 51. Л. 95.

30 В списке солдат роты Василия Обруцкого против двух фамилий отмечено, что «по верстанию» кн. И.Б. Черкасского им назначены поместный и денежный оклады (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 50. Л. 416об.–417).

31 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 50. Л. 493–499.

32 В 1643 г. в Россию выехали шляхтичи братья Степан и Христофор Слотовские. Свое решение они объясняли тем, что «смоленской воевода Ян Глебов поместья и крестьяну них отнел себе, а им в то место дал инде пустое».

армии. В 9 зафиксированных росписью выплаты жалованья ротах состояло, не считая ротмистров, порутчиков и прапорщиков, 901 чел. рядовых солдат. К этой общности следовало бы прибавить отряды, которые несли службу в городах Поволжья и Сибири. Все это показывает, что продолжался процесс размывания дворянского сословия в Речи Посполитой и одним из его результатов стал уход из Речи Посполитой и адаптация достаточно многочисленной его части к московским порядкам.

Для полного представления о положении «литовских людей» в русском обществе важно отметить, что часть из них имела семьи, а подросших детей верстали на службу.

В записях о жалованье иноземцам «нового выезду» в книге 1642/1643 гг. приводятся сведения об их семьях. Так, у ротмистра О. Роговского была жена, дочь и двое сыновей[33], у прапорщика его роты — жена и двое детей[34]. Из рядовых «товарищей» (33 чел.) у 5 чел. были жена и дети, у 9 — только жена[35]. Таким образом, далеко не у всех переселенцев были семьи, но и наличие семьи не было редким явлением.

Всё это позволяет предполагать, что численность сообщества «литовских людей» в России должна была существенно превышать цифру в 900 чел.

Конечно, было бы важно выяснить, каков был образ жизни «литовских людей» в России за рамками их «службы», каков был характер их контактов с русским обществом, но, к сожалению, на эту тему в книгах раздачи жалованья можно обнаружить лишь немногие отрывочные сведения. Одно из таких свидетельств — ходатайство ротмистров «нового выезду кормовых иноземцев» Остафия Роговского и Адама Коморовского об освобождении от службы Яна Смоневского, «потому что у их жен в слободах никово не останетца, а и побить челом за жены их некому»[36]. Таким образом, не получившие пока поместий «кормовые» иноземцы жили с семьями в особых поселениях — слободах. Вероятно, писцовые описания 40-х гг. XVII в. позволили бы составить об этих слободах конкретное представление.

---

33 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Кн. 51. Л. 154.
34 Там же. Л. 157.
35 Там же. Л. 159–172об.
36 Там же. Л. 95–95об.

Некоторые указания на возможное местонахождение некоторых из таких слобод можно, как представляется, извлечь из текста самой книги. Наряду с ротмистрами о том, чтобы оставить Смоневского дома, ходатайствовали иноземцы из роты Прокофия Кремского, в которой Смоневский служил[37]. В росписи выдачи жалованья роте П. Кремского отмечено, что сам ротмистр «испомещен в Володимере», а рядовые «товарищи» его роты обозначены как «володимерские помещики». Лишь в конце перечня выделены несколько человек, которые «живут в Суздале» и там получают жалованье[38]. Очевидно, где-то в районе Владимира и находились упомянутые в ходатайстве слободы. В таких поселениях они, вероятно, организовывали свою жизнь в соответствии со своими традициями, как это делали обитатели Немецкой слободы в Москве.

В это время, как и ранее, власти прилагали усилия, чтобы обратить «литовских людей» — католиков в православие. Следы этих усилий могут быть обнаружены в росписях выдачи жалованья. Так, здесь фигурирует «новокрещен, что был Емельян Хвалковской», «Иван Офонасьев во крещенье Степан» или «новокрещен Иван, что был Ян Вольской»[39]. В этих случаях, очевидно, отмечено крещение, состоявшееся незадолго до составления книги. Результаты этих усилий на основании росписи выдачи жалованья невозможно установить, так как люди продолжали в обиходе пользоваться прежними именами. Так, упоминавшийся уже Ян Смоневский, как отмечено в записи о его отзыве со службы, был «в крещении Венедикт», но в росписи фигурирует под своим прежним именем.

Важную часть росписей оставляют расписки о получении жалованья. Текст расписки трафаретен, но она может быть написана либо кириллицей, либо латинским алфавитом. Бóльшая часть расписок кириллические, но и расписки, выполненные латинским алфавитом, не являются редкостью. Обращает на себя внимание, что во многих случаях за получивших жалованье расписываются другие люди. Круг этих лиц достаточно узок,

---

37 Там же. Л. 93.
38 Там же. Л. 74, 77, 79об., 103.
39 Там же. Л. 58об., 59.

они могут расписываться за многих людей. Так, в роте А. Ловзина Семен Левоновский подписался кириллицей за порутчика и прапорщика, и за ряд других лиц[40]. Всего в росписи роты встречается 11 его расписок, неоднократно за нескольких лиц сразу. В другой роте Василия Обруцкого ряд расписок латинским алфавитом делал за своих товарищей Зыгмунт Порвиньский[41]. Можно привести и ряд других случаев. Таким образом, значительная часть «литовских людей» и даже некоторые офицеры были неграмотны. Поэтому предполагать какую-либо активную роль мигрантов в культурной жизни русского общества 40-х гг. XVII в. трудно. Однако следует учитывать существование целой группы офицеров, бóльшая часть которых была грамотна, и возможность их различных контактов с русскими дворянами. Во всяком случае, с существованием такого компонента в русском обществе в 40-х гг. XVII в. следует считаться. На судьбу этого сообщества должны были наложить отпечаток драматические события середины XVII столетия. С одной стороны, избиение шляхты восставшими в восточных областях Речи Посполитой и ее бегство на запад, а с другой стороны, перспективы службы в пришедшем к власти казацком войске должны были привести на время к сокращению шляхетских выездов в Россию. Одновременно с началом русско-польской войны 1654–1655 гг. был поднят вопрос о переходе на русскую службу шляхты тех областей Великого княжества Литовского, которые в ходе войн были заняты русским войсками[42]. Думается, что при установлении контактов имел значение опыт, накопленный русскими политиками в длительном общении с сообществом «литовских людей» в России первой половины XVII в., а вероятно, и само участие в этих контактах служилых «литвинов» из России.

---

40 Там же. Л. 106, 107, 110об., 111 и др.

41 Там же. Л. 138, 139, 140об., 142об., 152.

42 *Курбатов О.А.* Неизвестная армия царя Алексея Михайловича: шляхта Великого княжества Литовского на царской службе во время войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016.

ГЛАВА 16

«Служилые черкасы» в России первой–второй четверти XVII в.

Как показано выше, «служилые черкасы» составляли особую группу населения России уже в последние десятилетия XVI в. и в первые годы XVII в.

Д.И. Багалей в своем известном исследовании справедливо отметил, что по свидетельству такого авторитетного источника, как Разрядные книги первых десятилетий XVII в., «служилые черкасы» продолжали оставаться такой особой частью русского общества и по окончании бурных событий Смуты[1]. Действительно, эти источники показывают, что уже весной 1613 г. в составе русской армии были отряды «черкас». Так, в Туле вместе с воеводой кн. Г. Тюфякиным находились «тульские немцы, и черкасы, и днепровские казаки»[2]. Обращает на себя внимание, что составитель записи проводит различие между «днепровскими казаками» и «черкасами». С чем это различие связано, позволяет выяснить разрядная запись 1622 г., где отмечается присутствие в полку, стоявшем в Туле, «черкас старого выезду и днепровских казаков»[3]. Таким образом, в состав русской армии весной 1613 г. входили и «черкасы», начавшие свою службу в России еще до Смуты, и только теперь выехавшие в Россию «днепровские казаки».

Весной 1614 г. в большом полку армии, стоявшей в Туле для защиты русских земель от татарских набегов, снова значились «черкасы» и «днепровские казаки». Здесь же

---

1 *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 156–157.

2 Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 247.

3 Книги разрядные. СПб., 1853. Т. I. Стб. 879.

находилось 25 «черкас», которые пришли «з Дедилова с атаманом с Ваською Петровым»[4]. Таким образом, в этом городе Рязанской земли продолжали жить «служилые черкасы», подчинявшиеся по-прежнему своему атаману.

Как видно из Разрядной росписи 1616 г., такие отряды небольшого размера (как в Дедилове) имелись и в других городах Рязанской земли — в Переяславле-Рязанском было «кормовых черкас» 32 чел., в Михайлове 40 чел.[5] У «черкас» в Михайлове в одной из последующих записей также отмечен свой атаман[6]. Очевидно, сложившаяся в конце XVI в. организация отрядов «служилых черкас» на территории Рязанской земли сохранилась здесь несмотря на все перемены и бедствия Смутного времени. Вместе с тем нет оснований полагать, что эти отряды «черкас» как-то серьезно пополнялись переселенцами из-за рубежа. Лишь в разрядной росписи 1619 г. отмечено присутствие в Пронске 20 «черкас» «нового выезду»[7].

Количество таких поселенцев серьезно увеличилось, когда один из полков армии Сагайдачного во главе с полковником Жданом Коншиным (600 чел.) перешел зимой 1618–1619 гг. на русскую службу. После выдачи казакам корма и жалованья за «выход» состоялось решение о их рассылке по городам на службу. Почти половина войска была направлена в главные города Поволжья: в Арзамас — 50 чел., в Нижний Новгород — 100, в Казань — 100, в Астрахань — 50. Небольшие отряды казаков были посланы в города верхнего Поволжья (Ярославль, Кострома и др.); а также в Коломну и города Рязанской земли (наиболее значительная группа — 50 чел. — в Шацк). В города, лежавшие на границе с Речью Посполитой, не был послан никто[8].

По условиям службы казаки были приравнены к стрельцам, которые получали от 2 до 4,5 руб. жалованья. Выезжие

---

4 Разрядные книги 1598–1638 гг. ... С. 278.
5 Книги разрядные... Т. I. Стб. 120.
6 Там же. Стб. 397.
7 Там же. Стб. 624.
8 Документи російських архівів з історії України. Львів, 1998. Т. I. № 146. С. 212–213, 216.

казаки, однако, были этим недовольны, и в апреле 1619 г. им было установлено жалованье «против черкас старого выезда» — по 5–6 руб. и хлеб[9]. Таким образом, и по отношению к раннему XVII в. остается в силе вывод Д.И. Багалея, что положение «служилых черкас» было более благоприятным, чем положение других групп «служилых людей по прибору»[10].

Разобранный материал показывает, что поселения «черкас» к началу 20-х гг. XVII в. существовали не только в Рязанской земле, но и во многих городах Поволжья. Судя по данным разрядной росписи 1625 г., поселения «черкас» отмечены в 13 городах Поволжья, особенно много было «черкас» в Казани — 220 чел.[11] Поселения «черкас» отмечены в некоторых центрах Западной Сибири. Так, в Тюмени было «черкас конных» — 93 чел., «пеших казаков и черкас» — 68 чел.[12] Такого количества «черкас» не было ни в одном из городов Рязанской земли или Поволжья (кроме Казани). В той же росписи отмечено присутствие 17 чел. конных «черкас» в Кузнецком остроге[13]. Таким образом, в 20-х гг. XVII в. поселения «служилых черкас» имелись в целом ряде регионов Русского государства. Служилый «черкашенин» становился достаточно привычной структурой в русском обществе первой половины XVII в. Вместе с тем речь идет по большей части о сравнительно небольших поселениях, разбросанных на большой территории.

Разрядные росписи 1635–1636 гг. позволяют составить определенное представление об этой сети поселений десять лет спустя, в первые годы по окончании Смоленской войны. К сожалению, прямое сопоставление этих росписей с росписями 1625–1626 гг. затрудняется тем, что в них при описании «служилых» людей разных городов «литва и черкасы» часто выступают как единая группа. Так, например, в Астрахани, где

---

9 *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 200–201; Документи російських архівів... Т. I. № 188. С. 258.

10 *Багалей Д.И.* Очерки... С. 181.

11 Книги разрядные... Т. I. Стб. 1143–1148.

12 Там же. Стб. 1149.

13 Там же.

ранее «черкас» вообще не было, в росписи отмечено «литвы и черкас» 84 чел.[14] Хотя неясно, сколько человек из этой группы были «черкасами», ясно, что «черкасы» постепенно расселялись по территории России. Из другого центра Поволжья — Казани, где было «литвы и черкас» 133 чел., их посылали «на три перемены» служить в Уфу[15]. Как и ранее, «черкасы» проживали во многих городах Поволжья, но и там, как и ранее, проживали небольшие группы переселенцев.

Продолжали «черкасы» находиться и в целом ряде городов Сибири. И здесь составители росписей объединяют «черкас» в одну группу с «литовскими людьми» — в Тобольске, Тюмени, на Таре; в Пелыме «черкасы» несли «стрелецкую службу» с вогульскими новокрещенами[16]. От этих «черкас» составители отличают «литовского списку казаков». Таких казаков было 31 чел. в Тобольске, 23 чел. в Тюмени, 53 чел. на Таре[17]. Вероятно, это были люди, которые сравнительно недавно переселились в Россию. Тем самым в ряды «черкас», проживавших в Сибири, влилось, очевидно, небольшое пополнение.

Как особая группа населения «черкасы» выделены только в той части разрядной росписи 1635 г., где говорилось о служилых людях городов Рязанской земли. И здесь возможно прямое сравнение данных росписей 1622 г. и 1635 г. В 1622 г. в Туле было «черкас» разных категорий (вместе с «немцами») — 170 чел. (в 1624 г. «черкас» здесь было 116 чел.), в Дедилове проживало 37 чел., в Михайлове — 59 чел., в других городах — Рязани, Пронске, Шацке «черкасы» были представлены совсем небольшими группами[18]. В 1635 г. «черкас и днепровских казаков» в Туле было 153 чел., в Дедилове — 35 чел., в Михайлове — 75 чел., в других городах Рязанской земли «черкасы» как особая группа населения не отмечены[19]. Очевидно, что за прошедшие 10 лет каких-либо серьезных

---

14 Книги разрядные... Т. II. СПб., 1853. Стб. 818.
15 Там же. Стб. 820–821.
16 Там же. Стб. 828–829.
17 Там же.
18 Книги разрядные... Т. I. Стб. 879–880, ср. стб. 983.
19 Там же. Т. II. Стб. 758–762.

изменений в численности и размещении «черкас» в городах Рязанской земли не произошло. С середины 30-х гг. XVII в. такое положение стало изменяться.

Вскоре после заключения Поляновского мира начался приток на русскую территорию переселенцев из украинских земель Речи Посполитой. Уже летом 1635 г., наблюдая за событиями, происходившими на Украине, в Москве предполагали, что в русский пограничный город могут прийти «черкасы» «з женами и детми многие люди»[20]. Ожидания эти летом 1635 г. не осуществились, но небольшие группы людей с этого времени стали постоянно приходить на русскую территорию. Всё это происходило без каких-либо призывов с русской стороны. Воеводы пограничных городов были поставлены в известность, что «бояре наши приговорили к черкасам для перезывания в нашу сторону не посылать»[21]. Вместе с тем к людям, которые приехали бы по собственной воле, следовало «береженье держать великое, чтоб им обид и никакие налоги ни от ково не было»[22]. Немногочисленных в то время переселенцев следовало устраивать, при этом вырабатывались решения и определялись нормы, которые использовались позднее, когда переселение стало массовым.

Первоначально переселенцы для определения их статуса отправлялись в Москву, но затем решение этих вопросов перешло в компетенцию местных властей. Ряд норм был установлен после приезда в июне 1635 г. из Лубен группы запорожских казаков (21 чел.) с семьями[23]. Казакам было выдано жалованье «за выход» и по сукну[24]. Им были определены земельные оклады — 250 и 150 четв, и жалованье — 6 и 5 руб.[25] Кроме этого «годового жалованья» переселенцам полагалось «жалованье для селитбы» и продовольствие[26]. Назначение

---

20 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 99. Л. 1.

21 См. текст грамоты от 23 июля 1635 г. воеводе Белгорода Афан. Тургеневу (Там же. Л. 24–25).

22 Там же. Л. 31.

23 Там же. Л. 3.

24 Там же. Л. 19.

25 Там же. Л. 16.

26 Там же. Л. 33.

окладов говорит о том, что по их статусу запорожские казаки приравнивались к местным детям боярским. Такое предположение подтверждается прямыми указаниями источников. Так, когда в 1635 г. в Путивль пришла группа «черкас», их отправили на Оскол «служить ... с осколяны детьми боярскими» с предписанием «поверстать» их в соответствии с окладами[27]. Очевидно, что, предоставляя казакам такой статус, в Москве явно рассчитывали привлечь их на свою территорию, не прибегая к открытым действиям. Иным было отношение к выезжавшим в Россию «мещанам». «Мещан», вышедших в Белгород из Гадяча, было велено поселить «на посаде» и дать «для строенья лготы на три годы»[28].

У властей на местах были сомнения, заслуживают ли казаки привилегированного статуса. Так, воевода Белгорода Афан. Тургенев писал в Москву, что «переезжие черкасы в роспросе сказываютца служилые черкасы, и тем многие пролыгаютца, а в своеи земли были пах[от]ные мужики»[29]. В Москве, однако, преследуя свои цели, оставили эти высказывания без внимания. Сами казаки прилагали старания, чтобы их не причисляли к представителям других слоев. 22 апреля 1636 г. из Путивля прислали в Москву 32 казаков из разных городов Левобережья. Их список снабжен однотипными пометами — «служил казацкую службу, ремесла никакова не сказал»[30]. Сохранилось интересное свидетельство, что сами «черкасы» старались освободить свои ряды от «чуждых» элементов. Так, летом 1636 г. «черкасы» в Белгороде удалили из своей среды «пахотных мужиков» — «тех людей с собою быть в списке не похотели», и воевода их «отставил»[31].

Возможно, предоставление переселенцам благоприятного социального статуса стимулировало их переселение. Переселенцы приходили небольшими группами, но более или менее постоянно, и уже в конце 1635 г. возник вопрос,

---

27 Там же. Л. 56–57.
28 Там же. Л. 428.
29 Там же. Л. 160.
30 Там же. Л. 241–247.
31 Там же. Л. 332.

как расселять их по русской территории. Так, известно решение думы от 16 декабря 1635 г. с предписанием держать около Белгорода не более 60 чел., а остальных отправлять в Оскол, Ливны и другие города[32]. Выбор такого решения понятен — небольшие группы «черкас» легче было подчинить власти воевод и контролировать их действия.

С образованием достаточно значительных групп «черкас» возникал вопрос об их организации. Так, летом 1636 г. в Белгороде, где служило к этому времени уже 60 «черкас», они ходатайствовали о возможности выбрать атамана, «чтоб он их ведал и знал», и просьба была удовлетворена[33]. Так переселенцы подобно «служилым черкасам» более раннего времени получили право на определенное самоуправление.

Условия службы переселенцев предусматривали наделение их «дворовыми местами», где они могли поставить дома, «огородными местами» и земельными наделами для ведения собственного хозяйства. Решить эти вопросы было непросто, даже при выделении «дворовых мест». Так, в октябре 1636 г. воевода Белгорода Афанасий Тургенев докладывал, что земли под дворы для «черкас» были взяты «в дачах» женского монастыря и городского собора[34]. Дворы «черкас» должны были образовывать особое поселение — «слободу». Воеводе предписывалось — «у них в слободе жить сыну боярскому доброму», чтобы их «от всякого дурна оберегать»[35]. Всё же вопрос этот, как правило, довольно быстро удавалось решать. Ряд трудностей двоякого рода возникал при выделении «черкасам» земли. Пустой земли, где могли быть выделены наделы «черкасам», было достаточно, но «черкасы» не желали брать участки, лежавшие далеко от города и, следовательно, от их дворов[36]. В конце концов воевода решил вопрос за счет отписки у разных жителей города «лишней земли»[37].

---

32 Там же. Л. 106об.
33 Там же. Л. 331–332.
34 Там же. Л. 131–132.
35 Там же. Л. 138.
36 Там же. Л. 320. Ср. л. 354 (отписка воеводы Оскола, что «черкасы» «дальних земель не емлют»).
37 Там же. Л. 322–323.

Земельные наделы выделялись не случайно, и не случайно этому уделялось большое внимание. В декабре 1635 г. Афанасию Тургеневу предписывалось «к весне» и выделить «черкасам» пахотную землю, и дать хлеб «на семена взаймы до нового хлеба»[38]. По представлениям русских правящих кругов «черкасы», распахав и засеяв свои наделы, должны были в дальнейшем сами обеспечивать себя хлебом, освободив власти от обязанности высылать им хлебное жалованье. Но здесь и возникали трудности. М.С. Грушевский, оценивая условия жизни переселенцев в Русском государстве, писал, что здесь они нашли, «что шукали українські масси у козачині ... користанне з землі без панщини і повинностей ... з одиноким обов'язком военної служби»[39]. Классик украинской историографии видел в казаках прежде всего крестьян-земледельцев, хотевших освободиться от крепостной зависимости. Однако, как показано в самих работах М.С. Грушевского, посвященных формированию казачества, в его составе имелся значительный слой людей, ушедших ради сохранения свободы на периферию общественной и хозяйственной жизни. Их главными занятиями были «промыслы» на хозяйственно не освоенных территориях и походы на соседние земли за добычей. Земледелие в занятиях этих людей большой роли не играло.

Понятно, почему уже на раннем этапе устройства на новом месте власти столкнулись с отказами «черкас» брать земельные наделы. Так, 32 «черкаса» из Белгорода заявляли в челобитной царю, что им «поместная земля ... не за обычай», и выражали надежду, что будут получать денежное и хлебное жалованье «ежегод беспереводно»[40]. Положение обострилось, когда весной 1636 г. встал вопрос о обработке выделенной казакам земли. Как докладывал Афанасий Тургенев царю, земля, выделенная «черкасам», «не пахана», а выданный для посева хлеб они «поели». «Черкасы», — сообщал он, — заявляют, что «пахать не умеют, в Литовской,

---

38 Там же. Л. 141.

39 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Київ — Львів, 1922. Т. VIII. Роки 1626–1650. Ч. 2. С. 64.

40 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 99. Л. 126–127.

де, земли они были все на службе». Выделенную им землю «черкасы» «отдают в наим, надежны на твое государево денежное и хлебное жалованья»[41]. В ответ воеводе предписывалось добиваться, чтобы «черкасы» пахали землю[42]. Вопрос предстояло как-то урегулировать.

И жалованье, и земельные наделы, и дворы предоставлялись переселенцам для того, чтобы они несли службу по защите южных границ страны от татарских набегов. Источники содержат указания, что летом 1636 г. переселенцы уже несли такую службу. В относящейся к этому времени челобитной белгородских «черкас» упоминалось их участие в походе на татар, когда они «языки поимали»[43]. Тогда же захваченных «языков» с просьбой о награде отправили в Москву «черкасы» из Оскола[44]. Однако и здесь были налицо сложности.

Московские порядки предусматривали, что служба должна была вестись под руководством и по указаниям воевод, а переселенцы стремились ходить в степь «для промыслу на татар» по собственному разумению. Целый ряд свидетельств указывает на то, что на новом месте они стремились вести свой привычный образ жизни. Уже в январе 1636 г. Афанасий Тургенев жаловался царю, что «чер[касы] почели из Белагорода бегать на поле неведомо куда»[45]. Весной 1636 г. он снова сообщал, что «черкасы» «иные просятца на Дон и многие бегают на степь», не спрашивая у воеводы разрешения[46]. Поездки эти предпринимались также «для рыбные ловли», «для звериные ловли»[47]. Помимо того, что эти поездки мешали поселенцам нести службу так, как считали нужным воеводы, бывало, что их действия не всегда соответствовали провозглашенным целям. Так, на сходе «черкас» в Белгороде выяснилось, что целый ряд людей, отбывавших в эти поездки,

---

41 Там же. Л. 566–567.
42 Там же. Л. 573.
43 Там же. Л. 301.
44 Там же. Л. 363.
45 Там же. Л. 160.
46 Там же. Л. 568. См. и сообщение воеводы Оскола о «черкасах», которые ходят «в гульбу без моево ж отпуску» (Там же. Л. 406).
47 Там же. Л. 332, 385.

в действительности «почели было в литовские городы ходить, лошади красть». Те, у кого были найдены краденые лошади, были арестованы. Из Москвы предписали бить таких людей кнутом и неделю продержать в тюрьме[48].

Все обозначившиеся уже на этом раннем этапе несоответствия между привычками и традициями представителей двух разных обществ привели к тому, что некоторые из переселенцев стали пытаться вернуться в Речь Посполитую. Так, летом 1636 г. из Белгорода бежало четверо казаков, которых преследовали сами «черкасы», один из них был убит, другой взят в плен[49]. Тогда же из Оскола бежало 8 «черкас», похитивших 14 лошадей[50]. В московской традиции такие действия принесших присягу царю «черкас» квалифицировались как самое тяжелое преступление — «измена». В грамоте, отправленной на Оскол 10 сентября, воеводе предписывалось объявить «черкасам», что наказание за измену — смертная казнь[51].

Именно в сообщениях о поисках изменников и их наказаниях появляются сведения ещё об одной проблеме в отношениях переселенцев и властей — о соотношении между властью казацкого круга и властью воеводы. В июле 1636 г. Афанасий Тургенев докладывал царю, что собравшийся без его ведома казацкий круг приговорил «черкашенина», пытавшегося бежать в Речь Посполитую, к расстрелу, но воевода отобрал его у участников круга, чтобы допросить и решить вопрос о его судьбе[52]. Таким образом, как только у «черкас» появилось самоуправление, обозначились тенденции решать все касающиеся их вопросы в собственной среде, что, естественно, вызывало недовольство властей.

Все вопросы, обозначившиеся в отношениях русских органов власти разных уровней и переселенцев на протяжении

---

48 Там же. Л. 332, 333, 337.

49 Там же. Л. 395–396; *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 211.

50 Там же. Л. 406–407.

51 Там же. Л. 410.

52 Там же. Л. 397.

1635–1636 гг., приобрели иное, гораздо более масштабное значение, когда после поражения восстания 1637–1638 гг. началось массовое переселение жителей юго-восточных областей Речи Посполитой на соседние территории Русского государства. Если в 1635–1636 гг. границу переходили совсем небольшие группы людей (от нескольких человек до нескольких десятков), то с лета 1638 г. в источниках называются совсем другие цифры.

Уже весной 1638 г. в пограничные города стали приходить более значительные группы переселенцев, чем раньше. Так, в марте 1638 г. в Белгород пришло 50 «черкас», которые по царскому указу были поселены в Курске[53]. Тогда же в другой пограничный город, Севск, пришло 58 «черкас»[54]. Поток переселенцев резко усилился летом 1638 г. В июне 1638 г. в Путивль приехал гонец из Миргорода, сообщивший, что в Россию хотят уйти из Гадяча и Зинкова 300 «черкас» с семьями «да мещан и пашенных людей тысячи с две и больши»[55]. Позднее «черкашенин» на русской службе Влас Фед. Иванкиев вспоминал, что в Петров пост привел к Путивлю «черкас и всяких служилых людей десять тысечь». После долгого стояния на реке Семи отряды «черкас» были отправлены в Корочу, на Ливны, в Елец и Усерд[56]. В июне 1638 г. в Москву пришли сообщения, что к Белгороду «пришли ... из литовских городов черкас тысечи с четыре и больши»[57]. В июле в Белгород действительно пришло казацкое войско во главе с гетманом Я. Остряниным, которое было поселено на Чугуеве городище[58].

Фигурирующим в этих свидетельствах цифрам нельзя придавать абсолютного значения, но они показывают масштаб событий. Позднее в официальной переписке между властями России и Речи Посполитой называлась цифра в 20 тыс. чел., которые в это время переселились в Россию[59]. Следует,

---

53 Воссоединение... Т. I. № 117. С. 195–197.
54 Там же. № 119.
55 Там же. № 135. С. 225.
56 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 440.
57 Воссоединение... Т. I. № 136. С. 225.
58 Там же. № 145. С. 248–252.
59 РГАДА. Ф. 79 (сношения России с Польшей). Кн. 60. Л. 540.

однако, учитывать, что в эту цифру надо включать достаточно значительное количество людей, которые ушли через русские земли на Дон. В условиях начавшегося «азовского сидения» местным воеводам настойчиво предписывалось свободно пропускать на Дон тех «черкас», которые захотят туда пойти.

Происходившие перемены нашли свое отражение в записях разрядной книги 1637–1638 гг. о службе «черкас». Если для городов Поволжья и Сибири цифры, в основном, остаются прежними, то по-другому обстоит дело на южном пограничье. Здесь прежде всего отмечено присутствие в Туле — центре сбора русских войск на Юге — военного отряда более значительного, чем ранее. Здесь находилось «с ротмистром Саввою Долматовым тульских и днепровских черкас и смоленских казаков 424 ч.»[60]. В той же книге отмечено присутствие крупного отряда «черкас» в таком городе, как Курск, — 31 чел. «конных» черкас и 257 пеших «с пищальми»[61]. Здесь же отмечены отряды «переезжих черкас» в таких городах, как Оскол, Ливны, Белгород[62]. Роспись, впрочем, составлялась, когда переселение казаков в Россию еще не стало по-настоящему массовым.

Украинская исследовательница Е.М. Апанович, изучив обширный документальный материал, установила, что в конце 30-х — 40-х гг. XVII в. поселения «черкас» существовали в Белгороде, Валуйках, Воронеже, Ельце, Карачеве, Коломне, Короче, Костенках, Кромах, Курске, Ливнах, Новосиле, Орле, Пронске, Рязани, Тамбове, Торопце, Туле, Усерде, Хотмышске, Черни, Чугуеве, Шацке, Яблонове, Осколе, Михайлове, Рыльске, Севске, Путивле, Козлове[63]. Заслуживает внимания, что в первой трети XVII в. в большинстве городов этого перечня никаких поселений «черкас» не было. Таким образом, в эти десятилетия присутствие «черкас» в составе

---

60 Разрядная книга 1637/8 г. М., 1983. С. 90.

61 Там же. С. 99.

62 Там же. С. 95–97.

63 *Апанович Е.М.* Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648–1654 гг. // Воссоединение Украины с Россией. Сб. статей. М., 1954. С. 96.

русского общества заметно усилилось. К этому следует добавить, что в первой трети XVII в. поселения «служилых черкас» полностью отсутствовали в областях пограничных с Речью Посполитой. Теперь черкасские слободы образовались во многих городах именно на этой территории. Это определенно указывает на изменение отношения к «черкасам» у русской центральной власти в лучшую сторону.

Пример колонии «черкас» в Корочи показывает, как быстро в эти годы (иногда на совсем новом месте) образовывались крупные поселения «черкас». Короча была поселением, основанным в 1638 г. недалеко от г. Яблонова как один из пунктов формирующейся южной оборонительной линии[64]. Согласно справке, составленной в Разрядном приказе в 1638 г., в Короче было поселено «выходцов черкас» 180 ч., в начале весны к ним прибавилось 40 «черкас» из Белгорода, а в марте — апреле 1639 г. к ним присоединилось еще 111 чел. «из литовской стороны». Когда надо было выплачивать жалованье, в Короче насчитывалось 390 казаков[65]. При заселении Корочи, правда, местные власти отступили от предписаний из центра «не перезывать» «черкас» из Речи Посполитой. Сохранилась челобитная Михаила Сапожникова, который ставил себе в заслугу, что, когда воевода Корочи Д.П. Львов посылал его на границу «перезывать» «черкас», которые «хотели многие идти в Крым», он «перезвал на твое государево имя полтораста человек»[66]. Воеводы южных городов находились в сложном положении. В 1635–1638 гг. на юге страны строились крепости на путях татарских набегов — Ногайской дороге, Калмиуском и Изюмском шляхах. Воеводы испытывали трудности с заселением и их, и их округи[67]. Вероятно, поэтому воеводы нарушали одни указания, чтобы выполнить другие.

---

64 О строительстве крепости на этом месте см.: *Папков А.И.* Порубежье... С. 217–219.

65 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 185–189. См. также: *Папков А.И.* Порубежье... С. 219.

66 Там же. Л. 192.

67 *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 295–305.

Массовое переселение «черкас» в пограничные русские уезды стало важным явлением в истории юго-западного региона Русского государства. Как известно, это переселение стало началом идущей с запада украинской колонизации, которая привела в дальнейшем к формированию ряда восточных областей современной Украины. Естественно, что и украинских, и русских исследователей интересовало, как протекал начальный этап этого процесса. Это историческое явление представляет собой и значительный общекультурный и социологический интерес. Контакты между представителями двух разных обществ с разной социальной психологией, разными представлениями, разной культурой поведения позволяют лучше понять разные черты двух традиций, лучше понять как результаты попыток найти взаимопонимание, так и причины возникновения конфликтных ситуаций. Опыт, накопленный при этом обеими сторонами, мог оказывать влияние на контакты русской власти с казачеством в середине — второй половине XVII в.

Уже в последние десятилетия XIX в. внимание исследователей привлекла обильная документация, отражавшая и условия жизни переселенцев, и характер их отношений с русской властью и ее представителями на местах, отложившаяся в архиве ведавшего «черкасами» военного ведомства — Разрядного приказа.

На этом материале, главным образом, был основан один из разделов книги Д.И. Багалея, посвященной колонизации южных областей Русского государства в XVI–XVII вв.[68] Опираясь на документы Разрядного приказа, Д.И. Багалей ввел в научный оборот сведения о времени образования поселений «черкас» во многих русских городах и количестве их жителей, дал содержательную характеристику условий жизни переселенцев. Важно, что Д.И. Багалей не уклонялся от характеристики конфликтных ситуаций, возникавших в отношениях между украинским служилым казачеством и русской властью и ее представителями на местах. Его труд содержал подробную характеристику событий, происходивших в конце

---

[68] *Багалей Д.И.* Очерки из истории... Раздел III.

30-х — начале 40-х гг. XVII в. в Чугуеве, которые завершились тем, что бóльшая часть поселившегося там казацкого войска вернулась в Речь Посполитую.

Ряд дополнений к сообщениям Д.И. Багалея о поселениях «черкас» в южных городах, об их условиях жизни, о льготах, предоставлявшихся жителям отдельных поселений русскими властями, основанных на изучении того же архивного фонда, содержала вышедшая в конце XIX в. работа И.Н. Миклашевского[69].

Опираясь на результаты работ Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского, а также использовав ряд публикаций архивных материалов, М.С. Грушевский дал обобщающую характеристику этого исторического явления, которая до сих пор не потеряла своего значения[70].

Украинская исследовательница Е.М. Апанович в своей обобщающей работе, опираясь на материалы того же архивного фонда, провела работу по систематизации свидетельств о поселениях «черкас» на территории Русского государства и условиях жизни переселенцев[71]. В отличие от своих предшественников, Е.М. Апанович совсем не упоминала о каких-либо столкновениях между «черкасами» и русскими властями. В этом, вероятно, следует видеть воздействие цензуры.

Недостаток иного рода присущ работе современного русского исследователя А.И. Папкова, в пятой главе работы которого[72] содержится как раз интересный материал о конфликтах «черкас» с русскими властями, но другим сторонам их взаимоотношений автор не уделяет внимания. В связи с этим и вопрос о причинах конфликтов, сведения о которых собрал автор, остается во многом без ответа.

Обильная и разнообразная документация, отложившаяся в архиве Разрядного приказа, дает возможность детально

---

69 *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1. С. 127–199.

70 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Київ — Львів, 1922. Т. VIII. Роки 1626–1650. С. 62–78.

71 *Апанович Е.М.* Пересел

72 *Папков А.И.* Порубежье... С. 210–257.

и всесторонне проследить исторические судьбы каждого из поселений «черкас», образовавшихся в конце 30-х гг. XVII в. на землях Русского государства. В рамках данного исследования такая задача не может быть решена. Цель данного раздела — попытаться выявить наиболее характерные черты данного исторического явления, отталкиваясь от той общей характеристики, которую дал в начале XX в. М.С. Грушевский.

Есть смысл начать рассмотрение темы с изложения тех условий, которые русская власть предлагала переселенцам. Е.М. Апанович, анализируя обширный документальный материал, реконструировала те общие нормы, которые определяли положение переселенцев[73]. Во многом эти нормы сложились уже в середине 30-х гг. XVII в. Но было и одно важное отличие. Как отмечено выше, переселенцам середины 30-х гг. назначались поместные оклады и они приравнивались к детям боярским. Очевидно, поступая так, власти в Москве рассчитывали привлечь больше переселенцев на свою территорию. Позиция власти стала меняться, когда приток из-за западной границы приобрел массовый характер. На отписке яблоновского воеводы Д. Львова о массовом приходе к Белгороду «черкас», которые хотят поселиться на Короче, в июне 1638 г. была помещена царская резолюция — «принимати в стрельцы, и в казаки, и в пушкари, а жалованья давать против казаков и стрельцов»[74]. Это означало, что, как это было и ранее, «черкасы» приравнивались по своему положению к русским служилым казакам. Как «служилые люди» они должны были нести службу и получать за это жалованье. Такой статус не предоставлялся огульно всем переселенцам. Показателен в этом плане следующий эпизод. В октябре 1638 г. брянский воевода сообщил о приходе 8 «черкас» из Нежина, которые заявляли, что они «служивые люди», но при этом отметил, что «лошадей ... у них и служилые рухляди акроме платьишка нет ничево». В ответной грамоте из Москвы предписывалось предложить этим людям пойти «в монастырские служки или в боярские дворы»,

---

73 *Апанович Е.М.* Переселение... С. 89 и сл.

74 Воссоединение... Т. I. № 136. С. 227.

можно и разрешить им, «если похотят, жить в наших городех на пашне»[75]. Что касается приходивших на русскую территорию «мещан» и «пашенных людей», то они могли рассчитывать лишь на освобождение от податей сроком на 10 лет[76]. Неудивительно, что такие «мещане» старались добиться освобождения от «мещанской пешей службы» и зачисления в «конную казачью службу»[77], а выезжий «черкашенин» жаловался в своей челобитной, что «написал» его «путивльской подьячеи по недружбе пахотным мужиком», а он — «запороской казак, а не пахотный мужик»[78].

Вместе с тем некоторые свидетельства позволяют полагать, что по крайней мере в отдельных местах поселения «черкас» представители казачьей верхушки получали поместные оклады. Так, сохранилась грамота курскому воеводе И. Бутурлину с предписанием «выезжих черкас атаманов, и сотников, и есаулов пересмотрети всех налицо и разобрати на три статьи ... и поверстати их ... поместными и денежными окладами» — по 200 четв., 150 четв., 100 четв.[79]

Позднее атаманы курских «черкас» «за службу и за раны» получили повышение своих окладов на 50 ч.[80] Другие «лучшие» казаки стремились к приобретению такого статуса. Так, атаман и сотник «черкас» в Кромах просили, чтобы их «поверстать в дети боярские», и их просьба была удовлетворена[81].

Положение основной массы переселенцев определялось иными нормами, одинаковыми в разных местах их расселения. Переселенцам полагалось жалованье «за выход», а также «для селидьбы на дворовое строение» — от 5 до 8 руб., женам и взрослым детям — по 1,5 руб., детям «середним» — 1 руб., меньшим — 0,5 руб. При переезде выдавалось 0,5 руб. «на подъем». За службу выплачивалось ежегодное

---

75 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 46–49.
76 Там же. Л. 18–19.
77 Там же. Стб. 129. Л. 335.
78 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 300.
79 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 194.
80 Там же. Л. 206.
81 Там же. Стб. 129. Л. 128–129.

жалованье — атаману 7 руб., есаулу или сотнику — 6 руб., рядовому казаку — 5 руб.[82] Как отметил Д.И. Багалей, они получали более высокое жалованье, чем русские служилые казаки, чей оклад колебался от 3 до 5 руб.[83]

Ознакомившись с данными о выплате жалованья «черкасам» в Короче, М.С. Грушевский справедливо констатировал, что «удержанне черкас таким чином коштувало державу велічезні для тих часів суми»[84]. Обращение к документальным материалам показывает справедливость этого утверждения. Даже в таких поселениях, где «черкасов» было сравнительно немного, расходы достигали сотен рублей. В Ливны было отправлено жалованья 286 руб., в Талецкий острог — 313 руб., в Кромы — 255 руб.[85] Но там, где находились крупные поселения «черкас», эти цифры были гораздо более значительными. На Валуйке в 1639 г. было выплачено 733 руб.; на Усерде — 903 руб.[86] В наиболее крупных поселениях затраты достигали тысяч рублей. Так, на Короче в том же 1639 г. жалованья черкасам «по их окладам» было выплачено на сумму 1969 руб.[87] В Курске в том же году на раздачу «черкасам» было израсходовано 2620 руб.[88] В последующем повествовании будет показано, какие значительные суммы были израсходованы на содержание казацкого войска в Чугуеве. Таких значительных сумм в распоряжении местных властей, как правило, не было, и соответствующая казна присылалась из Москвы. Из отдельных сохранившихся «памятей» видно, что для этого не хватало средств, находившихся в распоряжении Разрядного приказа, и средства приходилось заимствовать из других учреждений. Так, средства на жалованье «черкасам» в Кромах были взяты из Галицкой

---

82 *Апанович Е.М.* Переселение... С. 90–91.
83 *Багалей Д.И.* Очерки... С. 181.
84 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. II. С. 68.
85 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 108–109, 245; Приказной стол. Стб. 129. Л. 265.
86 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 261, 315.
87 Там же. Л. 224.
88 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 197.

и Костромской четвертей[89], а 1000 руб. на Корочу было отправлено в июне 1639 г. из Приказа Казанского дворца[90].

Выдачей денежного жалованья хлопоты о переселенцах не ограничивались. Чтобы они могли обосноваться на новом месте, местные власти должны были выделить места под дворы и огороды, по две десятины сенных покосов и земельные участки по норме сотнику — 40 четв., рядовому — 20 четв. При этом предполагалось, что, обзаведясь хозяйством и обработав свои наделы, поселенцы смогут сами снабжать себя хлебом[91].

Судя по достаточно обильной переписке воевод южных городов с Москвой, выделение мест под дворы и огороды в целом не было проблемой. Гораздо сложнее обстояло дело с выделением земельных наделов. Проблема была не столь острой, когда «черкасы» селились в местах, достаточно удаленных от традиционных центров. Так, «черкасы», отправленные на поселение в Воронеж, поселились «за Воронежем 30 верст на пустоши Костенках, на татарском шляху и на броду»[92]. Такое поселение было, однако, скорее исключением. Бóльшая часть таких поселений — «черкасских слобод», являвшихся одновременно (как увидим далее) и особыми церковными приходами, — располагались в непосредственной близости от уже существовавших крепостей. Такое местоположение отвечало, по-видимому, интересам обеих сторон — переселенцы нуждались в надежном убежище, а власти — в боевой силе для защиты крепости. В этих условиях отвод земли столкнулся с трудностями уже при землеустройстве немногочисленных колонистов середины 30-х гг. XVII в. Трудности эти должны были серьезно возрасти при наделении землей гораздо большего количества пришельцев.

Так, уже в октябре 1638 г. курский воевода И. Бутурлин с беспокойством сообщал в Москву, что приезжих «на посаде и в уездах строити негде»[93]. Выход был найден в том,

---

89 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 242.
90 Там же. Л. 194.
91 *Апанович Е.М.* Переселение... С. 90.
92 Воссоединение... Т. I. № 164. С. 276.
93 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 18–19.

что «черкасам» выделили земли из «десятинной пашни» около города[94]. Этих земель не хватало, и воеводе было приказано переписать в уезде пустые и порожние земли и их передать «черкасам». Такие земли были найдены на р. Семи, но «черкасы» отказывались их брать, так как они находятся «блиско татарские сакмы»[95]. Если вопрос о земле удалось как-то урегулировать, то возникли споры с местными землевладельцами относительно права пользования лесом и различными угодьями. Уже в начале 1639 г. курские «черкасы» жаловались, что их «на рыбных ловлях везде побивают курчане и уездные всяких чинов люди»[96]. В другой их челобитной читается, что местные дети боярские «в леса въезжать и сена косить не велят»[97]. Такие конфликты могли тянуться годами[98].

Местные власти искали и другие пути решения, не касавшиеся «десятинной» пашни. Так, воевода другого города, Кром, Савин Дурново стал отводить «черкасам» земли, которыми владеют люди «без дач», то есть незаконно, но столкнулся с открытым сопротивлением, в частности, со стороны кромских стрельцов[99]. Такие столкновения из-за земли и угодий имели место и в других местах — в Черни[100], Корочи[101], Белгороде[102]. Рассмотрение грамот, высылавшихся из Разряда в связи с этими конфликтами, показывает, что в этих спорах воеводам постоянно предписывалось поддерживать «черкас».

В некоторых случаях переселенцев так и не удавалось наделить землей. Таково было, например, положение в Валуйке.

---

94 Там же. Л. 76.
95 Там же. Л. 291–294.
96 Там же. Л. 75.
97 Там же. Л. 355.
98 В начале 1646 г. курские «черкасы» снова жаловались: «Нас, бедных, побивают, в леса и на сеножати не пущают» (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 340).
99 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 390–397. См. также: Севский стол. Стб. 112. Л. 40–45.
100 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 94.
101 Там же. Л. 383.
102 Там же. Стб. 163. Л. 35–36, 460.

Здешние «черкасы» еще в начале 1646 г., обращаясь с просьбой о «хлебном жалованье», заявляли: «Пашенные земли против наших окладов на Валуйке за нами нет»[103]. Это, однако, было исключением. Основная масса переселенцев, несмотря на все затруднения, была обеспечена землей, на которой «черкасы» получили возможность вести хозяйство.

Чтобы переселенцы могли продержаться до нового урожая и засеять пашню, им выдавалось хлебное жалованье — «на емена и на семена» и соль. Так, в марте 1638 г. предписывалось устроить выехавших «черкас» в Курске и выдать «хлебное жалованье» — семейным по 5 четв. ржи и 2 пуда соли, одиноким — по 3 четв. ржи и пуду соли, кроме того, следовало выдать «семенново хлеба по 5 чети овса»[104]. Предполагалось, что после этих выдач «хлебного жалованья впредь не будет»[105]. Но не всё получалось так, как хотелось. В 1638 г. курские «черкасы» так и не получили зерна для посева, так как «пашенная пора поминовалась». В начале 1639 г. из Москвы прислали распоряжение выдать большим семьям — 3 четв. ржи, 5 четв. овса, другим — 2 четв. ржи, 4 четв. овса, одиноким — 2 четв. ржи, 3 четв. овса[106]. Нормы могли варьироваться. Так, в том же 1639 г. переселенцам на Усерде следовало выдать «семенново хлеба» — атаману — 4 четв. овса, есаулу — 3 четв. 1/8; рядовым — по 3 четв.[107]

Но и в 1639 г. не всё и не везде шло, как хотелось. Так, «черкасы», поселенные в Усерде, жаловались, что разрешение брать хлеб в Воронеже они получили в половодье, когда туда нельзя было проехать[108]. И в дальнейшем в сложных ситуациях приходилось оказывать помощь. Так, «черкасам» из Усерда в 1641 г. давали на семена просо, а в 1642 г. — овес, хлеб давался «в займы», но когда выяснилось, что в 1641 г. «хлеб яровой

---

103 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 381; ср. л. 217.
104 Воссоединение... Т. I. № 117. С. 195–196.
105 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 9.
106 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 56–63. См. и отписку воеводы о выполнении распоряжений (Там же. Л. 190–191).
107 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 32–33.
108 Там же. Л. 217.

не уродился», долг был прощен[109]. В начале 1644 г. «черкасы» из села Костенки просили помощи, так как «яровой хлеб мороз побил», и им было приказано выслать из Воронежа «по четверти ржи и по четверти овса»[110].

Разумеется, все эти шаги московских властей не были актом благотворительности. Переселенцы были нужны как люди, которые заселили бы достаточно малолюдные южные окраины России и обеспечили их оборону от татарских набегов. Именно в наблюдениях за действиями татарских отрядов, в нападениях при благоприятных обстоятельствах на такие отряды и должна была состоять «служба» переселенцев.

Некоторые свидетельства указывают на то, что сами условия службы были более благоприятными для «черкас», чем условия службы русских служилых людей. Так, сохранилась челобитная детей боярских из Белгорода, что приезжие «черкасы» с ними «государевы службы ... не служат, опричь походов». При проведении расследования воевода высказал мнение, что «черкасам» «на вести по городом и в провожанье за государскою казною и городовые поделать з детьми боярскими в ряд мочно». Соответствующее распоряжение последовало в апреле 1645 г.[111] Ранее, очевидно, «черкасы» от таких служб в Белгороде были освобождены. Конечно, вряд ли такая льгота была общей нормой, но следует отметить, что сами белгородские «черкасы» в своей челобитной утверждали, что в других городах «черкасы» «оприч вестовой службы и походов никакой иной службы не служат»[112]. Это в известной мере подтверждает свидетельство воеводы Валуйки: «А в сотнях, государь, они, черкасы, и на сторожех не стоят, только им одна та походная служба»[113].

Чтобы переселенцы могли исправно нести службу, им посылались пищали, а также порох и свинец[114]. К сожалению,

---

[109] РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 257.
[110] Там же. Стб. 163. Л. 107, 111.
[111] РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 194–197.
[112] Там же. Л. 460.
[113] Там же. Л. 428.
[114] *Апанович Е.М.* Переселение... С. 91.

в соответствующих документах нет сведений о количестве посылавшихся «черкасам» пороха и свинца, но сведения о раздаче пищалей говорят о массовом характере такой практики. Так, известно, что пищали получили 72 чел. из поселившихся в Костенках «черкас»[115]. В апреле 1639 г. на Валуйку для раздачи «черкасам» было отправлено 100 пищалей «немецково дела»[116]. Тогда же 100 пищалей были отправлены в Ливны и в Усерд[117].

В соответствии с московскими порядками полагалось вознаграждение за службу и раны[118]. Так, в 1642 г. после боя «черкас» Усерда с татарами было выдано за службу — атаману 3 руб., рядовым казакам по 1 руб. и по 5 руб. за каждую убитую лошадь[119].

Ко всему выше сказанному следует добавить определенные заботы о храмах, которые строились в «черкасских» слободах. Так, при строительстве храма Рождества Христова в «черкасской» слободе на р. Семи под Курском туда были посланы иконы, церковная утварь, ризы, книги, колокола[120]. Аналогичное «церковное строенье» было отправлено и в ц. Василия Кесарийского в «черкасской» слободе в Костенках[121].

Тем самым есть все основания согласиться с выводом М.С. Грушевского, что русское правительство «не жалувало засобів і заходів, щоб заохотити до нових осель сих людей»[122]. Вместе с тем исследователь отмечал и такие стороны московских порядков, которые должны были вызывать отрицательную реакцию переселенцев. Это регламентация их жизни со стороны представителей власти и большая жестокость наказаний за проступки. С этими чертами московских порядков исследователь связывал столкновения «черкас» с представителями власти и попытки отдельных групп «черкас» вернуться в Речь Посполитую[123].

---

115 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 320.
116 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 62.
117 Там же. Л. 111, 115 и сл.
118 *Апанович Е.М.* Переселение... С. 91.
119 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 236–238.
120 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 308–326, 359.
121 Там же. Стб. 129. Л. 326–327, 341–342.
122 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. II. С. 65.
123 Там же. С. 64, 69–71.

Отрицательное влияние этих черт московских порядков на отношения «черкас» и власти М.С. Грушевский отметил верно, но, как представляется, при возникновении серьезных конфликтов проявлялось действие и иных факторов.

Говоря о московской «регламентации», М.С. Грушевский, описывая конкретное положение переселенцев, сделал серьезную оговорку, отметив сохранение у казаков традиционных форм организации[124].

Справки о выдаче жалованья, в которых упоминаются атаманы, есаулы и сотники (там, где «черкасов» было много), показывают, что у поселенцев сохранялась их традиционная организация. Ее деятельность позволяют представить сравнительно немногие свидетельства. Это прежде всего сохранившиеся ходатайства о выборах[125]. Это показывает, что для выбора атамана или какого-либо другого лица нужна была санкция из Москвы. В ряде случаев необходимость выборов была связана со столкновениями между казаками и атаманом. Одно из таких столкновений произошло в Ливнах между казаками и атаманом Иваном Вергуном. Казаки его отстранили и выбрали атамана Холоима Устинова. И. Вергун не согласился с таким решением и утверждал, что его сместили за то, что он «черкас» «от дурна ... уимал», но решение не было отменено, а И. Вергун направлен на службу в Козлов[126]. Сохранилась жалоба и атамана из Усерда Власа Иванкиева, что, когда он ездил по делам в Курск, замениший его Сидор Терентьев «у моих полчан подкупился» и его «из отаманства отженули», но в Москве это решение пересматривать не стали[127]. Очевидно, что в Москве считались с решением казацкого схода. С ним должен был считаться и воевода. Без санкции Разряда он не мог сместить атамана с должности[128].

Столкновения с атаманами, настоящими и бывшими, позволяют выявить некоторые важные черты взаимоотношений

---

[124] Там же. С. 68.
[125] РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 283; Стб. 163. Л. 171.
[126] РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 169–177.
[127] Воссоединение... Т. I. № 167. С. 280.
[128] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 161.

в казацкой среде. Атаман обладал довольно значительной властью, позволявшей использовать ее в своих интересах. Так, «черкасы» из Валуек в 1646 г. жаловались на то, что атаман Степан Васильев забирает к себе имущество убитых и взятых в плен «черкас», а если кто-то «тому Степану в кабаке вина не купит, и тот Степан нашево брата бьет и мучит»[129]. В Кромах атаман Иван Малаховский и сотник Иван Нащенко, когда они просили у царя разрешения уехать из «черкасской» слободы, ссылались на то, что «черкасы» их «не любят и бутто мы им чиним многие налоги и продажи»[130]. В руках атамана находилась и определенная судебная власть. «Черкасы» из Ливен обвиняли бывшего атамана Ив. Вергуна в том, что, хотя царь разрешил «в которых небольших делах судитца промеж себя нашему старшему», Вергун не желает подчиняться его суду[131].

Интересный материал о порядках в казачьей среде содержат документы о конфликте, происшедшем в 1645 г. в Короче между «лучшими» и «рядовыми» «черкасами». Они перестали общаться между собой и обратились с жалобами к царю. «Рядовые черкасы» жаловались на «лучших» — атаманов, сотников, есаулов, знаменщиков, — что те их «бьют и лают и всякие налоги чинят», в частности изымали «на мирские нужды» часть жалованья в 1644–1645 гг. «и в тех денгах отчету не дали». «Лучшим» пришлось пойти на уступки, и «в тех деньгах у них взяли отчет впрям»[132]. Атаманов, вызвавших недовольство схода, в Москве не поддерживали. В ответ на челобитную «черкас» Валуйки было приказано отрешить Степана Васильева от должности, а «черкасам» дать возможность выбрать другого атамана[133]. Такая организация могла стать и инструментом сотрудничества с властями, и орудием борьбы с ними в зависимости от того, к чему в той или иной ситуации стремились переселенцы.

---

129 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 353–354.
130 Там же. Стб. 129. Л. 128.
131 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 170.
132 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 230–235.
133 Там же. Л. 356.

Хотя казаки имели свою организацию и какие-то дела могли решать в своей среде, в соответствии с московскими порядками они должны были подчиняться власти присланных из Москвы воевод. Уже из приведенных выше свидетельств о устройстве переселенцев на новом месте видно, насколько широка была эта власть и какие разные сферы жизни «черкас» она затрагивала. Среди воеводских обязанностей не последнее место занимал надзор за поведением переселенцев. Помимо самих представителей власти на местах — воевод, в обязанности которых входил надзор за всем подчиненным населением, в ряде случаев назначались специальные лица для наблюдения за ними. Так, в марте 1639 г. сын боярский Воин Анненков был назначен, чтобы он за курскими «черкасами» «смотрел по часту», чтобы они «никаким воровством не воровали, никово не били и не грабили, и блядни, и зерни у них не было», чтобы они «свои земли пахали и хлеб посеели»[134]. Как справедливо отметил М.С. Грушевский, в наставлениях воеводам предписывалось также следить за тем, чтобы «черкасы» не пропивали и не проигрывали в кости своего жалованья[135]. Особое внимание уделялось тому, чтобы «черкасы» распахали и засеяли выделенную им землю. Так, в феврале 1639 г. в грамоте, посланной в Курск, предписывалось не давать жалованья тем казакам, которые не станут пахать землю[136]. В грамотах, направлявшихся из Москвы воеводам, им предписывалось заставлять «черкас» «хлеб пахать и в неволю»[137]. Следовало заставлять даже тех, кто «за бедностью пашни пахать и ржи сеять не учнут», правда, «не з большою жесточью»[138].

Действуя так, московские власти добивались того, чтобы «черкасы» были постоянно способны нести службу и освободили их от необходимости постоянно высылать им хлебное жалованье.

---

134 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 108–110.
135 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. II. С. 69.
136 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 64.
137 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 78, 293.
138 Там же. Л. 400.

Действия воевод в соответствии с этими предписаниями могли, конечно, вызывать и раздражение, и недовольство переселенцев. Думается всё же, что недовольство могла вызывать прежде всего чрезмерная централизация московских порядков, когда воеводы на местах не имели права (а часто и средств) выплатить «без указа» казакам очередное жалованье или оказать помощь из «государевых житниц» в случае неурожая и при отсутствии хлеба для посева. Чтобы добиться своего, «черкасам» часто приходилось отправлять челобитчиков в Москву, и нужная помощь запаздывала[139].

Имело значение и то, что все нормы, определявшие условия жизни переселенцев, должны были проводить в жизнь представители власти на местах — воеводы. Правда, в воеводских наказах предписывалось, «чтоб въезжим черкасом ни от каких людей продаж, и налогов, и убытков никаких не было, и всякие животины у черкас никто не отнимал и не крал, и самому воеводе к черкасом держать ласку и привет добрый, чтоб черкас жесточью в сомненье не привесть»[140]. Но хорошо известно, что воеводы и в XVII в. рассматривали свою должность как разновидность «кормления». Неудивительно, что они пытались «кормиться» и за счет «черкас». Так, уже летом 1639 г. кромские черкасы обвиняли своего воеводу, что при выдаче жалованья он «взял с нас насилством, сажаючи в тюрму, тритцать рублев»[141]. Позднее, как будет видно из последующего изложения, обвинения в присвоении воеводами части казацкого жалованья выдвигались неоднократно.

Отмечая возможное воздействие этих факторов на настроение переселенцев и их поступки, М.С. Грушевский несомненно был прав, но, как представляется, возникновению конфликтных ситуаций содействовало также стремление отдельных групп казаков сохранить в новой среде и в новых условиях традиционный, привычный для них образ жизни.

---

139 Конкретные примеры см. в той части главы, где говорится о событиях в Чугуеве.

140 Цит. по: *Миклашевский И.Н.* К истории... Ч. 1. С. 168.

141 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 122.

Эти стремления проявлялись по-разному и имели разные последствия. Как отмечалось выше, уже в середине 30-х гг. русские власти столкнулись с тем, что переселенцы отказывались пахать землю, добиваясь установления им постоянного «хлебного» жалованья. С этим же воеводы стали сталкиваться и в конце 30-х гг. Так, в октябре 1639 г. воевода Кром сообщал, что некоторые «черкасы» «дворами не строетца и указной пашни не пахали, а иные отказывают, что земля им не надобна»[142]. Когда большая группа «черкас» (73 ч.) была отправлена в 1638 г. в «новой город» Тамбов, то воевода сообщил, что казаки «под пашню землю не емлют», а говорят, что «люди не заводные, пахать им нечем, а се и не имеют»[143]. В 1639 г. всё это повторилось[144], и было принято решение переселить их на Валуйку[145].

Этот эпизод можно считать показательным для настроения части переселенцев, но его значения преувеличивать не следует. Несмотря на все имевшие место сложности, основная масса переселенцев к 1640 г. обзавелась своим хозяйством.

«Жалованье» и земля выделялись «черкасам», чтобы они несли службу на южных границах Русского государства. Сын боярский, выбранный для наблюдения за курскими «черкасами», должен был добиваться, чтобы они отправлялись на «дикое поле», чтобы «на реках и на перелазех над воинскими людьми ... промышлять», «поиск учинить и языков добыть»[146]. Такая служба отвечала навыкам и образу жизни казаков, и упоминания об отказе от несения такой службы в источниках встречаются очень редко.

Сложности возникали в связи с тем, что воеводы хотели иметь подчиненных под рукой, готовых к несению службы, а «черкасы» стремились сочетать службу с традиционным

---

142 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 112.
143 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 310.
144 Там же. Л. 311.
145 Там же. Л. 330.
146 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 110 (грамота от 3 марта 1639 г.).

образом жизни, когда они добывали средства на содержание с помощью рыбной ловли и охоты. В апреле 1639 г. воевода Усерда И. Волконский жаловался, что «черкасы» «ходят самовольством ... по речкам за рыбною ловлею и в степи за зверем и по лесом за медом ... и живут на тех промыслах ... недели по три и по четыре и по пяти и по шести и болши»[147]. «Черкасы» же со своей стороны жаловались на воеводу, что тот часто устраивает смотры и отсутствующих «пишет в неты», и просили, чтобы он устраивал смотр раз «недель в пять или в шесть»[148]. Действия воеводы получили поддержку в Москве. Ему предписывалось отпускать «черкас» на промыслы по очереди («по четвертям или по третям»), им запрещалось уходить «без отпуска», а нарушителям составители грамоты угрожали, что они будут «в большом наказанье»[149].

Таким образом, вопрос об условиях службы достаточно рано стал предметом споров, когда те или иные группы «черкас» пытались сочетать службу со своим традиционным образом жизни, а это вело к нарушению традиционных для Московского государства порядков.

Наконец, достаточно рано возник острый конфликт с той частью переселенцев, которая привыкла жить прежде всего за счет захваченной добычи и пыталась жить так же после перехода на территорию Русского государства. Ярким примером могут служить события, происходившие летом 1639 г. в Путивле. По сообщениям путивльского воеводы Г. Пушкина в Путивле поселилась сравнительно небольшая группа «черкас» — 47 чел., которые вскоре после выезда стали добывать средства к жизни, совершая нападения на жителей «литовского» порубежья. Нападения предпринимались организованными группами, одну из них возглавлял сам атаман. В «Росписи», присланной воеводой, перечисляются нападения на купцов и захват их товаров, угон скота, ограбление литовских «пасек». Грабежи сопровождались

---

147 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 123.
148 Там же. Л. 215.
149 Там же. Л. 124–125.

убийствами[150]. Воеводу можно было заподозрить в сгущении красок, но в мае 1639 г. в Москву была отправлена и челобитная жителей Путивля и Путивльского уезда, в которой составители обвиняли «черкас» в похищении их коней и скота и просили о защите[151]. Одновременно и «черкасы» подали жалобу на воеводу, отобравшего у ряда из них «животы» — наряду с разного рода скотом в состав этого имущества входили сукна и ткани. Стоимость этих «животов» оценивалась сотнями рублей[152]. Вероятно, это благосостояние и было результатом грабежей простых жителей и купцов, а воевода попытался воспользоваться ситуацией, чтобы наложить руку на имущество лиц, обвиненных в разбоях. Уже 26 мая 1639 г. в Москве было принято решение переселить «черкас» из Путивля в Новосиль и Орел «и впредь в Путивле и в Путивльском уезде выезжим черкасом быти не велели»[153]. Такие явления имели место не только в Путивле. В том же 1639 г. в Белгороде была задержана группа «черкас», которые ходили в Речь Посполитую воровать лошадей[154]. Однако массового характера такие явления не приобрели и основную массу переселенцев не захватили.

Возникавшие осложнения, охарактеризованные выше, вероятно, послужили причиной того, что у отдельных «черкас» и групп переселенцев уже в 1639 г. стало появляться желание вернуться в Речь Посполитую. Так обстояло дело в Белгороде, где выяснилось, что летом 1639 г. «ново переезжие черкасы ... хотели бежать в литовскую сторону», «а хто, де, старого переезду черкас с ними не поедет, и им, де, было старых черкас побить всех»[155]. По нормам русского

---

150 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 455–456. См. также и грамоту воеводы — Там же. Л. 184–185; *Папков А.И.* Порубежье... С. 194.

151 Оригинал челобитной со многими рукоприкладствами см.: РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 186–190.

152 Там же. Л. 456–458. См. также: Воссоединение... Т. I. № 166. С. 278.

153 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 112. Л. 191–199; *Папков А.И.* Порубежье... С. 212–213.

154 *Папков А.И.* Порубежье... С. 194–195.

155 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 124. Л. 154–156. К сожалению, материалы проводившегося расследования, включавшие

права действия «черкас», нарушивших присягу и желавших без разрешения уехать в чужое государство, квалифицировались как «измена» и карались смертной казнью. Бежать хотели 34 человека[156]. Реакция в Москве была очень жесткой. Виновных предписывалось пытать, чтобы выяснить, «для какова изменнова дела в литовскую сторону бежать хотели». Виновных должны были повесить («от литовской стороны от города в полуверсте»[157]). На практике, однако, казнен был только главный организатор побега — Федор, а остальные «черкасы» вместе с семьями были вызваны в Москву, откуда в августе 1639 г. их отправили в Сибирь с предписанием «устроить в службу»[158]. На этом примере видно, что на практике по отношению к «черкасам» имели место серьезные смягчения норм, применявшихся по отношению к русским людям. Некоторые примеры такого рода приведены в исследовании Грушевского. Правоту такого положения подтверждают и свидетельства, которые украинский исследователь приводит, чтобы показать суровость норм русского права. Речь идет о поступке «черкашенки» Орины Алексеевой, которая в разговоре с другими «черкасами» сказала: «Только, де, государь не выкупит из полону из Крыму сына моего Ромашка — как, де, яз не вижу сына своего перед собою, так бы да государь не видел света сего». По мнению М.С. Грушевского, «не було в тих словах нічого такого дуже страшного», а бедную женщину публично били кнутом[159]. В устах человека, родившегося и выросшего в Российской империи, такие слова вызывают удивление. В сознании русского общества XVII в. царь был сакральной фигурой, главой всего христианского мира и его главной опорой, желать царю смерти было страшным преступлением. В «Соборном уложении»

и тексты «пыточных речей», не содержат никаких объяснений решения о возвращении в Речь Посполитую.

156 Там же. Л. 169.

157 Черновик грамоты см.: Там же. Л. 176–177.

158 Там же. Л. 210–212, 251–258 (список этих «черкас»), 264–268; *Папков А.И.* Порубежье... С. 230–231.

159 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. II. С. 69–70.

1649 г. устанавливалась смертная казнь для человека, «кто учнет мыслить на государьское здоровье злое дело»[160]. Тем самым рассмотренная М.С. Грушевским история является еще одним свидетельством отступления русских властей от суровых норм права, когда дело касалось украинских поселенцев. Однако исследователь прав в том, что даже смягченные нормы русского права при их применении на практике могли оказать серьезное воздействие на сознание переселенцев. Санкции русских властей по отношению к «изменникам» наглядно показывали, к каким суровым последствиям может привести недовольство правительства действиями или поступками переселенцев, и, как увидим далее, сознание это сказалось в дальнейшем и повлияло на их поведение, когда возникла угроза конфликта.

Если приведенные выше сообщения приносят информацию об отдельных сторонах взаимоотношений переселенцев и власти и об отдельных возникавших проблемах, то судьба атамана Лаврина Борзяка и его отряда позволяет проследить, как целый ряд взаимосвязанных проблем возникал, когда группа переселенцев на новом месте упорно стремилась сохранить традиционный образ жизни.

Жизненный путь атамана Лаврина Петрова Борзяка до его переезда в Россию устанавливается на основании его «расспросных речей» в Москве после приезда на земли Русского государства[161]. По его словам, он был «шляхтич Черниговского повету», но, как многие члены его сословия, уже не был землевладельцем и вошел в ряды казацкого войска. «Тому 4 годы» он ушел из Речи Посполитой на Дон. Так как запись была сделана в ноябре 1639 г., то очевидно, что он выехал на Дон вскоре по окончании Смоленской войны, когда снова стал обостряться конфликт между властями Речи Посполитой и казачеством. Находясь здесь, он участвовал во взятии Азова, а затем сидел в нем в осаде от войск крымского хана. Осенью 1638 г. он вместе с 40 «черкасами» вышел из Азова на Северский Донец. Поселившись «в юртах ... ниже

---

[160] Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 20.
[161] РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 151–152.

Святых Гор», они предпринимали оттуда нападения на татарские улусы. Ход последующих событий позволяет проследить составленная в Разрядном приказе справка[162]. 13 апреля 1639 г. в пограничную русскую крепость Валуйку приехали гонцы от этого отряда с пленными крымскими татарами и ногайцами. Они сообщили, что пленные были взяты в бою с татарами на Калмиуской сакме. Воевода отправил посланцев в Москву, где они «видели государские очи и у руки были». Главе отряда были посланы отрез «камки» и 8 руб., рядовым казакам по 2 руб. С Валуйки казакам на Северский Донец было отправлено «зелье пищальное», свинец, ржаная мука. Им было поручено, чтобы «они государю служили ... и языков добывали». В мае 1639 г. были присланы новые «языки», и посланцы Борзяка снова получили в Москве подарки[163].

Однако перспектива повторной зимовки на Северском Донце во враждебном окружении не вдохновляла казаков отряда, часть из них приняла решение вернуться в Азов, а Лаврентий Борзяк и 15 казаков его отряда направились в Валуйку[164]. 2 ноября 1639 г. они привезли в Валуйку татарских «языков», взятых в бою на Боровском перевозе[165]. С этими «языками» сам глава отряда «у государя были у руки и государево жалованье ... дано при государе»[166]. Все эти факты показывают заинтересованность в Москве в успешных действиях отряда Борзяка.

В Москве Борзяк говорил, что он и его казаки хотели бы поселиться на Валуйке и «для промыслу над татары ходить на поле и на Донец на Северской»[167]. Таким образом, Борзяк и его казаки хотели бы вести прежний образ жизни, сделав Валуйку своей базой.

Переселенцам в соответствии с выработанными к тому времени нормами было выдано по 5 руб. на «дворовое строенье»

---

162 Там же. Л. 146.
163 Там же. Л. 147–148.
164 Там же. Л. 152.
165 Там же. Л. 138.
166 Там же. Л. 162.
167 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 153.

и по 9 руб. как «жалованье», а также по 2 четв. ржи «на семена». Вместе с тем в грамоте воеводе Валуйки указывалось, что если «черкасы» захотят идти в степь «на татарские сакмы» или для рыбной ловли и охоты, то следует их отпускать, «смотря по вестем и по тамошнему делу», то есть такие поездки следовало совершать лишь с разрешения воеводы[168].

В документах весны 1640 г. Л. Борзяк уже выступает как глава (атаман) валуйских «черкас». Очевидно, казаки, поселенные на Валуйке еще до приезда туда Борзяка, избрали своим главой человека, прославившегося военными успехами и известного в Москве.

Как видно из сведений, встречающихся в документах весны 1640 г., к этому времени отношения между «черкасами» и воеводой Валуек осложнились. Казаки Борзяка хотели по обычаю ездить в Азов, но теперь для этого нужно было разрешение воеводы. Воевода, как говорилось в челобитной «черкас», разрешил, когда ему обещали «две цевки золота доброво да две денги турских добрых». Когда на пути казаки попали в плен к татарам, воевода обвинил их в том, что, получив «жалованье», они ушли в Азов, «а иные на заполные речки»[169].

По свидетельству соборного попа Герасима, незадолго до Пасхи сам Борзяк «прошался на поле, и Мелентии Квашнин на поле не отпустил, а сказал ему, что вестей нет и отпущать, де, ему их на поле не указано»[170].

Одним из условий, на которых принимали переселенцев в Русском государстве, было обзаведение хозяйством, с тем чтобы в будущем власти не должны были снабжать их хлебом. Борзяку и его казакам это условие не подходило. Воевода жаловался, что они отказываются пахать землю, а Борзяк заявляет: «Станем хлеб есть готовой»[171]. Однако открытое столкновение с воеводой произошло у Борзяка 7 апреля 1640 г. на другой почве. Челобитная «черкас»,

---

168 См. царскую грамоту от 26 ноября 1639 г. (Там же. Л. 169–175).

169 См. отписку воеводы от марта 1640 г. (Там же. Л. 357) и челобитную «черкас» (Там же. Л. 363).

170 Там же. Л. 376.

171 Там же. Л. 360.

отписка воеводы, опросы населения новым воеводой позволяют представить, что произошло[172]. В этот день Борзяк созвал у съезжей избы казачий круг, на котором стал «учить» Гришку Орехова за то, что тот бьет жену и тещу и ходит по улицам пьяный с саблей[173]. Воевода, по его словам, потребовал объяснений и получил ответ: «Мы воеводы не слушаем, хто у нас виноват, того мы скораем»[174]. Свидетели, однако, этого сообщения не подтвердили. Разные сообщения сходятся на том, что атаман Борзяк явился к воеводе по его вызову. Наиболее подробный рассказ о том, что произошло в воеводской избе, содержится в показаниях конного стрельца Тихона Гребенкина. Воевода спросил Борзяка, зачем был созван круг, и, услышав объяснения, «Лавринку учал бить, для чаво, де, ты учишь без мово веления»[175]. Тогда и Борзяк воеводу «уфатил поперек да повалил»[176]. В итоге Борзяк оказался в тюрьме, но пробыл там недолго. По сообщению воеводы, он был освобожден по ходатайству «черкас», обещавших «кругов не заводить»[177]. Как сообщали «черкасы» в своей челобитной, Борзяк обещал воеводе не жаловаться на него в Москву[178]. Борзяк, по-видимому, уверенный в расположении московских властей, не намерен был выполнять этого обязательства, 19 апреля 1640 г. он отправился из Валуйки в Москву с двумя казаками[179].

В Разряд были поданы челобитные как от всех валуйских черкас, так и от отдельных казаков с обвинениями воеводы в незаконных поборах (в частности, при выдаче жалованья) и насилиях[180]. После отъезда Борзяка и воевода поспешил отправить в Москву свою версию происшедшего.

---

172 Об этом эпизоде см.: *Папков А.И.* Порубежье... С. 215–216. К сожалению, в этой работе отсутствует предыстория конфликта.
173 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 379, 414, 419.
174 Там же. Л. 358.
175 Там же. Л. 419.
176 Свидетельство попа Герасима (Там же. Л. 405).
177 Там же. Л. 359.
178 Там же. Л. 364.
179 Там же. Л. 360, 371.
180 Там же. Л. 361–368. Ср.: *Папков А.И.* Порубежье... С. 216–217.

В июне 1640 г. в Москве было принято решение провести расследование, которое было поручено новому воеводе Валуйки Фед. Ив. Голенищеву[181], и это расследование подтвердило ряд обвинений по адресу воеводы, но его результатов Борзяк дожидаться не стал. 23 мая он бежал из Москвы[182]. Очевидно, для него стала ясной несовместимость его образа жизни с московскими порядками.

Этот эпизод ярко показывает и заинтересованность центральной власти в привлечении опытных в военном деле переселенцев, и их конфликт с московскими порядками, связанный со стремлением сохранить традиционный образ жизни: они не хотели пахать землю и обзаводиться хозяйством, желали получать жалованье и нести службу по своему усмотрению, решать свои дела в казацком кругу. Реакцией на возникшие затруднения стала попытка сместить воеводу, который вызывал недовольство не только своими поборами, но и тем, что стеснял свободу действий «черкас». Разумеется, смена воеводы не могла привести к разрешению этих трудностей, и, очевидно, это понял во время пребывания в Москве Борзяк.

Происходившие события не приобрели широкого размаха, по-видимому потому, что сохранить традиционный образ жизни было важно прежде всего для казаков отряда Борзяка[183] и в меньшей степени для основной массы валуйских «черкас». Иная ситуация возникла бы, когда желание сохранить традиционный образ жизни проявило целое казацкое войско. Такая ситуация возникла в наиболее крупном поселении «черкас» — Чугуеве. Здесь произошло и наиболее крупное выступление «черкас» против русской власти. Происходившие события нашли свое отражение в многочисленных источниках, исходивших как от представителей русской власти, так и от «черкас».

Событиям этим уделил значительное внимание в своей книге Д.И. Багалей. Опираясь на достаточно широкий

---

181 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 382 и сл.

182 Там же. Л. 306об.–307об. Ср.: *Папков А.И.* Порубежье... С. 216.

183 О бежавших в Речь Посполитую казаках «станицы» Л. Борзяка см.: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 82–84, 100–104.

круг источников, он предложил реконструкцию событий 1638–1641 гг., охарактеризовал условия жизни «черкас» в Чугуеве, выделил основные этапы конфликта, который привел к восстанию[184]. Опираясь на результаты исследования Д.И. Багалея, дал общую характеристику событий М.С. Грушевский[185]. В последнее время к материалам из архива Разрядного приказа неоднократно обращался А.И. Папков[186]. Исследователь заметно расширил круг сведений о начавшемся осенью 1640 г. конфликте, высказал ряд соображений о его причинах, специально остановился на роли главы казацкого войска — гетмана Я. Острянина в происходивших событиях.

Несмотря на вполне оправданное внимание исследователей к событиям в Чугуеве, представляется, что не все возможности при исследовании источников были использованы. Так, нуждаются во всестороннем анализе челобитные, направленные «черкасами» в Москву осенью 1640 г. В последующем изложении будет предпринята попытка реконструировать условия жизни переселенцев в Чугуеве и выяснить причины, толкнувшие их на восстание. Сохранившиеся многочисленные источники дают возможность всё это установить[187].

Отношения между «черкасским» войском и русскими властями начались, когда 11 июня 1638 г. к Белгороду пришли «из литовских городов» большие отряды «черкас», по существу целое войско, и встал вопрос о месте их поселения на русской территории. Для решения этого вопроса в Москву отправилось казацкое посольство во главе с полковниками Василием Боговцовым и Онофрием Поповым[188]. С ними

---

184 *Багалей Д.И.* Очерки... С. 173–196.

185 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. II. С. 73–77.

186 *Папков А.И.* Порубежье... С. 234, 236–242; *Его же.* Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России // Белоруссия и Украина. История и культура. 2004. М., 2005. С. 104–116.

187 Важно, что в ряде случаев сведения из архива Разрядного приказа могут быть дополнены документами из архива воеводской избы в Чугуеве.

188 Воссоединение... Т. I. № 145. С. 248.

приехали четверо сотников и священник. Все они получили подарки[189]. На переговорах посланцы просили «их устроить на житье на Чюгуеве городище». У беседующих с посланцами думных дьяков такое предложение не вызвало энтузиазма. Дьяки объяснили посланцам, что Чугуево городище «от наших городов отдалело и на татарских сакмах». Они предлагали «черкасам» обосноваться на Карпове сторожевье», здесь «к Белугороду и к Белогороцкому уезду блиско и Карпово сторожевье в людех». Но посланцы настаивали на Чугуеве, где они смогут «строитца» и «около себя крепость учинить»[190].

Всё это не было случайно. Уже в слухах 1634–1635 гг. о планах «черкас» «отъехать» из Речи Посполитой говорилось об их намерении поселиться на Чугуеве городище. То, что Чугуево городище от русских городов «отдалено» и находится практически в незаселенной степи, с точки зрения казаков было явным преимуществом. Здесь вдали от русских властей они рассчитывали жить привычными для них порядками.

В конце концов просьба была удовлетворена, и с казацким войском на городище был отправлен дворянин Максим Лодыженский руководить работами по строительству крепости[191]. О последующем известно по записи о деятельности М. Лодыженского в Чугуеве. 31 октября 1638 г. он сообщил в Разряд, что казакам выделена земля под дворы и на этих участках они «почели строитца, и сена покосили, и лес на острожное дело готовят»[192]. О каких-либо осложнениях для этого времени известий нет. И дворянин был заинтересован в выполнении поручения, и казаки были заинтересованы в том, чтобы скорее поставить крепость, где они могли бы найти убежище в случае нападения татар.

Власти стремились обеспечить условия жизни поселенцев на новом месте. В ноябре 1638 г. «черкасам» из Чугуева было

---

[189] РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 129. Л. 159 — полковники получили по 10 руб., по сукну и по камке, сотники — по 6 руб. и по тафте, священник — 8 руб. и тафту.

[190] Воссоединение... Т. I. С. 249.

[191] Там же. С. 252.

[192] Там же. № 178. С. 294.

разрешено покупать хлеб, всякие запасы, скот, одежду, «повольною ценою безпошлинно». Освобождались от уплаты пошлин и русские люди, которые привезут в Чугуев хлеб и разные товары[193]. 18 декабря 1638 г. в Белгород было прислано из Разряда денежное жалованье «для их скудости и новые селидьбы»: гетману — 30 руб.; его сыну — 10 руб.; есаулу — 15 руб.; войсковому дьяку — 10 руб.; сотникам — по 8 руб.; пятидесятникам — по 7 руб.; рядовым казакам — по 6 руб. Кроме того «черкасам» полагалось и хлебное жалованье: гетману — 20 ч.; есаулу — 10 четв.; дьяку и сотникам — по 8 четв.; пятидесятникам — по 7 четв.; рядовым — по 5 четв. Хлебное жалованье в этом случае заменялось деньгами — всего было прислано 5.546 руб.[194] Приведенный перечень получателей жалованья показывает, что в России казацкое войско сохранило свою традиционную организацию с характерной для нее иерархией, которая признавалась русскими властями. Привлекает к себе внимание и размер суммы, выплаченной переселенцам. Перед нами свидетельства значительных усилий, затраченных в Москве, чтобы помочь переселенцам с устройством жизни на новом месте.

21 февраля 1639 г. в Москву пришло из Белгорода сообщение, что «Максим Лодыженский острог ставит и запороские черкасы на Чюгуеве дворами строятца»[195]. Как позже сообщал Лодыженский, 710 человек «дворами построились», а 210 человек «дворами не строились за бедность», хотя земли для них и были выделены[196]. У Чугуева «черкасы» поселились в особой слободе. Здесь для них была построена церковь Успения, где стал служить пришедший с войском поп Игнатий Якимов из г. Сенжар. Он был «для исправления веры» на патриаршем дворе, а затем в монастыре. В марте сам царь вручил ему напрестольное Евангелие. Священник получил образа, сосуды, ризы, печатные книги[197].

---

193 Воссоединение... Т. I. № 148. С. 254–255.
194 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 254–255.
195 Воссоединение... Т. I. № 153. С. 262.
196 Там же. № 178. С. 295–296.
197 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 172–173, 202–205, 260, 294, 302, 338.

Несмотря на оказанную помощь, жизнь, по крайней мере части переселенцев, была нелегкой. В справке, составленной 21 февраля 1639 г., отмечено, что часть войска Острянина отсутствовала на смотре в Белгороде, так как «жили в Белгородском уезде, кормились работой»[198].

В условиях, когда велись большие работы по строительству крепости, вероятно, не оставалось много времени для несения каких-либо «служб». К февралю 1639 г. относится первое свидетельство о походе гетмана с войском по приказу белгородского воеводы против татар[199]. И здесь русские власти столкнулись с необычной, новой для них ситуацией. По возвращении из похода гетман подал М. Лодыженскому «сказку за рукою в непослушанье сотников и черкас». М. Лодыженский просил у воеводы совета, как поступить, но воевода и сам не знал и отправил «сказку» Острянина в Москву[200].

И само «непослушание», когда сотники со своими отрядами отказались идти с гетманом против татар, и обращение Острянина к властям говорят о слабом его авторитете как главы казацкого войска. Казаки воспринимали гетмана как своего выборного вождя, который должен был подтверждать правильность их выбора своими успехами. Поражение Острянина в сражении с коронной армией было ударом по его авторитету. Позднее, «черкасы» так и говорили, что избранный гетманом на Днепре Острянин «то гетманство и потерял на реке на Суле», когда он догнал «на поле» идущих в Россию «черкас» и с ними «был в товариществе»[201]. Предпринятые гетманом действия говорят, что он сознавал слабость своего положения.

В «сказке» отмечено, что отъезд «черкас» из похода начался со слов сотника Гаврилы Росохи: «Мне, де, уже на поле лесу нечим возить». Значение этих слов выясняется

---

198 Там же. Л. 207.

199 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 243.

200 Там же. Л. 244. Текст «сказки» см.: Там же. Л. 246–247. См. также: *Папков А.И.* Порубежье... С. 109.

201 Об этом в тексте «черкасской» челобитной (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 137. Л. 48).

при обращении к очередной «черкасской» челобитной, где говорится, что они «на острог ... лес возили»[202]. Очевидно, казаки были раздражены тем, что помимо этой тяжелой повинности с них требуют еще каких-то служб. Сохранился фрагмент ответа на жалобу Острянина, где предписывалось устроить сыск, почему соответствующие лица не пошли с гетманом, и виновных следовало «посадить в тюрьму до нашего указу»[203]. Однако в более позднее время указанные в «сказке» лица продолжали занимать прежние должности. Возможно, сам гетман содействовал прекращению дела. Но Я. Острянин оставался главой казаков, и разные обращения к властям исходили от него и от казацкого войска.

Очередные казацкие челобитные были поданы в конце февраля 1639 г.[204] В одной из них указывалось, что М. Лодыженский выделил им участки под дворы, но не отмежевал земли для устройства хозяйства[205]. В другой челобитной указывалось, что «черкасы» успели накосить сено для содержания скота, но «земли не пахали и семян ржаных не имали»[206].

Таким образом, это самое большое поселение «черкас» на русской территории добивалось выделения пахотной земли для ведения хозяйства. Добиваясь разрешения поселиться в Чугуеве, посланцы войска говорили, что у них «лошедей, и коров, и овец, и всякие животины ... много», они здесь «пашню учнут пахать», так как у них «пашенного заводу своего много»[207]. Русским властям в данном случае не пришлось заставлять «черкас» пахать землю.

В ответ на эти челобитные М. Лодыженскому было предписано отмежевать казакам земли гетману — 120 четв.; сыну его — 40 четв.; есаулу — 50 четв.; дьяку — 40 четв.; сотникам — по 30 четв.; десятникам — по 25 четв.; рядовым — по 20 четв. Лодыженский должен был проделать всю работу

---

202 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 252, 253.
203 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 440.
204 О времени подачи см.: Воссоединение... Т. I. № 153. С. 162.
205 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 252.
206 Там же. Л. 253.
207 Воссоединение... Т. I. № 145. С. 250–251.

срочно, чтобы «нынешние весны на указных своих землях хлеб посеяти во время, не испустя поры»[208].

Одновременно (возможно, это была реакция на «сказку» Я. Острянина) было принято решение направить воеводой в Чугуев кн. П.И. Щетинина[209]. С ним был послан отряд из 100 детей боярских, 75 казаков и 25 стрельцов из Белгорода, Курска и Оскола[210]. Воевода должен был установить в Чугуеве обычный для Московского государства порядок управления.

Первоначальной задачей воеводы было завершить строительство крепости и снабдить ее запасами и оружием. Одновременно он должен был постоянно высылать «подъезды и станицы по дорогам», чтобы отражать нападения татар и брать «языков». Для поездок в степь «черкасам» следовало выдавать порох и свинец.

Вместе с тем воевода должен был позаботиться и о нуждах «черкас», чтобы они были в состоянии нести службу. Следовало обеспечить «дворовыми и огородными местами» тех «черкас», которые еще не устроены. Нужно было, чтобы «черкасы» имели собственное хозяйство, «указные свои земли пахали и хлеб сеяли», чтобы им не надо было посылать «хлебное жалованье». Хлеб на семена им должны были прислать из Белгорода.

К «черкасам» следовало «держать привет доброй», «у себя кормить по своей мочи», но одновременно следовало не допускать никаких их контактов с «литвой»[211].

Воевода прибыл в Чугуев 29 апреля 1639 г. и, как видно из его отписок, активно приступил к решению поставленных перед ним задач. Прибыв на место, он выяснил, что в крепости поставлены 6 башен, а «верхи на них» отсутствовали, в стенах были «порозжие места». Работали «по переменам

---

208 Там же. № 153. С. 263.

209 Проезжая грамота кн. П.И. Щетинину датирована 6 марта 1639 г. (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 366).

210 Там же. Л. 175.

211 См. текст воеводского наказа кн. П.И. Щетинину от 11 марта (Там же. Л. 175–201).

105 человек». Работы шли трудно, так как не было кирок и лопат, но строительство крепости удалось завершить[212].

Одновременно следовало снабдить крепость и переселенцев припасами и оружием. 22 марта 1639 г. с подьячим Мих. Ключаревым в Чугуев было послано 200 пищалей «немецкого дела». Их следовало раздать тем, у кого «инова какова бою нет»[213]. П.И. Щетинин настойчиво добивался присылки из Белгорода «наряда», пушечных запасов и «зелья»[214]. Определенного успеха удалось добиться. В мае 1639 г. П.И. Щетинин сообщал, что тысяче находящихся под его командованием «черкас» он выдал «по четверти человеку пороху, по чети свинца»[215].

Положение переселенцев, несмотря на оказанную помощь, было нелегким, тем более что численность их увеличилась. С упомянутым выше подьячим М. Ключаревым было отправлено жалованье еще 396 чел. «за выход»[216]. В царских грамотах пересказывались сообщения воеводы, что многие «черкасы» «бедны и голодны, и от голоду едят траву и кобылятину», и от этого «многие почели пухнуть и мереть» и хотят разойтись по разным городам, чтобы там «кормиться» работой[217].

Менее драматично описывается положение в казацкой челобитной. Казаки благодарили за то, что получили «жалованье все сполна». На него они «покупили по немногу хлеба и лошадей», но теперь «на весну нечем прокормитца»[218].

В таких условиях важное значение приобретал вопрос, как добыть хлеба для посева и получения урожая. 18 марта 1639 г. в Белгород было отправлено предписание: послать в Чугуев хлеб для посева — гетману — 15 четв., есаулу — 7 четв., сотникам — по 4 четв., пятидесятникам — по 3 ⅛ четв., десятникам и рядовым — по 2 четв. овса[219]. Таким образом, власти были готовы удовлетворить пожелания переселенцев.

---

212 Там же. Л. 2, 32, 48–49, 149.
213 Там же. Л. 313–315.
214 Там же. Л. 2, 7–8, 139, 140 и др.
215 Там же. Л. 277, 288 и сл.
216 Там же. Л. 316.
217 Там же. Л. 40, 101–102.
218 Там же. Л. 261.
219 Там же. Л. 230, 404.

Однако с выполнением распоряжения возникли трудности. 14 апреля воевода Белгорода получил приказание отправить в Чугуев 2620 четв. овса на судах по Северскому Донцу, но все суда уже были по приказу царя направлены на Дон и в Азов. Тогда воевода решил отправить овес на подводах, но против этого выступили жители Белгорода всем городом — «везти не на чем и некому»[220]. П.И. Щетинин 28 апреля и 3 мая обращался в Белгород с просьбой о присылке семян, 5 мая из-за этого к нему приходили казаки «всем войском», и 6 мая он снова писал в Белгород[221]. Посланцы из Белгорода приехали лишь 17 мая. Овса было прислано 430 четв., и казаки его не приняли, так как уже «минулася семенная пора», и «негде ево деть»[222]. Казаки снова обратились в Москву с челобитной. В ней говорилось, что люди вошли в долги, «проели» лошадей и пищали и хотели разойтись по другим городам[223]. И помощь снова была оказана. Белгородский воевода получил резкий выговор из Москвы за то, что он «белгородцам учинил поноровку»[224], а 11 июня 1639 г. ему был отправлен приказ отправить в Чугуев 1560 четв. ржи «с кем пригоже водным путем или сухим» «тотчас» «до ржаного севу»[225]. Меры эти, по-видимому, дали результаты. В сентябре 1640 г. П.И. Щетинин, оценивая положение дел, писал, что «хлеб сеели в 148 (т. е. 1639/40 г.) яровой хлеб перед прежним добре много, а рожь, государь, на Чугуеве во 148 году и еровой всякой хлеб родился добр». Он же отметил, что в 148 (т. е. 1639/40 г.) из Комарицкой волости привезли 1560 четв. ржи, 2600 четв. овса и часть этого хлеба была раздана тем, «которым не достало белгоротцкой присылки»[226]. Благоприятное значение имело, по-видимому, и то, что к концу лета, вероятно, уже далеко подвинулось межевание земель, которое проводил Максим

---

220 Там же. Л. 407–409 (отписка воеводы); л. 402–403 (челобитная жителей Белгорода).
221 Там же. Л. 346 (челобитная казаков); л. 350 (отписка воеводы).
222 Там же. Л. 12 (челобитная «черкас»).
223 Там же. Л. 346.
224 Там же. Л. 464 и сл.; л. 479–480.
225 Там же. Л. 465–468. См. также л. 110 (повторение распоряжения).
226 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 223–224.

Лодыженский. Посланцы белгородского воеводы, возившие в Чугуев овес, отмечали, что во многих местах «пашня под ярь была не пахана, потому, что не розведена», а «роздана земля при них, как они были на Чюгуеве»[227].

При межевании переселенцев стремились поставить в благоприятные условия. 13 июня 1639 г. М. Лодыженскому предписывалось, чтобы «белгородцев и иных никаких военных людей в Чюгуевском уезде землями и всякими угодьи ... не строили»[228]. В декабре 1639 г. М. Лодыженский подал в Разрядный приказ «строельные книги». По установленным нормам переселенцам были выделены земли «на диком поле» в Донецкой волости Белгородского уезда и 293 десятины земли в лесах «на пчельни и на животинный пригон»[229].

Из изложенного выше видно, что и центральная власть в Москве, и местная власть в лице воеводы в Чугуеве прилагали усилия к тому, чтобы переселенцы получили возможность обзавестись своим хозяйством. Возникшие при этом затруднения не были результатом чьей-то злой воли и были преодолены благодаря вмешательству центра. Очевидно, что лишь по распоряжению из Москвы могли прислать в Чугуев рожь и овес из Комарицкой волости.

Вероятно, с завершением работ по строительству крепости открылась возможность привлечь «черкас» к несению сторожевой службы. Так, известно, что 15 июня воевода посылал отряд казаков на Муравскую сакму[230]. Из составленной в Разрядном приказе справки видно, что в поход отправилось войско во главе с самим Острянином, которое разбило татар на Муравской сакме на Орельских вершинах, и сотник Гаврила Россоха привез в Москву пленных «языков». Он был в августе 1639 г. «у руки» самого царя. Посланцы получили деньги и ткани, гетману было послано 10 аршин камки и 4 аршина «лундыша», а войску — «государево жалованье, золотые»[231].

---

227 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 106–107.
228 Там же. Л. 47.
229 Воссоединение... Т. I. № 178. С. 296–297.
230 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 62.
231 Там же. Приказной стол. Стб. 129. Л. 156–157.

Изучение достаточно обширных материалов переписки между Москвой и Чугуевым позволяет сделать одно важное наблюдение — документы не содержат упоминаний о каких-либо конфликтах между «черкасами» и воеводой. Воевода прилагал усилия для материального обеспечения «черкас», действуя в этом плане в полном согласии с ними. Сохранился от этого времени целый ряд «черкасских» челобитных, они не содержат никаких жалоб на воеводу. «Черкасы» в это время явно стремились оставаться в России. Об этом ясно говорит эпизод, произошедший в мае 1639 г. Как сообщал воевода в Москву, 15 мая 2 «черкаса» бежали из Чугуева в Полтаву. За ними он послал в погоню «черкас», и один был убит, а другой пойман. И 16 мая к воеводе пришли «черкасы» «всем войском», предлагая карать таких изменников смертной казнью[232].

Строительство крепости, как уже отмечалось выше, было в интересах казаков, которые могли найти в ней убежище от татарских набегов. Кроме того, как видно из приведенных выше фактов, черкасы для устройства на новом месте нуждались в серьезной материальной поддержке, а ее можно было добиться именно сотрудничая с воеводой. Наконец, в 1638–1639 гг. в Чугуев приходили известия о планах военачальников из Речи Посполитой «Чугуев разорить и гетмана и казаков побить»[233]. Это также заставляло держаться России.

С течением времени состав переселенцев несколько изменился. В начале 1640 г. пришло из Азова в Чугуев 40 казаков во главе с атаманом Мих. Карповым. Им следовало выдать деньги «на новые селидьбы»: атаману — 7 руб., остальным по 5 руб., а также выдать жалованье на «нынешний год» атаману 10 руб., остальным по 9 руб., что было гораздо выше обычного оклада[234]. В том же 1640 г. «в разные месяцы»

---

[232] РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 138–139; *Папков А.И.* Гетман... С. 107.

[233] *Папков А.И.* Гетман... С. 106.

[234] *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 1857. Отд. IV. Стб. 27. См. также: Воссоединение... Т. I. № 189. С. 312.

в Чугуев пришло еще 40 «черкас» «разных городов» из Речи Посполитой[235].

Вместе с тем на положение дел влияли события, связанные с «азовским сидением». Воеводам предписывалось отпускать на Дон казаков, которые захотят участвовать в защите Азова, и ряд переселенцев воспользовались таким разрешением. Как сообщал в Москву П.И. Щетинин, в 1639 г. и в июне 1640 г. на Дон ушло 135 чел., среди них сотник Степан Степанов, пятидесятник Петр Сулея и вернувшийся на Дон Михаил Карпов[236]. Учитывая общие размеры казацкого войска в Чугуеве, можно сделать вывод, что события «азовского сиденья» сравнительно слабо затронули крупную колонию переселенцев.

О состоянии казацкого войска летом 1640 г. позволяет судить смотренный список, датируемый 15 июня[237].

Верхушку войска образовывали конники «в саадацех» — гетман, есаул, дьячок, один из сотников и 9 рядовых казаков.

Следующую, очень многочисленную группу составляли конные с пищалями — 9 сотников, почти все пятидесятники, половина десятников и 438 рядовых казаков.

Низшую группу составляли пешие с пищалями — 1 пятидесятник, половина десятников и 299 рядовых казаков.

Таким образом, лишь часть казацкого войска (хотя и наиболее многочисленная) могла нести сторожевую службу на татарских шляхах. На другую ложилась, очевидно, главная тяжесть сторожевой службы в крепости. Летом 1640 г. «черкасам» была снова оказана материальная поддержка. В итоговой справке отмечено, что в двух «посылках» разных видов жалованья было отправлено 8.278 руб.[238] Вместе с тем весной — летом 1640 г. в отношениях между воеводой и «черкасами» стали возникать конфликтные ситуации. Сам воевода полагал, что «черкасы» «начинают быть непослушни»,

---

[235] *Филарет (Гумилевский)*. Историко-статистическое описание... Отд. IV. Стб. 28.

[236] Там же. Стб. 28–30.

[237] РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 108. Л. 94 и сл.

[238] Там же. Л. 96.

потому что устроились, обзавелись хлебом и не нуждаются, как ранее, в большой материальной поддержке[239].

Эти общие оценки можно подкрепить свидетельствами об имуществе отдельных «черкас». Так, у сотника Г. Рассохи было в хозяйстве 8 волов, 4 коровы, 5 телят, 8 ульев, 16 свиней[240]. У нескольких рядовых казаков было «коров и волов малых и больших и телят больших и малых пятьдесят шесть»[241].

Таким образом, рост материального благосостояния «черкас» на русской службе есть основание признать очевидным. Из этого факта, однако, обе стороны, администрация и «черкасы», сделали разные выводы.

По мнению воеводы, в сложившейся ситуации можно было потребовать от «черкас» выполнения их служебных обязанностей в полном объеме. С завершением строительства крепости стал актуальным вопрос о несении в ней сторожевой службы, особенно ночью. Как сообщал сам П.И. Щетинин в Москву, он добился того, что «черкасы ночуют по сту человек по башням и по воротам». Сам воевода ночью «беспрестани» проверял посты и нашел серьезные непорядки: на сторожах «спят, пищали не набиты», за это воевода наказывал виновных. Как он указывал в своей отписке, он требовал от сотников, чтобы они наблюдали ночью за своими подчиненными, но получил ответ: «Мы, де, в Литве по сторожам не хаживали», а затем казаки стали требовать «с большим шумом» «сторож убавить» и самому воеводе «по сторожам ... не ходить и дозорщиков не посылать»[242].

Ряд сложностей возник и при несении «станичной» службы. Так, весной 1640 г., когда речь зашла о посылке отряда для действий против «воровских черкас», те «черкасы», на которых выпал жребий, отказались участвовать в походе,

---

239 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 232.

240 *Багалей Д.И.* Очерки... С. 186.

241 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 475.

242 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 231–232. См. также: *Голубцова Е.И.* Коллекция актов Шибанова // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1954. Вып. 16. С. 9–10.

а выступил гетман Остряница и с ним несколько сотников, не поставив в известность воеводу[243]. Ситуация повторилась 10 сентября, когда в ответ на приказ о походе против татар лишь 18 казаков отправились на разведку[244]. Сами представления «черкас» и воеводы об условиях службы расходились между собой. Так, в одной из отписок воевода упоминал о столкновении, произошедшем во время смотра в июне 1640 г. Тогда сотники Гаврила Россоха и Анофрий Попов потребовали, чтобы воевода не распределял казаков по «станицам», высылавшимся для несения сторожевой службы. Сотники расценили такие действия как недопустимое вмешательство в казацкие порядки, «неволю», «а мы, де, неволею служити не охочи»[245].

Сталкивались взгляды казаков и воеводы и по вопросу о судьбе добычи, взятой во время похода. Когда Я. Острянин и Г. Россоха отбили в апреле 1640 г. у «воровских черкас» имущество белгородских детей боярских, они отказались вернуть его законным владельцам («те лошеди доставали головами своими») и угрожали, если лошадей у них отберут — «мы, де, за воры впредь ходить не станем»[246].

Существовали, как увидим далее, и другие причины для недовольства «черкас», которые обнаружились, когда чугуевские «черкасы» (как ранее атаман Лаврин Борзяк) попытались избавиться от воеводы. Конфликт между чугуевским воеводой и «черкасами» ясно обозначился, когда 7 сентября 1640 г. посланцы чугуевских казаков подали в Разрядный приказ челобитные с жалобами на кн. П.И. Щетинина[247]. Наряду с целым рядом жалоб челобитные содержали и предложения, как организовать в будущем отношения между воеводской властью и казацким миром.

---

[243] *Папков А.И.* Гетман... С. 109.

[244] РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 229–230.

[245] Там же. Л. 233; *Панков А.И.* Гетман... С. 110.

[246] *Папков А.И.* Гетман... С. 107.

[247] РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 137. Л. 1. Изложение челобитных см.: *Папков А.И.* Гетман... С. 110. К сожалению, в этом тексте получили отражение не все предложения «черкас».

Жалобы касались прежде всего тяжести наложенных на «черкас» сторожевых служб. Они должны нести такую службу «всякую ночь», а сам воевода «ходит ночью и около тишком», приходит на сторожи и сторожей «бьет и нещадно мучит». Речь шла и о том, что купцы не приезжают и не привозят ничего в Чугуев, так как воевода «с тех купцов великие пошлины емлет». Сообщали и о том, что в 1640 г. воевода не давал им жалованья, и в связи с этим они просили прислать «дозорщика». В челобитной подчеркивалось, что из-за действий воеводы некоторые казаки «животину, и хлеб, и пчелы, и всякой завод покинув, нет вести, где бегают». Воевода называет казаков «изменниками и ворами», но те, кто ушел, «от нужды бегают». Среди жалоб важное место занимало заявление, что воевода «на степ для звериное и рыбные ловли болши недели не отпущает», а за неделю казаки успевают только дойти до места промыслов. Между выдвигавшимися жалобами можно отметить определенную связь. Именно постоянные караульные службы и не давали казакам активно заниматься промысловым хозяйством, к чему они стремились.

Челобитная содержала еще одно важное предложение: пусть царь разрешит «по нашему обычаю самим судитца ... а что государь будет большое дело воровское, и такое бы дело твои государев воевода рассудил»[248]. Таким образом, казаки хотели сохранить под русской властью и традиционный образ жизни, связанный с промыслами, и традиционное управление, когда казачий мир самостоятельно решал бы касавшиеся его вопросы, а воевода мог бы вмешиваться лишь при совершении серьезных уголовных преступлений.

Иных вопросов касалась вторая челобитная. В ней говорилось, что казаки только начинают заводить под Чугуевым свое хозяйство — «еще в хлеб добре не впахашеся», «большая половина людей бедных, что и не починали еще ... хлеба заводить, да и нечим ... тем пахать», так как «животину и лошеди на хлебе проели» — продавали их, чтобы купить хлеб.

---

[248] Текст челобитной см.: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 137. Л. 7–9.

Челобитная заканчивалась просьбой о выдаче жалованья, чтобы «голодною смертью ... не помереть»[249].

Сохранившаяся отписка воеводы П.И. Щетинина[250] показывает, в какой обстановке проходило составление челобитных. Сотники Гаврила Россоха и Анофрий Попов с товарищами стали требовать от воеводы, чтобы «сторожи убавить и самому по сторожам не ходить и дозорщиков не посылать». Когда воевода не захотел так поступить, они начали «чинить рады за городом у литовского попа Игнатья», где и было принято решение отправить гонца с челобитными в Москву. Сотники Г. Россоха и А. Попов заявили воеводе «з большим невежеством», что они отправили гонца в Москву без его разрешения («нам, де, твоя отписка не надобна»).

Понятно, что исход конфликта в немалой мере зависел от того, как власти в Москве отнесутся к жалобам и предложениям казаков.

Следует отметить, что жалобу на воеводу подали и русские служилые люди в Чугуеве — «стрельцы, и казаки, и пушкари»[251]. Они также обвиняли воеводу, что из-за него в Чугуев не привозят на продажу хлеба, а тяжесть наложенных на них «служб» не дает возможности завести хозяйство — они так загружены, что «хлеба не пахали и не селились, что отойти немочно, а покосу на себя не косили ни единое копны».

На конфликт между воеводой и казаками наложился конфликт между казаками и их гетманом Острянином. Если ранее все обращения в Москву исходили от гетмана и войска, то теперь, как сообщал гетман в своей челобитной, обращение было составлено от его имени «за очи» и он не имел к нему никакого отношения[252]. В этом конфликте Острянин стал на сторону воеводы, от него воевода и узнал о посылке челобитных в Москву[253]. Ответом стали обвинения гетмана в «измене»[254].

---

[249] Текст челобитной см.: Там же Л. 13–14.
[250] Там же. Л. 19–21.
[251] Там же. Л. 37–38.
[252] Там же. Л. 29–30.
[253] Там же. Л. 20, 28.
[254] Там же. Л. 20–21, 31.

Когда на собранном воеводой собрании «черкас», гетман заявил, что он обратится к царю, тогда «черкасы всем миром закричали на гетмана большим шумом, о чем, де, тебе государю бить челом, ты нас завел на Чюгуев, а гетманом, де, тебя в Литве не выбирали, пожаловал тебя гетманом государь»[255].

Созданию напряженной ситуации содействовало распространение слухов, что «государь, де, вас, черкас, хочет отпустить в Литву»[256]. Воевода сообщал в Москву, что челобитчикам даны инструкции — «что, де, над вами на Москве станет чинитца, вы, де, к нам на Чюгуев тотчас дайте весть»[257].

В осложнениях в одном из важных пунктов русской южной пограничной линии в Москве совсем не были заинтересованы. Поэтому уже 15 октября 1640 г. в Чугуев была отправлена грамота, что туда посылается новый воевода — Г.И. Кокорев[258]. Воеводский наказ Г.И. Кокореву во многом повторял наказ П.И. Щетинину, но в него был внесен ряд изменений.

В наказе явно отражается стремление пойти навстречу пожеланиям «черкас». Воеводе предписывалось в случае совершения «черкасами» каких-то проступков «тем черкасом делать наказанье перед рускими людьми с пощадою, чтоб тех черкас от жестоково наказанья в сумнение не привести»[259]. Предписывалось также «черкас в городе и в остроге по воротам и по башням для всякого береженья держать не по велику»[260]. Однако положительного ответа на главные пожелания «черкас» дано не было. Воевода должен был на промыслы «отпускать с сроком, смотря по тамошнему делу»[261]. В другом месте указывалось, что если кто-нибудь из «черкас» захочет «идти на Дон и в Азов ... не на малое время», то следует отпускать только тех, «которые не в службе»[262]. Таким образом, разного рода поездки не должны были наносить ущерба службе.

---

255 Там же. Л. 25–26.
256 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 137. Л. 23.
257 Там же. Л. 27. Об этом эпизоде см. также: *Папков А.И.* Гетман... С. 111.
258 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 197.
259 Там же. Л. 142.
260 Там же. Л. 173.
261 Там же. Л. 174.
262 Там же. Л. 163.

Не было и речи о каком-либо ограничении судебной власти воеводы. Напротив, в наказе подчеркивалась обязанность воеводы карать виновных в различных поступках, которых следует «при многих людех бити кнутом и батоги и сажать в тюрму»[263]. Всё это не способствовало затуханию конфликта.

Ознакомившись с положением дел в Чугуеве, Г.И. Кокорев в начале января направил в Москву свои предложения. В соответствии с предписаниями наказа воевода уменьшил служебные обязанности «черкас» в Чугуеве. Как он докладывал, они «стерегут в болшем остроге ночную стражу, на ночь по пятидесяти человек, а в день их черкаской сторожи нет»[264]. Однако одновременно с этим воевода пришел к выводу, что в связи с нападениями «черкас» из-за «литовского рубежа» необходимо поставить в районе Чугуева целый ряд «застав», которые бы этим нападениям препятствовали. Так, одна из застав должна была располагаться «на Валках на Муравском шляху». Здесь следовало построить «острожек» и разместить в нем 100 человек — 50 конных и 50 пеших[265]. 30 января 1641 г. предложения Г.И. Кокорева получили одобрение в Москве[266]. Таким образом, если обязанности «черкас» нести сторожевую службу в Чугуеве были уменьшены, то должны были возрасти их обязанности по несению «станичной» службы. В итоге все равно не оставалось времени для длительных поездок на «промыслы».

Дело не ограничилось сменой воеводы в Чугуеве. Было принято решение отправить в город «сыщика» для расследования поданных жалоб. Первоначально это должен был быть Степан Телепнев[267], но 6 декабря 1640 г. в Чугуев был отправлен Иван И. Чемоданов[268]. Вместе с ним было отправлено жалованье — 5760 руб.[269] В наказе «сыщику» предпи-

---

263 Там же. Л. 166–167.
264 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 468.
265 См. отписки Г.И. Кокорева (Там же. Л. 469, 471–472).
266 Там же. Л. 473–474.
267 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 137. Л. 69.
268 Там же. Л. 71.
269 Там же. Л. 134–135.

сывалось благодарить «черкас» за службу, обещать им «жалованье», заверить, что на них от царя «гнева никакова нет» и отвергать утверждения, «будто им с Чюгуева будет развод по городам и в Литву отдача»[270].

Вместе с тем, как следует из наказа, главное внимание сыщик должен был уделить расследованию обвинений воеводы в «насильствах» и присвоении «жалованья». Наказ И.И. Чемоданову не содержал никаких указаний, как следует нести сторожевую службу и на какое время можно отпускать казаков на «промыслы». Характерно, что при пересказе первой казацкой челобитной опущен текст, содержащий просьбу казаков разрешить им «самим судитца».

Таким образом, в Москве предприняли ряд усилий, чтобы успокоить недовольных «черкас», но не проявили никакого желания пересматривать условия службы или предоставить казацкому сходу судебную власть. Тем самым, каков бы ни был результат следствия[271], он не мог бы удовлетворить «черкас» в Чугуеве. Причины для недовольства, таким образом, сохранились. Было ли, однако, это недовольство настолько сильным, чтобы побудить «черкас» поднять восстание, можно сомневаться. Как представляется, решение о восстании было принято, когда стали действовать дополнительные факторы.

Одновременно обострялся конфликт между «черкасами» и гетманом Острянином. В Москву была направлена новая челобитная от «черкас» во главе с сотниками Онофреем Омельяновым, Куней Семеновым, Вас. Богуном, Ив. Службистым, Фед. Бершатцким, Гавр. Гавронским, Богд. Матюшенко, Демьяном Бутом. В челобитной указывалось, что к их жалобам в Москву гетман не имеет никакого отношения, так как он с воеводой «в совете в одном дому». «Черкасы» жаловались, что гетман похваляется их «стинать и вешать», от этого казаки бегут «неведомо куды». В челобитной ее составители опровергали обвинения в том, что они пытались сместить Острянина с его поста: они гетману «тово гетманства не давали и не отнимали у него»[272].

---

[270] Там же. Л. 86–89, 96.
[271] О следствии см.: *Папков А.И.* Гетман... С. 112.
[272] РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 137. Л. 48–49.

В этой напряженной ситуации гетман Яцко Острянин направился в Москву. В столбце Белгородского стола сохранился об этом визите ряд отдельных записей, но они не оставляют сомнений, что гетману был оказан в столице благоприятный прием. На «отпуске» из Москвы 25 января он был «у государя у руки», и ему был послан корм «в стола место». 27 января он подал просьбу выдать ему овса «на семена», и она была удовлетворена[273]. Одновременно с гетманом в январе 1641 г. в Москву приехал посланец «черкас» Ануфрей Попов с «челобитными», содержавшими жалобы на гетмана[274]. Ануфрей Попов был, как отмечалось выше, и одним из организаторов выступления против воеводы. Из переписки воеводы Г.И. Кокорева с Москвой видно, что в начале февраля 1641 г. в Чугуеве стало известно, что поданным челобитным царь «не поверил» и велел отдать Ануфрия Попова «за пристава»[275]. Находившиеся в Москве «черкасы» Онопреи Омельянов и Гапон Григорьев предложили послать в Москву новых челобитчиков, что и было сделано. В первой из челобитных говорилось, что «черкасы» хотят «очишчатца» перед царем от обвинений в измене со стороны гетмана[276]. В другой челобитной содержался перечень насилий со стороны гетмана, который срывал «поневу» с «черкасских» жен и дочерей, захватил пчельники, сено и другое имущество у казаков[277].

Обращение к другим материалам показывает, что результатом поездки Острянина в Москву был не только арест Ануфрия Попова. Сохранился текст «доклада», из которого следует, что в Москве гетман заявлял, что «черкасы учинили непослушанье и ему, Яцку, от гетманства отказывают без государева указа воровским заводом чюгуевских сотников Онохи Попова с товарищи». В результате Попов был

---

273 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 382–383, 423–426, 430–430об.; *Филарет (Гумилевский)*. Историко-статистическое описание... Отд. IV. Стб. 34.

274 Там же. Л. 5.

275 Там же. Л. 17–18.

276 Там же. Л. 1–1об.

277 Воссоединение... Т. I. № 195. С. 318–320.

не только отдан «за пристава», но и был «в ызмене и во всяком воровстве пытан»[278]. Привлекает внимание реакция московских властей на события в Чугуеве, обозначившаяся после приезда Острянина в Москву. Обращения казаков с жалобами на своих атаманов и просьбы об их смещении были, как это показано в предшествующем изложении, делом довольно обычным, и такие просьбы власти неоднократно удовлетворяли. Между тем чугуевские «черкасы», жалуясь на Острянина, даже не требовали его смещения. Конечно, на лестнице социальной иерархии Острянин стоял более высоко, чем обычные атаманы, но это не объясняет столь резкого различия в реакции властей.

Упоминания в тексте «доклада» о «воровском заводе» и «измене» показывают, что Острянину удалось убедить советников царя, что в Чугуеве имело место опасное выступление против власти, за которым, вероятно, скрываются враждебные Русскому государству планы. Об этом говорят и последующие шаги, предпринятые московскими властями. Здесь было принято решение «по извету» Острянина арестовать сотников, организовавших челобитную с обвинениями против гетмана[279]. В Чугуев к воеводе была отправлена царская грамота с предложением отправить в Москву сотников Вас. Боговцева, Демьяна Бута, Гавр. Гавронского, Богд. Матюшенко[280]. Сотникам следовало говорить, что их вызывают для рассмотрения поданной «за их руками челобитной» — «для очной ставки и подлинного сыску». Вместе с тем к сотникам при поездке в Москву следовало приставить конвой, который должен был следить, «чтоб те черкасы у них в дороге и на станах не ушли». После отъезда сотников следовало отправить в Москву их жен и детей «со всеми животы», а оставшееся имущество — скот, хлеб, пчельники — «переписать». Эти детали показывают, что ни о каком расследовании в действительности речь не шла. Имелось в виду наказание этих лиц «по извету» гетмана. Документ заканчивался

---

278 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 137. Л. 221.
279 Там же. Л. 222.
280 Там же. Л. 448–449.

словами: «А сю нашу грамоту держал бы еси у себя тайно, чтоб у тебя про нашу грамоту нихто не ведал»[281]. В Москве, вероятно, понимали, какое впечатление может произвести на «черкас» арест главных организаторов их челобитной. Понимал это, очевидно, и воевода Г.И. Кокорев. Как отмечено в упомянутом выше «докладе», этого распоряжения воевода не выполнил[282]. Однако воевода не мог помешать гетману, который, вернувшись в Чугуев, стремился расправиться со свои врагами. Он назвал «ворами» пятидесятника Петра Судью, «Кондрашко Бошка да Ромашку». Обвиняемые были отправлены в Москву вместе с новыми челобитными «черкас». Все это произвело на казаков такое впечатление, что Г.И. Кокорев с тревогой писал в Москву, что «без твоих государевых ратных людей без прибавки на Чюгуеве быть не уметь»[283]. К началу марта закончилось и следствие по обвинениям, выдвинутым против кн. П.И. Щетинина. Грамотой от 9 марта И.И. Чемоданову предписывалось созвать «черкас» и объявить им, что «в тех во всех статьях княж Петровы вины Щетинина нет, и они б, черкасы и всякие служилые люди, впредь на воевод ложных челобитчиков к нам не посылали, а у воевод и всяких наших людей были в послушании»[284].

Таким образом, все жалобы «черкас» на гетмана и воеводу были решительно отклонены. Это, конечно, не могло не вызвать недовольство казаков. У сложившейся ситуации был один аспект, который должен был вызывать особое беспокойство украинских жителей Чугуева. Если жалобы «черкас» на гетмана были неосновательны, то это могло означать, что справедливыми признаны обвинения гетманом своих врагов в «воровском заводе» и «измене», а что означал в Московском государстве «сыск» лиц, обвиненных в «измене», казаки к этому времени уже хорошо знали. В этих условиях сравнительно небольшой толчок мог привести к кризису. К сожалению, мартом 1641 г. переписка между Москвой

---

281 Там же. Л. 477.
282 Там же. Л. 222.
283 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 17–18.
284 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 137. Л. 238–239.

и Чугуевым по интересующим нас вопросам обрывается, и это не дает возможности дать точный ответ на этот вопрос. При современном уровне наших знаний представляется, что толчком могло послужить повторное требование о высылке в Москву «черкасских» сотников[285].

Обострению конфликта способствовали умелые действия властей Речи Посполитой. Если в 1638–1639 гг. здесь носились с планами нападения на Чугуев, то в 1640 г. они стали призывать беглецов вернуться в Речь Посполитую. С одной стороны, стали распускать слухи о «разводе» «черкас» из Чугуева, с другой стороны, не скупились на обещания лучшей жизни на родине в будущем. О приемах агитации дает представление письмо пограничного «урядника» Станислава Гульчевского сотнику Гавриле Россохе от 10 июня 1640 г.[286] Станислав Гульчевский, «державца» в Миргороде, был достаточно заметной фигурой на русско-украинском пограничье, но обращался он к Гавриле Россохе от имени лица гораздо более значительного — «пана краковского», т. е. великого гетмана коронного Станислава Конецпольского, который по должности был главным патроном казачества в Речи Посполитой. От его имени Гульчевский обещал, что любой участник восстания, «хотя и сам Остренин», может беспрепятственно вернуться в Речь Посполитую и поселиться в слободе, где он получит «льготу» от всех налогов на 30 лет. В доказательство справедливости своих слов он готов был прислать Россохе письмо самого «краковского пана». Как отмечалось выше, Россоха вместе с Анофрием Поповым был одним из главных инициаторов выступления против воеводы в конце августа 1640 г. Если Анофрий Попов счел нужным поехать в Москву добиваться осуждения воеводы, то Г. Россоха

---

[285] В столбце Белгородского стола сохранились тексты нескольких грамот с таким требованием (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 478–479, 486 и сл., 498 и сл.). Это показывает, что в Москве проявляли в этом отношении настойчивость; об этом говорит и текст упомянутого выше «доклада».

[286] РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 253–254. См. также: *Папков А.И.* Гетман... С. 113–114.

в конце сентября 1640 г., бросив имущество, бежал в Речь Посполитую[287]. Воевода писал в Москву, что он опасается нападения, и просил помощи, так как у черкас в остроге «сторожа начала быть оплошно гораздо»[288]. Опасения не замедлили подтвердиться.

Как выяснилось позднее, Г. Россоха рассказал в Полтаве о положении, сложившемся в Чугуеве, и начались сношения с казаками, пришедший от них посланец «сказывал словесно, что хотят многие черкасы в Литву»[289]. К Чугуеву был отправлен небольшой отряд «литовских людей» дать знать «черкасам», чтобы они уходили в Литву[290]. Массового ухода «черкас» «в Литву» не произошло, но, как отметил воевода, когда с приходом «литовских людей» стали бить в «вестовой колокол», «черкасы ... многие в город не пошли, хоронятца в своих дворех»[291].

Агитация продолжалась. Приезжие купцы заверяли, что «у них в Литве жить добро и вольно», «а черкасом всем будет ... с Чюгуева розвод»[292]. Когда воевода разговаривал с «черкасами» о бегстве Г. Россохи, то они объясняли его поступок распространением «молвы», что «будет развод по городам», но, прибавляли «черкасы»: «мы ... тому не верим»[293]. Однако к весне 1641 г., когда «челобитья» «черкас» были отклонены, гетман, против которого «черкасы» выступали, был подтвержден в должности, а их предводителей — сотников — требовали в Москву, отношение к такой «молве» стало меняться.

26 апреля 1641 г. в Чугуеве вспыхнуло восстание. Яков Острянин был убит, восставшие захватили денежную казну

---

287 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 208 и сл. См. также: *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание... Отд. IV. Стб. 33–34.

288 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 133. Л. 210.

289 Там же. Л. 280, 282.

290 См. показания захваченного лазутчика. Там же. Л. 272, 279.

291 Там же. Л. 271.

292 Там же. Л. 262.

293 Там же. Л. 210; *Филарет (Гумилевский).* Историко-статистическое описание... Отд. IV. Стб. 34.

и освободили заключенных из тюрем. Произошел бой между «черкасами» и русскими служилыми людьми в Чугуеве с многими десятками убитых на обеих сторонах[294]. «Черкасы», пришедшие в Речь Посполитую, получили там земли в пограничных уездах с длительным освобождением от податей, как им и обещал Гульчевский[295].

Сопоставляя историю казаков «станицы» Лаврентия Борзяка и чугуевских «черкас», можно выявить явные черты сходства и не менее очевидные различия. Сходство состояло в том, что в обоих случаях проявилось стремление обеспечить себе сохранение определенных черт традиционного образа жизни в Речи Посполитой и известное самоуправление казацкого «круга». Однако в отличие от казаков станицы Борзяка, чугуевские «черкасы» в большинстве своем пахали землю и обзавелись своим хозяйством с пахотными наделами, сенокосными угодьями и пчельниками. Они готовы были нести регулярную службу по приказам воеводы, добиваясь только изменения ее условий в свою пользу. Решение о восстании и уходе в Речь Посполитую чугуевские «черкасы» приняли, как представляется, не потому, что их в корне не устраивали условия их жизни, а потому, что перед ними возникла перспектива суровых санкций по обвинению в «измене». Московские власти в известной мере сами вызвали восстание, поверив «извету» Острянина.

Выступление «черкас» в Чугуеве было самой крупной, но не единственной попыткой ухода в Речь Посполитую. Как установил А.И. Папков, в том же 1641 г. аналогичные выступления «черкас» имели место под Курском и в селе Костенках под Воронежем[296]. К сожалению, в отличие от Чугуева предистория этих выступлений остается неизвестной. Учитывая, что условия жизни во всех этих поселениях были сходными, представляется правильным искать в источниках следы воздействия тех факторов, которые повлияли на решение «черкас» в Чугуеве.

---

[294] См. об этом подробнее: *Папков А.И.* Гетман... С. 115.
[295] *Папков А.И.* Порубежье... С. 242.
[296] Там же. С. 244–252.

В августе 1641 г. попытку отъехать в Речь Посполитую предприняли жители «черкасской» слободы в Курске. Как установил А.И. Папков, к отъезду их побудили рассказы вернувшегося из Москвы сотника Ивана Холоденко, который уверял, что из Москвы послан указ побить всех курских «черкас» на Успеньев день (15 августа)[297]. Вероятно, сама поездка сотника в Москву была вызвана какими-то конфликтами «черкас» с местными властями, предшествовавшими поездке. Только в этих условиях рассказ сотника мог вызвать доверие и побудить курских «черкас» к спешному решению об отъезде, решению достаточно рискованному, так как в отличие от Чугуева Курск находился достаточно далеко от границы. «Черкасы» бросились бежать, не дожидаясь получения очередного жалованья[298] и бросив на месте значительную часть скота. В «Росписи», составленной курским воеводой, числилось 118 быков, коров и двухлетних телят, 33 годовалых теленка, 249 овец и ягнят, 70 коз[299]. Это говорило, как и в Чугуеве, о их неплохом материальном достатке. 13 августа 1641 г. «черкасы» попытались бежать, но по дороге были окружены отрядами русских служилых людей из разных городов. После боев, продолжавшихся несколько дней, лагерь «черкас» был взят штурмом. Часть людей сумела бежать, бросив семьи, другие попали в плен[300]. Часть захваченных женщин и детей «поимали» и отправили в свои именья участвовавшие в преследовании «черкас» дети боярские[301]. 17 сентября в Москву был доставлен арестованный есаул Петр Васильев, которого считали организатором отъезда. П. Васильева было приказано «повесить на литовской дороге от города в полуверсте», но затем смертная казнь была заменена ссылкой в Сибирь[302]. Туда же были отправлены

---

297 *Папков А.И.* Порубежье... С. 244.

298 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 92–93.

299 *Папков А.И.* Порубежье... С. 249.

300 Там же. С. 245–246.

301 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 27; *Панков А.И.* Порубежье... С. 247.

302 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 158–159об.; *Папков А.И.* Порубежье... С. 231.

и рядовые участники восстания, часть из них была отослана на службу в «понизовые города»[303].

В августе 1641 г. попытались отъехать в Речь Посполитую и «черкасы» из поселения в селе Костенках. Причины, побудившие их принять такое решение, остаются неизвестными[304], но сыграли какую-роль здесь (вероятно, как и в Чугуеве) действия властей Речи Посполитой. Как сообщал в Москву воевода Омельян Бутурлин, после поражения «изменников» было захвачено «семьдесят два листа литовского и польского письма»[305]. Отправляясь в путь, воронежские «черкасы» взяли с собой часть своего скота: на дороге дети боярские отобрали у «черкас» «коров и молодых подтелков двадцать восмь животин», в самом селе осталось «с подтелками шестьдесят девять коров»[306]. Очевидно, и здесь материальное положение переселенцев было вполне удовлетворительным. Как и курские «черкасы» они были остановлены в пути отрядами служилых людей и сдались после двухдневных боев[307]. Вместе с русскими служилыми людьми в подавлении выступления участвовал отряд «черкас» из Усерда. По их «сказке» 49 человек было отправлено в Воронеж и «в степи бито 37» человек. В плен попало и 95 жен и детей. Участники восстания с семьями были отправлены в Переяславль-Рязанский, а жены и дети убитых «розданы ратным в работу»[308]. Пробыв несколько месяцев в тюрьме в Переяславле-Рязанском, в июне 1642 г. они были отправлены в Сибирь[309].

Можно отметить некоторые общие черты всех трех выступлений — в Чугуеве, Курске и Костенках. Все эти выступления произошли тогда, когда устройство «черкас» на новом

---

303 Там же Л. 150, 171 и сл., 282–283.

304 Еще в начале июня 1641 г. в Москве рассматривали просьбу «черкас» из Костенок о строительстве крепости в их поселении, которое стоит «на татарской сакме» (Воссоединение... Т. I. № 202. С. 327).

305 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 73.

306 Там же. Л. 8–9.

307 *Папков А.И.* Порубежье... С. 250–251.

308 См. челобитную «черкас» из Усерда с просьбой о пожаловании за эту службу (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 117–123).

309 Там же. Л. 258–260.

месте в основном завершилось и они обеспечили себе достаточно удовлетворительные условия жизни. Очевидно, именно в этих условиях, когда первоначальные насущные нужды были удовлетворены и они не нуждались в материальной поддержке так сильно, как ранее, и одновременно встал вопрос о выполнении в полном объеме служебных обязанностей, и возникали конфликтные ситуации, связанные с расхождениями традиций двух разных обществ, когда ряд крупных скоплений «черкас» хотел сохранить эти традиции в новых, не соответствующих их сохранению условиях. При этом возникала угроза суровых санкций со стороны власти, что не могло не влиять на поведение переселенцев. Эти расхождения не без успеха пытались использовать в своих интересах власти Речи Посполитой.

Конечно, уход казацкого войска из Чугуева был серьезной неприятностью для русских правящих кругов. Пропали большие средства, расходовавшиеся на содержание этого войска. Чугуев не удалось превратить в сильный опорный пункт южной пограничной линии, наконец, уход казаков был, конечно, ударом по престижу русской власти.

Вместе с тем заслуживает внимания комментарий, которым М.С. Грушевский завершил в своей «Истории» описание событий в Чугуеве, основанное на работе Д.И. Багалея. «Чугуївський епізод не зіставив по собі, — писал исследователь, — прикрого вражіння в московських правительственних кругах і не повинен був зіставити. Проба кінець кіньцем не вдалася, але вона дала цінній досвід, який научив, що з певними змінами таки “черкаскі” городи в степах вповне можливі»[310].

М.С. Грушевский специально не обосновал свои положения, но, как представляется, целый ряд фактов говорит в пользу их правильности. Есть основания полагать, что и после событий в Чугуеве русское правительство стремилось удержать переселенцев на своей территории. В грамоте, направленной в Воронеж после событий в Чугуеве, предлагалось объявить «черкасам», чтобы они жили «без всякого сумненья и опасенья» и что «за измену чюгуевских черкас

---

[310] *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. II. С. 77–78.

на них ... нашего царского гневу никаковы и опалы никакие нет и впредь не будет». Одновременно воеводе предписывалось: «К черкасам держал бы еси береженье и ластку, чтоб черкас от жесточи в сумненья не ввести»[311]. В данном конкретном случае грамота не смогла привести к нужному результату, но она является свидетельством того, какую линию избрали русские круги в сложившейся достаточно сложной ситуации. Стоит отметить, что не было предпринято и каких-либо попыток переселить «черкас» из пограничных районов вглубь страны.

В документах Разрядного приказа 1642–1643 гг. содержатся челобитные «черкас» и распоряжения о выплате жалованья, касающиеся поселений в Орле, Валуйке, Черни, Корочи, Кромах, Талецком остроге, Осколе, Усерде[312]. Документы 1644 г. содержат сведения о поселениях «черкас» также в Белгороде, Ливнах[313]. Даже в Курске и Костенках продолжали находиться служилые «черкасы», хотя и в значительно меньшем, чем ранее, количестве — в Курске — 120 чел.; в Костенках — 38 чел.[314]

Когда М.С. Грушевский утверждал, что в середине XVII в. московские правящие круги убедились в возможности существования на русской территории «черкасских» городов, он опирался при этом не только на собственную интуицию. Ему были хорошо известны опубликованные еще в середине XIX в. документы, касающиеся колонии «черкас» в Короче в 40-х гг. XVII в. В отличие от других крепостей, где «черкасы» составляли часть служилого населения, в Короче (как ранее в Чугуеве) число русских служилых людей было вдвое меньше числа «черкас»[315]. Как и в других поселениях, «черкасы»

---

311 Грамота от 14 мая 1641 г. (Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частично Азова. Воронеж, 1851. Кн. I. С. 103). Аналогичные грамоты были отправлены в другие города. — *Папков А.И.* Порубежье... С. 243.

312 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 13, 19, 23, 30, 34, 50, 52, 173, 257.

313 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 35, 76.

314 Там же. Л. 107, 124.

315 *Папков А.И.* Порубежье... С. 227, 228.

сохраняли свою традиционную организацию: во главе войска стояли атаманы и есаулы, само войско делилось на сотни во главе с сотниками и есаулами[316]. Численность «черкас» в поселении в первой половине 40-х гг. XVII в. колебалась от 500 до 370 чел.[317] По меркам того времени это был небольшой город заселенный в основном «черкасами».

После событий 1641 г. крупные волнения в поселениях «черкас» прекратились. А.И. Папков, специально собиравший сведения о конфликтных ситуациях, возникавших в отношениях между переселенцами и русскими властями, для 1642–1647 гг. отмечает только побеги в Речь Посполитую отдельных людей или небольших групп казаков, в ряде случаев их ловили сами переселенцы[318].

Что же способствовало стабилизации отношений? Первое возникающее объяснение — «черкасы» получили послабления по службе. Однако имеющиеся факты такого предположения не подтверждают.

Так, известно, что в апреле 1645 г. было принято решение посылать «черкас» в Белгороде «в ряд» с местными детьми боярскими «в посылки за татарами и на вести по городам», чего не было раньше[319], и это решение было проведено в жизнь[320]. О реальности и тяжести служб говорят и документы, связанные с Усердом — местом, где была достаточно большая группа «черкас». Здешние «черкасы» просили помощи, так как «во ржаной сев ходили в поход за татарами»[321]. К тому же времени относится челобитная «черкашенина» из Усерда,

---

316 См. грамоту воеводе Н.П. Воейкову (Царские грамоты воеводам на Корочу — Чтения ОИДР. 1859. Кн. 2. № 69. С. 54–55) и запись о раздаче жалованья от 12 января 1647 г. (РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Кн. 213. Л. 321–347).

317 *Папков А.И.* Порубежье... С. 219, 223, 228.

318 Там же. С. 222, 231, 233, 255.

319 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 197.

320 В более поздней челобитной белгородских «черкас» указывалось, что они несут службы «зимние и летние и в дальние походы, и на вести, и на сторожи и в разъезды ... на Валках и на Муравском шляху всю зиму в сотнях стоим» (Там же. Л. 417).

321 Там же. Л. 274.

где говорится, что воевода Ульян Ляпунов его «бил батоги нещадно» за то, что тот не участвовал в походе[322]. Новым явлением стало привлечение «черкас» к строительству укреплений Белгородской черты. Так, в том же 1644 г. «черкасы» из Усерда на Ольшанском городище «лес возили, и острог ставили и ров копали, и башни ставили»[323].

Похожее положение рисуют и документы, связанные с «черкасами» в Короче. В челобитной, поданной в 1644 г., они подробно перечисляли разные службы, в том числе и связанные со строительством укреплений, которые помешали им собрать урожай[324]. В октябре 1646 г. «черкасы» из Корочи жаловались царю, что они стоят «беспрестанно лето и зиму на караулах», «городовой караул беспрестанно караулим», «всякую городовую поделку делаем», поэтому «и хлебца, государь, упахать и сена укосить за частыми походы и караулы неколи». Поэтому «черкасы» просили освободить их от работ по строительству земляного вала «от Корочи к Яблонову»[325]. Хотя для челобитных такого типа характерны преувеличения, есть основания утверждать, что к середине 40-х гг. служебные обязанности переселенцев стали, вероятно, более тяжелыми, чем раньше. Однако никаких волнений это за собой не повлекло.

Отчасти это могло быть связано с тем, что был найден какой-то баланс между служебными обязанностями и поездками на промыслы или на заработки. Так, в марте 1640 г. орловским «черкасам» было разрешено ходить «для промыслу» («золты жечь») в Арзамасский и Муромский уезды[326]. В грамоте ноября 1643 г. говорилось, что «черкасы» из Корочи подвергаются нападениям «литовских людей», когда «бывают в отпуске для промыслов за зверем и на рыбных ловлях»[327]. Такие поездки явно фигурируют в грамоте как распространенное и обычное дело.

---

322 Там же. Л. 256.
323 Воссоединение... Т. I. № 231. С. 381.
324 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 172–174.
325 Воссоединение... Т. I. № 263. С. 436–439.
326 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 1–3.
327 Царские грамоты воеводам на Корочу. № 8. С. 6.

Но главное, как представляется, было связано с изменениями психологии переселенцев. В челобитных не содержалось, как правило, просьб об освобождении переселенцев от перечисленных ими служб, тяжестью и многочисленностью служб аргументировались просьбы о материальной помощи или досрочной выплате жалованья[328]. По-видимому, переселенцы приспособились к московским порядкам, когда за службу полагалось вознаграждение, и не без успеха использовали их особенности в своих интересах, так как соответствующие просьбы власти, как правило, удовлетворяли.

Для стабилизации отношений между властями и переселенцами имело значение, что власти продолжали оказывать помощь переселенцам: при возникновении разного рода затруднений выдавалось зерно для посева[329] и в случае нового неурожая предписывалось «не править» с «черкас» «заемного хлеба»[330]. В 1647 г. была оказана помощь 44 «черкасам» в Короче, у которых во время пожара сгорели дворы[331]. Власти оказывали также помощь «черкасам» при их ссорах с соседями-землевладельцами, касавшихся лесов и сенокосов[332].

Имели значение, как представляется, и меры, предпринимавшиеся, чтобы не допустить злоупотреблений при раздаче жалованья. Так, воеводе Усерда уже осенью 1641 г. предписывалось раздавать жалованье вместе с атаманом и есаулом[333]. А воеводе из Корочи в 1647 г. объясняли, что если он попытается «вычитать» из выделенного для «черкас» жалованья,

---

328 См. «черкасские» челобитные середины 40-х гг. XVII в. (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 45–46 (челобитная валуйских «черкас»); Л. 172–174 (короченских «черкас»); л. 113 (белгородских «черкас»); л. 274 (усердских «черкас») и др.).

329 Царские грамоты воеводам на Корочу. № 1. С. 1; РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 107–111.

330 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 257 (распоряжение касалось «черкас» Усерда).

331 РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Кн. 213. Л. 239–253.

332 См., например, распоряжения, касавшиеся Курска: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 124, 340.

333 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 261–262.

то царь прикажет у воеводы «за ту твою вину поместья и вотчины взяти и отдати в роздачу безповоротно»[334].

В 40-е гг. XVII в. воеводы, как и ранее, сталкивались подчас с неповиновением казаков, что вызывало их резкую реакцию. В конце 1644 г. воевода Усерда У. Ляпунов жаловался на атамана И. Дмитриева[335], который «учинил круг и черкас всех на то привел, што в поход не итить», заявлял «невежливо» воеводе: «Мы, де, не пожалованы». Тогда воевода атамана «велел бить в съезжей избе батоги за то, што он с черкасы бунтует»[336]. Имел место, таким образом, коллективный отказ казаков нести службу. По московским порядкам это требовало бы проведения сыска и многих наказаний. Однако в резолюции царя на обороте грамоты указывалось: «Послать государеву грамоту, а велеть к черкасам береженье держать»[337].

Весной 1646 г. произошло столкновение воеводы Порфирия Колтовского с атаманом валуйских «черкас» Петром Даниловым. Как сообщал воевода в Москву, 6 апреля при преследовании татар атаман с «черкасами» «не послушал», «за теми татары не погнал». Когда воевода за такое поведение ударил атамана плетью, атаман сказал, что хотел бы воеводу зарезать, а потом бежать, «куды б очи застигли». 11 апреля, по его словам, атаман и бежал из Валуйки в неизвестном направлении[338]. Однако в конце апреля атаман вместе с другими посланцами казаков явился в Разрядный приказ. Посланцы опровергали обвинения воеводы и сообщили, что прибегли к такому способу действий, когда воевода не разрешил им ехать в Москву хлопотать «о своих нужах»[339].

В грамоте, отправленной воеводе 2 мая 1646 г., его извещали, что атаман Петр Данилов и другие казацкие посланцы

---

334 Царские грамоты воеводам на Корочу. № 69. С. 54–55.

335 И. Дмитриев был атаманом в Усерде уже с 1642 г., когда он ездил в Москву просить дополнительного жалованья за участие в боях с татарами (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 135. Л. 201–238).

336 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 101–103.

337 Там же. Л. 101об.

338 Там же. Л. 425–429.

339 Там же. Л. 432–434.

«биты батоги нещадно» и отправлены на Валуйку[340]. Вместе с тем в документах Разрядного приказа отмечено, что атаману и другим посланцам 29 апреля «государева жалованья денги в приказе даны сполна»[341], а П. Данилов был атаманом валуйских «черкас» еще и в начале 1647 г.[342]

Поведение власти в обоих этих эпизодах, как представляется, показывает, что в Москве извлекли уроки из событий 1641 г., когда именно угроза суровых наказаний побудила «черкас» Чугуева поднять восстание и «отъехать» в Речь Посполитую. Политика власти стала гораздо более осторожной, и это, конечно, также способствовало стабилизации отношений.

Имела значение, как представляется, достаточно прочная к тому времени связь переселенцев со своей землей и своим хозяйством. В этом смысле показательна реакция переселенцев на события, происходившие на Дону в 1646 г., когда здесь начинались крупные военные действия против Крымского ханства и был объявлен набор «вольных людей» в собиравшееся для этого войско. В книге раздач жалованья начала 1647 г. отмечались случаи самовольного ухода людей на Дон, так как таким людям жалованья не полагалось. В записях отмечен уход 3 чел. из Талецкого острога[343]. Из Усерда 8 чел. в 1646 г. ушли на Дон и не явились[344]. В других поселениях (Корочи, Валуйке, Курске) какая-либо убыль не отмечена. Таким образом, подавляющее большинство переселенцев предпочло свое хозяйство и постоянную службу рискованным, хотя и обещающим богатую добычу в случае успеха, занятиям.

Как и ранее, переселенцы поддерживали постоянные контакты с соплеменниками по другую сторону границы. Воевода Усерда писал в конце 1644 г., что живущие в городе «черкасы» «с черкасы ... литовскими без престани видаютца

---

340 Там же. Л. 438.
341 Там же. Л. 435.
342 РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Кн. 213. Л. 282 (запись от 11 февраля 1647 г.).
343 Там же. Л. 357об.
344 Там же. Л. 371–371об.

на Белгороде, и в Курску, и на Корочи, и к ним приежают ночми в слободы»[345]. В условиях наступившей стабилизации в отношениях между переселенцами и властями эти контакты, как представляется, способствовали тому, что к середине 40-х гг. стал возобновляться приток «черкас» из Речи Посполитой на русскую территорию. Так, в записях о раздаче жалованья за первую половину 1647 г. отмечен приход в апреле 22 чел. из г. Бобрика, в мае за ними последовало еще 9 чел., с семьями, оружием и скотом[346]. В этом же 1647 г. в Козлов на службу отправили 34 «выезжих черкас» во главе с атаманом Лукьяном Степановым[347]. Но выходили и гораздо более крупные группы. Так, в октябре 1646 г. в Чугуев пришло 200 чел. «из литовского города из Опошни». Выходцы были поселены в местечке Печенеги в 23 верстах от Чугуева[348]. Таким образом, в Речи Посполитой стали появляться казаки, которые считали условия жизни в России благоприятными для себя. Когда после поражения казаков под Берестечком в 1651 г. на русские земли направился новый поток переселенцев, многие из них, принимая такое решение, опирались, как представляется, на опыт их предшественников, к тому времени проживавших на этих землях более 10 лет.

---

345 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 163. Л. 102.

346 РГАДА. Ф. 210. Книга десятен. Кн. 213. Л. 265–268, 276–281об.

347 Воссоединение... Т. I. № 276. С. 467–468.

348 *Филарет (Гумилевский)*. Историко-статистическое описание... Отд. IV. Стб. 99–101.

ГЛАВА 17

Исторический поворот: Богдан Хмельницкий и Россия в 1648–1649 гг.

Хорошо известно, что восстание Хмельницкого явилось началом нового, качественно иного этапа в истории отношений России и «русских» земель Речи Посполитой. Однако почему, в силу каких причин важные перемены произошли именно в это время, остается неясным. Связано такое положение дел с тем, что если события раннего этапа освободительной войны изучены тщательно с разных сторон, то до сих пор как следует не изучен вопрос, какими переменами в общественном сознании эти события сопровождались.

Положение выглядит парадоксально, так как источники, позволяющие судить об этой стороне дела, — записи слухов, сделанные в пограничных русских городах весной — летом 1648 г., — были опубликованы уже в конце XIX в. Как представляется, здесь сыграла свою роль позиция М.С. Грушевского, который видел в слухах, содержание которых будет рассматриваться далее, результат агитации Хмельницкого, который распускал их, чтобы поднять людей на восстание[1]. Позиция М.С. Грушевского во многом объясняется тем, что он не располагал тем обширным материалом о представлениях казачества о положении в Речи Посполитой, месте в нем, перспективах на будущее, который содержится в записях слухов 20-х — 30-х гг. XVII в. и в рассказах старца Иова (декабрь 1646 г.), которые были использованы для характеристики этой стороны дела в предшествующих разделах работы.

В слухах весны — лета 1648 г. встречаются некоторые новые моменты, но в целом отразившиеся в них настроения

---

1 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 2. С. 172–174.

и представления украинского общества являются прямым продолжением предшествующей традиции. Речь Посполитая выступает снова в этих слухах как арена борьбы двух сил: магнатов — «ляхов» и Владислава и его сторонников, среди которых на первом месте снова фигурирует Литва. Снова (как в 1635–1636 гг.) появился слух, что «хотели, де, коруны польской паны убить короля Владислава», которому удалось спастись бегством в Смоленск (на территорию Литвы)[2]. В целом ряде сообщений говорилось о намерении короля идти из Смоленска «в Киев» судами с войском против магнатов, которые «рокош хотели чинить на короля», его не слушают, как гетман М. Потоцкий и кн. Я. Вишневецкий[3]. Сам конфликт между королем и магнатами объясняли тем, что король Владислав дал «запись, что быти им, черкасом, вольным» и «рокош» произошел «у панства с королем за казачество», так как «король, де, польской с козаки заодно стоит против ляхов»[4]. В одном из сообщений указывалось, что король направляется в Киево-Печерский монастырь[5]. Почему именно эта обитель должна была стать королевской резиденцией, выясняется из другого сообщения, где говорится, что король хочет в Киеве «креститься нынешняго лета после ржаной жнитвы и всех ляхов король хочет вводить в крестьянскую веру»[6].

Выходец из турецкого плена, который шел в Россию через Запорожье, рассказывал, что Хмельницкий пришел в казацкий лагерь с «королевскими листами» и побудил хана к войне против «ляхов» «по королевскому велению»[7]. Казаки выступили вместе с татарами против тех панов, «которые хотели на короля рокош чинить». Таким образом, казаки поднялись, чтобы принять участие в борьбе за будущее Речи Посполитой между сторонниками и противниками Владислава IV.

---

2 Акты Московского государства (далее — АМГ). СПб., 1894. Т. II. С. 218.
3 Там же. С. 218–220, 222.
4 Там же. С. 212, 222, 227.
5 Там же. С. 222.
6 Там же. С. 231.
7 Там же. С. 220, 231

Представители разных направлений в украинской исторической науке сходятся во мнении, что в первые месяцы восстания и сам Хмельницкий, и участники восстания связывали свое будущее с Речью Посполитой[8]. Приведенные свидетельства подтверждают правильность этой точки зрения. Но Речь Посполитая в представлениях участников восстания должна была стать другой. Должна была быть сокрушена власть магнатов, казачеству обеспечены «вольности», а принятие Владиславом IV православия было символическим актом, означавшим, что отныне казачество, «русский народ» и православная церковь займут в Речи Посполитой видное, почетное место.

Как же оценивали положение не рядовые участники, а Хмельницкий и его окружение? Нет сомнений, что, побуждая казаков поднять восстание, Хмельницкий утверждал, что действует от имени и по поручению короля. Не случайно он, как известно, перед бегством на Запорожье похитил у «старших» реестрового войска «привилеи» Владислава IV. Они должны были служить зримым доказательством того, что король дал «черкасам» «волю», которую не хотят признать за ними магнаты — «ляхи».

Разумеется, Хмельницкий при его знаниях и опыте не мог разделять все воззрения рядовых участников восстания. Вряд ли он верил в то, что Владислав IV примет православие и станет принуждать «ляхов» переменить веру. Вместе с тем есть основание утверждать, что Хмельницкий разделял главную часть этих представлений о том, что в Речи Посполитой происходит борьба дружественных и враждебных по отношению к казачеству сил. Об этом говорят исходившие от Хмельницкого тексты.

Это прежде всего его послание Владиславу IV, написанное, когда глава казацкого войска — гетман еще не имел точных свидетельств о смерти короля[9]. Обширная вступительная

---

[8] *Смолій В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. Київ, 1995. С. 111–112 (ср. с. 164); *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ, 2005. С. 324.

[9] Документи Богдана Хмельницького 1648–1657 / Упор. Й. Крип'якевич та І. Бутич. Київ, 1961. № 4. С. 33–34.

часть послания посвящена обоснованию справедливости действий восставших, которых магнаты подвергали гонениям вопреки воле короля и не принимая во внимание выданных им привилеев, считая их не королевскими слугами, а собственными невольниками. Это и заставило казаков взяться за оружие. Главный смысл документа заключался в его последних строках. Здесь говорилось, что Войско Запорожское готово служить Речи Посполитой против каждого неприятеля, и одновременно выражалась просьба, чтобы король подтвердил казацкие права и вольности. Чтобы «король его милость сам святою своею особою и мы самые низкие слуги вашей королевской милости, этой неволи больше не терпели». В этих словах, как правильно отметил М.С. Грушевский[10], недвусмысленно выражалась надежда на совместную борьбу королевской власти и казачества за освобождение от «неволи» со стороны магнатов.

Смерть Владислава IV положила конец легенде, связанной с его именем. Правда, уже сразу после его смерти распространились слухи, что его трон займет его брат Ян Казимир, но в сложившейся народной традиции он обладал совершенно другой репутацией, чем его старший брат, как ставленник «ляхов» и «ксендзов». В июне 1648 г. воевода Трубчевска писал, что «коруна польская хочет на королевство короля Казимира, а повет, де, литовской и черкасы на королевство короля Казимира не хотят»[11]. Очевидно, что с появлением его кандидатуры произошло возрождение этих представлений.

Хмельницкий и казацкая старшина оказались перед необходимостью срочно принять важное решение. Выход, как известно, заключался в том, чтобы предложить опустевший польский трон царю Алексею Михайловичу. Решение это, беспрецедентное в практике действий казацкого войска, тем более вызывает удивление, что к тому времени, когда Хмельницкий выступил со своим предложением, никаких тесных контактов между Войском Запорожским и русскими

---

10 *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Т. VIII. Ч. 3. Хмельничина в розцвіті (1648–1650). Київ — Відень, 1922. С. 14, 16.

11 АМГ. Т. II. С. 227.

властями не было. Как известно, еще летом 1647 г. «великий посол» Речи Посполитой Адам Кисель заключил соглашение, что Россия и Речь Посполитая будут совместно защищать свою территорию от набегов крымских татар. Вторжение казаков на земли Польско-Литовского государства совместно с татарским войском давало польско-литовской стороне основания добиваться от русской стороны выполнения союзных обязательств. Целую серию писем такого рода отправил русским властям «автор» договора 1647 г. А. Кисель. В письмах указывалось, что «по вечному соединению» (т. е. в соответствии с договором) в Речи Посполитой ожидают русские «рати»[12].

В апреле 1648 г. в Москву пришли известия о заключении союза между казаками и Крымом, которые встревожили русские власти. По поручению царя боярин А.Н. Трубецкой известил А. Киселя о таком соглашении и советовал сообщить о нем королю, «чтоб тех черкас под владенье крымского царя не допустить»[13].

Неудивительно, что, когда вступление казаков вместе с татарами на земли Речи Посполитой стало фактом, письма А. Киселя встретили в Москве положительный отклик. В конце июня воеводе Путивля Н. Плещееву было поручено известить этого представителя Речи Посполитой, что воеводам пограничных городов Хотмыжска и Севска отправлены приказы «с его царского величества ратными людьми вам помочь чинить до Днепра, чтоб тех поганцов татар в обои великие государства не пропустить»[14]. Получив соответствующее распоряжение, воевода Хотмыжска от своего имени писал А. Киселю 14 июня, что он «с ратными людьми для избавы крестьянские по ратным вестем готов»[15]. Правда, во всех этих заявлениях говорилось только о военных действиях против

---

12 *Лызлов Г.М.* Польско-русские отношения в период освободительной войны украинского народа. 1648–1654. Канд. диссертация. М., 1959. С. 86–90.

13 Там же. С. 92–93.

14 Там же. С. 94.

15 АЮЗР. Т. III. № 194.

татар, но ясно, что в Москве были готовы положительно реагировать на просьбы из Речи Посполитой о помощи. Как известно, гонцы, направленные к А. Киселю с такими ответами, попали в руки Хмельницкого, что вызвало с его стороны резко отрицательную реакцию. В письме хотмыжскому воеводе С. Болоховскому гетман писал, что он не ожидал, что «православные христиане» будут «наступоват» на православных казаков, а однако из грамоты, посланной Киселю, «добро есмо выразумели», «же з людем немалым на граници своей скупившеся, в річи на татаре, а болше на самих нас хотіли есте ляхом помогат»[16].

Именно в таких неблагоприятных обстоятельствах Богдан Хмельницкий с одним из задержанных гонцов, Григорием Климовым[17], отправил Алексею Михайловичу письмо с предложением занять польский королевский трон. Датированное 8 июня послание[18] стало первым обращением Хмельницкого к царю. Во вступительной части послания говорилось о победах над польским войском, совершенных для защиты «віри нашое старожитной греческой». Гетман прибег к единственному аргументу, который мог бы оправдать действия восставших в глазах московской политической элиты. Сделано это было не только для установления какой-то связи между гетманом и царем. Послание завершалось кратко изложенными, но важными предложениями. Гетман сообщал, что, судя по надежным известиям от кн. Доминика Заславского и Адама Киселя, король Владислав IV умер. Король умер, — говорилось далее, — «с причины тех же незбожных неприятелей, его и наших, которих есть много королями в земли нашоі»[19]. Далее говорилось, что казаки желали бы, чтобы правителем «в своеи

---

16 Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах (далее — Воссоединение...). Т. II (1648–1651 годы). М., 1954. № 20.

17 О задержке Климова и передаче ему письма см. в его «расспросных речах» (Там же. № 16).

18 Там же. № 12.

19 В слухах, ходивших летом 1648 г. по Украине, говорилось, что короля убил Я. Вишневецкий (РГАДА. Ф. 79. 1648 г. № 1а. Л. 254, 256).

землі» был «самодержец» такой, «яко ваша царская велможност православний хрестиянский цар». Если царь захочет «на панство тое наступати», то все Войско Запорожское готово ему в этом помочь. Послание заканчивалось словами: «Еслі ляхи знову на нас схотят наступати, в тот же час, чим боржей поспешайся из своеи стороны, а мы іх за Божею помощу отсул возмем».

Не подлежит сомнению, что непосредственной целью обращения было стремление не допустить вмешательства России в войну на польско-литовской стороне и, наоборот, попытаться привлечь царя на свою сторону. Однако цели этого обращения таким мотивом не ограничивались. И содержавшийся в послании резкий выпад против магнатов, которые стали «королями», присвоив себе чужую власть, и настойчивое желание видеть правителем в своей земле «самодержца» — человека, обладающего всей полнотой реальной власти, — объединяют это послание с посланием Хмельницкого Владиславу IV. В этой связи заслуживает внимания, что, отправляя письмо, гетман одновременно поручал Климову «тайным делом» сообщить «государевым приказным людям», что короля погубили «ляхи», когда узнали, что король предложил казакам, «чтоб сами за веру християнскую греческого закону стояли, а он, де, король, будет им на ляхов помощник». И Хмельницкий, «надеяся на то, войско собрал и на ляхов стоит»[20]. Таким образом, гетман доказывал, что он выступил против «ляхов» по наставлениям монарха — главы законной власти в Польско-Литовском государстве. Думается, все эти слова имели своей целью не только создать благоприятный образ гетмана в глазах «приказных людей». Здесь определенно говорилось о союзе казачества и королевской власти против «ляхов». Теперь место короля Владислава в этом союзе должен был занять Алексей Михайлович. Такая постановка вопроса говорит о важных переменах во взглядах казачества на внутриполитическое положение в Речи Посполитой.

---

[20] Воссоединение... Т. II. № 16. С. 41.

Уже в конце 30-х гг. XVII в. участники казацкого восстания были убеждены в существовании в Польско-Литовском государстве мощных влиятельных сил, враждебных казачеству и мешающих доброму монарху дать казакам «волю». К середине 40-х гг., по представлениям казаков, эти силы стали столь влиятельными, что попытались поднять «рокош» (вооруженный мятеж), чтобы отстранить «доброго» монарха от власти. Однако и поднимаясь на восстание в поддержку своего государя, участники нового восстания полагали, что Владислав IV придет на встречу с ними в Киев с войском своих сторонников из других земель Речи Посполитой. Именно потому, что восстание Хмельницкого завершилось победой, с особой остротой встал вопрос о соответствии этих представлений реальной действительности. После разгрома главной военной силы Речи Посполитой — кварцяной армии, когда, казалось, у сторонников Владислава были самые благоприятные возможности для соединения с казачеством, ничего подобного не произошло. В связи с этим возникал вопрос, существуют ли в Речи Посполитой реальные силы, которые могли бы совместно с казачеством осуществить тот внутренний переворот в Польско-Литовском государстве, который традиционно связывался с именем Владислава IV.

Обращение Богдана Хмельницкого к царю показывает, что летом 1648 г. казацкая верхушка пришла к заключению, что для осуществления такого переворота нужна сильная внешняя поддержка. Почему выбор пал на Алексея Михайловича, не вызывает удивления. Будучи «самодержцем» в своей земле, располагая большой властью и ресурсами, Алексей Михайлович при поддержке казачества сможет стать «самодержцем» и в Речи Посполитой, сломив власть магнатов. Имели значение и другие соображения. Переворот должен был обеспечить видное, почетное место в Речи Посполитой и «русскому» народу, и его православной церкви. Разумеется, этого можно было добиться прежде всего при поддержке царя как православного монарха и принадлежащего к тому же «русскому народу». Характерно, что в письме, отправленном в тот же день, 8 июня, севскому воеводе З. Леонтьеву, гетман

назвал Алексея Михайловича «светилом руским»[21]. Свое будущее участники восстания связывали, как и ранее, с Польско-Литовским государством, но теперь появилось представление, что свои проблемы в этом государстве и казачество, и «русский народ» могут решить с помощью России.

Хмельницкий полагал, что царь сможет стать «самодержцем» в Речи Посполитой, опираясь на военную силу свою и Войска Запорожского. Через Г. Климова он предлагал выслать русское войско к Смоленску, а сам он пойдет в поход «з другие стороны»[22]. В условиях всеобщей растерянности и паники, охватившей Речь Посполитую, такая перспектива могла казаться реальной[23].

О своем предложении Хмельницкий напоминал и позднее. 11 июля он писал путивльскому воеводе Н. Плещееву, что царь «тепер час мает», «штобы он ляхом и нам паном и царем был»[24]. 14 июля в Москву поступила отписка хотмыжского воеводы о соответствующем решении казацкой рады и одобрительной реакции населения на такое решение[25]. Еще 29 июля в письме хотмыжскому воеводе С. Болховскому гетман писал, что если русские войска присоединятся к казацкой армии, то «православный царь ваш Олексій Михайлович о тое панство полское могл ся постарати»[26].

Еще в ноябре в Москву приходили сообщения, что «запороские, де, государь, казаки и белорусцы черные люди во всех городех ... хотят тово, чтоб им всем быть под твоею царскою высокою рукою и чтоб им всю Полшу и Литву подвести под твою царскую высокую руку»[27].

---

21 Воссоединение... Т. II. № 13. С. 34.

22 Там же. № 16. С. 41.

23 Общее впечатление от событий Г. Климов удачно выразил в словах: «У ляхов войска нигде в собранье нет, все, де, сказывают, ляхи в бегах». — Там же.

24 Там же. № 25. С. 55.

25 Там же. № 28.

26 Там же. № 34. С. 66–67.

27 Там же. № 45. С. 81. Подробнее об этом эпизоде в истории русско-украинских отношений см.: *Смолій В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький... С. 124–125.

Предложения Хмельницкого к концу 1648 г. были приняты. Выдвинуть кандидатуру Алексея Михайловича на польский трон должен был отправившийся в путь гонец Г. Кунаков. Гонец должен был приступить к действиям, если бы оказалось, что «королевича на царство взяти не хотят», а «черкасы будут полякам и Литве сильны и страшны и чаять от них, черкас, полякам большого упадку». Предполагалось, что в этих условиях сенаторы станут просить, «чтоб великий государь их пожаловал, изволил бы их принять под свою ... высокую руку и с неприятели велел их умирить». Гонец должен был дать понять, что такая просьба будет встречена царем благосклонно[28].

Текст наказа показывает, что, принимая предложение Хмельницкого, в Москве вовсе не собирались следовать предложенному им плану действий[29]. Выступать со своим войском в поход вместе с казаками Алексей Михайлович не собирался. В Москве рассчитывали, что царь может получить польскую корону, выступив в качестве посредника между властями Речи Посполитой и «черкасами». Одновременно с Г. Кунаковым в декабре 1648 г. к Хмельницкому с царской грамотой был отправлен подьячий В. Михайлов. Это было первое обращение царя к гетману, означавшее установление официальных дипломатических контактов между образовавшимся в результате восстания новым политическим образованием — Гетманством и Россией. Почти все материалы, связанные с миссией В. Михайлова, утрачены. О содержании царской грамоты можно судить лишь по ответному посланию гетмана, в котором говорится, что царь просил казаков жить «в покое с ляхами, чтоб больши кровь християнская не разливалась»[30]. В. Михайлов должен был, очевидно, добиваться того, чтобы Хмельницкий принял русский план действий[31].

---

28 Текст наказа приведен в кн.: *Лызлов Г.М.* Польско-русские отношения... С. 127–128.

29 На это правильно указал Ф.П. Шевченко (*Шевченко Ф.П.* Політічні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959. С. 128–130).

30 Воссоединение... Т. II. № 52. С. 132.

31 См. подробнее: *Шевченко Ф.П.* Указ. соч. С. 128–129.

Трудно сказать, был ли бы удовлетворен такими решениями Хмельницкий.

Для развития событий реальное значение имело то, что соответствующие решения в Москве были приняты тогда, когда борьба за польский трон уже закончилась избранием Яна Казимира. Таким образом, осенью 1648 г. на территории Речи Посполитой не появились ни русские войска, ни русские послы с предложением избрать Алексея Михайловича на польский трон. Казацкая верхушка во главе с Хмельницким, очевидно, пришла к выводу, что предложения гетмана в Москве не приняты. Между тем в начале октября н. ст. 1648 г. в Варшаве собрался элекционный сейм. Казацкой верхушке в этой ситуации было необходимо занять свою позицию по отношению к тому, что там происходит. Как известно, было принято решение поддержать на выборах кандидатуру Яна Казимира. В ряде источников сохранились известия, что Хмельницкий дал понять избирателям, что он готов подчиниться власти Яна Казимира, а против другого избранника будет вести войну[32].

Какие цели преследовали Хмельницкий и старшина, принимая такое решение, позволяет выяснить текст письма Яну Казимиру, отправленного Хмельницким 15 ноября н. ст.[33] Письмо открывалось утверждениями, что восставшие были вынуждены бороться против нападений кн. Я. Вишневецкого и гетмана М. Потоцкого, который напал на казаков вопреки воле короля. Он заявлял, что по дошедшим до него сведениям, магнаты хотят избрать не Яна Казимира, а другого короля. Поэтому казацкое войско выступило в поход, чтобы по воле нового короля «już tych królików więcej pobocznych nie było». В заключение Хмельницкий выражал надежду, что король захочет быть в Речи Посполитой «самодержцем» в отличие от его предшественников, которые были «в неволе» (очевидно, у магнатов). Перед нами тот же круг идей, который нашел свое выражение в письмах Владиславу IV и Алексею Михайловичу. Очевидно,

---

32 См. подробнее: *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 3. С. 110–111.
33 Документи... № 32. С. 80.

казацкая верхушка во главе с Хмельницким хотела, чтобы Ян Казимир выполнил ту роль при перестройке Речи Посполитой, которую не смог выполнить Владислав IV и которую не захотел выполнить Алексей Михайлович. Привезенные послами «кондиции» предусматривали подчинение казацкого войска непосредственно королю, уравнение казаков в правах с шляхтой по примеру литовских татар и ликвидацию кварцяной армии. Тем самым подчиненное королю казацкое войско должно было стать главной военной силой в Речи Посполитой. В «кондициях» говорилось и о ликвидации унии, что должно было способствовать утверждению видного почетного места в Речи Посполитой для «русского» народа и его церкви[34].

Программа была та же, что и ранее, но изменились условия. Ян Казимир имел в глазах казачества совсем иную репутацию, чем Владислав IV, и не пользовался в казацкой среде таким доверием, как его покойный предшественник. Было неясно, станет ли он осуществлять предложенный ему план. Оставалось, как представляется, неясным и то, сможет ли он найти в Речи Посполитой опору для политики, направленной на союз с казачеством ради усиления королевской власти.

В этих условиях, готовясь к переговорам с Яном Казимиром, казацкая верхушка оказалась восприимчивой к призывам иерусалимского патриарха Паисия, посетившего Киев на пути в Россию, установить официальные контакты с русскими властями на достаточно высоком уровне. В начале января 1649 г. вместе с патриархом Паисием прибыл в Москву посол Хмельницкого, полковник Силуян Мужиловский[35]. 4 февраля 1649 г. царь вместе с патриархом Паисием принял

---

[34] Документы... № 33. С. 81–82. В.А. Смолий и В.С. Степанков колеблются в оценке этого текста — был ли это «тактический шаг» или нечто более серьезное (*Смолій В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький... С. 177). Думается, что здесь следует учитывать сложившуюся в казацкой среде в предшествующие десятилетия традицию о роли и задачах власти монарха. Исследователи правы (с. 164), что Хмельницкий рассматривал гетманство как часть Речи Посполитой, но Речь Посполитая должна была измениться.

[35] Воссоединение... Т. II. № 46. С. 84–85.

С. Мужиловского и спрашивал его о здоровье гетмана[36]. Так окончательно были установлены официальные дипломатические отношения между Москвой и Чигирином.

И патриарх, и полковник заявили, что они имеют важные поручения от Хмельницкого, однако в делах сохранились лишь высказывания патриарха; о поручениях, данных С. Мужиловскому, позволяет судить лишь текст поданной им записки. Сопоставление высказываний патриарха и текста записки показывает наличие между ними существенных различий[37]. Первый разговор патриарха с думным дьяком Михаилом Волошениновым состоялся 19 января 1649 г. На этой встрече патриарх передавал высказывания гетмана, что он предлагал царю начать войну с Речью Посполитой и помочь Войску Запорожскому, «и он бы, гетман, все городы и до Смоленску под государеву руку подвел», но царь его предложения не принял[38]. Очевидно, что Хмельницкий обсуждал с патриархом свое предложение царю от 8 июня и что патриарх, по-видимому, не вполне понял, что говорил ему гетман. Это следует принять во внимание при рассмотрении последующих высказываний Паисия.

Затем патриарх передал просьбу Войска Запорожского, «чтоб он, высокий государь, изволил Войско Запорожское держать под своею государскою рукою, а они, черкасы, ему, государю, будут, как есть каменная стена». Далее шла речь о том, чтобы царь «помочь учинил ратными людми, а они, черкасы, ему, государю, впредь будут надобны»[39].

Сохранился еще один источник о переговорах Паисия в Москве. Это его письмо царю от 21 июля 1649 г., которое содержит пересказ его письма, отправленного гетману после его возвращения из Москвы[40]. Письмо открывается ссылкой

---

36 Там же. С. 98.

37 На это справедливо указал Ф.П. Шевченко (*Шевченко Ф.П.* Указ. соч. С. 138).

38 Воссоединение... Т. II. № 46. С. 92.

39 Там же. С. 93.

40 *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. М., 1891. Приложения. С. LIII–LIV.

Паисия на слова царя: «Не призвали меня спервa для этого дела, хотя мое царство, благодаря Бога, изобилует всеми средствами; я способен вместе с ними разрушить и Ляхию, и другие царства, но он (гетман) взял себе татар, турок и другой сброд, потому то я, блаженнейший, и не подал им помощи». Эти слова, сказанные молодым царем, очевидно, в неофициальной беседе, показывают, что не только воевод пограничных городов, но и власти в Москве беспокоили известия о народном восстании, охватившем обширную территорию по соседству с русскими землями. Царь и его советники опасались заключать соглашения с человеком, опиравшимся на поддержку восставшего «сброда».

Высказывания патриарха следует сопоставить с запиской С. Мужиловского, поданной царю 4 февраля 1649 г. от всего Войска Запорожского, включая «чернь»[41].

В записке гораздо более подробно, чем в письме Хмельницкого, обосновывалась законность, справедливость действий восставших, подвергшихся нападению «мимо воли святое памяти его милости короля». В ней подчеркивались гонения врагов на веру — в Корсуни войска М. Потоцкого сожгли церкви, захватили церковную утварь, бросали на землю причастия, убивали священников, в Немирове Я. Вишневецкий сажал священников на кол. Подробно рассказывалось в записке о победах казацкого войска над «ляхами».

Главное содержалось в гораздо более краткой, заключительной части записки. Здесь говорилось об избрании королем Яна Казимира и что король просил Хмельницкого прекратить войну, «обецуючисе быти руским [королем], и що през шаблю узяли, абие тое мощно держали, обечуючи, що [одноконечно хотят подтве]рдить». В январе 1649 г. посланный в Речь Посполитую Г. Кунаков прислал записку с изложением казацких условий мира. Таких условий он отметил два: 1) ликвидация католических и униатских церковных учреждений «в Киеве и во всей Белой Руси» и 2) чтобы король «положил бы Киевской и Белой Руси правленье на их гетманскую волю, а сам бы король в Киев и во белоруские

---

41 Воссоединение... Т. II. № 50.

городы ни в росправу, ни во што не вступался»[42]. Эти сообщения позволяют раскрыть содержание скупых высказываний записки. Речь шла теперь уже не только о том, чтобы король правил Речью Посполитой, опираясь на поддержку «русского народа». «Русскому» народу на землях, которые казаки взяли своей саблей во время восстания, должна быть предоставлена самая широкая автономия под властью гетмана. Все это якобы Ян Казимир обещал утвердить соответствующими актами.

Далее в записке читалось: «И так до маслених запуст примиря, а по [масляном заговении зн]ову воеват, кгда не будет Казимера королем руским, [хочет Войско Запороз]кое». Таким образом, между сторонами было заключено перемирие до начала февраля 1649 г. После этого, очевидно, должны были состояться переговоры, на которых должно было выясниться, будут ли выполнены данные обещания и будет ли Ян Казимир «королем русским». Обо всех этих сложностях в отношении Войска Запорожского патриарх Паисий не говорил. В записке предполагалось, что переговоры могут завершиться неудачно, и тогда война возобновится.

Эти формулировки записки говорят о правильности выдвинутого ранее предположения о ослаблении в казацкой среде надежд на сотрудничество с какими-то силами в политической элите Речи Посполитой[43]. В этой ситуации, когда внутренний переворот в Польско-Литовском государстве оказывался невозможным, со всей остротой вставал вопрос о борьбе с Речью Посполитой и поисках союзников в этой борьбе.

Как такой союзник в заключительной части записки выступает Россия. От имени Войска Запорожского посол просил выслать на помощь против «ляхов» «ратных людей». В записке говорилось, что «царь православний всея Русіі» должен помочь казакам защитить свою веру, а за это ему будет «от Во[йска Запороз]кого вірное услужене в діле

---

[42] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). СПб., 1861. Т. III. № 238. С. 249.

[43] На это правильно указывают В.А. Смолий и В.С. Степанков (*Смолій В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький... С. 183, 199).

рыцерском». В последних словах записки выражалась надежда, что царь одержит победу над еретиками и другими врагами православной веры и освободит от власти османов Гроб Господень — явный результат бесед Паисия с гетманом.

В этой части записки снова обнаруживаются расхождения между высказываниями Паисия и текстом записки. Если Паисий говорил о переходе Войска Запорожского под «высокую царскую руку», то в записке таких слов не было, здесь говорилось лишь о помощи, которую Войско Запорожское окажет царю в будущей войне за освобождение Гроба Господня.

Конкретных последствий посольство С. Мужиловского не имело. Однако сама его посылка говорит о том, что гетман и полковники продолжали рассчитывать на решение своих проблем с помощью России. Линия, наметившаяся в июне 1648 г., продолжалась в иной форме.

Разумеется, гетман искал и других союзников в борьбе с Речью Посполитой — заключил и поддерживал союз с Крымом, вел переговоры о союзе и с Трансильванией. Однако отношения с Россией имели все же, как представляется, особое значение. И дело не только в том, что в отличие от Трансильвании Россия была близким соседом, от которого можно было получить помощь очень скоро. Как видно из записки, начавшуюся войну против «ляхов» рассматривали как войну за сохранение своего народа, ставшего объектом репрессий вместе с казачеством, и своей веры. А кто же мог бы помочь сохранению того и другого, как не «царь православный всея Руси», как назван Алексей Михайлович в записке С. Мужиловского. К тому же в Чигирине несомненно представляли себе разницу в военно-политических возможностях Трансильвании и Русского государства.

Пока Мужиловский находился в Москве, в Переяславе в начале 1649 г. происходили переговоры Хмельницкого и делегатов Речи Посполитой во главе с А. Киселем, исход которых оказал важное влияние на ход дальнейших событий. Дневник переговоров, который вел один из членов посольства, В. Мясковский, неоднократно анализировался исследователями. Представляется, что последовательное сравнение высказываний гетмана, зафиксированных в дневнике,

с текстами его писем Владиславу IV и Яну Казимиру может показать, чем были эти переговоры для гетмана и казацкой верхушки.

Младший современник Хмельницкого, автор «Летописи Самовидца», полагал, что гетман «слушной згоды з монархою полским не чинил» в результате своеобразного «головокружения от успехов» и под влиянием агитации враждебных Речи Посполитой иностранных послов[44]. Как представляется, дело обстояло иначе. М.С. Грушевский, изучая запись переговоров, не мог понять логики поведения гетмана на переговорах. Начав с резких далеко идущих заявлений, Хмельницкий затем удовлетворился заключением перемирия на достаточно скромных условиях. Исследователь пришел к выводу, что острые, далеко идущие заявления Хмельницкий «подавав на відчіпне, в тей певности, що вони прийняти не будуть. Однаково, отже нема чого серіозно застановляти ся над ними»[45]. Возникает вопрос, зачем тогда он вообще их делал[46].

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к рассмотрению заявлений гетмана. Первое такое заявление было сделано на встрече, состоявшейся 20 февраля после вручения гетману булавы и хоругви как знаков его власти. Гетман заявил, что ему должен быть выдан его обидчик Чаплинский, а кн. Я. Вишневецкий, действия которого стали причиной «krwie rozlania i wszystkiego zamieszania», должен быть «skarany». В противном случае «aby mnie z Wojskiem Zaporowskiem przepaść, albo ziemi lackiej, wszem senatorom, dukom, królikom i szlachcie zginąć»[47]. В этом заявлении впервые появился мотив «наказания» Я. Вишневецкого, который повторялся и в последующих заявлениях. Одновременно следует отметить резкий выпад против «дуков» и «кроликов», находящий аналоги в письмах Владиславу IV и Яну Казимиру.

---

44 Літопис Самовидця / Вид. подг. Я.Дзіра. Київ, 1971. С. 56.

45 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 3. С. 152.

46 Не дают ответа на этот вопрос и современные исследователи В.А. Смолий и В.С. Степанков.

47 Воссоединение... Т. II. С. 106–107.

22 февраля новое заявление последовало на встрече гетмана с представителем комиссаров кн. Захарием Четвертинским. В этом заявлении Хмельницкий говорил о том, чего он хочет добиться: «Krol korolem budet, sztoby karal i stynal szlachtu i duki, i kniazie, sztoby wolny byl sobi». В этих словах отражается то же, что и в письмах Владиславу IV и Яну Казимиру, стремление видеть в Польше сильную королевскую власть, подчинившую себе «малых королей», узурпировавших власть магнатов. К этому Хмельницкий добавил, что сам он является «jedynowładcą samoderżcą Ruskim»[48].

Наиболее резкое заявление последовало на встрече с комиссарами 23 февраля, когда гетман заявил: «Wybiju z lackoj niewolej narod wies ruski». Гетман снова говорил о необходимости расправы с «дуками» и «князьями». Закончилась его речь заявлением, что, если шляхтич захочет жить на Украине («chliba ... z nami jesty»), «niechaj że Wojsku zaporowskomu posłuszny budet, na korola nie brykajet»[49].

Поднятая в начале переговоров тема о Вишневецком получила продолжение в подготовленных условиях соглашения: «Aby książe Wiśniowiecki, jako autor wtorej wojny, hetmanem nie był koronnym, żadną miarą inaczej, z nim żyć i puścić do Ukrainy nie chcem». Речь шла о том, что знатный магнат, владелец огромных имений на Левобережье, должен быть лишен «уряда» и не будет допущен в эти владения. Какова была цель этих заявлений и кому они были адресованы?

Записка С. Мужиловского показывает, что на переговорах казаки хотели выяснить, будет ли Ян Казимир «королем русским», т. е. станет ли он проводить в Речи Посполитой ту политическую линию, которую рекомендовал ему Хмельницкий. Как представляется, заявления гетмана адресовывались не комиссарам, а через их голову — королю, в них фактически формулировалось, что ждет от него казацкая сторона — бескомпромиссной борьбы с магнатами при поддержке казацкого войска. Выяснению положения должны были способствовать конкретные требования,

---

48 Там же. С. 108.
49 Там же. С. 109.

касавшиеся Чаплинского и Вишневецкого. М.С. Грушевский был совершенно прав, утверждая, что «такі жадання, як выдача Чаплїнського аб відсунене від уряду Вишневецького не могли бути навіть трактовані серіозно в рамках польского конституційного житя»[50]. Как представляется, Хмельницкий выдвигал последовательно эти требования, чтобы выяснить, станет ли король ломать традиционные нормы польской конституции, опираясь на поддержку казацкого войска. В этом плане переговоры в Переяславе следует рассматривать как последнюю попытку казацкой стороны выяснить, может ли в Речи Посполитой произойти тот внутренний переворот, надежды на который сохранялись на «русских» землях Речи Посполитой в течение десятилетий.

Однако уже ко времени переговоров у гетмана и его окружения были сомнения в том, что такой переворот произойдет. Никак не исключался и неудачный исход переговоров, и тогда остро вставал вопрос о союзниках в борьбе с Речью Посполитой, из которых главным и наиболее важным могла стать Россия. Об этом говорит содержание предложений, отправленных в Москву с С. Мужиловским. В начале 1649 г. Богдан Хмельницкий в грамоте, отправленной в Москву с русским гонцом Василием Михайловым[51], называя Алексея Михайловича «светилом православным» и выражая желание, чтобы царь был казакам «нижайшим слугам и подданным своим» «самодержцею», призывал его начать войну с Речью Посполитой. Здесь уже в грамоте, официальном документе, исходившем от самого гетмана, был поставлен вопрос о вхождении Войска Запорожского — политического образования, сложившегося в результате восстания на украинских землях Речи Посполитой, — в состав Русского государства. Вероятно, Хмельницкий понял, что одним обещанием «послуг рыцарских» со стороны Запорожского Войска он не добьется вовлечения России в войну.

Обращает на себя внимание дата документа — 8 февраля 1649 г. Следовательно, документ был составлен еще

---

50 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 3. С. 152.
51 Воссоединение... Т. II. № 52.

до начала переговоров в Переяславе[52]. Однако, судя по записям В. Мясковского, гонец был отпущен лишь 24 февраля н. ст.[53] Из этого, думается, следует, что если документ и был составлен 8 февраля, то отправлен в Москву он был тогда, когда ход переговоров в Переяславе не оправдал ожиданий гетмана и старшины.

Как известно, предложения Хмельницкого не были приняты, и началась война, в которой Ян Казимир выступил против восставших во главе коронной армии. Никаких сил, готовых сотрудничать с казачеством, на территории Польши не обнаружилось. Одновременно в ходе военной кампании окончательно определилась позиция Литвы. В представлении казачества в течение длительного времени «Литва» и ее политические лидеры — Радзивиллы биржанской ветви — рассматривались как союзники в борьбе казачества и Владислава IV с коронными магнатами — «ляхами». Поэтому и Хмельницкий, и казаки полагали, что в начавшейся войне Литва не будет поддерживать «ляхов». В июле 1648 г. особым универсалом, ссылаясь на «z dawnych czasów wielka miłość i laskę, ich Mć panami Księstwa Litewskiego», Хмельницкий запретил наносить ущерб их имениям под угрозой суровых наказаний[54]. Патриарх Паисий по приезде в Москву сообщал, что «паны, де рада Великого княжества Литовского присылали к гетману, чтоб он на них войска не посылал, и гетман, де, Хмельницкой по их присылке войска на них не посылал»[55]. Иначе этот эпизод (и, видимо, в большем соответствии с фактами) излагал С. Мужиловский. По его словам, это Хмельницкий «посылал от себя нарочно, чтоб они с ними, черкасы, были в миру ... а они, де, черкасы, их, литву, ничем теснить не станут»[56].

---

[52] Основываясь на этом наблюдении, В.А. Смолий и В.С. Степанков сделали вывод, что гетман «не покладав на ці переговори особливих надій» (*Смолій В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницький... С. 199).

[53] Воссоединение... Т. II. № 47. С. 111.

[54] Документи... № 18. С. 58.

[55] Воссоединение... Т. II. № 46. С. 93.

[56] Там же. С. 96.

Но уже в то время, когда произносились эти слова, положение дел резко изменилось. В январе 1649 г. литовское войско во главе с гетманом Я. Радзивиллом выступило против повстанцев, занявших земли Великого княжества Литовского у реки Припяти. Главным событием кампании стал штурм Мозыря и уничтожение сидевшего там в осаде казацкого войска[57].

В начале 1649 г. распространились слухи о взятии литовским войском Бобруйска, где «белорусцов высекли без остатка». В рассказе говорилось, что король запретил вести войну, но «гетман и ляхи королевсково писма не послушали»[58]. В этом рассказе Януш Радзивилл выступает не как возможный союзник казаков, а как их враг, непокорный королю «злой» магнат, подобный другим.

Сходной оказалась реакция на происшедшее гетмана Хмельницкого. В. Мясковский в дневнике переговоров в Переяславе отметил заявление гетмана, что в ответ на такие действия литовского войска он прикажет казнить находящихся у него польских пленных[59]. 9 февраля 1649 г. датируется его грамота литовскому гетману[60]. Грамота открывалась словами про «wielkie dobrodziejstwo i zyczliwość» предшественников гетмана по отношению к Войску Запорожскому, но далее в ней констатировалось, что гетман, подобно другим панам, как не слушал приказов покойного короля, так и теперь не повинуется приказам Яна Казимира. Его действиям будет дан отпор, и король будет поставлен о них в известность. Таким образом, в Речи Посполитой не обнаруживалось тех сил, на сотрудничество с которыми казачество десятилетиями рассчитывало.

Как реагировали на наметившиеся перемены Хмельницкий и его окружение, показывают переговоры с русским посланцем Г. Унковским, который в марте 1649 г. выехал на Украину вместе с С. Мужиловским. Посланцу была

---

57 *Wisner H.* Janusz Radziwiłł 1612–1655. Wojewoda wileński. Hetman wielki litewski. Warszawa, 2000. S. 111–113.

58 РГАДА. Ф. 79. 1649 г. № 1. Л. 45.

59 Воссоединение... Т. II. С. 107.

60 Документи... № 44.

организована самая торжественная встреча[61], а на переговорах, начавшихся 17 апреля, гетман сразу поставил вопрос, привез ли посланец «приказ» царя принять под его власть Войско Запорожское: «Войску Запороскому под своею царского величества высокою рукою быть велит ли?»[62]

Важно отметить, что еще до встречи с Унковским гетман стал искать содействия еще находившегося в Москве патриарха Паисия. 13 апреля 1649 г. в Путивль приехали старцы из Глядовского монастыря в Могилеве с тайным наказом Хмельницкого к патриарху Паисию[63]. О содержании наказа старцы сообщили дьякам Посольского приказа 29 апреля. Патриарх должен был добиваться, чтобы Алексей Михайлович «пожаловал, велел ево гетмана, и запорожских черкас приняти под свою государскую высокую руку и помочь им учинил»[64]. Очевидно, в связи с этим поручением 6 мая патриарх Паисий добивался у представителей царя боярина князя Алексея Михайловича Львова и думного дьяка Михаила Волошенинова царского «указу» в ответ на предложения гетмана[65]. Еще ничего не зная о результатах переговоров с Паисием, гетман 3 мая 1649 г. отправил в Москву своего посла — чигиринского полковника Федора Вешняка.

В привезенной Ф. Вешняком грамоте говорилось от имени всего Войска Запорожского: «Мы Бога о том молим, чтоб ваше царское величество, яко правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцею был». Далее снова повторяется: «Нас под милость и оборону свою и всю Русь, ныне по милости божий против ляхов совокупляючуюся, возьми»[66].

Перед нами картина напряженных усилий, предпринятых Богданом Хмельницким и его окружением, чтобы добиться, благодаря подчинению верховной власти царя, военно-политического союза с Россией, чтобы совместно с ней

---

61 Воссоединение... Т. II. С. 147–148.
62 Там же. С. 151.
63 Там же. № 67. С. 168.
64 Там же. № 70. С. 172.
65 Там же. № 46. С. 100.
66 Воссоединение... Т. II. № 74. С. 177.

противостоять Речи Посполитой. Это была реакция на обозначившуюся перспективу войны с Речью Посполитой, в которой у казачества не было бы союзников в этом государстве. Перспектива эта стала реальностью во время начавшейся военной кампании. Король Ян Казимир не пошел навстречу предложениям Хмельницкого, а возглавил выступившую против восставших коронную армию.

В начале 1649 г. в Чигирине еще сохранялись надежды на соглашение с Великим княжеством Литовским. Весной 1649 г. Григорию Унковскому говорили, что гетман «посылал в Литовскую землю к литовским сенаторем, чтоб литовские сенатори против прежнего своего договору ляхом войском своим на Запорожское Войско не помогали»[67]. Еще в мае 1649 г. жители Могилева рассказывали, что гетман Радзивилл «писал к гетману Хмельницкому, что он литовскими поветы з ними, з белорусцы, битца не хочет, так же, как отец его, Радивилов, против их, белорусцев, не бивал се»[68].

Новая военная кампания показала несостоятельность надежд на Литву. Литовское войско снова выступило против казаков. Произошел ряд сражений, из которых наиболее крупным стала битва под Лоевом, когда армия Я. Радзивилла разбила крупное соединение казаков во главе с полковником М. Кричевским[69]. Стало окончательно ясно, что нельзя рассчитывать ни на сотрудничество с Литвой, ни даже на ее нейтралитет в начавшейся войне. Время новой военной кампании стало временем окончательного краха долголетних надежд на сотрудничество с королевской властью и с Литвой в деле преобразования Речи Посполитой.

Правда, и в этих условиях Хмельницкому удалось добиться значительных военных успехов, но они во многом были сведены на нет ненадежностью крымского союзника. Зборовский мир дал гетману определенную автономию в рамках Речи Посполитой, но было ясно, что Польско-Литовское государство, как только возникнут для этого

---

67 Там же. С. 161.
68 РГАДА. Ф. 79. 1649 г. № 1. Л. 148.
69 *Wisner H.* Janusz Radziwiłł... S. 119–122.

благоприятные условия, постарается положить конец существованию гетманства. В таких условиях соглашение с Россией, которое обеспечило бы существование гетманства в границах Русского государства, становилось не только желательным, но и необходимым. Поэтому напряженные усилия весны 1649 г. получили продолжение в последующей деятельности Хмельницкого.

Как известно, отношение русских политиков к предложениям Хмельницкого оказалось очень сдержанным. Русский посланец Г. Унковский, выехавший на Украину в марте 1649 г. вместе с С. Мужиловским, должен был сообщить гетману, что Россия не может нарушить «вечный мир» с Речью Посполитой[70]. Аналогичный ответ последовал и на обращение патриарха Паисия в мае 1649 г. К этому, правда, было добавлено, что если гетман и Войско Запорожское «своею мочью у короля и панов — рад учинятца свободны», то царь их «под свою царского величества высокую руку приняти велит»[71]. Думается, для обеих сторон была очевидна крайняя маловероятность такого исхода. Определенное реальное значение имело другое заявление представителей царя, что в критической ситуации «для православные християнские веры» царь казаков «пожалует, велит приняти», но «без земель»[72], то есть предоставит им убежище на своей территории. Такие ответы, разумеется, никак не могли удовлетворить гетмана и население гетманства.

Источники не дают нам прямого ответа на вопрос о причинах такой сдержанности. Как полагают исследователи, имело значение воздействие разных факторов, не только внешне-, но и внутриполитических. Вместе с тем заслуживают внимания некоторые тексты из письма Паисия Алексею Михайловичу, отражающие, видимо, также его впечатления от бесед с молодым царем. Царь, по словам патриарха, желал гетману победы над врагами. Во время беседы шла речь о обязанности православного монарха «охранять христиан»,

---

70 Воссоединение... Т. II. № 59. С. 139.
71 Там же. № 46. С. 100.
72 Там же. С. 100–101.

в особенности тех, которых царь считает «как бы своими сыновьями, соседями и сродниками»[73]. В письме, адресованном царю, патриарх вряд ли мог приписать ему слова, которые тот не говорил. Ясно, что в беседе говорилось не только об общей вере, но и об этническом родстве восточных славян, что налагало на царя, по его убеждению, дополнительные обязательства. Очевидно, что вопрос о будущей судьбе гетманства и его жителей стал уже серьезно обсуждаться в кругу советников царя.

Теперь всё зависело от позиции русской стороны, так как позиция украинской стороны четко определилась к весне 1649 г. Это, как пытался показать автор, было следствием важных сдвигов, происшедших в сознании участников восстания Хмельницкого в 1648–1649 гг.

С таким поворотом в сторону России возникал вопрос об определенном обосновании такого шага. Первую попытку такого обоснования можно обнаружить в записи переговоров Богдана Хмельницкого с русским посланником Василием Унковским осенью 1650 г. Гетман тогда сказал, что жители гетманства хотели бы перейти под власть царя, «потому что благочестивая православная християнская вера с нашею была одна, только, де, нас неправдою и насилием проклятые ляхи отлучили»[74]. Ссылка на общность веры комментариев не требует, но эти слова находятся в определенном противоречии с последующим утверждением, что ляхи отлучили жителей гетманства от жителей России. Здесь явно имеется в виду не нарушение единства веры, так как далее гетман говорил о гонениях на жителей гетманства за их приверженность православию. Гетман явно имел в виду другое — разрушение существовавшего в прошлом политического единства всех русских земель. Представление о существовании некогда такого единства и его постепенном разрушении с течением времени к середине XVII в. являлось прочной частью западнорусской исторической традиции. Однако писатели 20-х гг. XVII в. утверждали, что «русские» земли вошли в состав

---

73 *Белокуров С.А.* Арсений Суханов... С. LIV–LV.

74 Воссоединение... Т. II. С. 429.

Польского королевства добровольно на основе «пактов» — договоров, которые с течением времени, к сожалению, стали нарушаться. Теперь же Хмельницкий утверждал, что «русские» земли «лукавые ляхи» захватили «неправдою и насилием», оторвав их от другой части «русского» народа. Тем самым гетман предложил объяснение перемен, произошедших в Восточной Европе со времен Киевской Руси, принципиально сходное с тем, которое давно предлагала великорусская политическая традиция.

ГЛАВА 18

Россия и духовенство Киевской митрополии в первые годы восстания Хмельницкого

В отличие от событий 20-х — начала 30-х гг. XVII в. в конце 40-х гг. того же столетия верхушка киевского духовенства, тесно связанная с местной православной шляхтой, не имела к новому выступлению казачества никакого отношения, в особенности когда православная шляхта стала одним из объектов враждебных действий восставших. В киевских обителях укрывались искавшие спасения шляхтичи[1]. Первые лица среди этого духовенства, митрополит Сильвестр (Косов) и архимандрит Киево-Печерского монастыря Иосиф Тризна, старались содействовать переговорам лидера православной шляхты Адама Киселя с Богданом Хмельницким, рассчитывая так способствовать прекращению восстания[2]. Вместе с тем, как проницательно заметил М.С. Грушевский, победы Хмельницкого оказали сильное воздействие на настроения в православной среде. При торжественном въезде Хмельницкого в Киев студенты Киево-Могилянской коллегии приветствовали его как нового Моисея, освободившего свой народ от «ляшской неволи»[3].

Новое положение, сложившееся в восточной части Украины, поставило киевское духовенство перед новыми серьезными проблемами. Поддержку важным культурным начинаниям обеспечивала в годы правления Петра Могилы влиятельная в этом регионе православная знать. Группе таких знатных панов с своем завещании Петр Могила поручал опеку

---

1 *Грушевський М.С.* Історія... Т. IX. Ч. 1. Київ, 1928. С. 328–330.
2 Там же. Т. VIII. Ч. 3. С. 61, 65, 140.
3 *Грушевський М.С.* Історія... Т. VIII. Ч. 3. С. 123–125.

над Киево-Могилянской коллегией[4]. После победы восстания Хмельницкого таких патронов у церковных учреждений и Киева, и Левобережной Украины не стало. Церкви и обители нуждались не только в материальной помощи, но и в книгах. В 1651 г. Сильвестр Косов писал, что в соборе Св. Софии нет «двенадцати миней месячных да Прологов на весь год»[5].

Обозначившаяся перспектива войны с Речью Посполитой, войны, с самого начала принявшей характер острого религиозного конфликта, вызывала у киевского духовенства самые серьезные опасения. Как узнал в апреле 1649 г. в Киеве русский посланник Г. Унковский, киевское духовенство во главе с митрополитом Сильвестром и Иосифом Тризной обратилось к Хмельницкому с призывом, чтобы он «разорять монастырей и святых божиих церквей и их в смертную победу не дал»[6].

Важно, что в этой сложной ситуации русские власти содействовали развитию контактов между духовенством Киевской митрополии и Россией. Они заметно оживились в середине 40-х гг. XVII в., но их затрудняли военные события.

Приезжавшие просители встречали в России благоприятный прием. Большой интерес с этой точки зрения представляет дело о приезде осенью 1648 г. монахов Скитского Воздвиженского монастыря «в Галицких пределех», то есть из самой удаленной части Киевской митрополии. Монахи решились на дальнее путешествие по охваченной войной стране. Братия монастыря во главе с игуменом Дорофеем просила дать монастырю большое количество книг: месячные минеи, Пологи, Триоди, Устав, соборник, евангелие толковое и сочинения Ефрема Сирина[7]. Таким образом, обозначившийся в предшествующие годы интерес к продукции московского Печатного двора продолжал сохраняться. Характерно, что все просьбы монахов были удовлетворены. Книги, которых не оказалось в наличии, были куплены для монахов «в ряду»[8].

---

4 *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. М., 1996. Кн. VI. С. 570.
5 *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. М., 1996. Кн. VII. С. 41.
6 Воссоединение... Т. II. № 60. С. 159–160.
7 РГАДА. Ф. 52. 1649 г. № 3. Л. 11–12; АЮЗР. Т. III. Доп. № 14. С. 16.
8 РГАДА. Ф. 52. 1649 г. № 3. Л. 13–18; Воссоединение... Т. II. № 44. С. 79–80.

Одновременно монастырь, рядовая провинциальная обитель, получил жалованную грамоту с разрешением приезжать за милостыней «в шестой год» и получать при этом от государства корм и подводы»[9].

Еще более важно, что русская власть выступила с важным шагом, направленным на расширение контактов и изменение их характера. К концу 40-х гг. было окончательно покончено с сомнениями в правоверности западнорусской книжности. В 1649 г. на Печатном дворе было отпечатано «Собрание краткое науки о артикулех веры» — воспроизведение напечатанного в Киеве в 1645 г. изложения православной догматики. К этому времени возник и план привлечь просвещенных представителей киевского духовенства для осуществления своих важных культурных инициатив. Уже в первой половине 1649 г. царь Алексей Михайлович обратился к черниговскому епископу Зосиме Прокоповичу, а затем и к самому митрополиту Сильвестру с просьбой прислать в Москву ученых старцев, знающих греческий и латынь, «для справки библеи греческие на словенскую речь»[10]. Характерно, что в грамоте было указано, что нужны старцы Арсений и Дамаскин Птицкий. Это говорит о том, что написанию документа предшествовали какие-то неформальные контакты между Москвой и Киевом[11].

Реакция в Киеве на царскую грамоту оказалась оперативной. Уже 8 июня датирована грамота настоятеля Братского монастыря и ректора Киево-Могилянской коллегии Иннокентия Гизеля с сообщением, что в Москву направляются ученые старцы Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий[12].

В грамоте подчеркивалось особое значение царской власти, которая помогает православным монастырям «по всей греческой земле», но сделано это предельно кратко, а главное

---

9 РГАДА. Ф. 52. 1649 г. № 3. Л. 5–7.

10 Текст царской грамоты от 14 мая 1649 г. см.: Воссоединение... Т. II. № 80. С. 197–198.

11 Следует отметить продолжение практик поездок русских монахов «на богомолье» в Киев. В 1650–1651 гг. старец Гурий из Кириллова монастыря пробыл в Киеве «на богомолье» год (*Грушевський М.С.* Історія... Т. IX. Ч. 1. С. 137).

12 АЮЗР. Т. III. № 259. С. 323–324.

ударение было сделано на значении основанного Петром Могилой училища, которое воспитало людей, искушенных во многих «учениях», которые стойко отстаивают интересы православия в борьбе с иноверцами. В грамоте неслучайно подчеркивалось, что училище благословил иерусалимский патриарх Паисий, что должно было устранить всякие сомнения в характере преподававшейся здесь учености.

Вместе с учеными иноками в Москву направился старец Феодосий Сафонович с просьбой о милостыне и выдаче грамоты, которая позволяла бы регулярно за этой милостыней ездить. В грамоте отмечалось, что обитель ранее получала помощь «от благородных и благочестивых человек», но теперь из них «одни избиени, друзии без вести оскудеша». Устами Гизеля влиятельная корпорация студентов и преподавателей искала в Москве покровителя и защитника. Неслучайно в грамоте читалось, что в Коллегии «во всяку службу царского величества готови суще». В документах времени Петра Могилы таких заявлений не было. В грамоте митрополита Сильвестра от 20 июня 1649 г. с просьбой о поддержке Киево-Могилянской коллегии также читалось: «Иноков убо обители сея ... учительных ко всякому служению, в коем ли убо царское величество повелит себе служити, готовых представлю»[13].

Просьбы о поддержке, как уже отмечалось[14], встретили в Москве положительную реакцию. Старец Феодосий повез из Москвы грамоту, по которой Братский монастырь получил право приезжать за милостыней в пятый или шестой год и 200 руб. денег[15]. Но в августе 1650 г. монастырю была выдана новая грамота, по которой братия монастыря получила право ездить в Москву каждый третий год[16]. В самом документе отмечено, что он выдан по ходатайству старцев Арсения и Епифания, которые, таким образом, уже вскоре после приезда в Москву стали здесь влиятельными особами, очевидно,

---

13 Воссоединение... Т. II. № 99. С. 221–222.

14 *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. VII. С. 41.

15 Упоминание об этом документе см.: Воссоединение... Т. II. № 176. С. 402; *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. VII. С. 41.

16 Воссоединение... Т. II. № 176. С. 401–402.

благодаря поддержке таких ценителей киевской «учености», как Б.И. Морозов и Ф.М. Ртищев. В том же 1649 г. Ф.М. Ртищев поставил на Киевской дороге Андреевский монастырь, куда пригласил на жительство до тридцати монахов из киевских монастырей, «изящных во учении грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философии»[17]. Все эти факты показывали образованным кругам западнорусского духовенства, что в России они могут найти себе и помощь, и поддержку, и условия для успешной деятельности.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на еще одно важное обстоятельство. Т. Ходана справедливо обратил внимание на выпады Кассиана Саковича в его «Перспективе» против некоторых сторон жизни великорусской церкви[18]. Это была практика одновременного чтения разных частей богослужебных текстов (так наз. «многогласие»), что не давало возможности верующим понять и воспринять читавшиеся тексты. Осуждалось и отсутствие живой проповеди, когда священники ограничивались чтением чужих наставлений.

Такие порядки в России первой половины XVII в. действительно существовали, но, как показал в начале XX в. Н.Ф. Каптерев, уже в 30-е гг. XVII в. в среде русского духовенства началась борьба с этими пороками[19], и к середине столетия были достигнуты очевидные успехи. Так, уже в 1649 г. церковный собор обсуждал вопрос о введении единогласия при богослужении, и окончательное решение по этому вопросу было принято при поддержке восточных патриархов в 1651 г.[20] К тому же времени в церковной жизни заметное место стала занимать живая проповедь. Примером могут служить проповеди, которые при большом стечении народа читал в Казанском соборе на Красной площади Иван Неронов[21]. Таким образом,

---

17 *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. М., 1996. Т. VI. С. 347.

18 *Hodana T.* Między królem a carem... S. 168–169.

19 *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. I. С. 3 и сл; 86 и сл.

20 Там же. С. 100 и сл.

21 Там же. С. 23. Ср.: Там же. С. 24–25 (о проповедях священника Логина в Муроме).

начавшийся в середине 40-х гг. XVII в. процесс ликвидации различий между киевским и московским православием продолжался, и это создавало благоприятные условия для сближения московского и киевского духовенства.

В свете сказанного выше представляется неслучайным, что именно такие руководители Киево-Могилянской коллегии, как Иннокентий Гизель и Лазарь Баранович, стали лидерами в среде духовенства Киевской митрополии, а Иннокентий Гизель выступил позднее и с идейным обоснованием происшедшего воссоединения. Как представляется, происходившие события показывали отсутствие в Речи Посполитой перспектив для успешного существования Киево-Могилянской коллегии.

Наблюдая происходившие сдвиги, русские власти старались поддерживать не только образованные верхи Киевской митрополии, но и представителей других слоев западнорусского духовенства. Так, когда летом 1650 г. приехала делегация духовенства Никольского Крупецкого монастыря в Батурине, братия получила грамоту, разрешавшую приезжать за милостыней «в седьмой год»[22]. Одновременно посланцы получили церковные облачения и для их обители были куплены Псалтырь, Евангелие напрестольное, Октоих, Прологи[23].

Хорошо известно, что, соглашаясь на переход под русскую власть, киевское духовенство хотело сохранить свою автономию, избежать включения в состав Московского патриархата. В этом отношении могли объединиться представители разных ориентаций. Однако нельзя сказать, что такие взгляды механически разделялись всем духовенством Киевской митрополии. Так, на территории Смоленщины еще за несколько лет до начала русско-польской войны зародилась практика отправки прихожанами священников на поставление в Москву. Так, сохранились тексты ставленных грамот крутицкого митрополита, относящиеся к 1649 г.[24],

---

22 Акты исторические. СПб., 1862. Т. IV. № 41.

23 Воссоединение... Т. II. № 177–178. С. 403–404.

24 *Флоря Б.Н.* Смоленщина и Московская патриархия накануне русско-польской войны // Славянский альманах. 2002. М., 2003.

а в 1652 г. дорогобужские мещане отправили кандидатов на поставление к самому патриарху Никону[25]. При включении после начала русско-польской войны Полоцкой епархии в состав Московской патриархии это вызвало протесты, но не со стороны местного православного духовенства. Впрочем, этот вопрос начал становиться источником идейных столкновений лишь после вхождения гетманства в состав Русского государства.

[25] *Флоря Б.Н.* Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20-е — 40-е гг. XVII в.) // Revue des études slaves. 1998. № 2. S. 344.

Заключение

Проделанное исследование привело новые доказательства, что конец XVI — первая половина XVII в. — это такой период во взаимоотношениях восточнославянского населения Речи Посполитой и русского общества, когда контакты между ними становились все более оживленными и многосторонними. Уже источники последних десятилетий XVI в. фиксируют и миграцию в Россию из Речи Посполитой шляхты и казаков, и принятие Запорожского Войска на царскую службу, и широкое распространение в России уже в то время продукции западнорусских типографий.

В истории развития этих контактов следует выделить годы «Смутного времени», когда появились свидетельства о существовании в восточнославянском обществе Речи Посполитой таких кругов населения, которые осуждали действия собственного правительства и желали в развернувшейся борьбе победы России.

Исследователи уже XIX в. могли отметить, что в истории контактов двух обществ 20-е — начало 30-х гг XVII в. занимают особое важное место. Именно в это время восстановленная при участии казачества и православной шляхты православная иерархия, которую не признавали и преследовали власти Речи Посполитой, стала искать помощи и поддержки в Москве. В эти годы Россию посетили десятки посольств, возглавляемых духовными лицами из Киевской митрополии. Наибольшую активность в этих контактах проявили монастыри Киева, Среднего Приднепровья и Левобережья. Особая роль принадлежала контактам между Москвой и Киевской митрополичьей кафедрой. В ходе

этих контактов был поставлен вопрос о том, что власть короля Сигизмунда III над восточнославянскими землями незаконна (это власть враждебных православному «русскому» народу «ляхов»), что русскому государству следовало бы поддержать казаков в их борьбе с властями Речи Посполитой для объединения всех «русских» земель в едином Русском государстве. Выдвижение этих положений сопровождалось их развернутым идейным обоснованием. В исходивших от митрополичьей кафедры текстах обосновывалось положение, что Речь Посполитая образовалась как добровольное объединение народов, в котором каждому народу гарантировались его традиционные права. Нарушение властью этих прав с осуществлением религиозных преследований давало православному восточнославянскому населению Речи Посполитой законное основание для отделения от этого государства. Одновременно в окружении архимандрита Киево-Печерского монастыря Захарии Копыстенского создавались исторические тексты, такие как протограф «Густынской летописи», где Древнерусское государство выступало как общий предок и восточнославянских земель Речи Посполитой, и Русского государства. Предлагались и конкретные планы для достижения этой цели. Православные митрополиты Иов Борецкий и Исайя Копинский побуждали казачество стать на сторону России в ее конфликте с Речью Посполитой. Если конкретные планы и не были осуществлены, то разработанные в 20-е гг. XVII в. представления стали важной частью сознания образованных верхов православного восточнославянского общества. В середине XVII в. их излагал уже от своего имени Богдан Хмельницкий.

Приезжавшие в Москву посольства получали здесь помощь и поддержку.

Определенные сложности на этом этапе возникали в связи с восприятием русским обществом и русской властью изданий западнорусских типографий и других текстов, попадавших в эти годы в Россию. Памятники эти, с одной стороны, получили в России широкое распространение и оказали (особенно полемические произведения) сильное влияние на представления образованных русских людей XVII в.

о истории христианского мира и образе идеальной церкви. С другой стороны, существовали различия в общекультурной ориентации двух народов, обострившиеся благодаря отрицательной реакции людей, переживших Смуту на разного рода внешние влияния. На это накладывались опасения, что из западной Руси в Россию могут попасть и неправославные издания. В итоге с годами резкого оживления межцерковных связей совпал запрет на привоз и продажу в России «литовских книг». Имелись и планы их изъятия у населения, но они были осуществлены лишь в некоторых пограничных городах. Позднее произошел определенный упадок церковных связей, когда Речь Посполитая была вынуждена признать существование православной иерархии, а к руководству Киевской митрополии пришла часть духовенства, связанная с православной шляхтой и лояльная по отношению к Речи Посполитой. Однако к началу 40-х гг XVII в. контакты были восстановлены. Киевская митрополичья кафедра, хотя и лояльная Речи Посполитой, снова просила в Москве поддержки и помощи и снова получила помощь из России, и происходило это в условиях, когда западнорусская книжность была реабилитирована, а у образованных верхов русского общества резко усилился интерес к произведениям киевской «учености», связанным с деятельностью митрополита Петра Могилы и основанной им Академии.

С началом восстания Хмельницкого у духовенства не стало такого партнера, как православная шляхта, и оно должно было искать взаимопонимания с верхушкой Запорожского Войска, искавшей сближения с Россией. Общая благоприятная атмосфера контактов с русской церковью и русским обществом облегчала киевскому духовенству такой выбор.

Рассмотрение данных о контактах казачества с Россией, о представлениях казаков и их действиях позволяет обрисовать достаточно сложную картину. Уже в конце XVI в. наблюдаются и миграция казаков на русскую территорию, и попытки Войска Запорожского быть принятым на царскую службу. В дальнейшем неоднократно наблюдаются попытки поисков такого сотрудничества в борьбе с набегами татар, и в некоторых случаях они были успешными. Уже эти факты

показывают, что на Россию смотрели как на соседнюю дружественную страну. В условиях конфликта казачества с органами власти Польско-Литовского государства Россия рассматривалась как страна, где можно найти убежище и поддержку. Именно такими представлениями руководствовались уходившие в Россию участники казацкого восстания 1637–1638 гг. В казацкой среде возникали и планы ухода в Россию вместе с «городами». Их возникновению способствовали обращения киевского духовенства 20-х — начала 30-х гг. XVII в.

Вместе с тем в течение длительного времени полной ориентации казачества на Россию препятствовали сохранявшиеся в этой среде представления о существовании в Польско-Литовском государстве влиятельных политических сил, в сотрудничестве с которыми казачество могло бы добиться признания и утверждения казацких «вольностей». Именно с расчетами, что их «служба» позволит добиться признания их «вольностей», связано участие казачества в первой половине XVII в. в войнах с Россией на польско-литовской стороне. Представления о существовании в Речи Посполитой таких сил были иллюзией, не имевшей соответствия в реальной действительности, но эта иллюзия сохранялась в сознании казачества в течение длительного времени. Несостоятельность таких представлений стала окончательно ясной для казачества в годы восстания Богдана Хмельницкого, и тогда наступил его решительный поворот в сторону сближения с Россией.

В отношениях казачества с Россией определенное место принадлежало вопросу о судьбе казаков-переселенцев на территории России. Такие переселенцы присутствовали на русской территории постоянно с середины XVI в. Их количество резко возросло после поражения восстания 1637–1638 гг. Сохранившийся обширный документальный материал наглядно доказывает, каких усилий и расходов потребовало устройство этих переселенцев на новом месте. Здесь они получали регулярную помощь, на которую не могли рассчитывать в Речи Посполитой. Вместе с тем, получая помощь и добиваясь ее, переселенцы хотели сохранить свое самоуправление и ходить на «службу» против татар

по собственному выбору. Такие расхождения преодолевались при усилиях обеих сторон. Более серьезные коллизии возникали при столкновениях разных правовых традиций. Так, попытка казаков в Чугуеве самовольно сместить назначенного царем гетмана Яцко Острянина привела к их обвинению в государственном преступлении, мятежу и отъезду в Речь Посполитую. Несмотря на эти сложности и коллизии, бóльшая часть переселенцев приспособилась к русским порядкам, и их ряды стали пополняться новыми приезжими из-за рубежа, считавшими условия жизни в России благоприятными для себя. Об этом, несомненно, было известно жителям Украины, и это, как представляется, повлияло на их решения в Переяславе.

Важной частью контактов двух обществ в конце XVI — первой половине XVII в. стала миграция в Россию шляхты Речи Посполитой для поступления на русскую службу. Миграция эта происходила постоянно и привела к образованию в России целого войска таких выходцев, пользовавшегося определенной автономией (в частности, имела место практика выборов командиров отдельных отрядов). Как представляется, контакты с представителями этого слоя должны были знакомить русских политиков с особенностями устройства Речи Посполитой и социальной психологией ее правящего слоя. Этот опыт, вероятно, был использован в середине XVII в. и при контактах с вышедшей из рядов шляхты казацкой старшиной, и с шляхтой тех восточнославянских земель, которые во второй половине 50-х гг. XVII в. оказались под русской властью.

Вместе с тем массовая эмиграция шляхты, терявшей на родине свою собственность, была важным проявлением внутреннего кризиса Польско-Литовского государства, когда в обществе размывался его «средний слой» и нарастала социальная поляризация. Это стало одной из предпосылок того социального взрыва, одним из результатов которого стало воссоединение Украины с Россией.

Указатель имен

А

Аверкий, митр. 249
Авраамий Палицын 66, 67, 78, 89, 90, 207
Авраамий Ростовский 26
Авраамий Стагонский 120, 121, 128
Аврамов А. 214
Агапит 43
Адмирал П. 256
Азарьин С. 78, 187, 319, 320
Акакий, эконом 316
Александр Ахия 149, 191, 211, 212
Александр Македонский 23
Александр Невский 106
Александр (Алеша) Попович 14, 15
Алексей, митрополит 25, 26
Алексей Михайлович, царь 304, 322–324, 343, 432, 434–440, 444, 447, 450, 452, 457
Алексеев Р. 389
Алексеева О. 389
Алферов С. 52
Амвросий, архидьякон 300, 302
Амфилохий, архимандрит 248
Анастасий, монах 169
Андрей Боголюбский 104
Андрей Ярославич 106
Андреян, игумен 169
Анненков В. 384
Антоний, келарь 309–311
Анцифор, свящ. 37
Апанович Е.М. 370, 373, 374
Арандаренко Т. 257, 258, 278–280, 328
Ардашев И.Н. 71
Арсений Элассонский 39
Арсений Сатановский 457, 458
Артемьев Д. 38
Артемий, старец 27, 209
Афанасий, игумен 34
Афанасий, старец 37
Афанасий Филиппович 289, 314, 315, 325

Б

Багалей Д.И. 54, 359, 361, 372, 373, 376, 394, 395, 421
Байбуза Т. 59
Балакирев Д. 137
Балаш И. 273
Бартошевский С. 233
Барышевский М. 238
Барышполец 71, 72, 87
Батый 18, 105, 106, 294
Бахмет С. 225
Бахтеяров-Ростовский В.И. 35
Беззубцев Ю. 59
Бельский Б.Я. 52, 54

Бельский С. 166
Бермацкий А. 221–223
Бермацкий Ю. 222, 223
Бершатцкий Ф. 412
Бетлен Габор 220
Боговцев В. 395, 414
Богун В. 412
Болоховский С. 434, 437
Болтаев И. 36
Болтин Б. 272, 273
Бонишевский И. 228
Борецкий А. (брат митрополита Иова Борецкого) 246, 254, 255, 257, 258, 425
Борецкий А. (сын митрополита) 247
Борецкий П. 254, 257, 289
Борзяк Л.П. 390–394, 407, 418
Бохтин И.Д. 35
Бошка К. 415
Боярский Ф. 160
Бредерович П. 213
Брехуненко В. 148
Булатников А. 186, 206
Булычев А.А. 10, 93, 147, 181, 189, 200, 203, 204
Бурцев В. 293
Бут Д. 412, 404
Бутурлин И. 375, 377
Бутурлин О. 420
Бучинский С. 144

В

Вальдемар 297
Варлаам, архимандрит 140, 141
Варлаам Хутынский 25
Варнава, игумен 312
Варнава, келарь 316
Варпоговский Я. 235
Варсонофий Казанский 27
Варсонофий, игумен 35
Варсонофий, старец 129
Варсонофий, епископ 23
Василий, игумен 127
Василий Лупу 293, 297, 309, 312
Василий III 17, 22, 23
Василий Блаженный 27
Василий Полочанин 137
Васильев П. 419
Васильев С. 182, 393
Вельяминов М. 280
Венгерской И.Д. 352
Вениамин , брат Иосифа 133
Вергун И. 382, 383
Веревкин А. 56
Веселовский В. 351, 354
Вешняк Ф. 450
Виктор, старец 166
Виснер Х. 227
Витовт Кейстутович 19
Вишенский И. 59, 78, 209
Вишневецкая А. 175, 176
Вишневецкий Адам 51, 65
Вишневецкий Александр 57
Вишневецкий Д. 56
Вишневецкий К. 66
Вишневецкий М. 118, 174
Вишневецкий Я. 279, 281, 310, 346, 347, 430, 434, 439, 442. 445, 446, 447
Владимир Мономах 104, 105
Владимир Святославич 14, 15, 17, 43, 102, 104, 107, 295, 303
Владислав IV 82, 83, 85–87, 95, 147, 152, 161, 226, 228, 246, 248, 263, 264–267, 274, 277, 278, 280, 286, 287, 291, 297, 298, 307, 315, 328, 332–334, 341, 343, 345–347, 430–432, 434–436, 439, 440, 445, 446, 448
Воейков Н.П. 423
Волконский И. 387
Волошенинов М. 441, 450

Волынский П.И. 188
Вольский Я. (Иван) 357
Воронич 251
Воротынский И.М. 137
Ворыпаев И. 225
Врославский Г. 234, 237, 238
Всеволод Большое Гнездо 18

Г

Габсбурги 58, 139
Гавронский Г. 412, 414
Галактион, отшельник 72
Галактион, старец 310, 311
Гарабурда В.М. 34, 203–205
Гваньини А. 24
Гедеон Балабан 74
Гедеон, игумен 316, 322, 324
Гедеон, старец 129
Гедеон, дьякон 172
Гедимин 18, 19, 20
Геннадий, иеромонах 127
Герасим, иеродьякон 169
Герасим, свящ. 392, 393
Гермоген, патриарх 90
Гермоген, старец 164
Гиря И. 148, 211
Гладкий Г. 117, 137, 143–145, 151, 152, 156–159, 215. 224, 246, 247, 249, 250, 254, 255, 257, 258
Годунов Б.Ф. 40, 41, 47, 48, 54, 57, 59, 60, 153
Годунова И.Ф. 41
Голенищев Ф.И. 394
Голуб О. 145, 151
Голубовский 181
Голубовский П. (Андрей) 230–232
Горохович М. 213
Горянко 337
Госевский А. 69, 227
Граевский С.225, 239, 231, 234
Грамотин И.Т. 97, 117, 125, 126, 131, 132, 135, 137, 193, 213
Гребенкин Т. 393
Грев Ж. 256
Григорий, справщик 194
Григорий, старец 170
Григорьев Г. 413
Грицко Черный 217
Грушевский М.С. 68, 70, 132, 136, 147, 216, 327, 331, 332, 366, 373, 374, 376, 381, 382, 384, 385, 389, 390, 395, 421, 422, 429, 432, 445, 447, 455
Грушевский П. 352
Грязной Т.В. 53
Гульчевский С. 416, 418
Гулянский М.И. 184
Гуня А. 341
Гуня Д.Т. 337
Гурий Казанский 27
Гурий, старец 457
Густав Адольф 160, 256, 258

Д

Давыд, архидьякон 172
Давыдов А. 339
Дамаскин Птицкий 457
Данилов Д. 282
Данилов П. 426, 427
Деденко А. 261, 276
Демидов 62
Демьян 382
Дернов М. 184
Дионисий, иг. Александро Свирский 43
Дионисий, игумен Кемский 34
Дионисий Зобниновский 78, 186, 191, 192, 206
Дионисий Ралли 41, 42

Дионисий, монах 169
Дмитриев И. 426
Дмитрий, царевич 27
Дмитрий Прилуцкий 26, 28
Дмитрий, протопоп 311
Долгоруков Ю.А. 307, 345
Долматов С. 370
Домникея 166, 168, 254
Дорофей, свящ. 167
Дорофей, игумен 456
Дорош Куцкович 278, 279
Дорошенко М. 86, 87, 145, 146, 213
Древинский Л. 156, 224
Дубицкой И.Г. 355
Дубровский Б. 293, 294, 299, 311
Дурново С. 378

Е

Евагрий 163,
Евфимий 309
Емельянов А. 240
Епифаний Славинецкий 457, 458
Ермак 55
Ермаков С. 81
Еропкин И. 237
Ефрем, дьякон 166
Ефремов П. 352

Ж

Желиборский М. 231, 234. 238
Жеславские 222
Жолкевский Л. 329
Жолкевский С. 59, 80, 81, 83, 109
Жукович П.Н. 217
Жураковский Е. 351, 353

З

Заблоцкий Я. 243
Заруцкий З. 230
Заруцкий И.М. 68, 228, 232, 239
Заславский Д. 434
Захарий, свящ. 273
Збаражский Е. 284
Збаражский К. 146. 151
Зизаний Л. 124, 164, 190–197, 210
Зизаний С. 77, 79, 208, 210
Зиновьев А.Ф. 52, 53, 55
Зосима Прокопович 457
Зосима Соловецкий 27, 28

И

Иван Калита 106
Иван III 16, 17, 19, 107
Иван IV 16, 18, 23, 24, 26, 37, 53, 56, 89, 165
Иван Новгородец 78
Иванкиев В. 382
Иванкиев В.Ф. 369
Иванов А. 259
Иванов З. 157
Иванов П. 83
Иванов Т. 339
Ивановский М 352.
Игнатий, игумен 169
Игнатий, иеромонах 126
Игнатий, иеромонах 170
Игнатий, иеромонах 171
Игнатий, свящ. 167
Игнатий «белец» 167
Игнатий Иевлевич 297
Игнатий Старушич 294, 296, 297, 299, 304
Иеремия, епископ 113–115
Иеремия Могила 177
Иеремия Тиссаровский 123

Измайлов А.В. 270, 281
Измайлов И.В. 61
Илларион Денисович 289
Илларион, келарь 127, 163
Илья, игумен 193, 194, 196, 197, 199
Илья, старец 129
Илья, строитель 224
Илья Муромец 14
Илья Торский 308, 310, 311
Иннокентий Гизель 457, 458, 460
Иоаким, монах 168, 178
Иоанникий, келарь 172
Иоасаф I 187, 291
Иоасафат Кунцевич 97, 142
Иов, патриарх 39, 46, 47
Иов, иг. Густынский 127, 259, 260
Иов, игумен 163
Иов, старец 308
Иов, старец 313
Иов, старец 346, 347. 429
Иов Борецкий 94, 192, 113–117. 120, 122, 125, 129, 131–133, 137, 139, 141–148, 150–162, 164, 165, 168, 172, 174, 189, 182, 190, 196, 199, 211, 214, 218, 222, 223, 241, 245–247, 249–255, 258, 259, 262, 463
Иов Железо 126, 170, 171, 173
Иов Княгиницкий 172
Иов Константинов 300
Иоиль Трусевич 289
Иоиль, келарь 308
Иона, архиепископ новгородский 28
Иона, строитель 311
Иона, старец 129
Иосиф, сын Иакова 133, 134
Иосиф, патриарх 321
Иосиф, архидьякон 170
Иосиф, протосинкелл 115–117, 125, 245, 249, 299
Иосиф, старец 129, 143, 156, 168
Иосиф Бобрикович 287
Иосиф Волоцкий 27
Иосиф Курцевич 112, 113, 121–123, 126, 130, 145, 166, 168, 170, 175, 178, 179, 221, 224, 249, 260
Иосиф Рутский 13, 182, 251
Иосиф II Солтан 23
Иосиф Тризна 455, 456
Иринарх, игумен 186, 189
Иринарх, уставщик 300, 302
Исаакий, уставщик 158, 164
Исаакий, игумен 172, 215
Исаакий Борискович 121, 131–134, 136, 137, 144, 147, 149, 150, 211, 255, 257, 258, 260
Исаак, черный дьякон 129
Исаак, иеромонах 128
Исаевич Я.Д. 45
Исайя, архидьякон 164
Исайя, иеромонах 168
Исайя Балабан 129
Исайя Копинский 118, 119, 120, 122, 127–129, 163, 164, 169, 174, 179, 253, 254, 258–262, 266, 284, 285, 287, 292, 308, 463
Исайя Трофимович 296, 304, 305
Исидор, митрополит 29
Исидор, юродивый 26
Искендер-паша 83

К

Казановский М. 280
Казы Гирей 53, 56, 57, 61
Каленик Андреев 69, 148, 149, 211, 212

Калистрат, игумен 292
Кальнофойский А. 222
Каменский О. 242
Каневец Л. 213
Каневский Д. 291
Кантакузин Ф. 161, 219, 220, 276
Каптерев Н.Ф. 459
Караимович И. 281, 282, 333
Карпов М. 404, 405
Карпов Ф.И. 27
Квашнин М. 392
Кгоржбок В.А. 222, 223
Кикин В. 169
Киличевский Ф. 177
Киприан, наместник 122
Киприан, архимандрит, затем митрополит 37, 78, 187, 206
Киприан, дьякон 167
Кирилл, митрополит 258
Кирилл, иеромонах 121
Кирилл Белозерский 26
Кирилл Лукарис 116, 161, 248, 259, 290
Кирилл Тимофеев 126, 171
Кирилл Транквиллион Ставровецкий 198, 199
Кисель А. 297, 307, 312, 323, 433, 434, 444, 455
Киселев Р. 213
Китайчич А. 164, 167, 178, 190, 199, 200, 224
Климашевский М. 353
Климов Г. 434, 435, 437
Ключарев М. 401
Козловский С. 352, 354
Кокорев Г.И. 340, 410, 411, 413, 415
Колтовский П. 426
Комаровский А. 352, 354, 356
Конашов Г. 59
Кондырев Ж. 344, 345
Конев С. 337
Конецпольский А. 344
Конецпольский С. 137, 144, 151, 152, 213, 216–220, 246, 247, 257, 261, 263, 265, 267, 283, 329, 330, 332, 333, 343, 416
Конишевский Г. 228
Конша Б. 87, 151
Коншин Ж. 360
Копыстенский Захарий 27, 28, 94, 102, 103, 105, 108, 124, 160, 164, 165, 295, 320, 322, 463
Копыстенский Михаил 73, 74
Корецкий Б. 26
Корзо М.А. 10, 193, 196
Косинский К. 57, 60
Кохановский 63
Красовский Л. 238, 239, 351, 352, 353, 354
Кревза Лев 29, 259, 269
Кремский П. (Матвей) 237, 238, 351, 354, 357
Криковский Я. 229
Кричевский М. 451
Кроковский К. 355
Кром М.М. 22
Круковский К. 243
Крупецкий А. 114
Крыпьякевич И. 248, 256
Кузмин С. 242
Кузьминский Ф. 332
Кукушкина М.В. 34
Кулага И. 257, 258, 261
Кулаковский П. 270, 271
Кулаковский Ю. 238
Кулиш П.А. 149
Кулябин З.И. 240
Кунаков Г. 438, 442
Куницкий Г. 122
Куницкий Я. 24, 27, 28, 32, 209
Курбский А.М.

Л

Лавруш 80
Лазарь Баранович 460
Лазарь Онуфреев, свящ. 143
Лазарев Л. 343
Латыш Ю. 281
Лашкович С. 56
Лащ 144
Левоновский С. 358
Леонтий Шитик Залеский 290, 291
Леонтьев З. 436
Лепляев Л.330
Лепявко С. 148
Лесли А. 270
Лехновский А. 354
Лещинский А. 344
Лжедмитрий I 49, 51, 54, 65, 73, 93, 232, 233
Лжедмитрий II 67–69
Лисовский А. 66, 70, 71
Лихарев Ф. 157
Лихачев Ф. 194
Ловзин А. 354, 358
Логин, монах 175
Лодыженский М. 396, 397–399, 402, 403
Лукомский А. 222, 223
Лукьянов Б. 341
Луневский М. 235, 236
Лыков М. 226
Лысый Я. 53
Лыткин Г. 188
Лыткины 188
Львов А.М. 290, 343, 450
Львов Д.П. 371, 374
Любомирский М. 226, 234, 237, 238
Ляпунов П. 70
Ляпунов У. 424, 426
Лясота Е. 58, 59

М

Макарий, иеромонах 129
Макарий, иеромонах 172
Макарий, игумен прилуцкий 26
Макарий, игумен галицкий 172
Макарий (Булгаков) 25
Макаров Иван 205
Максим, юродивый 26
Максим Грек 27, 209
Малаховский И. 383
Малюшицкий В. 33
Мамлеев И. 229
Мамоничи 34, 35, 205
Маржерет Ж. 54, 58, 62
Мартин Ерофеев 313
Мартирий, игумен 170
Мартынов А. 53
Марфа, мать Мих. Фед. 123, 182
Маслов Т. 58
Матвей, брат Авраамия Стагонского 121
Матьяш 338
Матюшенко Б. 412, 414
Мелетий Пигас 46, 78, 79, 116, 188, 195, 209
Мелетий Сириг 302, 303
Мефодий, строитель 127
Мефодий, игумен 163
Мизин М. 63
Миклашевский И.Н. 373
Миколаев А. (Иван) 229
Милославский И.Д. 311, 343
Мингайло 20
Минин К. 227
Мировецкий М. 231
Мисаил, архиепископ 324
Митрофан, строитель 308
Михаил, иеромонах 172
Михаил Гаврилов 314
Михаил Федорович, царь 79, 80, 93–96, 111, 118, 123, 133, 141, 147, 157, 165, 171, 175,

176, 212, 225, 290, 294, 295, 297, 300, 303, 209, 315, 326
Михайлов В. 438, 447
Михайлов П. 311
Михайлов Ф. 352
Михей, старец 166
Мнишек М. 74, 232, 233
Мнишек Ю. 65
Мневский К. 231
Мокеев Л. 312
Монтивил 20
Морозов Б.И 189, 324, 456.
Морозов И.В. 323
Мстиславец Б. 59
Мстиславец П. 33
Мужиловский А. 145, 146, 248, 250–254, 258
Мужиловский С. 440–442, 444, 446–448, 452
Мурад IV 161
Муровинский А.И. 229
Мыцык Ю.А.106, 253
Мясковский В. 444, 448, 449

Н

Наливайко 68
Наливайко С. 60
Наседка И. 78, 199, 208
Нащенко И. 383
Немировский И. 242
Немоевский С. 73
Неронов И. 459
Нетицкой Б. 271
Никифоров В. 58
Николаев А. 124
Никон, патриарх 461

О

Обалковский 140
Обруцкий В. 351, 354, 355, 357
Огинские 176
Огинский Л. 235
Оладьин И. 59
Ольга, княгиня 303
Ольшевский А.И. 240
Омельянов О. 412, 413
Опарина Т.А. 10, 40, 77, 89, 199, 208–210, 302, 319
Ордин-Нащокин А.Л. 186, 189
Орехов Г. 393
Осман мурза 214
Оссовский Я. 57
Остафьев И. 309
Острожский К.И. 22, 23
Острожский К.К. 24, 28, 32, 33, 40, 44, 46–49, 78, 209
Острянин Яцко 279, 281–283, 324, 330, 331, 337, 341, 369, 395, 398, 399, 403, 407, 409, 412–414, 416–418, 466

П

Павел, старец 169
Павел, племянник Иова Борецкого 247
Павлов И. 261, 262
Павлюк 333, 336
Паисий патриарх 440, 441, 443, 444, 448, 450, 452, 458
Пальчиков А. 49
Палицын А. 66
Памво Берында 94, 124, 125, 131, 136, 164
Панкратий 174, 175
Папков А.И. 50, 51, 343, 373, 395, 418, 419, 423
Пахомий Лагофет 25
Пафнутий Боровский 25
Пафнутий, архимандрит 36
Пельгжимовский Е. 63

Передмирский И. 302
Петр Могила 156, 169, 164–166, 183, 245, 246, 249–251, 254–256, 258, 260, 284–287, 290–295, 297–305, 307, 308, 310, 318–320, 322, 325, 326, 455, 458, 464
Петр, «царевич» 68
Петров И. 302
Петров В. 360
Петровский Я 235.
Петроний 126
Петроний Жуковицкий 123, 130
Плакидин И. 345
Плетенецкий Е. 93, 94, 102, 116, 118, 124, 125, 190
Плещеев Н. 433, 437
Подосенов З. 321
Пожарский Д.М. 96, 191, 228, 232, 238
Пожарский П.Д. 340
Полознев Д.Ф. 188
Попов А. 395, 407, 413, 416
Порвиньский З. 357
Поршнев Б.Ф. 256
Потий Ипатий 48, 209
Потоцкий М. 313, 334, 335, 347, 430, 439, 442
Проестев С.М. 298, 340
Прончищев Я. 56
Проскура 251
Просовецкий И. 70
Пухальский М. 230
Пушкин Сулемша Г.Г. 61
Пушкин Г.Г. 343, 387
Пырский 279, 282
Пясечинский А. 279

Р

Радзивилл А. 267, 314
Радзивилл К. 122, 142, 144, 146, 176, 215, 251–253, 263 277, 307, 334, 335
Радзивилл Я. 297, 347, 348, 449, 451
Радзивилы 448
Раина Могилянка 118
Ратомский М. 184
Рафаил 129, 170
Рафаил Жижморский 119
Ржевский Д. 55
Рогановский Я. 238
Рогов А.И. 25
Роговский О. 354–356
Роман 415
Романов И.Н. 182, 201
Росоха Г. 398, 403, 406, 407, 409, 416, 417
Ртищев М.А. 324
Ртищев Ф.М. 189, 324, 458
Рубчинский Г. 265
Рудольф II 58
Ружинский Б. 56
Ружинский Р. 69, 79
Руссель Ж. 220, 245, 256, 257
Руцкий П. 233
Руцкий С. (Василий) 233
Рыльский Х. 238, 349
Рышкеев В. 231

С

Савватий Соловецкий 27, 28
Савельева Н.В. 10, 322, 323
Савицкий С. 145, 146, 147, 148, 241
Сагайдачный П. 82, 84–89, 98, 108, 111, 113, 145, 150, 153 212, 240, 283
Сакович К. 318, 319, 459
Салтыков Ф. 316, 322
Самко С. 213
Самуил, иеромонах 175

Сандецкий К. 233
Сандецкий С. 233
Сапега А. 56
Сапега Л. 75, 142, 314
Сапега Я.П. 66, 67
Сапожников М. 371
Саршовемет мурза 214
Сас П.М. 82, 85, 88, 94–97, 99
Свидницкий А. 234
Свидницкий И. 355
Святослав Всеволодович 18
Севрюцкий Т. 63
Семенов Е. 228
Семенов К. 412
Сеницкой 271
Сеножатцкои К. 276
Сергий, епископ 121
Сергий Радонежский 25, 28
Серебряный 151
Сигизмунд II 21
Сигизмунд III 74–76, 82, 97, 99, 101, 113, 121, 133, 134, 139, 141, 160, 215, 220, 230, 252, 262, 263, 267, 277, 284, 314
Сидор 71, 72
Силуян 27
Сильвестр Косов 307, 455, 456, 458
Сильвестр, строитель 309
Симеон, еп. крутицкий 37, 39
Симеон, старец 170
Синявский Я. 228
Скалозуб С. 59
Скарга П. 32, 50
Скидан 333
Скобелкин О.В. 61, 237, 238
Скорина Ф. 29, 34
Слободцкой Я. 236
Слоничевской Я. 236
Слотовский С. 355
Слотовский Х. 355
Службистый И. 412
Смолий В.А. 440, 443, 445, 448
Смоневский Я. 356, 357
Смотрицкий Г. 32
Смотрицкий М. 139, 145, 157, 174, 251, 324
Соболь И. 325
Соковнин П.Ф 324.
Сорока 331
Софроний Почапский 297
Спиридон Соболь 292, 293, 325
Спиридон, строитель 123, 126, 171
Степанков В.С. 440, 443, 445
Степанов Л. 428
Степанов С. 405
Стефан Баторий 40
Стефан Бонифатьев 323
Стрешнев В.И. 316, 344
Стрешнев И.Ф. 35
Строганов И.М. 205
Строганов Н.Г. 182, 183, 187–189
Строгановы 34, 187
Судья П. 415
Сулея П. 405
Сулим И. 214, 215, 329
Сысын Ф. 103, 104

Т

Тарас Федорович 219, 220, 247, 265, 281, 328, 330, 331
Тарновский М. 232
Тарновский С. (Остафий) 232, 233
Тарнопольцов М. 350
Татаринов М. 338
Творогов О.В. 29
Телепнев С. 411
Терентьев С. 382
Тимофеев И. 89, 90
Тимофеев Я. 301
Тимофей, свящ. 205
Трифон, игумен 37

Трофимов Т. 184
Трубецкой А.Н. 433
Трубецкой П. 290
Тургенев А. 363–368
Турилов А.А. 47–49
Туровец И. 213
Тышкевич Г. 160, 252
Тышкевич Я. 160, 252, 263
Тышкевичи 66
Тюфякин Г. 359

У

Унковский В. 453
Унковский Г. 449, 451, 452, 455
Устинов Х. 282

Ф

Фанмедин А. 354
Фатьянов М. 156
Федор Иванович, царь 40–45, 47, 59, 165
Федор Ростиславич Черный 26
Федоров Г. 264, 265
Федоров И. 27, 32, 34, 205
Федоров М. 54, 55, 57
Федорович С. 57
Феодосий, архиеп. 39
Феодосий, митрополит 25
Феодосий Сафонович 458
Феофан, патриарх 98, 99, 108, 113, 114, 118–121, 125, 126, 247, 248, 286
Феофан Семешковский, игумен 168
Феофан, дьякон 166
Филарет, патриарх 90–92, 114, 115, 118–121, 123–125, 143, 157, 161, 167, 168, 177, 183–185, 193–195, 197, 198, 202, 207, 208, 210, 219–221, 249, 252, 253, 260, 262, 276
Филипп, свящ. 145–147
Филоненко 242, 281, 283
Филофей, еп. 39
Филофей Кизаревич 170, 254, 255, 258
Фонкич Б.Л. 115, 116

Х

Халаим М. 237, 238
Харитонов Федор 35
Харлампович К.В. 122, 124, 125, 162, 174, 176–178, 316
Харченко Л. 276, 279–281
Хвалковский Е. 357
Хмелевский Бальце (Павел) 227, 228, 233
Хмельницкий Б. 308, 429–431, 435–442, 445–451, 453–455, 463
Ходана Т. 133–135, 147, 179, 326, 459
Ходынецкий К. 132, 147
Ходкевич Я.К. 71, 227, 228
Холоденко И. 419

Ч

Чаплинский 445, 447,
Чемоданов И.И. 411–413
Чепчугов И.М. 61
Черепов С. 344
Черкаский Г. 281
Черкаский Д.М. 226, 228
Черкаский И.Б. 132, 135, 137, 194, 226, 256, 355
Черкашенин Б.Ф. 352
Черкашенин Т.Б. 352
Черляков И. 300

Четвертинский Г. 123, 223, 224
Четвертинский З. 446
Чириков С. 338, 339

Ш

Шагин Гирей 149, 159, 211–215
Шах Федор 56
Шевченко Ф.П. 438
Шеин М.Б. 270, 272, 273, 280
Шереметев Ф.И. 353

Щ

Щелкалов А.Я. 41–43
Щербак 331
Щербина Ф. 291
Щетинин П.И. 340, 400–402, 405, 407, 410, 415

Ю

Юрий Данилович 18
Юрий Долгорукий 18

Я

Яблицкий А. 229
Ягеллоны 21
Якимов И., свящ. 397
Ян Глебович 355
Ян Казимир 246, 247, 263, 265–277, 313, 332, 334, 335, 432, 439, 440, 442, 443, 445, 446, 448, 449, 451
Яновский В. 352
Ярослав Всеволодович 18, 105, 106
Ярослав Мудрый 15, 17, 102, 295
Ярослав Ярославич 106
Яцкий 87

Научное издание

Борис Николаевич Флоря

Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right
to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
30,0 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87